9(с)13
П 36
19976
П. 1955 г.

В. ПИЧЕТА.

Аграрная реформа Сигизмунда-Августа въ Литовско-Русскомъ государствѣ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Подготовка и производство реформы.

МОСКВА.
Синодальная Типографія.
1917.

19976

Пр. 2010

71 V

В. ПИЧЕТА.

АГРАРНАЯ РЕФОРМА СИГИЗМУНДА-АВГУСТА

ВЪ

ЛИТОВСКО-РУССКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ.

19976

2/VII/r. 22.

182

Топографический О.Г.У. каталог

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Подготовка и производство реформы.

Фундамент. ч. библиот. №. Свердл. Гос. Университет.

МОСКВА.
Синодальная Типографія.
1917.

Топографический О.Г.У. каталог

9(С)13
П36

Пр. 1955 г.

ПАМЯТИ

безвременно ушедшихъ

матери,

братьевъ-студентовъ Коти и Саши

и

дочери Вѣры.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предметомъ моего изслѣдованія является аграрная реформа въ Литовско-Русскомъ государствѣ, осуществленная при Сигизмундѣ-Августѣ въ началѣ второй половины XVI вѣка.

Изученіе ея—очередная задача русской исторической науки, долгое время сравнительно мало удѣлявшей вниманія исторіи Литовско-Русскаго государства. Полное затишье царило въ дѣлѣ изученія историческихъ судебъ послѣдняго вплоть до появленія въ 1892 г. большого изслѣдованія М. К. Любавскаго, ставшаго отправнымъ пунктомъ для всѣхъ изслѣдователей прошлаго Литовско-Русскаго княжества, все равно расходились ли изслѣдователи съ М. К. Любавскимъ, или нѣтъ. Труды Ѳ. И. Леонтовича, М. В. Довнаръ-Запольскаго, М. Ф. Владимирскаго-Буданова появилися въ свѣтъ въ значительной степени подъ вліяніемъ работы М. К. Любавскаго, открывшей передъ изслѣдователями блестящія перспективы и большія возможности. И другая большая работа М. К. Любавскаго, вышедшая въ свѣтъ въ 1901 году, оказала вліяніе на предметъ изслѣдованій Н. А. Максимейко, И. И. Лаппо и І. Малиновскаго. Благодаря всѣмъ этимъ изслѣдованіямъ, вопросы, связанные съ организаціей центральныхъ и провинціальныхъ учрежденій, были изучены почти исчерпывающимъ образомъ. Сравнительно мало вниманія было удѣлено предыдущей исторіографіей финансово-экономическимъ проблемамъ. Изслѣдованія М. В. Довнаръ-Запольскаго отчасти заполнили этотъ существенный пробѣлъ въ исторіографіи. Въ частности, М. В. Довнаръ-Запольскій въ своихъ «Очеркахъ по исторіи организаціи западно-русскаго крестьянства въ XVI вѣкѣ» подошелъ къ важнѣйшей экономической проблемѣ—аграрной реформѣ второй половины XVI вѣка и освѣтилъ её въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ весьма отчетливо и подробно. Дальнѣйшее изученіе аграрной реформы должно отправляться отъ только что названной работы М. В. Довнаръ-Запольскаго.

Мое изслѣдованіе разбивается на двѣ части. Въ первой изъ нихъ я останавливаюсь на подготовкѣ и производствѣ реформы. Вторая часть посвящена отношеніямъ разныхъ общественныхъ группъ къ аграрной реформѣ и характеристикѣ политики правительства Сигизмунда-Августа въ эпоху осуществленія смѣлой и грандіозной реформы, а также опыту изученія статики двороваго господарскаго хозяйства послѣ введенія аграрной реформы. Выпуская на судъ ученой критики свое изслѣдованіе, не могу не выразить большой признательности М. К. Любавскому, всегда съ неизмѣннымъ вниманіемъ относившемуся къ моимъ ученымъ занятіямъ. Авторъ вспоминаетъ съ благодарностью совѣты и указанія М. В. Довнаръ-Запольскаго въ бытность послѣдняго приватъ-доцентомъ Московскаго Университета.

Предупредительное отношеніе служащихъ Архива Министерства Юстиціи въ значительной степени облегчили мои архивныя занятія. Услуги, оказанныя мнѣ А. С. Орловымъ, Е. С. Арабаджи и Н. И. Соковниной, ускорили выходъ моего изслѣдованія. Я прошу всѣхъ принять мою искреннюю благодарность.

Значительное увеличеніе расходовъ по печатанію моего изслѣдованія, въ связи съ общими условіями дороговизны жизни, побудило меня обратиться за матеріальной поддержкой къ «Кружку помощи профессорамъ и преподавателямъ Московскаго Университета, вышедшимъ въ отставку въ 1911 году». Я получилъ щедрую помощь, въ значительной степени уменьшившую мои расходы по печатанію книги. Я буду всегда вспоминать съ глубокой благодарностью объ оказанной мнѣ поддержкѣ.

1 Марта 1917 г.

АГРАРНАЯ РЕФОРМА СИГИЗМУНДА-АВГУСТА

въ

ЛИТОВСКО-РУССКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ.

ВВЕДЕНІЕ.

Аграрная реформа Сигизмунда-Августа въ исторической литературѣ.

Аграрная политика Сигизмунда-Августа и его ближайшихъ преемниковъ давно обратила на себя вниманіе историковъ Литовско-Русскаго государства, но только въ послѣднее время стала предметомъ серьезнаго и детальнаго изученія. Кажется, Чацкій былъ первымъ изслѣдователемъ, обратившимъ свое ученое вниманіе на данный вопросъ. Но по состоянію тогдашнихъ источниковъ, Чацкій могъ сообщить очень немного данныхъ относительно аграрной реформы. Зато имъ была предпринята очень кропотливая работа, именно—вычисленіе размѣровъ литовской волоки и опредѣленіе ея отношенія къ польской волокѣ [1]). Вычисленія Чацкаго были настолько обоснованы и такъ упрочились въ наукѣ, что почти вся послѣдующая исторіографія принимала всѣ вычисленія размѣра волокъ, сдѣланныя имъ. Болѣе подробныя свѣдѣнія объ аграрной политикѣ Сигизмунда были сообщены г. Ярошевичемъ въ его двухтомной работѣ: «*Obraz Litwy*». Ярошевичъ издалъ текстъ «устава о волокахъ», привелъ нѣкоторыя данныя относительно хода самой реформы, одновременно высказавъ нѣсколько соображеній относительно значенія проведенной реформы для экономической жизни финансовой политики Литовско-Русскаго государства [2]). Конечно, соображенія г. Ярошевича отличались большой краткостью. Вѣрнѣе, авторъ больше высказывалъ свои соображенія, чѣмъ доказывалъ, такъ какъ фундаментальный отвѣтъ на данный вопросъ не могъ быть данъ при тогдашнемъ состояніи источниковъ. Больше вниманія удѣлено аграрной политикѣ Сигизмунда II г. Новицкимъ въ его предисловіи къ «Актамъ объ экономическихъ

---

1) *Czazky.* Dziela, I, стр. 243.

2) *Jaroschewicz.* Obraz Litwy, II, стр. 48–120; 269–275.

и юридическихъ отношеніяхъ крестьянъ въ XVI-XVII вѣкахъ». По мнѣнію Новицкаго, аграрная реформа Сигизмунда II противорѣчила господствовавшимъ формамъ крестьянскаго землепользованія, но въ тоже время онъ готовъ признать, что съ точки зрѣнія помѣщичьихъ интересовъ волочная система являлась въ то время наиболѣе интенсивной формой веденія сельскаго хозяйства.[3]) Съ такой оцѣнкой волочной системы, конечно, можно согласиться, только эта цѣнная мысль осталась безъ дальнѣйшаго развитія. Новицкій оставляетъ открытымъ вопросъ, какія ближайшія условія заставили и правительственную власть и помѣщиковъ перейти къ болѣе интенсивнымъ формамъ хозяйства. Изложивъ вкратцѣ содержаніе устава о волокахъ 1557 года и опредѣливъ экономическое положеніе крестьянъ на основаніи даннаго устава, г. Новицкій высказалъ соображеніе, что «вообще въ королевскихъ волостяхъ волочное хозяйство не представляло особенныхъ тягостей для крестьянъ. Нѣкоторыя стороны этого устройства были весьма раціональны: повинности соразмѣрялись не только съ количествомъ, но и качествомъ земли.» Благопріятны также отношенія, по мнѣнію г. Новицкаго, между величиною крестьянской и фольварковой запашки, такъ же какъ и порядокъ взиманія съ крестьянскаго населенія «платежей и даней».[4]) Такимъ образомъ, хотя аграрная реформа и искусственно разрушала преобладавшія среди крестьянъ формы землепользованія, но, въ общемъ, она не ухудшила положеніе крестьянскаго люда на господарскихъ земляхъ; только точно опредѣлила, какъ размѣры земельнаго участка, находившагося въ индивидуальномъ пользованіи крестьянина, такъ и размѣры повинностей, поступавшихъ съ даннаго участка въ господарскій скарбъ. Наблюденія Новицкаго, мимолетно высказанныя, въ общемъ вѣрны для второй половины XVI вѣка, и послѣдующая историографія только болѣе детально и фундаментально обоснуетъ это утвержденіе. Въ 1898 году была опубликована проф. М. В. Довнаръ-Запольскимъ небольшая работа «Берестейское староство во второй половинѣ XVI вѣка». Это опытъ изученія описанія «Берестейскаго староства», составленнаго въ 1566 году, опытъ, несомнѣнно интересный, дающій возможность изучить аграрную реформу Сигизмунда II уже въ дѣйствіи и тѣмъ самымъ провѣрить для «Берестейскаго староства» выводы и умозаключенія г. Новицкаго, хотя оно само по себѣ не можетъ считаться наиболѣе подходящимъ для ха-

---

[3]) Архивъ Юго-Западной Россіи, ч. VI, т. I, стр. 101.

[4]) *Новицкій*, ibid., стр. 111—112.

рактеристики положенія крестьянской массы послѣ введенія аграрной реформы, такъ какъ въ староствѣ, благодаря природнымъ особенностямъ литовскаго Полѣсья, было очень слабо развито господарское хозяйство. Слѣдовательно, экономическое положеніе сельскаго населенія въ староствѣ должно было въ нѣкоторомъ отношеніи существенно отличаться отъ положенія населенія въ тѣхъ областяхъ, гдѣ господарское хозяйство пустило глубокіе корни и гдѣ крестьянская масса въ особенности цѣнилась, какъ рабочая сила.

Въ своемъ опытѣ изученія «Берестейскаго староства» М. В. Довнаръ-Запольскій мимоходомъ коснулся весьма важнаго вопроса въ исторіи аграрной реформы Сигизмунда-Августа—о способахъ измѣренія земельныхъ пространствъ. Указывая, что измѣреніе производилось «волоками, моргами, прутами и шнурами», авторъ считаетъ волоку равной тридцати или тридцати тремъ моргамъ, предполагая для волоки—30 морговъ хорошей земли или 33 морга земли плохого качества. Примѣненіе при измѣреніи земель на волоки двухъ видовъ волоки, по мнѣнію автора, было вызвано стремленіемъ со стороны ревизоровъ «къ равномѣрному распредѣленію податей и повинностей» [5]). По мнѣнію автора, волока всегда и вездѣ была опредѣленной единицей, «величина которой колебалась въ зависимости отъ качества почвы» [6]). Въ зависимости отъ этого, М. В. Довнаръ-Запольскій предполагаетъ непремѣнно въ волокѣ 30 или 33 морга. Вслѣдъ за Горбачевскимъ, давшимъ впервые размѣры волоки въ русскихъ мѣрахъ, г. Довнаръ-Запольскій считаетъ въ волокѣ изъ 30 морговъ 19,56423 десят. или 46940,956 кв. русск. саж.; въ волокѣ изъ 33 морговъ будетъ 20,96 десят. по приблизительному разсчету.[7]) Затѣмъ морги, въ свою очередь, дѣлятся на препты, въ каждомъ моргѣ 30 прутовъ или прентовъ. Приведенныя М. В. Довнаръ-Запольскимъ свѣдѣнія относительно поземельныхъ мѣръ, которыми производилось измѣреніе земли, не совсѣмъ точны. Прежде всего едвали правильно утвержденіе М. В. Довнаръ-Запольскаго, что разница въ размѣрахъ волоки исключительно зависѣла отъ качества почвы. Такъ въ писцовой книгѣ Гродненской экономіи полевая волока равняется 33 моргамъ и почти не встрѣчается волока въ 30 морговъ, несмотря на хорошій грунтъ, тогда какъ въ сѣножатной волокѣ всегда только 30 морговъ. Правда, объ

---

[5]) Кіев. Ун. Изв. 1898, II, стр. 3.
[6]) Ibid., стр. 3.
[7]) Ibid., стр. 3.

этомъ нѣтъ прямого упоминанія въ самой Писцовой книгѣ, но это легко вычислить, принявъ во вниманіе размѣры денежныхъ поступленій съ каждой волоки вообще и съ каждаго морга въ отдѣльности [8]), Обыкновенная плата за одинъ моргъ хорошихъ сѣножатей равнялась 5 пенязамъ и 15 грошамъ съ волоки. Слѣдовательно, одна сѣножатная волока равнялась 30 моргамъ. Въ случаѣ плохого качества сѣножатей, конечно, нормальная плата, слѣдуемая съ нихъ, понижалась, но количество морговъ оставалось въ сѣножатной волокѣ—прежнее 30 [9]). Уже эти соображенія говорятъ противъ категоричности утвержденій М. В. Довнаръ-Запольскаго. При измѣреніи на волоки Пинскаго и Клецкаго княжествъ пинскимъ старостой паномъ Станиславомъ Хвальчевскимъ обыкновенно—волока принималась размѣромъ въ 30 морговъ[10]). При измѣреніи на волоки городовъ Брянска и Саража въ 1560-1561 году принималась волока равной 30 моргамъ, что принимаетъ и М. В. Довнаръ-Запольскій. Что касается устава о волокахъ, то послѣдній считаетъ нормальной полевой волокой—волоку въ 33 морга, по 11 морговъ въ каждомъ изъ трехъ полей. Во всякомъ случаѣ, данныя приводимыя М. В. Довнаръ-Запольскимъ отчасти расходятся съ другими фактами. Слѣдовательно, категорическое утвержденіе автора едва-ли можетъ быть принято, и весь вопросъ требуетъ пересмотра [11]). Наконецъ, остается въ той же работѣ невыясненнымъ отношеніе прута къ шнуру, что, конечно, необходимо опредѣлить для изученія тѣхъ мѣръ, какими производилось волочное измѣреніе. Затѣмъ, попытавшись приблизительно вычислить степень населенности староства и указавъ на пріемы ревизоровъ при составленіи переписки дворовъ, М. В. Довнаръ-Запольскій переходитъ къ анализу экономическаго быта населенія. Изучивъ детально повинности населенія и отмѣтивъ, что въ повинностномъ отношеніи все Берестейское староство дѣлилось на 4 группы, М. В. Довнаръ-Запольскій, къ сожалѣнію, оставляетъ вопросъ открытымъ о степени тяжести для населенія произведенной аграрной реформы. Такимъ образомъ, кое-что изъ положеній М. В. Довнаръ-Запольскаго требуетъ пересмотра, но его работа несомнѣнно цѣнна.

Отчасти пришлось коснуться волочной помѣры и М. Ф. Владимирскому-Буданову въ статьѣ «Крестьянское землевладѣніе въ Западной

[8]) Писц. кн. Гродн. Экон., I, Вильна 1881 г., стр. 73, 79 и passim.
[9]) Ibid., стр. 137.
[10]) Писц. Кн. Пинск. и Клец. княжествъ, I, Вильна 1876 г., стр. 3.
[11]) Кіевск. Унив. Изв., 1898, II, стр. 3—4.

Россіи до половины XVI вѣка». Изучая владѣнія на невольной службѣ, М. Ф. Владимирскій-Будановъ, между прочимъ, коснулся тѣхъ перемѣнъ, которыя произошли въ положеніи челяди невольной съ производствомъ аграрной реформы, пользуясь для этого «Писцовой книгой Пинскаго и Клецкаго княжествъ», составленной въ 1552-1555 г. паномъ Хвальчевскимъ. Изученіе матеріала позволило М. Ф. Владимирскому-Буданову придти къ выводу, что съ производствомъ аграрной реформы вся челядь невольная была посажена на землю, причемъ ей обыкновенно отдавалась прежняя земля, на которой она раньше сидѣла, или нарѣзывались новые небольшіе земельные участки, если таковыхъ не было раньше во владѣніи рабовъ. Такое осѣданіе на землю, по мнѣнію изслѣдователя, явилось началомъ уравненія ихъ съ другими сельскими элементами относительно пользованія землей, хотя окончательнаго сравненія челяди невольной съ свободными крестьянами не произошло. Рабство продолжаетъ существовать до конца XVI вѣка. Изученіе Писцовой книги Пинскаго и Клецкаго княжествъ позволило также подмѣтить, что съ производствомъ аграрной реформы «часть челяди совсѣмъ выводится изъ положенія невольной службы и, при измѣреніи на волоки, допускается къ занятію волокъ наравнѣ съ свободными; въ такомъ случаѣ ихъ прежнія «парабоцкія» земли раздаются остальной челяди»[12]). Хотя приведенныя М. Ф. Владимирскимъ-Будановымъ соображенія—отнюдь нисколько не характерны для состоянія крестьянскаго землевладѣнія первой половины XVI вѣка и даже находятся въ рѣзкомъ противорѣчіи съ общей картиной положенія «челяди невольной», тѣмъ неменѣе его наблюденія слѣдуетъ признать очень цѣнными и съ ними, конечно, необходимо считаться. Самъ авторъ констатировалъ только фактъ сближенія челяди невольной съ крестьянствомъ, отнюдь не пытаясь объяснить начавшійся процессъ какими бы то ни было общими соображеніями.

Волочной помѣры Сигизмунда-Августа касается также М. В. Довнаръ-Запольскій въ своей большой работѣ «Государственное хозяйство при Ягеллонахъ». Авторъ не изучаетъ самой реформы, а только исключительно выясняетъ ея значеніе для государственнаго хозяйства, и съ этой стороны наблюденія М. В. Довнаръ-Запольскаго имѣютъ очень большую цѣность. Тѣмъ не менѣе ему пришлось коснуться и

---

[12]) *М. Ф. Владимирскій-Будановъ.* Очерки изъ исторіи литовско-русскаго права, в. III, Кіевъ, 1893 г., стр. 24—25.

самой реформы и выяснить ея ближайшія задачи и цѣли. Причинами аграрной реформы, по мнѣнію изслѣдователя, были происшедшія перемѣны въ соціальныхъ и экономическихъ отношеніяхъ въ первой половинѣ XVI вѣка. Авторъ не выясняетъ перемѣнъ послѣднихъ, но констатируетъ превращеніе землевладѣльца изъ собирателя даней въ помѣщика хозяина, часто крупнаго экспортера лѣса, хлѣба, тщательно слѣдившаго за тогдашней экономической литературой, учившей его лучшему извлеченію доходовъ изъ земли, лѣса, скота и, конечно, изъ подданныхъ [13]).

На той же точкѣ зрѣнія стояло и само литовско-русское правительство. Опубликовывая свой знаменитый волочный уставъ, правительство, однако, не выяснило офиціально цѣлей и задачъ реформы, но этотъ офиціальный пробѣлъ былъ впослѣдствіи заполненъ неоднократными правительственными разъясненіями по различнымъ поводамъ. Аграрная реформа Сигизмунда-Августа преслѣдовала «размноженіе пожитковъ», должна была прекратить разнаго рода злоупотребленія, причиняемыя плательщикамъ налоговъ господарскими урядниками. Несмотря на то, что осуществленіе аграрной реформы вело къ усиленію опеки надъ населеніемъ, тѣмъ не менѣе, по мнѣнію М. В. Довнаръ-Запольскаго, дѣятелей реформы никоимъ образомъ «нельзя обвинить въ эксплуататорскихъ стремленіяхъ по отношенію къ подданнымъ; въ ихъ распоряженіяхъ иногда просвѣчиваетъ тѣнь недовѣрія къ крестьянину, но несомнѣнно они заботились о его благосостояніи.» [14])

Осуществленіе широкаго плана «размноженія господарскихъ пожитковъ» должно было привести къ полному уничтоженію старой системы хозяйства. Для достиженія послѣдняго правительство было занято провѣркой правъ на землевладѣніе шляхты, что было крайне трудно при тогдашнихъ поземельныхъ отношеніяхъ. Одновременно съ провѣркой правъ на землевладѣніе, дѣятели реформы были заняты уничтоженіемъ чрезполосицы и округленіемъ господарскихъ имѣній. Послѣдняя забота была очень трудна, и «трудность ея заключалась не только въ громадности межевой работы, но и въ томъ, что правительству приходилось считаться съ нежеланіемъ предъявлять документы, коими бы оправдано было ихъ право владѣнія землей.» [15])

---

[13]) *М. В. Довнаръ-Запольскій.* Государственное хозяйство при Ягеллонахъ, стр. 9. Кіевъ, 1902.

[14]) Opus cit., стр. 295.

[15]) Opus cit., стр. 296.

Благодаря этому, литовско-русская шляхта была настроена довольно враждебно по отношенію къ реформѣ Сигизмунда-Августа и неоднократно пыталась ее затормозить, подавая королю разнаго рода челобитія, считая аграрную реформу Сигизмунда-Августа въ нѣкоторомъ родѣ нарушеніемъ шляхетскихъ правъ и привилегій. Уничтоженіе черезполосицы путемъ отчужденія шляхетскихъ имѣній, по мнѣнію М. В. Довнаръ-Запольскаго, обошлось дорого господарскому скарбу: приходилось скарбу дѣлать за отчуждаемыя земли весьма солидныя уступки. Кромѣ того приходилось выкупать еще «нѣкоторыя права, бывшія на державахъ. Къ нимъ относятся церковныя десятины, наслѣдственныя войтовства, доходы урядниковъ»[16]). Послѣдніе съ проведеніемъ аграрной реформы подвергались значительному сокращенію. Впрочемъ, вся эта картина выкупной операціи, думаетъ вышеназванный изслѣдователь, не можетъ быть представлена за отсутствіемъ данныхъ. Можно только привести отдѣльные факты, сослаться на тѣ или другія правительственныя распоряженія, которыя могутъ дать представленіе о ходѣ всей выкупной операціи. Съ проведеніемъ волочной помѣры во всѣхъ господарскихъ дворахъ было заведено фольварочное хозяйство. Заботилось также правительство и объ улучшеніи скотоводства, лѣсного и конюшеннаго хозяйства, а также объ эксплуатаціи другихъ отраслей хозяйства и природныхъ богатствъ Литвы[17]). Выяснивъ общія задачи и цѣли реформы и коснувшись отчасти вопроса объ ея осуществленіи, М. В. Довнаръ-Запольскій переходитъ къ краткой характеристикѣ—другой стороны реформы—устройства крестьянства. Аграрная реформа существеннымъ образомъ измѣнила бытъ крестьянства и прежде всего коснулась его съ финансовой и сельскохозяйственной стороны. Измѣнился видъ села, была заведена новая система хозяйства, была введена новая окладная единица—волока, вмѣсто прежнихъ довольно неопредѣленныхъ понятій: службы, дворища[18]). Глухо опредѣливъ размѣры волоки, М. В. Довнаръ-Запольскій касается преимуществъ волоки, какъ единицы обложенія, сравнительно съ древнѣйшими службами и дворищами. Установленіе опредѣленнаго надѣла давало полную возможность распредѣлить эти надѣлы сообразно съ рабочими силами крестьянскихъ семей, такъ какъ мало—рабочія семьи брали одну волоку на двѣ, три семьи, и

---

[16]) Opus cit., стр. 300.
[17]) Opus cit., стр. 305.
[18]) Opus cit., стр. 307.

наоборотъ; много—рабочія семьи брали по нѣсколько волокъ. Наконецъ, оставшіеся неразобранными волоки и отрѣзки могли быть розданы за плату постороннимъ лицамъ [19]). Съ проведеніемъ аграрной реформы въ значительной степени увеличился земельный фондъ, которымъ располагало правительство, такъ какъ волочному измѣренію подвергались такія земли, которыя раньше не были облагаемы, какъ куничныя земли, пустоши, роспаши, не бывшія раньше въ окладѣ [20]).

Благодаря введенію новой окладной единицы явилась возможность установить равномѣрность обложенія въ зависимости отъ качества тѣхъ земельныхъ участковъ, которые находились во владѣніи подданныхъ. Наконецъ, со введеніемъ волоки, какъ единицы обложенія, плательщикъ налоговъ сталъ въ непосредственныя отношенія къ правительству и теперь не могъ ускользнуть «отъ регистраціи», растворяясь въ сябриной семьѣ [21]). Новая окладная единица въ хозяйственномъ отношеніи представляла большія удобства. Явилась полная возможность перевести все населеніе на чиншъ, оставивъ только необходимое количество дворовыхъ слугъ. Точно также правительство могло поступить и съ ремесленниками, излишекъ которыхъ переводился также на чиншъ. Впрочемъ, изслѣдователь отмѣчаетъ двойственное отношеніе правительства къ вопросу о ремесленникахъ. Имъ отмѣчено, что «наказъ старостамъ настойчиво совѣтуетъ брать крестьянскихъ дѣтей особенно изъ семействъ, гдѣ много сыновей и отдавать ихъ въ ремесла: это гораздо лучше, чѣмъ оставлять ихъ «простаками». Такіе ремесленники пригодятся для двора. Впрочемъ, тотъ же наказъ добавляетъ, что «если бы оказался въ нихъ излишекъ, то они будутъ сидѣть на платѣ», такъ что по существу протоворѣчія нѣтъ никакого. Благодаря этому, огромное количество крестьянскаго населенія сидѣло на чиншѣ [22]).

Осуществленіе намѣченныхъ правительствомъ хозяйственныхъ мѣропріятій потребовало организаціи довольно сложнаго административнаго механизма, въ частности посылались ревизоры, «которые съ пожитковъ его королевское милости а безъ обтежливости подданныхъ могли постановить, что потребнаго обачивши, старостамъ, державцамъ и урядникамъ науку давать и пильне, чуйне и дбале, водле

---

[19]) Opus cit., стр. 308.
[20]) Opus cit., стр. 309.
[21]) Opus cit., стр. 310.
[22]) Opus cit., стр. 312.

повинное веры свое отъ его кролевское милости на нихъ приложоное маютъ ся заховати и ку пожиткамъ его кролевское милости приводити.» [23])

Въ зависимости отъ этого, по разнымъ соображеніямъ, постановленныя повинности могли уменьшаться или увеличиваться и вообще подвергаться разнаго рода колебаніямъ [24]). Изучая вліяніе аграрной реформы на государственное хозяйство, М. В. Довнаръ-Запольскій приходитъ къ выводу, что она несомнѣнно увеличила доходы скарба, такъ какъ «ревизоры открыли цѣлый рядъ доходныхъ статей, которыя раньше или совсѣмъ не эксплуатировались, или не доходили въ скарбъ, да къ тому новыя повинности несомнѣнно были тяжелѣе старыхъ [25]).

Наконецъ, однимъ изъ слѣдствій аграрной реформы Сигизмунда-Августа слѣдуетъ считать разложеніе натуральнаго хозяйства и постепенный его переходъ въ денежное. Хотя наблюденія М. В. Довнаръ-Запольскаго надъ аграрной политикой литовско-русскаго правительства довольно отрывочны и не могутъ дать полнаго представленія о самой реформѣ, тѣмъ не менѣе они имѣютъ большую научную цѣнность, такъ какъ по существу впервые давали фактическія свѣдѣнія объ аграрной реформѣ и вліяніи ея на государственное хозяйство и положеніе крестьянской массы. Наблюденія М. В. Довнаръ-Запольскаго сохраняютъ свою цѣнность и въ настоящее время, и изслѣдователю аграрной политики Сигизмунда II нельзя съ ними не считаться.

Изучая государственное хозяйство при Ягеллонахъ, М. В. Довнаръ-Запольскій долженъ былъ коснуться доходовъ, поступавшихъ въ господарскій скарбъ съ лѣсного хозяйства и городскихъ общинъ. Давъ краткую характеристику лѣсного хозяйства до введенія устава 1566 года, изслѣдователь изучаетъ веденіе пореформеннаго лѣсного хозяйства, когда лѣса были измѣрены, кое-гдѣ расчищены на волоки и розданы подданнымъ [26]). Говоря о городскихъ поступленіяхъ въ господарскій скарбъ, изслѣдователь мелькомъ говоритъ объ уставѣ 1557 года и вообще только попутно касается вопроса о вліяніи волочной помѣры на экономическое положеніе городскихъ общинъ,

---

[23]) Opus cit., стр. 314.
[24]) Opus cit., стр. 315.
[25]) Opus cit., стр. 316.
[26]) Opus cit., стр. 318—329.

необладавшихъ нѣмецкимъ правомъ, а также на характеръ городскихъ поступленій въ господарскій скарбъ[27]). Несмотря на нѣкоторую краткость изложенія, и въ этихъ главахъ найдется не мало интересныхъ наблюденій и соображеній, безъ которыхъ изслѣдователь аграрной политики Сигизмунда-Августа во всякомъ случаѣ не можетъ обойтись. Какъ бы ни были кратки свѣдѣнія, сообщенныя М. В. Довнаръ-Запольскимъ объ аграрной реформѣ и другихъ, связанныхъ съ нею мѣропріятій правительства, все-таки они впервые познакомили съ самой реформой и показали, какъ широко и всесторонне охватывала реформа народную жизнь и насколько радикально она измѣнила старое хозяйство, введя новую сельско-хозяйственную технику и новые способы эксплуатаціи различныхъ дворовыхъ доходныхъ статей, до сихъ поръ лежавшихъ втуне или приносившихъ господарскому скарбу весьма незначительный доходъ. Наконецъ, тотъ же авторъ, такъ много сдѣлавшій для выясненія финансовой стороны реформы, въ 1905 г. выпустилъ трудъ, спеціально посвященный аграрной реформѣ во второй половинѣ XVI вѣка, подъ общимъ заглавіемъ «Очерки по организаціи западно-русскаго крестьянства во второй половинѣ XVI вѣка». Эта работа, конечно, во многихъ отношеніяхъ интересна и заслуживаетъ полнаго вниманія со стороны изслѣдователя. Кромѣ того—она впервые даетъ полное описаніе внѣшняго хода самой аграрной реформы. Авторомъ привлечено не мало новаго матеріала, основательно изученъ и уже извѣстный, ранѣе опубликованный. На свою задачу авторъ смотритъ довольно широко; онъ выясняетъ причины аграрной реформы, указываетъ на подготовительныя мѣры со стороны литовскаго правительства по проведенію самой реформы и, наконецъ, даетъ внѣшнюю схему хода реформъ, поскольку это позволяло сдѣлать состояніе источниковъ. Книга автора разбивается на три неравныя части: въ первой части авторъ детально говоритъ о судьбѣ западно-русской волостной и сельской общины, во второй части—спеціально объ аграрной реформѣ. Наконецъ въ третьей части дается заключеніе. По плану работы первая часть должна была быть тѣсно связана со второй, и судьбою волостной и сельской общины отчасти слѣдовало бы объяснить аграрную реформу Сигизмунда-Августа. Это мнѣніе М. В. Довнаръ-Запольскаго можно уловить изъ общей концепціи его книги. Но въ работѣ это по тѣмъ или другимъ соображеніямъ оказалось неосуществленнымъ. Два первыхъ очерка ни въ какой

---

[27]) Opus cit., стр. 329—345.

органической связи по отношенію другъ къ другу не состоятъ, и такая несвязность, конечно, составляетъ весьма существенное методологическое опущеніе автора.

Подводя итоги своимъ наблюденіямъ надъ судьбами западно-русской сельской и волостной общины, М. В. Довнаръ-Запольскій констатируетъ ея фактическое вырожденіе. Это выражалось въ постепенномъ нарушеніи и исчезновеніи принципа «старины», на которомъ строилась вся общественная жизнь волости и которымъ опредѣлялось повинностное отношеніе населенія къ господарскому скарбу и провинціальной администраціи. Вырожденіе общины, по мнѣнію изслѣдователя, выражалось въ стремленіяхъ со стороны администраціи рѣзко нарушить тотъ принципъ «старины», которымъ опредѣлялось повинностное положеніе населенія. Авторъ съ ясностью, не вызывающей никакихъ сомнѣній, приводитъ не мало данныхъ, констатирующихъ упорныя попытки со стороны администраціи тѣмъ или инымъ путемъ измѣнить тотъ обычай, на которомъ строились финансовыя повинности населенія. Авторъ указываетъ и на то сопротивленіе, которое волость обнаруживала въ отвѣтъ на попытки администраціи, даетъ не мало примѣровъ, указывающихъ, что иногда и сама центральная власть становилась на сторону волости и отдавала распоряженіе «не рухать старины»[28]). Конечно, всѣ эти данныя несомнѣнно вѣрны; съ ними нельзя не считаться изслѣдователю. Но за то вотъ какіе вопросы, невольно возникающіе при чтеніи этой главы, не получили отвѣта въ его книгѣ. Авторъ не указываетъ причинъ, заставлявшихъ администрацію идти противъ «старины» и вступать въ конфликтъ съ волостью. Не отмѣчаетъ также уважаемый авторъ, почему литовское правительство сплошь и рядомъ въ спорахъ волости съ населеніемъ занимало иногда двойственное положеніе. Вѣдь поведеніе администраціи нельзя разсматривать, какъ произвольный актъ, какъ желаніе поживиться за счетъ волости. Администрація это дѣлала съ одобренія центральной власти, правда молчаливаго, и только въ напряженныя минуты борьбы администраціи съ волостью она вѣроломно оставляла послѣднюю и переходила временно на сторону волости. Очевидно, во всемъ этомъ былъ нѣкоторый хозяйственный планъ, который правительство осуществляло, хотя и несовсѣмъ удачно. Но онъ остался невыясненнымъ, а потому и дѣйствія администраціи не

---

[28]) *М. В. Довнаръ-Запольскій.* Очерки по организаціи западно-русскаго крестьянства въ XVI вѣкѣ. Кіевъ 1905, стр. 1—155.

получили должнаго освѣщенія. Постепенное вырожденіе волости выражалось также, по мнѣнію автора, и въ томъ, что изъ нея выходили отдѣльныя лица, которыя хотя и сохраняли за собой право на общинную землю, однако получали «особую службу» на чиншѣ. Кромѣ того, иногда общинной землей завладѣвали служилые элементы, что также нарушало равновѣсіе общины. Конечно, бѣда для волости была не столь велика, если какой-нибудь бояринъ садился на тяглой землѣ и освобождался, на основаніи офиціальнаго распоряженія, отъ тяглой службы. Гораздо печальнѣе обстояло дѣло, когда шляхтичи становились обладателями населенной земли, когда послѣдніе получали въ свою пользу не только старостинскіе доходы, а всѣ или часть господарскихъ податковъ[29]). При такомъ условіи, внутренняя самостоятельность волости оставалась чисто фиктивной. Выборную администрацію тогда отстраняла помѣщичья власть. Еще тяжелѣе было для волости, когда разбивалось ея единство тѣмъ, что часть волостной земли попадала въ руки служилаго элемента, и при этомъ ея «люди», издавна тянувшіе всѣ государевы податки съ волостей, пользуясь защитой своихъ помѣщиковъ, отказывались платить тягло. Правда, недовольные волостные люди, не желавшіе увеличивать раскладки, падавшей на нихъ, подавали «челобитья», вчиняли иски. Но эти «иски» стоили денегъ, да къ тому же не всегда кончались въ пользу челобитчиковъ. Такое нежеланіе платить подати, конечно, во многомъ было убыточно для правительства, если такой финансовый иммунитетъ принималъ огромные размѣры. Въ такихъ случаяхъ вмѣшивалась сама правительственная власть, и возстанавливала нарушенное право волости. Наконецъ, къ условіямъ, способствовавшимъ разложенію волости М. В. Довнаръ-Запольскій относитъ выдѣленіе изъ волости городовъ[30]). Конечно, эти условія дѣйствовали въ указанномъ авторомъ направленіи, но какія внѣшнія именно условія ускоряли этотъ процессъ разложенія общины—на эти очень важные вопросы изслѣдователь не даетъ никакого отвѣта. А обойти ихъ мимо, конечно, нельзя, иначе интересующее явленіе, очень характерное для хозяйственной эволюціи Литовско-Русскаго государства останется невыясненнымъ, безпричиннымъ. Разлагавшаяся волость, однако, умирала медленно и временами даже выигрывала сраженіе и у правительства, и у администраціи. Ее даже сначала не тронула аграрная реформа Сигизмунда-

---

[29]) Ibid., стр. 39.
[30]) Ibid., стр. 43.

Августа. Авторъ, констатируя существованіе волости и въ болѣе позднее время, однако не выясняетъ причинъ столь несомнѣнно интереснаго явленія, а между тѣлъ правильная оцѣнка его возможна только въ томъ случаѣ, если эволюцію волостной общины въ сторону ея разложенія поставить въ самую тѣсную связь съ хозяйственной жизнью страны. Точно также нельзя выяснить, почему волочная помѣра сначала не коснулась волостей, если не обратить вниманія на экономическое положеніе восточныхъ волостей.

Вторая часть работы, какъ мы уже говорили, спеціально касается крестьянской реформы половины XVI вѣка и не находится въ органической связи съ первой[31]). Описаніе реформы дано довольно полное. Авторомъ основательно и достаточно полно использованы сохранившіеся источники. Аграрная реформа Сигизмунда-Августа ставится М. В. Довнаръ-Запольскимъ въ тѣсную связь съ экономической эволюціей, переживаемой во второй половинѣ XVI вѣка Литвой. Къ сожалѣнію, характеристика этого перелома слишкомъ кратка и даетъ только одну голую схему. Конечно, съ авторомъ нельзя не согласиться, „что во второй половинѣ XVI вѣка, охотничьи промыслы постепенно уступаютъ первенствующее мѣсто скотоводству и земледѣлію, что совершается подъ вліяніемъ новыхъ потребностей западно-европейскаго рынка“. Слѣдуетъ только внести небольшую поправку въ только что высказанное утвержденіе автора. Перемѣна хозяйственнаго уклада совершалась далеко не во всѣхъ пока областяхъ: въ тиски новыхъ хозяйственныхъ формъ были захвачены только мѣстности близкія къ европейскому рынку. На этой территоріи и была раньше всего осуществлена аграрная реформа. Подъ вліяніемъ новыхъ экономическихъ отношеній усложнились и интересы государственнаго фиска, явилась необходимость увеличенія государственныхъ доходовъ, а послѣднее было возможно только посредствомъ перехода къ болѣе интенсивнымъ формамъ хозяйства. Съ этой цѣлью правительство произвело кадастръ королевскихъ земель. Производство кадастра въ западныхъ областяхъ привело къ радикальному измѣненію всего хозяйственнаго строя литовско-русскаго крестьянства, въ восточныхъ областяхъ пока пришлось ограничиться точнымъ опредѣленіемъ „повинностей“ къ господарскому скарбу. Указывая два направленія въ хозяйственной политикѣ литовско-русскаго правительства, М. В. Довнаръ-Запольскій не касается, однако, причинъ

[31]) Ibid., стр. 155—286.

такого двойственнаго направленія политики Сигизмунда-Августа. Между тѣмъ, такое „раздвоеніе“, конечно, стало бы яснымъ, еслибы авторомъ предварительно были бы разсмотрѣны вліянія новыхъ хозяйственныхъ условій на западныя и восточныя области. Говоря о самой волочной помѣрѣ, М. В. Довнаръ-Запольскій замѣчаетъ, что послѣдняя была задумана рано, и съ этой цѣлью производились статистическія описанія господарскихъ земель. Эти описанія начались съ 1545 г., причемъ авторъ даетъ довольно детальное описаніе производства самой люстраціи. Затѣмъ такія статистическія описанія коснулись и другихъ областей. Къ сожалѣнію, сохранились изъ нихъ весьма немногія. М. В. Довнаръ-Запольскій, конечно, правъ, признавая за сохранившимися люстраціями первостепенное значеніе для изученія хозяйственнаго состоянія господарскихъ земель. Съ этой стороны, едвали правъ М. К. Любавскій [32]), не придающій имъ значенія какъ экономическому документу и считающій ихъ переписью, предпринятой исключительно только въ оборонительныхъ цѣляхъ. Конечно, ревизіи замковъ нельзя считать приступомъ къ аграрнымъ мѣропріятіямъ; но съ другой стороны, ревизіи все же остаются источникомъ первостепенной важности, дающимъ массу матеріала, для выясненія хозяйственнаго уклада литовскаго государства въ дореформенную эпоху. Приходится признать, что вся исторія подготовки реформы—остается намъ неизвѣстной, и останется таковой навсегда за отсутствіемъ источниковъ. Затѣмъ М. В. Довнаръ-Запольскій далъ подробное и довольно детальное описаніе картины хода волочного измѣренія и ревизіи русскихъ волостей, выяснилъ функціи ревизоровъ господарскихъ державъ и волостей и указалъ на рядъ мѣропріятій правительства, касающихся реформы лѣсного управленія. Сравнительно мало и недостаточно разработана глава о положеніи крестьянъ въ тѣхъ областяхъ, гдѣ была проведена волочная помѣра. Всѣхъ наблюденій автора принять нельзя. Необходимы дальнѣйшія наблюденія и особенно пристальное и детальное изученіе сохранившихся ревизорскихъ описаній. Точно также и вопросъ о сравнительномъ отношеніи повинностей частно-владѣльческихъ крестьянъ къ господарскимъ возможно рѣшить исключительно путемъ изученія частно-владѣльческихъ инвентарей эпохи реформы Сигизмунда-Августа. Наконецъ, указавъ, что волочная помѣра затронула интересы провинціаль-

---

[32]) *М. К. Любавскій.* Отзывъ о работѣ М. В. Довнаръ-Запольскаго „Очерки по организаціи западно-русскаго крестьянства въ XVI в.“, Птр. 1907, стр. 26.

ныхъ урядовъ, М. В. Довнаръ-Запольскій далъ картину положенія и правъ мѣстной господарской администраціи въ пореформенное время. Многія изъ наблюденій автора безусловно вѣрны, но теперь нельзя принять ихъ всѣхъ полностью. Н. Г. Бережковымъ доказано, что „наказъ старостамъ и державцамъ", который М. В. Довнаръ-Запольскій относитъ къ пореформенному времени, изданъ до производства аграрной реформы, и райономъ его дѣйствія является не вся территорія Литовско-Русскаго государства, а исключительно тѣ же области, для которыхъ предназначался уставъ 1529 г.[33]). Работа М. В. Довнаръ-Запольскаго, несмотря на нѣкоторые пропуски и недомолвки и отчасти на не совсѣмъ вѣрное объясненіе отдѣльныхъ фактовъ и явленій, является весьма цѣнной работой, давшей впервые стройную картину аграрной реформы литовско-русскаго правительства. Послѣ М. В. Довнаръ-Запольскаго аграрной реформы касался и М. К. Любавскій въ своемъ академическомъ отзывѣ на книгу М. В. Довнаръ-Запольскаго и въ послѣднемъ своемъ трудѣ „Очерки по исторіи Литовско-Русскаго государства". Кромѣ того, не мало отдѣльныхъ наблюденій, въ особенности, относительно функціи ревизоровъ, сдѣлано М. К. Любавскимъ и въ его „Литовско-Русскомъ сеймѣ". Критическія замѣчанія на книгу М. В. Довнаръ-Запольскаго содержатъ въ себѣ не мало весьма интереснаго матеріала. Главное основное расхожденіе М. К. Любавскаго съ авторомъ труда „Очерковъ по исторіи организаціи западно-русскаго крестьянства въ XVI вѣкѣ" заключается во взглядахъ на причины реформы.

М. К. Любавскій, говоря о послѣднихъ, указываетъ на ростъ государственныхъ потребностей, на необходимость увеличенія поступленій въ господарскій скарбъ, благодаря осложнившемуся военному положенію. Отрицать вліяніе этихъ условій, конечно, не приходится, но вѣдь и самый переходъ къ волочной помѣрѣ сталъ возможенъ исключительно потому, что сложилась весьма благопріятная хозяйственная конъюнктура, которая дѣйствительно давала возможность радикально измѣнить хозяйственныя отношенія въ организаціи крестьянства, а удовлетвореніемъ спроса европейскаго рынка на сырые продукты — восполнить увеличивавшіяся потребности господарскаго скарба. Наконецъ, общій очеркъ аграрной реформы кромѣ «Очерковъ по исторіи Литовско-Русскаго государства» можно найти

---

[33]) *Н. Г. Бережковъ*. „Устава замковъ, державъ и дворцовъ" Сигизмунда-Августа, предшествовавшая „волочной уставѣ", отд. от.

также въ «Історіи Украіни Руси» М. С. Грушевскаго съ цѣлымъ рядомъ интересныхъ наблюденій и замѣчаній [34]). Къ сожалѣнію, и этотъ почтенный изслѣдователь не выяснилъ причинъ аграрной реформы и не далъ полной картины экономическаго состоянія Литовско-Русскаго государства во второй половинѣ XVI вѣка, хотя въ той же «Історіи Украіни Руси» можно найти весьма детальное, хотя и не полное описаніе состоянія внѣшней торговли, преимущественно юго-западной части государства.

Таково состояніе исторіографіи по исторіи аграрной реформы. Несмотря на то, что уже многое сдѣлано предъидущей исторіографіей, преимущественно трудами М. В. Довнаръ-Запольскаго и отчасти М. К. Любавскаго, вопросъ все-таки считать исчерпаннымъ нельзя.

---

[34]) *М. С. Грушевскій.* „Історія Украіни Руси", т. V и VI.

19976

I.

Литовско-Русское государство наканунѣ аграрной реформы.

I.

Внѣшняя политика и господарскіе финансы.

Внѣшнее положеніе Литвы къ началу XVI вѣка. Перемиріе съ Москвой въ 1503 году. Москва и Литва при Сигизмундѣ I. Москва и Литва въ началѣ правленія Сигизмунда II. Татаро-Литовскія отношенія въ первой половинѣ XVI вѣка. Состояніе господарскаго скарба въ первой четверти XVI столѣтія. Мѣры къ его наполненію: сборъ серебщины 1522 г. Экстренный налогъ 1529 г. Серебщины во второй четверти XVI вѣка. Отношеніе шляхты къ сбору серебщины. Серебщина 1552 года. Разореніе шляхты и необходимость новыхъ источниковъ доходовъ. Увеличеніе производительности господарскихъ имѣній—единственно раціональное средство для увеличенія скарбовыхъ поступленій.

Къ началу XVI вѣка внѣшнее положеніе Литовско-Русскаго государства было довольно тяжелымъ. Между сосѣдней Москвой и княжествомъ много лѣтъ шла упорная борьба, требовавшая съ обѣихъ сторонъ большой настойчивости и значительнаго напряженія своихъ силъ, какъ военныхъ, такъ и матеріальныхъ. Москва была нападающей стороной, тогда какъ Литва оборонялась. Москва стремилась захватить пограничныя чернигово-сѣверскія княжества, присоединить къ себѣ Смоленскъ, стать твердой ногой на верховьяхъ Днѣпра, чтобы отсюда распространить свое вліяніе на западъ въ сторону Западной Двины и на югъ внизъ по Днѣпру. Московская политика была весьма отчетлива и недопускала никакихъ другихъ толкованій. Москвѣ былъ необходимъ захватъ торговыхъ путей, ибо безъ нихъ трудно было поддерживать какія бы то ни было сношенія съ Западной Европой. Путь въ послѣднюю лежалъ черезъ мѣстности, населенныя русской народностью, вошедшей въ составъ Литовско-Русскаго государства, а потому борьба за торговые пути постепенно превратилась и слилась съ борьбой за національное объединеніе, столь отчетливо обнаружившееся уже во внѣшней политикѣ Ивана III. Новое столѣтіе

начиналось для Литовско-Русскаго княжества при плохихъ предзнаменованіяхъ. Борьба съ Москвой была проиграна, и в. к. Александру пришлось вступить въ мирные переговоры съ Москвой. Однако, вѣчный миръ не былъ заключенъ. Ограничились только однимъ перемиріемъ, которое было заключено 25 марта 1503 г., на 6 лѣтъ—до 1509 года. Его условія были для Литвы очень тяжелыми: Литва уступила Москвѣ—19 городовъ, 17 волостей, 22 городища и 13 селъ [1]). Большая часть новыхъ территоріальныхъ пріобрѣтеній, давшихъ Москвѣ полную возможность укрѣпленія въ бассейнѣ рѣки Днѣпра и отсюда уже дѣйствовать въ двухъ направленіяхъ: въ сторону Смоленска и Кіева, находилась на восточныхъ границахъ княжества. Поэтому, стратегическое положеніе городовъ и волостей, отошедшихъ къ Москвѣ, было огромно, и это превосходно понимали руководители внѣшней политики Литовско-Русскаго княжества. Помимо этихъ потерь, Литовско-Русское государство потеряло кое-что и на сѣверо-востокѣ своей территоріи. Здѣсь Литва отдавала Торопецъ съ волостями. Благодаря этому, Москва пріобрѣтала весьма важную базу для своего наступленія въ сторону Западной Двины и верхняго Днѣпра. Литовско-русское правительство отдавало себѣ полный отчетъ въ своемъ затруднительномъ положеніи и прекрасно понимало необходимость новой борьбы съ Москвой для отобранія завоеванной территоріи. Въ противномъ случаѣ соперница Литвы такъ усилилась бы, что въ будущемъ съ Москвой стала бы невозможна никакая борьба. Съ другой стороны, и московское правительство прекрасно понимало всю выгоду своего стратегическаго фронта и не имѣло никакого основанія откладывать на болѣе отдаленный срокъ предстоящую борьбу съ Литвой. Обѣ стороны искали предлога къ войнѣ. Великій князь Александръ хотѣлъ ее немедленно начать послѣ смерти Ивана III и искалъ только благовиднаго предлога. Съ этой цѣлью онъ предложилъ Василію III заключить вѣчный миръ, но съ возвращеніемъ отнятыхъ у Литвы земель. Естественно, это предложеніе было для Василія III совершенно непріемлемымъ. Однако, Александръ не началъ военныхъ дѣйствій и скоро умеръ. Со вступленіемъ на престолъ Сигизмунда I обѣ стороны стали дѣятельно готовиться къ предстоящимъ военнымъ дѣйствіямъ, и на сеймѣ 1507 года обсуждались вопросы, связанные съ войной, и кромѣ того было рѣшено собрать новую серебщину для военныхъ нуждъ [2]). Готовясь къ войнѣ, Сигизмундъ I разсчитывалъ на по-

---

[1]) Сборн. Ист. Об., т. 35, стр. 399—400.

[2]) А. З. Р. II, № 12.

мощь крымскаго и казанскаго хановъ, для которыхъ усиленіе Москвы не сулило рѣшительно ничего хорошаго [3]). Сигизмундъ, до начала военныхъ дѣйствій, потребовалъ отъ Москвы возвращенія всѣхъ литовско-русскихъ городовъ, хотя безнадежность этого требованія была слишкомъ очевидна. Сигизмундъ указывалъ Василію III, что еще при Казимирѣ было заключено перемиріе съ в. кн. Василіемъ Васильевичемъ, обязательное и для потомковъ ихъ, въ томъ, «што по ихъ животѣ намъ одному надъ другимъ земль и водъ не забирати, и одинъ другого отчины мѣлъ блюсти и не обидѣти и вездѣ быти съ поломъ на всякаго недруга за одинъ» [4]).

Съ такой постановкой вопроса московскій великій князь не могъ согласиться. По его мнѣнію, «мы городовъ, волостей и земль и водъ его отчины, за собой ни которыхъ не держимъ, а съ Божьею волею держимъ городы и волости, и земли, и воды, свою отчину, чѣмъ насъ пожаловалъ и благословилъ отецъ нашъ князь великій, и что намъ Богъ далъ, а отъ прародителей нашихъ, и вся русская земля наша отчина» [5]). Разъ обѣ стороны придерживались по одному и тому же вопросу совершенно различныхъ мнѣній, то естественнымъ разрѣшеніемъ ихъ недоразумѣнія была война. И съ 1507 г. Сигизмундъ I дѣятельно готовился къ войнѣ [6]). Неизбѣжность войны была для обѣихъ сторонъ совершенно очевидной. Однако, литовскій великій князь съ цѣлью выиграть время снова обратился, на этотъ разъ черезъ посла Менгли-Гирея, съ требованіемъ возвратить отнятые у Литвы города. Кромѣ того, чтобы внести смуту въ московское государство, Сигизмундъ I пытался вступить въ сношенія съ Юріемъ Ивановичемъ и предлагалъ ему помощь въ дѣлѣ отысканія престола, разумѣется на извѣстныхъ условіяхъ [7]). Но эти обѣ дипломатическія попытки потерпѣли полную неудачу. И вмѣшательство сестры государя великой княгини Елены тоже не дало никакихъ результатовъ. Василій III твердо стоялъ на своей точкѣ зрѣнія и считалъ нарушителемъ мира Сигизмунда I.

Происходившіе переговоры довольно ясно обнаружили совершенную безплодность ихъ. Поэтому оставалось одно средство: начать военныя дѣйствія. Въ общемъ они велись довольно вяло со стороны

---

3) А. З. Р. II, № 15.
4) А. З. Р. II, № 16.
5) А. З. Р. II, № 16.
6) А. З. Р. II, № 17.
7) А. З. Р. II, № 19.

Литвы, чему, кажется, не мало содѣйствовало возстаніе, поднятое Глинскимъ и сильно ослабившее правительство[8]). Позиція Москвы была по прежнему превосходна.

Несмотря на большое напряженіе своихъ силъ, литовско-русское правительство оказалось не въ силахъ защитить Смоленскъ, и 31 іюля 1514 года онъ былъ взятъ московскими войсками.

Послѣ взятія столь важной опорной базы, для литовцевъ кампанія должна была считаться проигранной. Однако, военныя дѣйствія все-таки продолжались, хотя безуспѣшно для княжества. Поэтому, литовско-русскому правительству приходилось немедленно приступить къ мирнымъ переговорамъ, чтобы выговорить себѣ наиболѣе выгодныя условія. Правительство Сигизмунда I въ іюнѣ 1520 года послало въ Москву посольство съ предложеніемъ мира. Не считая себя побѣжденнымъ, Сигизмундъ I не только не допускалъ возможности какихъ-либо территоріальныхъ уступокъ, но требовалъ еще возвращенія Новгорода, Пскова, Вязьмы, земель удѣльныхъ чернигово-сѣверскихъ князей и, конечно, Смоленска. Еслибы Московскій князь принялъ эти условія, то Сигизмундъ I гарантировалъ бы Москвѣ свою помощь противъ Татаръ и Турокъ[9]).

Условія, предложенныя Литвой, совершенно несоотвѣтствовали дѣйствительному положенію княжества. Въ Москвѣ, конечно, они были отвергнуты. Не имѣло успѣха и посредничество императора Сигизмунда въ лицѣ посла его Герберштейна. Переговоры прекратились, и Литва продержалась еще два года. Весной 1522 года Сигизмундъ I снова предложилъ перемиріе Москвѣ. Предложеніе было принято. Согласно перемирію, заключенному 18-го февраля 1523 г. на 5 лѣтъ, Москва сохранила за собой всѣ пріобрѣтенія, не исключая и Смоленска. Предполагалось также, что въ теченіе этихъ перемирныхъ лѣтъ обѣ стороны найдутъ достаточно времени для окончательныхъ переговоровъ о мирѣ[10]). Весной 1526 года литовскіе паны-рада были не прочь заключить вѣчный миръ съ Москвой, такъ какъ княжеству грозило новое нашествіе со стороны Крыма[11]). Въ іюнѣ 1526 г. папскій посолъ и посолъ Карла V были въ Москвѣ и вели переговоры о мирѣ «для покою всего христіанства и для нерозлитія

---

[8]) *Finkel.* Elekcya Zygmunta I. Krakow 1910, гл. I.
[9]) А. З. Р. II, № 108.
[10]) А. З. Р. II, № 120.
[11]) А. З. Р. II, № 144.

напередъ крови христіанской»[12]). Было только продлено перемиріе до 1533 г.

Въ ноябрѣ этого же года умеръ великій князь Василій III. Литовско-русское правительство опять предприняло попытку заключить миръ съ Москвой. Посольство отъ пановъ-рады прибыло въ Москву въ началѣ декабря 1533 г. и предложило «вѣчный миръ або перемиріе и добрую зmолву едnати». Посольство ни однимъ словомъ не обмолвилось относительно возможныхъ условій вѣчнаго мира и предложило московскому правительству или самому послать въ Литву пословъ, или дать «опасную грамоту» посламъ литовско-русскаго великаго князя[13]).

Московское правительство предпочитало видѣть пословъ у себя, и это вполнѣ понятно, такъ какъ Литва больше нуждалась въ мирѣ, чѣмъ Москва. Поэтому, въ Литву была послана просимая «опасная грамота»[14]). Въ декабрѣ того же года было отправлено въ Литву спеціальное посольство съ извѣщеніемъ о вступленіи на престолъ Ивана IV. Кромѣ того, московскій посолъ долженъ былъ предложить Сигизмунду I быть съ государемъ «въ дружбѣ и братствѣ», подобно тому, какъ былъ въ дружбѣ и братствѣ съ отцомъ государя.

Посольство Тимоѳея Заболотцкаго едвали было пріятно Сигизмунду I. Московскій в. князь титуловалъ себя «государемъ всея Руси», и, кромѣ того, въ числѣ прочихъ государствъ въ титулѣ, назвалъ себя великимъ княземъ Смоленскимъ. Изъ этого титула литовское-русское правительство могло убѣдиться въ томъ, что московское правительство не помышляетъ о возвращеніи Смоленска. И предложеніе дружбы, на условіяхъ предшествовавшаго времени, тоже говорило о желаніи Москвы оставить Смоленскъ за собой.

Сигизмунду пришлось отвѣчать на рѣчи чрезвычайнаго посла. Не говоря ни одного слова о титулѣ московскаго великаго князя, Сигизмундъ I черезъ пановъ-раду соглашался заключить миръ съ московскимъ княземъ, но на тѣхъ условіяхъ, которыя были выработаны обоими правительствами еще въ XV вѣкѣ, при Казимирѣ и Иванѣ Васильевичѣ. Конечно, подобныя условія были совершенно непріемлемыми для Москвы, да и само литовско-русское правительство едвали

---

[12]) *Соловьевъ.* Исторія Россіи, т. V, стр. 1633. Изд. „Обществ. Польза". А. З. Р. Ц, № 145.

[13]) Сб. Им. Русск. Ист. Общ., т. 59, стр. 4.

[14]) Ibid., стр. 7.

серьезно думало о возможности на этихъ условіяхъ заключить вѣчный миръ [15]).

Съ начала 1534 года военныя дѣйствія возобновились. Готовясь къ войнѣ, литовско-русское правительство прибѣгло къ чрезвычайному форсированію своихъ средствъ, для чего былъ созванъ сеймъ въ Вильнѣ [16]). Въ тоже время на лицо были кое-какіе признаки, заставлявшіе литовское правительство надѣяться на благопріятный исходъ начавшейся кампаніи.

Несомнѣнно, литовско-русское правительство учитывало придворную партійную борьбу, не позволявшую московскому правительству организовать оборону границъ [17]).

Дѣйствительно, положеніе Москвы въ началѣ кампаніи было неблагопріятно. Литва мобилизовала большія силы. Отъ своихъ шпіоновъ она знала, что главныя силы военно-служилаго ополченія были направлены на отраженіе нависшей татарской грозы. Слѣдовательно, западная граница Москвы ничѣмъ не была защищена. Литвѣ также было извѣстно плохое состояніе оборонительныхъ средствъ пограничныхъ сѣверо-западныхъ городовъ [18]).

Такимъ образомъ, новая война начиналась для Литвы при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, и было много основаній надѣяться на вполнѣ благопріятный для княжества исходъ. Но многія изъ этихъ предположеній оказались теоретическими. Прежде всего улучшились отношенія къ татарамъ. Литвѣ пришлось ошибиться въ своихъ разсчетахъ на дѣятельную помощь крымскаго хана Саипъ-Гирея, захватившаго ханскій престолъ послѣ длительной междоусобной борьбы. Низложенный ханъ Исламъ, конечно, имѣлъ своихъ сторонниковъ, которые не преминули бы при первой возможности поднять голову и добиться возстановленія Ислама. Поэтому, политическій расчетъ, который однако не былъ учтенъ литовскимъ правительствомъ, заставлялъ Саипъ-Гирея занять выжидательное положеніе и не предпринимать противъ Москвы никакихъ агрессивныхъ дѣйствій, дабы не отвлекать своего вниманія отъ внутреннихъ отношеній въ Крыму. Точно также литовское правительство возлагало слишкомъ большую надежду на борьбу придворныхъ партій. Бояре могли враж-

---

[15]) Ib., стр. 11.

[16]) *М. К. Любавскій.* Литовско-Русскій Сеймъ. Прил. №№ 14 и 15.

[17]) *Kolankowski.* Zygmund. August., стр. 116. Lwów, 1913.

[18]) А. З. Р. II, № 179. *Kolankowski*, opus cit., стр. 117.

довать другъ съ другомъ изъ-за вліянія и власти; но передъ литовской опасностью они были едины. Неудивительно, что по мѣрѣ хода военныхъ дѣйствій литовско-русское правительство теряло надежду на вполнѣ благопріятный исходъ войны и начинало подумывать о мирныхъ переговорахъ съ Москвой. Это было тѣмъ болѣе необходимо, что литовско-русскому правительству приходилось до крайности напрягать свои военные и финансовые рессурсы, несмотря на нѣкоторую помощь со стороны Польши и на то, что смѣнившій Ислама Саипъ-Гирей намѣревался придерживаться во внѣшней политикѣ литовской оріентаціи [19]).

Дѣйствительно, въ началѣ кампаніи положеніе Москвы было довольно затруднительно. Въ теченіе 1535 года Литва добилась нѣкоторыхъ серьезныхъ успѣховъ. Въ іюлѣ мѣсяцѣ былъ взятъ Гомель [20]). Къ концу года бо́льшая часть Сѣверской земли находилась въ сферѣ вліянія Литвы. Для оставленія за собой вновь отнятой территоріи литовско-русскому правительству было необходимо приняться за укрѣпленіе занятыхъ городовъ, но въ этомъ направленіи, за недостаткомъ денежныхъ средствъ, ничего не было сдѣлано. Благодаря этому, Литва оказалась не въ силахъ удержать въ своихъ рукахъ всѣ занятые города [21]). Отсутствіе средствъ въ литовскомъ скарбѣ и удачно поведенное наступленіе со стороны Москвы по направленію къ Вильнѣ—заставили литовское правительство подумать о возобновленіи переговоровъ о мирѣ. Сначала въ февралѣ 1536 г. московское правительство получило неофиціальное увѣдомленіе объ этомъ отъ находившагося въ литовскомъ плѣну князя Ѳ. В. Телепнева-Оболенскаго. Это предложеніе встрѣтило въ Москвѣ сочувственный откликъ. Тогда отъ пана Юрія Радивилла былъ посланъ въ Москву спеціальный гонецъ. Съ своей стороны, и московское правительство послало особаго гонца Якова Сказина къ Юрію Радивиллу для предварительнаго обмѣна мнѣніями по поводу предстоящихъ переговоровъ. Кромѣ того, правительство возложило на своего посла трудную обязанность—по возможности оріентироваться въ литовскихъ дѣлахъ и настроеніяхъ [22]).

Весь 1536 годъ ушелъ на обмѣнъ мнѣніями относительно способа веденія мирныхъ переговоровъ. Относительно послѣднихъ Москва

---

[19]) *Kolankowski*, opus cit., стр. 134, 136.
[20]) А. З. Р. II, № 184.
[21]) *Kolankowski*, opus cit., стр. 145, 147.
[22]) Сб. Русск. Ист. Об., т. 59, № 3.

добилась весьма существеннаго успѣха: переговоры должны были вестись «по старинѣ» въ Москвѣ. Этотъ успѣхъ являлся прекраснымъ показателемъ того, кто дѣйствительно нуждался въ мирѣ [23]).

Въ декабрѣ 1536 года давно ожидаемое посольство прибыло въ Москву, гдѣ и оставалось до весны 1537 года, времени окончанія мирныхъ переговоровъ. Во время веденія переговоровъ, однако, выяснилось, что заключеніе мира съ литовцами представляетъ весьма значительныя трудности. Литовцы непремѣннымъ условіемъ заключенія мира ставили возвращеніе Смоленска. Естественно, московское правительство никоимъ образомъ не могло согласиться на такое требованіе. Какъ бы то ни было, вопросъ о вѣчномъ мирѣ пришлось пока оставить, и тогда обѣ стороны стали обсуждать условія перемирія. Условія послѣдняго, естественно, возбуждали много споровъ, но нѣкоторыя изъ своихъ требованій московское правительство поддерживало не особенно горячо и сдѣлало рядъ уступокъ Литвѣ. Въ результатѣ переговоровъ Гомель оставался за Литвой, но Себежъ и Заволочье, завоеванныя Литвой, отдавались Москвѣ [24]). Въ апрѣлѣ 1537 года заключенное перемиріе было ратификовано литовскимъ великимъ княземъ. Литовцы имѣли полное основаніе быть недовольными условіями перемирія, такъ какъ они не пріобрѣтали особыхъ выгодъ и преимуществъ, да и Смоленскъ оставался за Москвой. Поэтому, литовцы сейчасъ же, по заключеніи перемирія, стали готовиться къ новой войнѣ. Уже въ сентябрѣ 1538 года Сигизмундъ I отправилъ панамъ-радѣ черезъ подскарбія земскаго пана Ивана Горностая посланіе съ предложеніемъ подумать объ оборонѣ княжества, въ виду того, что до окончанія перемирія оставалось только три года, а между тѣмъ до сихъ поръ не было принято никакихъ мѣръ относительно обороны границъ [25]). Поэтому, въ виду возможности новой войны, Сигизмундъ предлагалъ панамъ-радѣ подумать «которымъ способомъ мели быхмо съ тымъ непріятелемъ нашимъ поступовати и валку съ нимъ вести», ибо, по мнѣнію господаря «безъ помочи прибылыхъ людей пенязныхъ» —едвали возможно начинать новую войну [26]).

Передъ литовскими панами-радой опять стояли докучливые вопросы о своевременномъ изысканіи денежныхъ средствъ, такъ какъ

---

[23]) Сб. Русск. Ист. Об., т. 59, №№ 4 и 5.

[24]) Ibid., № 6.

[25]) Р. Ист. Б. XXX, стр. 3.

[26]) Ibid., стр. 4.

окончаніе предъидущей «валки» съ московскимъ государствомъ было вызвано тѣмъ, что «не былъ скарбъ нашъ запоможонъ пенязьми». Поэтому господарь рекомендовалъ панамъ-радѣ рѣшить на предстоящемъ сеймѣ вопросъ о новой серебщинѣ, которую Сигизмундъ I предполагалъ собирать въ теченіе трехъ лѣтъ. По мнѣнію Сигизмунда I, если проектированныя имъ мѣропріятія будутъ приняты на великомъ вальномъ сеймѣ, то этихъ средствъ хватитъ для веденія войны. Видимо, литовскій господарь серьезно подумывалъ о войнѣ. Въ теченіе октября 1538 года въ Вильнѣ происходилъ сеймъ. Кажется, станы сейма не обнаружили особаго желанія идти на встрѣчу желаніямъ своего господаря. По крайней мѣрѣ, отвѣтъ ихъ на его посланіе менѣе всего занятъ земской обороной и полонъ различныхъ жалобъ на нарушеніе Сигизмундомъ I правъ и вольностей литовско-русскаго княжества. Отвѣтъ становъ сейма признаетъ весьма затруднительнымъ внѣшнее положеніе княжества, но въ тоже время указываетъ, что, за отсутствіемъ самого господаря, все, что касается обороны земли, «не могутъ быти жаднымъ обычаемъ слушне оправены». Поэтому всѣ станы сейма просили господаря «абы для таковыхъ великихъ и пильныхъ потребъ.... пріехалъ и въ добромъ раде, въ покою и обороне постановити такъ, якобы ся на потомные часы отъ тыхъ непріятелей въ цѣлости было заховано» [27]). При такомъ настроеніи становъ сейма вопросъ о серебщинѣ не былъ рѣшенъ, и господарю volens-nolens приходилось отказаться отъ всякихъ агрессивныхъ плановъ по отношенію къ сосѣднему государству. Какъ только окончилось перемиріе, Сигизмундъ I въ январѣ 1542 г. отправилъ въ Москву посольство, которому удалось въ половинѣ апрѣля возобновить окончившееся перемиріе срокомъ на 7 лѣтъ, причемъ каждая изъ договаривавшихся сторонъ сохраняла то, что она пріобрѣла по перемирію 1537 года [28]).

Московское правительство, видимо, тоже было довольно условіями перемирія и тоже не обнаруживало особаго желанія воевать съ сосѣдомъ, такъ какъ посламъ, отправленнымъ въ Литву для ратификаціи договора, было поручено дать согласіе на заключеніе вѣчнаго мира на прежнихъ условіяхъ, если только объ этомъ будетъ поднятъ вопросъ [29]). Но литовско-русское правительство не поднимало объ

---

27) Ibid., стр. 15.
28) Сб. Русск. Ист. Об., т. 59, № 9.
29) Ibid., № 10.

этомъ вопроса, такъ какъ условія перемирія совершенно не соотвѣтствовали затаеннымъ его мечтамъ и планамъ. Несмотря на заключеніе перемирія, на границахъ Литвы и Москвы происходили постоянныя недоразумѣнія, для разбора которыхъ обѣимъ сторонамъ приходилось высылать спеціальныя комиссіи. Особенно много было недоразумѣній со стороны Себежа[30]), гдѣ положеніе дѣлъ усложнялось еще тѣмъ, что съ литовской стороны не были присланы своевременно судьи, а потому разборъ пограничныхъ споровъ не могъ состояться. Очевидно, литовско-русское правительство не обнаруживало твердаго намѣренія ликвидировать досадныя недоразумѣнія и дѣйствительно упрочить съ Москвой добрососѣдскія отношенія. Въ сентябрѣ 1544 года ликвидація этихъ дѣлъ ни на шагъ не подвинулась впередъ[31]).

Несмотря на перемиріе съ Москвой и приличныя отношенія къ татарамъ, правительству приходилось принимать мѣры по приведенію страны въ боевое состояніе. Эти вопросы обсуждались на Берестейскомъ сеймѣ 1544 г., на которомъ станы сейма согласились выставить одного всадника съ каждыхъ девяти службъ, но о сборѣ серебщины на немъ не было никакого разговора. Отсутствіе денегъ въ господарскомъ скарбѣ заставило правительство Сигизмунда I попытаться заключить съ Москвой вѣчный миръ. Съ этой цѣлью въ началѣ 1544 г. прибыло въ Москву спеціальное посольство, которое оставалось въ ней до марта того же года. По первой встрѣчѣ уже можно было судить о несомнѣнномъ желаніи обѣихъ сторонъ заключить миръ. Со стороны Литвы это желаніе было аргументировано необходимостью «абы ся нашими незгодами кровь христіанская не разливала, а за нами государи христіанскими въ добромъ осмотрѣніи и въ оборонѣ христіанство отъ поганства было». Московское правительство соглашалось съ подобной точкой зрѣнія и тоже выражало согласіе на заключеніе вѣчнаго мира. Но скоро выяснилась безнадежность такого желанія, ибо интересы сторонъ были противоположны, и ни одна изъ нихъ не желала дѣлать никакихъ уступокъ. Прежде всего литовскіе дипломаты настаивали, чтобы московскіе представители первые заговорили объ условіяхъ, желательныхъ для Москвы. Послѣдніе однако отнѣкивались, ссылаясь на историческіе прецеденты, по которымъ «всѣ послы приходя сказы-

[30]) Ib., № 16.
[31]) Ib., № 17.

вали хотѣніе своихъ государей». И въ данномъ случаѣ слѣдовало поступить такимъ же образомъ. Въ концѣ концовъ настойчивость московскихъ дипломатовъ взяла верхъ, и литовской сторонѣ пришлось первой высказаться о желательныхъ для нея условіяхъ мира. Московскіе представители неоднократно давали совѣтъ оставить «бездѣльныя рѣчи» и прямо сказать «какъ государь вашъ хочетъ съ нашимъ государемъ миру и добрые смолвы?» Такая отчетливая постановка вопроса прямо говорила, что со стороны Москвы никакихъ предложеній не будетъ сдѣлано, и, слѣдовательно, переговоры придется прервать.

Условія литовцевъ нельзя назвать скромными. Они совершенно не соотвѣтствовали внѣшнему положенію великаго княжества. Литовскіе послы потребовали возвращенія Смоленска, Новгорода, Пскова и чуть ли не всей ранѣе завоеванной Черниговно-Сѣверской земли. Такія требованія московскіе бояры назвали «безлѣпыми словами», съ которыми серьезно считаться не слѣдуетъ.

Въ отвѣтъ литовскимъ дипломатамъ было указано, что всѣми тѣми городами, на которые Литва обнаруживаетъ притязанія, Московскій государь владѣетъ давно, ибо «то вотчина вся извѣчная государей нашихъ отъ прародителей!» Кромѣ того, московскіе бояре указали своимъ противникамъ, что и другія русскія земли, какъ-то: «Кіевъ, Волынь, Полоцкъ и Витебскъ» являются московской вотчиной. Поэтому они находили, что литовскому великому князю было бы «пригоже и достальныхъ городовъ Русскихъ нашему государю поступитись». Конечно, литовскіе послы не ожидали столь рѣшительнаго отвѣтнаго предложенія и сочли нужнымъ нѣсколько убавить свои требованія. Въ засѣданіи 24-го января ими было предложено возвращеніе Смоленска Литвѣ, какъ условіе для заключенія вѣчнаго мира, на что московскіе бояре дали имъ соотвѣтствующую отповѣдь. Литовскіе послы въ скоромъ времени убѣдились въ томъ, что при данномъ соотношеніи силъ имъ не получить обратно желаннаго города, и поэтому 27-го января, во время новаго съѣзда пословъ, они предложили заключить перемиріе, такъ какъ безъ уступки Смоленска вѣчнаго мира они не могутъ заключить. Москва соглашалась и на это предложеніе, но ставила съ своей стороны условіе: освобожденіе плѣнныхъ и уступка Москвѣ Гомеля. Литовскіе дипломаты, однако, категорически отказали Москвѣ въ этомъ, и московскіе дипломаты довольно скоро отказались отъ своего требованія. Съ своей стороны и московскіе уполномоченные отказались отдать Литвѣ— Черниговъ, Мглинъ, Себежъ и другіе города въ видѣ вознагражденія

за плѣнныхъ. Не рѣшая вопроса о плѣнныхъ, обѣ стороны соглашались заключить новое перемиріе—срокомъ на 5 лѣтъ.

Однако, налаженные переговоры едва не прекратились, такъ какъ литовскіе уполномоченные на съѣздѣ пословъ 1-го февраля не пожелали титуловать московскаго государя царемъ и были очень настойчивы въ своемъ нежеланіи. Тогда передъ московскимъ правительствомъ стояла дилемма—или уступить въ титулѣ литовцамъ, или прервать переговоры. На совѣщаніи съ московскими боярами 5-го февраля было рѣшено уступить литовскимъ посламъ. Однако, при новой встрѣчѣ съ литовскими послами они ни въ чемъ не проявили своей уступчивости: переговоры были прерваны, и литовскіе дипломаты стали готовиться къ отъѣзду. Не желая уѣхать ни съ чѣмъ, литовскіе послы предлагали заключить перемиріе хотя бы на одинъ годъ, на что московскіе уполномоченные не давали своего согласія. Въ концѣ концовъ, фиктивное упорство московскихъ уполномоченныхъ было сломлено. Со стороны же литовцевъ было дано согласіе на написаніе титула государя по старинѣ, и этимъ самымъ отпадали всякія препятствія къ заключенію новаго перемирія. 13-го февраля оно было скрѣплено присягой литовскихъ пословъ.[32]) Со стороны Москвы эта уступка была внѣшнимъ признаніемъ своей слабости, что, конечно, не прошло безслѣдно для взаимныхъ отношеній Москвы и Литвы.

Итакъ, къ концу первой половины XVI в. отношенія Литвы и Москвы были довольно враждебными. Литва не могла помириться съ потерей Смоленска, не могла забыть о притязаніяхъ Московскаго князя и на другіе русскіе города и земли. Ослабленіе Москвы было для Литвы политической необходимостью. Жизненность и цѣлесообразность борьбы съ сосѣдомъ прекрасно были поняты Сигизмундомъ I и его сыномъ, и только отсутствіе средствъ лишало правительство возможности приготовиться достаточнымъ образомъ къ борьбѣ съ Москвой, въ возможности наступленія которой никто не сомнѣвался. Поэтому, увеличеніе доходности господарскаго скарба, какъ условіе, безъ котораго нельзя и думать о возвращеніи Смоленска и ослабленіи Москвы, было очередной задачей финансовой политики литовско-русскаго правительства.

Не мало хлопотъ доставили господарскому скарбу и литовско-татарскія отношенія, требовавшія также большаго напряженія финансовыхъ средствъ, не говоря уже о томъ, что татарскіе наѣзды

[32]) Сб. Русск. Ист. Об., т. 59, стр. 264—307.

наносили населенію огромный убытокъ[33]). Положеніе правительства усложнялось еще тѣмъ, что оно не могло предпринять противъ татаръ какихъ-либо мѣръ, такъ какъ обострившіяся отношенія съ Москвой заставляли его ухаживать за татарами и искать ихъ дружбы. Крымскій ханъ прекрасно понималъ свою роль въ политикѣ княжества и стремился извлечь изъ этого для себя пользу.

Въ началѣ XVI вѣка литовско-русскій господарь—формальный данникъ великаго князя. Въ 1507 году Менгли-Гирей выдалъ Сигизмунду I ярлыкъ на пограничныя земли подъ условіемъ уплаты «сполна дани и выхода». Кромѣ того, приходилось тратить большія деньги по пріему и награжденію татарскихъ пословъ[34]). Даже рядовые татары нуждались въ соотвѣтствующихъ подачкахъ. Естественно, такіе расходы весьма тяжело отражались на состояніи господарскаго скарба, бывшаго въ началѣ XVI вѣка далеко не въ блестящемъ состояніи[35]). Мало того, Менгли-Гирей вмѣшивался и во внутреннія отношенія Литовско-Русскаго государства, поддерживалъ сношенія съ врагомъ Сигизмунда I — Михаиломъ Глинскимъ[36]), и, кажется, господарскія посланія не производили на хана никакого впечатлѣнія[37]). Съ 1511 года литовско-татарскія отношенія стали вполнѣ опредѣленными. Татары соглашались прекратить свои наѣзды на пограничныя области, но со своей стороны и литовское правительство обязывалось уплачивать ежегодно въ видѣ дани 3000 копъ литовскихъ грошей[38]).

Превращеніе литовско-русскаго господаря въ формальнаго данника крымскаго хана—прекрасный показатель его внутренней слабости, но для Литвы, въ то время воевавшей съ Москвой, конечно, не было иного выхода, если она желала пріобрѣсти настоящее расположеніе владѣтеля Крыма. Однако, несмотря на регулярную уплату дани, Менгли-Гирей не обнаруживалъ желанія оказать Литвѣ помощь въ ея борьбѣ съ опаснымъ сосѣдомъ и очень удачно балансировалъ между правительствами обоихъ воюющихъ государствъ, проявлялъ свое расположеніе то той, то другой воюющей сторонѣ. И только его преемникъ Магметъ-Гирей въ 1515 году обнаружилъ же-

---

33) *М. В. Довнаръ-Запольскій.* Литовскіе упоминки татарскимъ ордамъ. Скарбовая книга метрики литовской 1502—1504. Симферополь, 1898.

34) Ib., стр. 59—63.

35) Объ этомъ ниже.

36) А. З. Р. II, № 33.

37) А. З. Р. II, № 41.

38) *М. В. Довнаръ-Запольскій.* Opus cit., стр. 18.

ланіе принять участіе въ войнѣ и вторгнуться въ предѣлы Московскаго государства. Кажется, крымскій ханъ испугался московскаго князя и, находя усиленіе послѣдняго совершенно несоотвѣтствующимъ своимъ интересамъ, считалъ нужнымъ задержать его дальнѣйшее возвышеніе. Впрочемъ, это намѣреніе оказалось только теоретическимъ. Существенной помощи онъ не оказалъ Литвѣ, а между тѣмъ отдѣльные татарскіе загоны продолжали свои набѣги на украинскія земли и уводили съ собой не малое количество плѣнныхъ. Въ 1521 г. литовское правительство заявило соотвѣтствующій протестъ, но Магмету-Гирею не стоило особеннаго труда отвести отъ себя обвиненіе въ нарушеніи вѣчнаго мира ссылкой на то, что татарскіе набѣги производились безъ его вѣдома. Литовскому правительству по необходимости приходилось мириться съ такого рода объясненіемъ и посылать хану слѣдуемыя ему ежегодныя упоминки [39]), въ отправкѣ которыхъ надо было соблюдать большую точность, такъ какъ всякая задержка въ уплатѣ «упоминокъ» грозила большими непріятностями пограничнымъ областямъ. И тѣмъ не менѣе, несмотря на своевременную уплату упоминокъ, отношенія между Крымомъ и Литвой были все время довольно натянутыми. Литовско-русскому господарю неоднократно приходилось убѣждаться въ томъ, что его союзникъ не выполняетъ своихъ обязательствъ. Его «слова» и «слюбы» остаются только одними обѣщаніями. Въ 1526 году отношенія между Крымомъ и Литвой были особенно обострены. Великій князь долженъ былъ убѣдиться не только въ полномъ нежеланіи Крымскаго хана придти къ нему на помощь, но даже заподозрѣвалъ своего союзника въ желаніи вторгнуться скорѣе «въ наши панства нежели въ землю непріятельскую».

И это въ то время, когда надъ литовско-русскимъ великимъ княжествомъ висѣла угроза московскаго нашествія. При такомъ положеніи дѣла великій князь долженъ былъ принять рядъ мѣръ къ укрѣпленію границъ и приведенію въ боевое состояніе пограничныхъ замковъ. Объ этомъ господарь довелъ до свѣдѣнія пановъ-рады и предложилъ имъ принять соотвѣтствующія мѣропріятія [40]). Слухи о военныхъ приготовленіяхъ дошли до крымскаго хана, который поспѣшилъ оправдаться въ взведенныхъ на него обвиненіяхъ. По его мнѣнію, во всѣхъ недоразумѣніяхъ виновато литовское правительство,

---

[39]) Ibid., стр. 86.
[40]) Ibid., стр. 87.

которое одновременно съ ханомъ не выступило противъ Москвы, когда ханъ «подлугъ обетницы и слова своего самъ своею головою со всими своими людьми» выступилъ противъ врага. Въ отправленныхъ господарю листахъ—крымскій ханъ подчеркивалъ, что его образъ дѣйствій вызвалъ неодобреніе со стороны турецкаго султана. Поэтому, если литовскій князь желаетъ имѣть со стороны хана «приязнь справедливую и безпеченство», то господарь долженъ «безъ умешканія» послать хану слѣдуемый ему упоминокъ. О ханскомъ посланіи господарь довелъ до свѣдѣнія пановъ-рады, а также объ его угрозѣ склониться на сторону турецкаго султана и «посполъ съ ними» отправиться походомъ на литовскаго господаря [41]). Послѣдній прекрасно понималъ силу ханской угрозы, а между тѣмъ господарскій скарбъ былъ пустъ. Его нельзя было пополнить текущими поступленіями, такъ какъ, по откровенному признанію самого господаря, «коморы восковыи и соленыи и мыта вси зъ ними у должехъ на колько летъ прийти къ нашимъ рукамъ не могутъ и надъ то замки, и места, и дворы, и волости наши все есмо на потребу земскаго позаставляли» [42]).

Обращаясь съ посланіемъ къ панамъ-радѣ, господарь просилъ своихъ совѣтниковъ озаботиться не только объ уплатѣ упоминокъ «нынешнего году», «але по тые вноминки на пришлые годы рачили бы тежъ ваша милость на томъ зъезде мыслити, оттуда бы тотъ вноминокъ царю перекопскому на кождый годъ мялъ даванъ быти» [43]).

Господарская рада должна была приложить особую «пильность» «какъ быхмо того вноминку царю перекопскому кождаго года певни были» [44]).

Рекомендуя принять всѣ мѣры къ своевременной уплатѣ упоминокъ, господарь одновременно настаивалъ на приведеніи въ состояніе боевой готовности украинскихъ замковъ, такъ какъ «слухи певные зъ орды его милости доходятъ, штожъ царь Перекопскій твердо на то хочетъ стояти, абымо у своихъ рукъ Киевъ мети» [45]). При такихъ слухахъ Литва имѣла полное основаніе не довѣрять хану, а между тѣмъ, благодаря войнѣ съ Москвой, приходилось по политическимъ соображеніямъ поддерживать дружбу съ Крымомъ, хотя фальшь ея была очевидна.

---

[41]) Ibid., стр. 88.
[42]) Ibid., стр. 89.
[43]) Ibid., стр. 90.
[44]) Ibid., стр. 90.
[45]) Ibid., стр. 90.

И преемникъ Магмета Саипъ-Гирей придерживался такой же двуличной политики. Когда въ 1527 году великій князь послалъ къ нему посольство съ предложеніемъ принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Москвы, то Саипъ-Гирей не двинулся съ мѣста, и свое поведеніе объяснялъ тѣмъ, что онъ былъ «не въ зупольномъ здоровьи», и кромѣ того, по утвержденію хана, «на мое панство не слыхано того, нижъ бы война ихъ московская могла приходить». Дѣйствительно, стоило ли хану оказывать помощь своему даннику, когда непріятель захватилъ литовско-русскія земли, а не крымскаго хана! Впрочемъ, ханъ не отказывался отъ помощи, но требовалъ, чтобы господарь дѣйствовалъ совмѣстно съ нимъ. Только въ послѣднемъ случаѣ ханъ можетъ быть «завжды помоченъ» великому князю.

Оправдываясь въ своемъ бездѣйствіи, Саипъ-Гирей въ тоже время обвинялъ своего данника въ попустительствѣ казакамъ, которые приходятъ подъ татарскіе улусы на Днѣпрѣ и «шкоды чинять» татарамъ. При этомъ ханъ грозилъ нашествіемъ на украинскіе замки: Черкасы и Каневъ, если правительство не приметъ соотвѣтствующихъ мѣръ[46]). Наконецъ Саипъ-Гирей напомнилъ объ уплатѣ упоминокъ, въ размѣрѣ посылавшихся его брату. Въ противномъ случаѣ, между Литвой и Крымомъ не можетъ быть вѣчнаго мира.

Какъ видно добрососѣдскія отношенія съ Крымомъ весьма тяжело отражались на господарскомъ скарбѣ. Между тѣмъ, пока реальныхъ результатовъ не было никакихъ. Крымскіе ханы не обнаруживали особенно сильнаго желанія воевать съ Москвой и помогать Литвѣ «отыскивать свои земли».

Сознавая полную невозможность, при сложившихся отношеніяхъ Крыма и Литвы, заставить первый принять активное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Москвы, литовско-русское правительство рѣшило воспользоваться внутренними неурядицами въ Крыму, чтобы заставить хана быть болѣе внимательнѣе къ желаніямъ Литвы. Съ этой цѣлью въ октябрѣ 1528 года Сигизмундъ I послалъ Каневскому и Черкасскому старостѣ пану Дашкевичу предложеніе оказать полное содѣйствіе планамъ царевича Ислама—и дать ему убѣжище тамъ, гдѣ не было бы никакой «шкоды» государству. Сигизмундъ I изъявилъ желаніе быть его пріятелямъ, если только этого пожелаетъ самъ царевичъ. Кромѣ того литовско-русскій господарь обѣ-

---

[46]) А. З. Р. II, № 150.

щалъ свое содѣйствіе какъ его «осадити на царствѣ»[47]). Между тѣмъ междоусобная борьба въ Крыму окончилась пораженіемъ Ислама. Часть его сторонниковъ была разбита, и только при немъ остались «нѣкоторые посполитыи». Исламъ, поднимая борьбу противъ Саипа, надѣялся на помощь Сигизмунда I, но послѣдній, считая его дѣло проиграннымъ, ничѣмъ не обнаружилъ своихъ дружескихъ чувствъ къ Исламу. Наоборотъ, Сигизмундъ I хотѣлъ воспользоваться создавшимся положеніемъ дѣлъ въ Крыму, чтобы занять по отношенію къ нему враждебную позицію, такъ какъ при сложившихся условіяхъ господарскія войска, «въ тоѣ орды никоторыхъ переказы пріимовати не могутъ». Поэтому, гетману пану Юрію Радивиллу поручалось «справовати якъ ся налѣпѣй твоей милости будетъ видѣти, нжьбы было зъ нашимъ господарскимъ и земскимъ добрымъ и пожиточнымъ»[48]).

Однако, когда выяснилось, кто оказался побѣдителемъ въ этой борьбѣ, то Сигизмундъ I послалъ Саипу-Гирею письмо отъ 1 ноября 1538 г., въ которомъ изъявлялъ полную готовность послать слѣдуемыя хану упоминки, которыя посылались ему и раньше, но, благодаря междоусобной борьбѣ, онѣ не доходили до хана. Сигизмундъ I, конечно, иначе не могъ поступить, такъ какъ Саипъ-Гирей грозилъ ему войной. Посылка слѣдуемыхъ упоминокъ давала возможность отклонить отъ страны надвигавшуюся грозу, о которой паны-рада доводили до свѣдѣнія господаря[49]). Съ своей стороны, и великій князь увѣдомлялъ своихъ пановъ-раду о предстоящемъ созывѣ вальнаго сейма и объ отправкѣ къ нимъ подскарбія земскаго пана Ивана Горностая, который сообщитъ имъ о предположеніяхъ господаря относительно принятія мѣръ по приведенію страны въ состояніе боевой готовности, какъ противъ крымскаго хана, такъ и московскаго царя[50]). На этотъ разъ опасенія Сигизмунда оказались преждевременными, такъ какъ Саипъ-Гирей нуждался въ помощи Литвы въ виду того, что его противникъ поддерживалъ сношенія съ Москвой. Поэтому крымскому хану пришлось даже послать своего сына съ отрядомъ противъ Москвы, разумѣется къ величайшему удовольствію литовскаго господаря, который, однако, не имѣлъ возможности высту-

[47]) А. З. Р. II., № 156.
[48]) А. З. Р. II., № 178.
[49]) Р. И. Б. XXX, стр. 11—14.
[50]) Ibid., стр. 44.

нить противъ Москвы, такъ какъ еще не вышелъ срокъ перемирія[51]). По всей вѣроятности, къ этому времени относится заключеніе договора съ Саипомъ-Гиреемъ. Обѣ стороны дѣлали значительныя уступки другъ другу и обнаруживали желаніе окончательно урегулировать свои взаимныя отношенія. Великій князь офиціально признавалъ себя данникомъ хана и обѣщалъ выплатить слѣдуемыя ему ежегодныя упоминки. Новаго въ этомъ ничего не было, такъ какъ съ 1510 года Сигизмундъ I считался крымскимъ данникомъ. Съ своей стороны, ханъ офиціально заявилъ о своемъ вступленіи въ союзъ съ литовско-русскимъ княземъ, давалъ обѣщаніе возвратить Литвѣ всѣ отвоеванные у Московскаго князя города и кромѣ того обязывался «во въ покоѣ держати» рядъ городовъ княжества вмѣстѣ съ тянувшими къ нимъ волостями. Саипъ-Гирей вступалъ также въ экономическое соглашеніе съ Литвой. Онъ согласился на установленіе свободнаго торга солью подъ условіемъ уплаты соотвѣтствующаго мыта, а также и на уплату вознагражденія за всякую шкоду, причиненную въ Крыму литовскимъ купцамъ. Кромѣ того, купцы обоихъ государствъ получили право свободнаго пріѣзда для торговли, разумѣется, съ уплатой соотвѣтствующихъ пошлинъ[52]). Заключенный договоръ можно признать соотвѣтствующимъ интересамъ Литвы. Помимо того, что между обоими государствами устанавливалось свободное торговое общеніе,— Литва добилась существеннаго обѣщанія: оставить въ покоѣ пограничныя мѣстности, которыя сильно страдали отъ татарскихъ набѣговъ. Окончательная ратификація договора состоялась въ 1542 году[53]) и совпала съ возобновленіемъ перемирія съ Москвой, хотя, по смыслу союзнаго договора, Сигизмундъ не имѣлъ права его возобновить, не испросивъ предварительно согласія у хана. Естественно, послѣдній запротестовалъ, и Сигизмунду надо было отписываться и объяснять свое поведеніе. Давая соотвѣтствующія разъясненія, господарь въ посланіи отъ 30 ноября указывалъ, что имъ было послано хану извѣщеніе о его намѣреніи заключить перемиріе съ Москвой. Кромѣ того, инціатива этого перемирія шла со стороны Москвы, да и пограничные подданные упрашивали господаря «абыхмо для трудности ихъ, которые они зъ людьми Московскаго государства зъ обу сторонъ завъжды прінмуютъ, узглядъ на нихъ мели и до часу покой и перемиріе зъ нимъ вчинили»[54]).

---

[51]) Р. И. Б. XXX., стр. 59.

[52]) Р. И. Б. XXX., стр. 77—79.

[53]) Ibid., стр. 82.

[54]) Р. И. Б. XXX., стр. 85—88.

Какъ бы то ни было, однако ханъ былъ увѣдомленъ о заключеніи перемирія уже post factum. Чтобы успокоить раздраженнаго хана, Сигизмундъ I увѣдомлялъ его объ отправкѣ ему слѣдуемыхъ упоминокъ.

Заключеніе перемирія съ Москвой было несомнѣнно большимъ сюрпризомъ для хана, который осенью 1542 года предлагалъ Литвѣ выступить совмѣстно противъ Москвы. Однако, вопреки договору, это предложеніе не было принято и вмѣсто войны съ Москвой было заключено перемиріе[55]). Конечно, послѣ этого отношенія съ Крымомъ стали весьма натянутыми, и ханъ счелъ себя вправѣ возобновить нападенія на пограничныя волости. Особенно сильно онѣ пострадали въ 1547 году, когда цѣлый рядъ плохо укрѣпленныхъ замковъ, въ томъ числѣ Браславъ и Винница были сожжены[56]). Благодаря этому, пограничныя волости оказались совсѣмъ незащищенными, и для татарскихъ загоновъ открывалось весьма широкое поле дѣятельности.

Итакъ, въ теченіе полувѣка отношенія между Крымомъ и Литвой были въ достаточной степени напряжены и стоили не малыхъ денегъ, такъ какъ литовская казна должна была ежегодно уплачивать въ видѣ дани 3000 копъ грошей. Эта дань не всегда была своевременно отсылаема, такъ какъ въ скарбѣ часто не находилось соотвѣтственной суммы денегъ. Не располагая свободными средствами, правительство было не въ силахъ надлежащимъ образомъ укрѣпить пограничныя волости и тѣмъ самымъ помѣшать татарскимъ наѣздамъ, отъ которыхъ такъ сильно страдала страна. Необходимость укрѣпленія пограничныхъ замковъ прекрасно сознавалась правительствомъ. Не даромъ, въ 1547 году оно приступило къ ихъ ревизіи съ цѣлью выясненія ихъ состоянія и приведенія ихъ укрѣпленій въ порядокъ. Но, благодаря отсутствію средствъ, ничего не было сдѣлано. Такъ, и татарскія отношенія ставили на очередь вопросъ объ изысканіи новыхъ средствъ, необходимыхъ для обороны края. Обойтись же текущими поступленіями было совершенно невозможно. Увеличеніе же ихъ могло быть достигнуто только при условіи ряда аграрныхъ и финансовыхъ мѣропріятій.

---

[55]) А. З. Р. II., № 226.
[56]) К. З. XXXVII., л. 7.

II.

Затруднительное внѣшнее положеніе весьма тяжело отражалось на фондахъ господарскаго скарба. Его состояніе при Сигизмундѣ I было довольно плачевнымъ. Правительство все время было сильно озабочено отысканіемъ новыхъ доходныхъ статей, чтобы какъ-нибудь улучшить состояніе финансовъ[1]). По мнѣнію Коланковскаго, положеніе господарскаго скарба было очень стѣсненнымъ, особенно въ теченіе 1521—1522 гг., когда правительство совершенно не располагало необходимыми средствами для возмѣщенія расходовъ, связанныхъ съ военными нуждами[2]). Неблагопріятное финансовое положеніе заставило правительство искать средствъ на сторонѣ, обращаться къ частнымъ лицамъ за матеріальной помощью и отдавать господарскія добра въ заставу. Литовско-русская аристократія весьма умѣло воспользовалась затруднительнымъ положеніемъ господарскаго скарба, вслѣдствіе чего не мало господарскихъ имѣній перешло на положеніе заставныхъ. Въ заставу отдавались только крупныя имѣнія, такъ какъ всегда полученіемъ большой суммы денегъ можно было удовлетворить острую нужду господарскаго скарба. Въ 1518 году правительство за 700 копъ грошей отдало пану Юрію Немиричу дворъ Довкги съ правомъ собирать всѣ налоги и всѣ доходы, поступавшіе въ господарскій скарбъ, за исключеніемъ только 60 бочекъ жита, 60 бочекъ овса и столько же возовъ сѣна и мезлевы[3]). Въ 1519 г. былъ заставленъ за 3000 копъ грошей Могилевъ[4]). Тогда же крайчему пану Станиславу Остику былъ заставленъ дворъ Меречъ за 1000 копъ грошей съ мѣстомъ и волостью, при условіи уплаты въ скарбъ нѣкотораго количества на-

---

[1]) *М. В. Довнаръ-Запольскій.* Госуд. хоз., стр. 279.

[2]) *Kolankowsky.* Sygmund August, стр. 300.

[3]) К. 3. X., л. 10. Въ 1516 г. дворъ Довкги былъ отданъ въ заставу за 600 копъ грошей. (*М. К. Любавскій.* Обл. дѣл., Прил. 25).

[4]) *I. Малиновскій.* Матеріалы, относящ. къ исторіи пановъ рады. Томскъ 1912, стр. 160.

туральныхъ податковъ[5]). Панъ Гринко Исаевичъ Громыка взялъ въ заставу за 600 копъ грошей замокъ Свислочь[6]). Староста Городенскій панъ Юрій Миколаевичъ Радивиллъ оказался держателемъ дворовъ Городенскаго повѣта: Озеръ-Кринокъ въ суммѣ 1000 копъ грошей «со всѣми платами и доходами, приходившимися на господаря[7]). Воевода Новгородскій панъ Янъ Заберезинскій взялъ въ заставу за 900 копъ грошей дворъ Марково[8]). Панъ Юрій Ивановичъ Ильиничъ взялъ въ заставу Берестье за 500 копъ грошей[9]). Воеводѣ Троцкому пану Григорію Остику былъ отданъ въ заставу дворъ Дорсунишки[10]). Тогда же правительство сдѣлало у пана Заберезинскаго добавочный заемъ въ размѣрѣ 200 копъ грошей[11]). Выкупивъ замокъ Свислочь у стараго держателя, правительство немедленно за 1000 копъ грошей заставило его пану Войтеху Юрьевичу Носиловскому[12]). Пану Якубу Купцевичу былъ заставленъ дворъ Василишки[13]) за 1000 копъ грошей. Панъ Юрій Немиричъ заплатилъ господарскимъ служебникамъ 500 копъ грошей и получилъ въ заставу волость Любошане[14]). Впослѣдствіи обычныя условія заставы были измѣнены. Юрій Немиричъ получилъ право выбирать пѣнязи только въ теченіе трехъ лѣтъ, а затѣмъ вышеназванная волость давалась ему въ держаніе[15]), «до живата». Юрій Миколаевичъ Радивиллъ взялъ въ заставу и дворъ Меречъ, раньше бывшій въ заставѣ у пана Заберезинскаго, такъ какъ онъ увеличилъ заставную сумму на 100 копъ грошей[16]). Староста Городенскій взялъ въ заставу еще нѣсколько дворовъ Городенскаго староства, въ виду прихода татаръ «зъ немалыми людьми.» Было необходимо организовать военную оборону, но въ скарбѣ не нашлось денегъ. Поэтому, дворъ Скидель съ дворцомъ Жорославскимъ «со всими людьми» были отданы въ заставу за 1980 грошей[17]). Нужда прави-

---

[5]) К. З. Х., л. 11.
[6]) К. З. Х., л. 12.
[7]) К. З. Х., л. 12—14.
[8]) К. З. Х., л. 12.
[9]) К. З. Х., л. 16.
[10]) К. З. Х., л. 16.
[11]) К. З. Х., л. 17.
[12]) К. З. Х., л. 18.
[13]) К. З. Х., л. 18.
[14]) К. З. Х., л. 27.
[15]) К. З. Х., л. № 39.
[16]) К. З. Х., л. 61.
[17]) К. З. Х., л. 47.

тельства въ деньгахъ, видимо, была большая, такъ какъ снова у того же старосты «на выплаченіе и для захованія служебниковъ» оно заняло 2800 копъ грошей и отдало въ заставу Городно. Занявъ еще дополнительно 2000 и 3000 копъ грошей, правительство отдало въ заставу Городно, «со всими дворами и мѣстами, и людьми, кузамку прислухаючими, и зловы звѣриными, олениными, и лоси, и сернами.[18])

Тогда же были отданы въ заставу замокъ Кричевъ [19]), дворы Каневъ и Дубичи [20]), Бирштаны[21]), Каменецъ[22]), Жолудокъ[23]), Мозырь съ волостью[24]), перезаставленъ Кричевъ[25]), Ошмена[26]), etc.

Приведенными данными, конечно, не исчерпываются полностью сдѣланныя тогда заставы, но они съ достаточной полнотой рисують весьма тяжелое положеніе господарскаго скарба. Правительство бросалось отъ одного кредитора къ другому и не знало, гдѣ раздобыть денегъ на военныя потребности. Благодаря такой финансовой политикѣ, господарскій скарбъ превратился въ неоплатнаго должника богатыхъ шляхетскихъ фамилій, въ рукахъ которыхъ сосредоточилось большое количество господарскихъ имѣній. Изъ этого затруднительнаго положенія почти не было выхода, но правительство отчетливо сознавало, что если и впредь держаться той же финансовой политики, то въ недалекомъ будущемъ можно будетъ остаться совсѣмъ безъ имѣній и волостей и безъ денегъ. Литовско-русскіе магнаты превосходно сознавали свою силу и своимъ небрежнымъ выполненіемъ лежащихъ на нихъ государственныхъ повинностей ставили господарскій скарбъ въ невыносимо затруднительное положеніе. Правительство же было безсильно что-нибудь предпринять, дабы заставить аристократію болѣе внимательно выполнять свои государственныя повинности.

Въ офиціальномъ документѣ, разосланномъ въ 1522 г. по дворамъ Виленскаго повѣта по случаю приготовленія къ войнѣ съ Мос-

---

[18]) К. З. X., л. 48.
[19]) К. З. X., л. 51.
[20]) К. З. X., л. 54.
[21]) К. З. XI., л. 6.
[22]) К. З. XI., л. 7.
[23]) К. З. XI., л. 25.
[24]) К. З. XI., л. 30.
[25]) К. З. XI., л. 82.
[26]) К. З. XI., л. 42.

квой, Сигизмундъ I констатировалъ, что «подданыи наши многии спплошенство и недбалость великую ку обороне земской мають» [27]).

Тяжелое финансовое положеніе господарскаго скарба было, по всей вѣроятности, предметомъ обсужденія на Виленскомъ сеймѣ 1522 года, гдѣ наиболѣе крупные изъ кредиторовъ правительства простили ему всѣ его долги и вернули обратно заставленные дворы, замки, волости. Кажется, такая жертва была компенсирована тѣмъ, что тѣ же дворы оставались у нихъ же въ «доживотномъ» владѣніи «на правахъ староствъ и державъ». На такихъ условіяхъ были отданы пану Юрію Ивановичу Ильиничу староства: Берестейское и Лидское, бывшія раньше у него въ заставѣ, и нѣтъ основанія не предположить, что и другіе правительственные кредиторы не были вознаграждены подобнымъ же образомъ [28]). Признавъ себя несостоятельнымъ должникомъ, правительство только отчасти улучшило свои финансовые рессурсы, но такія жертвы имѣли характеръ палліатива, такъ какъ военная опасность становилась все напряженнѣе и напряженнѣе, а текущія поступленія, благодаря примитивности хозяйственнаго уклада государства, нельзя было увеличить.

Тяжелое состояніе скарба заставило пановъ-раду на Виленскомъ сеймѣ 1522 года дать свое согласіе на сборъ серебщины, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, въ распоряженіи правительства не оказалось бы никакихъ свободныхъ рессурсовъ. Серебщина всей своей тяжестью падала на пановъ-раду, уплатившихъ бо̀льшею частью по 100 золотыхъ [29]). При сборѣ серебщины единицей обложенія считалась соха двухъ видовъ: воловья и конская, причемъ обложеніе первой было вдвое тяжелѣе второй (15 грошей и $7^1/_2$ грошей). Серебщину уплачивали также и безземельные люди съ огородниками (6 гр. и 3 гр.). Такое сравнительно высокое обложеніе только подчеркивало затруднительное положеніе господарскаго скарба [30]).

Но и «спущеніе» денегъ кредиторами скарба и серебщина нисколько не улучшили положеніе скарба. Тѣмъ не менѣе нельзя было оставлять его въ такомъ состояніи. Правительство задумало выкупить заставленныя добра, такъ какъ они имѣли большое значеніе для по-

---

[27]) *И. А. Максимейко.* Сеймы литовско-русскаго государства до Люблинской уніи. Харьковъ 1901 г., Прилож. стр. 65—66.

[28]) *И. А. Максимейко.* Ibid. Прил., стр., 65—66.

[29]) *И. А. Максимейко.* Ibid., Прил. стр. 67. *М. К. Любавскій.* Лит-Русск. Сеймъ. Прил. № 7.

[30]) Акты Лит.-Русск. Госуд., I, № 163.

ступленій господарскаго скарба. Однако, отсутствіе свободныхъ денегъ служило существеннымъ препятствіемъ для выполненія задуманной операціи. Всѣ эти вопросы были предметомъ обсужденія Виленскаго сейма 1529 года, на которомъ было постановлено обложить все населеніе экстреннымъ сборомъ «на жалованье ратнымъ людемъ, также на выкупъ заставныхъ государевыхъ отчинъ», причемъ новое обложеніе строилось на нѣсколько иномъ принципѣ въ сравненіи со сборомъ серебщины 1522 года и отправлялось отъ сеймовой «ухвалы» 1529 года относительно отправленія шляхтой военной службы [31]).

Сеймовая ухвала 1529 года о сборѣ денегъ «на плату служебнымъ людемъ и на выкупъ заложенныхъ замковъ и волостей» касалась всего населенія княжества, не исключая и господарскаго крестьянства. Согласно ухвалѣ, съ каждыхъ 8 службъ вносилось въ скарбъ $1^1/_2$ копы грошей. Если же собственникъ владѣлъ меньшимъ количествомъ службъ, то онъ былъ обязанъ уплатить съ каждой службы по 11 грошей $2^1/_2$ пѣнязя. Шляхтичи, невладѣвшіе ни однимъ человѣкомъ, были совершенно свободны отъ платежа новаго податка. Въ мѣстностяхъ, гдѣ населеніе сидѣло на волокахъ, главнымъ образомъ въ Подляшьѣ, одна волока приравнивалась къ службѣ. Эти нормы обложенія были обязательны и для духовныхъ особъ обоихъ вѣроисповѣданій. Не избѣжало обложенія новымъ податкомъ и еврейство, только раскладка его между евреями была совсѣмъ иная. Облагались новымъ податкомъ и господарскія мѣста, при этомъ ухвала точно опредѣлила долю, приходившуюся на каждое мѣсто. Размѣры податка зависѣли отъ экономическаго состоянія города [32]). Такой крупный экономическій центръ, какъ Вильна, уплачивалъ 1500 копъ грошей, Ковно—300 копъ грошей, а какіе-нибудь Мосты только три копы грошей. Княжескія и шляхетскія мѣста были свободны отъ обложенія [33]).

---

[31]) А. З. Р. II, № 161.

[32]) А. З. Р. II, № 161. *М. В. Довнаръ-Запольскій.* Акты Литовско-Русск. Госуд., I, № 198.

[33]) А. З. Р. II, № 161. Акты Литовско-Русскаго госуд., I, № 198. М. К. Любавскій ограничиваетъ дѣятельность Виленскаго сейма 1529 года только тѣмъ, что король вмѣстѣ съ панами-радою „вымыслили и положили плать на людей господарскихъ, княжескихъ и панскихъ, духовныхъ и свѣтскихъ, съ каждое службы людей по 2 гроша или съ коня по 16 грошей.“ (*М. К. Любавскій.* Литовско-Русскій Сеймъ, стр. 255. Прил. № 11.)

Послѣдняя мѣра касалась только невлочныхъ мѣстъ. Подляшскія же влочныя мѣста подлежали соотвѣтственному обложенію [33]).

Ухвала 1529 года о новомъ обложеніи, конечно, указываетъ на весьма тяжелое положеніе господарскаго скарба. Итоги новаго сбора — намъ неизвѣстны; не знаемъ также и того, насколько всѣ шляхтичи оказались исправными плательщиками новаго податка. Но если даже допустить, что поступленіе податка было своевременнымъ и исправнымъ, все-же собранной суммы не хватило правительству, которое не только не выкупило заставныхъ старостъ и державъ, но даже было принуждено отдать въ заставу новые дворы и волости[34]). По всей вѣроятности, скарбъ былъ пустъ, такъ какъ въ 1530 г. правительство было вынуждено прибѣгнуть къ сбору ордынщины, наложенной на нѣкоторыя господарскія мѣста, въ виду предполагаемой войны съ воеводой Волошскимъ и необходимости посылки Крымскому хану слѣдуемыхъ ему упоминокъ, ибо безъ нихъ послѣдній не желалъ «чинити прыязнь» литовскому господарю[35]). Въ такихъ же отношеніяхъ къ Крыму находилась и Польша. Однако польская рада отказалась уплачивать упоминки и предпочла на эти деньги нанять соотвѣтствующее количество служебныхъ людей, чтобы «зъ Божьею помочью непріятелю боронити». Сигизмундъ не сомнѣвался въ томъ, что и литовская рада поступитъ такимъ же образомъ, и просилъ ее «абыхмо некоторую часть пенязную на оборону земскую и скарбу дали», причемъ господарь указывалъ на общій упадокъ хозяйственнаго состоянія дворовъ и волостей, благодаря чему «на долгии часы жадныхъ пожитковъ не можемъ мети», да къ тому-жъ еще не мало господарскихъ дворовъ находилось въ заставѣ[36]). Но паны-рада не пошли на встрѣчу желаніямъ господаря. Вмѣсто принятія общихъ мѣръ для увеличенія поступленій въ господарскій скарбъ, паны-рада поручили довести до свѣдѣнія господаря о плохомъ оборонительномъ состояніи украинскихъ замковъ и въ то же время жаловались на непослушаніе земскихъ «врядниковъ» и указывали на нежеланіе подскарбія земскаго выдать изъ скарба какую-либо сумму «на потребы земскии» [37]).

Господарская рада не отвѣтила прямо на вопросы господаря и своими замѣчаніями стремилась отвлечь его вниманіе въ сторону отъ

[33]) Акты Лит.-Русск. Госуд., № 198.
[34]) *Kolankowski.* Opus cit., стр. 301.
[35]) А. З. Р. II, № 168.
[36]) Д. А. М. Ю. I, стр. 527.
[37]) Акты Лит.-Русск. Госуд., стр. 236.

финансовыхъ вопросовъ. Но господарь счелъ нужнымъ поставить вопросы еще прямѣе и дать своей радѣ своего рода предметный урокъ. Сигизмундъ I указывалъ, что, при его вступленіи на престолъ, господарскій скарбъ былъ совершенно пустъ. Теперь же господарь желаетъ, чтобы «пріехавши до тамошнього паньства своего, вжды могъ што въ скарбе найти заховань.» Такимъ отвѣтомъ господарь далъ понять своей радѣ о необходимости немедленныхъ мѣропріятій по улучшенію государственныхъ финансовъ [38]). Кажется, и на этотъ разъ господарскія увѣщеванія остались безрезультатными. Господарская рада не приняла никакихъ мѣръ финансоваго характера. И только на Виленскомъ сеймѣ 1534 года было рѣшено собрать новую серебщину «для обороны и иншыхъ многихъ великихъ а пильныхъ потребъ нашихъ господарскихъ и земскихъ». Серебщина падала на «всихъ подданыхъ» какъ господаря и королевы матери, такъ и всѣхъ «князьскихъ, панскихъ и земянскихъ», какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ. Серебщина 1534 года была легче серебщины 1522 г. Съ каждыхъ двухъ воловъ поступало въ скарбъ 12 грошей. Столько же поступало и съ двухъ клячъ. Владѣльцы одного вола или одной клячи уплачивали только 6 грошей. Собственники земель, даже не имѣвшіе ни одной головы домашняго скота, уплачивали въ казну 6 грошей. Такой же взносъ давали въ скарбъ и беземельные люди, которые «только дворомъ седить», если они имѣли вола или клячу. Не были освобождены отъ обложенія и огородники, вносившіе въ скарбъ по три гроша. Серьезность принимаемой правительствомъ мѣры подчеркивалась еще тѣмъ, что даже люди «сидѣвшіе на воляхъ» подлежали обложенію на общихъ основаніяхъ [39]). Ухвала серебщины была вызвана натянутыми московскими отношеніями.

Это рѣшеніе было принято въ мартѣ 1534 г. Но осенью того же года правительство было вынуждено отступить отъ ранѣе принятыхъ постановленій.

Нормы серебщины были увеличены до 15 грошей на одну воловью соху. Въ зависимости отъ этого измѣнялось обложеніе и конной сохи. Точно также увеличивалось обложеніе крестьянъ въ размѣрѣ до полусохи какъ владѣвшихъ землею, но неимѣвшихъ инвентаря, такъ и имѣвшихъ его, но необладавшихъ землею. Окладъ огородниковъ

[38]) Ibid., № 199.

[39]) *М. К. Любавскій.* Литовско-Русскій Сеймъ, Прилож. № 13. *И. А. Максимейко.* Сеймы Литовско-Русскаго Государства. Прилож. стр. 88—89.

равнялся тремъ грошамъ[40]). Повышеніе нормъ серебщины было принято по авторитетному признанію самого господаря «для великой потребы».

Серебщина назначалась на три года, но ставки послѣдняго года были уменьшены до 10 грошей съ сохи. Серебщина поступала исправно, и правительство имѣло полное основаніе быть довольнымъ результатами сбора. Но этого для скарба было мало. Опасность со стороны Москвы и Крыма нисколько не стала меньшей. Приходилось увеличить наемное войско и въ виду возможной новой войны съ Москвой усилить оборону границъ. Это требовало новыхъ расходовъ.

Осенью 1538 года Сигизмундъ I находился въ Польшѣ и оттуда въ Новогрудокъ послалъ панамъ-радѣ посланіе черезъ подскарбія земскаго пана Ивана Горностая съ предложеніемъ позаботиться о сборѣ новой трехлѣтней серебщины по такому разсчету: въ первый годъ 15 грошей, 12 и 10 грошей за второй и третій годы, принимая за единицу обложенія—воловью соху[41]). Впрочемъ, эти нормы были для пановъ-рады только факультативны. Господарь предлагалъ «обмолвитися» имъ «съ княжаты, паняты и съ земяны» и установить серебщину «больше, або мнѣй». Это отдавалось на разсмотрѣніе вальнаго сейма[42]).

Еще въ февралѣ 1538 года Сигизмундъ-Августъ, черезъ подскарбія земскаго пана Ивана Горностая, довелъ до свѣдѣнія своихъ пановъ-рады о необходимости сбора новаго экстреннаго податка на ближайшемъ сеймѣ въ Вильнѣ «ижъ бы слушный и готовый способъ ку обороне непрыятельской захованъ былъ». Господарь выражалъ надежду, что господарскіе совѣтники приложатъ всякую «пильность а хтивость къ тѣмъ справамъ его милости господарскимъ и земскимъ»[43]). Наконецъ, передъ самимъ сеймомъ тому же подскарбію земскому было поручено сказать панамъ-радѣ, что назначенный экстренный податокъ пойдетъ «ни на которые иншіе потребы, одъно на тые пришълые валечъные часы ку обороне земской на люди пенязькные прибылые.» Господарь обѣщалъ, что ни одного гроша не будетъ истрачено на какія-либо другія потребности государства[44]).

---

[40]) *Н. А. Максимейко.* Opus cit., Прилож., стр. 92. *М. К. Любавскій.* Opus cit., Прилож. № 14.

[41]) Р. И. Б. XXX, стр. 4—6.

[42]) Ibid., стр. 7.

[43]) *М. К. Любавскій.* Литовско-русскій сеймъ. Прилож. стр. 36.

[44]) Р. И. Б. XXX, стр. 6.

Однако на сеймѣ 1538 года серебщина не была «ухвалена». Сеймъ не состоялся, такъ какъ украинскимъ замкамъ грозила серьезная опасность со стороны «поганьства», и «вси панове-рада» и всѣ господарскіе подданные должны были отправиться въ назначенное господаремъ для сбора ополченія мѣсто[45]). Новый сеймъ былъ созванъ только весной 1540 года въ Вильнѣ. На немъ была «ухвалена» новая серебщина на три года. Единицей обложенія были приняты воловья и конная сохи, съ которыхъ поступало въ казну 12 грошей. Не исключались изъ обложенія и безземельные люди, но имѣвшіе вола и клячу. Точно также подлежали обложенію и земельные собственники, хотя бы они даже не владѣли никакимъ рабочимъ инвентаремъ. Размѣръ податка того и другого разряда подданныхъ равнялся шести грошамъ. Финансовыя затрудненія заставили сеймъ наложить серебщину даже на крестьянство, сидѣвшее «на воляхъ» на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, какъ и на остальное населеніе княжества. Впрочемъ, «воляне» подлежали обложенію только въ томъ случаѣ, если они успѣли засѣять свою пашню и пользовались уже своимъ хлѣбомъ. Неимѣвшіе рабочаго инвентаря давали въ скарбъ три гроша съ своихъ огородовъ[46]). Но и этой трехгодичной серебщины оказалось недостаточно. Въ началѣ 1542 года военныя обстоятельства заставили сеймъ разрѣшить сборъ еще одной, на этотъ разъ годичной серебщины[47]). Сборъ серебщинъ, кажется, прошелъ далеко не вездѣ гладко. Нѣкоторые изъ пановъ оказались мало исправными въ уплатѣ серебщины. Такъ князь Василій Михайловичъ Ковельскій не представилъ серебщины въ назначеные для этого сроки, хотя послѣ этого прошелъ цѣлый годъ. И господарю пришлось послать своего дворянина къ непокорному и своевольному пану, чтобы вступить отъ имени государства въ управленіе землями пана Ковельскаго до тѣхъ поръ, пока князь не заплатитъ слѣдуемой съ него серебщины[48]). Сборъ четырехъ серебщинъ далъ скарбу 80289 копъ 40 грошей 8 пѣнязей; изъ числа которыхъ оставалось пока неизрасходованными 58386 копъ 53 грошей 3 пѣнязя[49]). Четырехлѣтняя серебщина дала правительству необхо-

[45]) *М. К. Любавскій.* Opus cit., Прилож., стр. 39—40. *И. А. Максимейко.* Opus cit., Прилож., стр. 97—98.

[46]) *М. К. Любавскій.* Opus cit., Прилож., № 19. *И. А. Максимейко.* Opus cit., Прилож., стр. 101—102.

[47]) *L. Kolankowski.* Zygmund-August, стр. 304.

[48]) *L. Kolankowski.* Opus cit., стр. 304.

[49]) А. З. Р. II, № 220.

димыя для обороны средства, удовлетворила нужды текущаго момента, но нисколько не заполняла пустоты скарба, которая немедленно же обнаружилась послѣ израсходованія собранной серебщины, такъ что уже въ 1542 г. пришлось назначить сборъ второй серебщины, давшей 21928 копъ 42 гроша[50]). Принимая во вниманіе, что въ періодъ 1536—1542 г., въ теченіе 6 лѣтъ и 4 мѣсяцевъ, обыкновенныхъ доходныхъ поступленій было 171,043 копы 36 грошей 2 пѣнязя, то слѣдуетъ признать, что весь доходный бюджетъ строился преимущественно на чрезвычайныхъ налогахъ[51]).

Постоянные экстренные сборы чрезмѣрно форсировали платежныя силы шляхты и естественно вызывали съ ея стороны неудовольствіе. На сеймѣ 1547 г. шляхта выступила съ требованіемъ, чтобы собранная серебщина не отдавалась въ скарбъ, была собираема довѣренными шляхтичами и находилась на храненіи у особо избраннаго писаря, который долженъ былъ выдавать ее только «на посполитую оборону земскую, на люди служебные»[52]). Такое требованіе шляхты, несомнѣнно, актъ недовѣрія правительству. Вѣроятно, шляхта предполагала, что собранныя деньги идутъ не на то, для чего онѣ собирались.

Можетъ быть, этимъ настроеніемъ шляхты можно объяснить ухвалу на сеймѣ 1551 г. новой трехгодичной серебщины только по 5 грошей съ каждой воловьей сохи, начиная съ 1551 г. Съ конской сохи собиралась половинная серебщина. Столько же давали скарбу подданные, имѣвшіе одного вола или клячу. Не имѣвшіе земли, хотя бы безъ рабочаго инвентаря, должны были уплатить 5 грошей. Серебщина съ огородниковъ равнялась $2^1/_2$ грошамъ. Но благодаря «неурожаю и лихолѣтью» собрать ее своевременно не удалось и пришлось серебщину 1551 г. перенести на 1552 г., а послѣдняго года на слѣдующій. Однако, несмотря на эту льготу, оказалось, что многими не была уплачена серебщина за 1551 г. Очевидно, шляхта или была разорена, или неуплатой серебщины намѣревалась добиться отъ господаря удовлетворенія требованій, выставленныхъ на сеймѣ 1547 г.[53]). Кромѣ того, на христіанское населеніе господарскихъ городовъ былъ

---

[50]) *L. Kolankowski.* Opus cit., стр. 304.

[51]) А. З. Р. II, № 220.

[52]) А. З. Р. III, № 4, арт. 8.

[53]) *Н. А. Максимейко.* Ibid., Прилож. стр. 117—118—*М. К. Любавскій.* Opus cit., Прил., № 21 и 24.

наложенъ особый податокъ. Какъ бы то ни было, но неудача серебщины 1552 года понуждала правительство позаботиться о реформированіи своего финансоваго хозяйства на болѣе раціональныхъ началахъ для того, чтобы увеличить обычныя поступленія скарба.

Источники государственныхъ доходовъ въ Литовско-Русскомъ княжествѣ достаточно полно изслѣдованы М. В. Довнаръ-Запольскимъ въ его извѣстной работѣ: «Государственное хозяйство великаго княжества литовскаго при Ягеллонахъ». Говоря объ источникахъ доходовъ, М. В. Довнаръ-Запольскій указываетъ на то большое значеніе, какое господарскіе дворы и волости имѣли для государственнаго хозяйства. Поэтому вполнѣ естественно, что, когда правительство убѣдится въ невозможности пополнить господарскій скарбъ и станетъ предпринимать рядъ мѣропріятій къ улучшенію финансоваго состоянія княжества, то его вниманіе будетъ сосредоточно на господарскихъ дворахъ и волостяхъ, какъ главныхъ источникахъ доходовъ. Передъ правительствомъ тогда станетъ неотложная задача увеличенія производительности своихъ хозяйствъ въ цѣляхъ повышенія ихъ доходности. Уже въ первой половинѣ XVI вѣка правительство кое-что дѣлало въ этомъ направленіи[45]), но эти попытки, какъ будетъ указано ниже, не достигли намѣченной цѣли. И вотъ, когда попытка увиличить доходность господарскихъ дворовъ и волостей, при условіи неприкосновенности старой системы хозяйства и прежняго земельнаго строя, потерпѣла полную неудачу, правительство задумало грандіозную аграрную реформу, осуществленіе которой было вполнѣ возможнымъ, такъ какъ на внѣшнемъ рынкѣ создавались весьма благопріятныя условія для экспорта сырья изъ Литовско-Русскаго княжества.

---

[15]) См. главу „Хозяйственная политика“.

II.

Внѣшніе торговые пути и торговля въ Литовско-Русскомъ государствѣ въ первой половинѣ XVI вѣка.*)

Торговыя дороги въ XVI вѣкѣ. Торговля съ Крымомъ. Торговля съ Новгородомъ и сѣверо-восточной Русью. Западная и сѣверо-западная торговля. Предметы вывоза и ввоза. Преобладающее значеніе западной и сѣверо-западной торговли. Вліяніе торговли на народное хозяйство.

Географическимъ положеніемъ Литовско-Русскаго государства опредѣлялись его торговые пути. Они шли по направленію тѣхъ большихъ рѣкъ, которыя протекали по территоріи Литвы. Днѣпромъ Литовско-Русское государство крѣпко связывалось съ рынками Крыма и Востока. Бассейны Буга, Нѣмана и Западной Двины толкали Литовско-Русское государство на западъ, сближали его съ западными рынками, втягивали его въ сѣть весьма сложныхъ европейскихъ экономическихъ отношеній. Перемѣны въ послѣднихъ весьма рѣзко и опредѣленно отражались и на литовско-русскомъ вывозѣ и на самомъ экономическомъ укладѣ Литовско-Русскаго государства.

Во время формированія Кіевскаго государства черноморско-днѣпровская торговля была сильно развита и имѣла огромное влія-

*) Литература по исторіи торговли въ Литвѣ отличается сравнительной бѣдностью. Единственный полный очеркъ, хотя довольно схематическій, можно найти въ старой работѣ Jaroshеcwicz' а „Obraz Litwy" II (Разд. IX). Въ 1866 г. въ „Памятной книгѣ Гродненской губ." эта глава появляется на русскомъ языкѣ почти безъ всякаго сокращенія. Очень много фактическихъ свѣдѣній о литовско-русской торговлѣ, преимущественно внѣшней, можно найти въ многотомной работѣ Narbut' а „Dsieje starozitna narodu litewskiego". Немало крайне цѣннаго матеріала собрано въ работѣ М. В. Довнаръ-Запольскаго. „Государственное хозяйство великаго княжества литовскаго при Ягеллонахъ". Южно-русская торговля, изученная цѣлымъ рядомъ изслѣдователей (см. Грушевскій. Історія Украіни Руси, т. VI, Примітка 1) прекрасно очерчена М. С. Грушевскимъ въ его только что названномъ трудѣ. Кое-что дастъ для исторіи торговли Balinsk'аго „Historya miasta Wilno".

ніе для историко-политическихъ судебъ молодого государства и, въ частности, для Кіева, центра тогдашней славяно-византійской торговли[1]). Расцвѣтъ этой торговли былъ весьма непродолжителенъ. Съ половины XII вѣка эта торговля падаетъ, а вмѣстѣ съ ней и Кіевъ теряетъ свое господствующее экономическое положеніе. Однако, несмотря на неблагопріятныя условія, торговыя сношенія Кіева съ иностранцами не прекращались, но видоизмѣнился только ихъ характеръ. До XIII вѣка вся активная торговля находилась въ рукахъ русскихъ купцовъ; съ XIII вѣка русскіе купцы потеряли непосредственныя связи съ рынками, и вся торговля перешла въ руки иностранныхъ купцовъ, пріѣзжавшихъ въ Кіевъ и даже прочно тамъ осѣдавшихъ[2]). Съ утвержденіемъ на берегахъ Чернаго моря генуэзскихъ купцовъ вся южная черноморская торговля сосредоточилась въ ихъ рукахъ[3]). Генуэзскому господству былъ положенъ конецъ турками. Захватъ ими Константинополя и расширеніе сферы ихъ политическаго вліянія на территорію Балканскаго полуострова повлекли за собой и вовлеченіе черноморскаго побережья съ Крымомъ въ сферу непосредственнаго воздѣйствія Турціи[4]). Разрушеніе Кафы, главнаго центра генуэзской торговли, въ 1475 г. и захватъ Очакова въ 1490 г. отрѣзали Южную Русь и Литовское-Русское государство отъ черноморскаго побережья[5]). Благодаря этому совершенно пала торговля на югѣ Литовско-Русскаго государства. Восточная торговля потеряла свое прежнее значеніе. Но торговыя сношенія съ Крымомъ по «звыклой», «стародавней» дорогѣ продолжались несмотря на то, что черноморскія степи были захвачены кочевниками, дѣлавшими постоянные набѣги на пограничныя мѣстности Литовско-Русскаго государства, и Кіеву пришлось стать въ центрѣ этой торговли. Торговая дорога шла изъ Крыма черезъ Днѣпровскій бродъ около Тавани, а оттуда на Черкасы, Каневъ и Кіевъ[6]). Другая дорога, минуя Днѣпровскіе города, шла къ верховьямъ Самары, а оттуда къ Путивлю и Брянску, но послѣ татарскихъ погромовъ конца XV в. она являлась далеко не безопасной. Наконецъ

[1]) *М. С. Грушевскій.* Іст. Укр. Руси, т. VI, стр. 15. *В. Святловскій.* Примитивно-торговое государство, какъ форма быта, стр. 183—194.

[2]) *М. С. Грушевскій.* ibid., стр. 5—8.

[3]) Ibid., стр. 7.

[4]) *Jorga.* Geschchite d. Osmanischen Reiches, B. II., гл., 5, 7. Gotha. 1908.

[5]) Jaroschewicz. Obraz Litwy, II, стр. 94.

[6]) *М. С. Грушевскій.* Opus cit., стр. 8—9.

изъ Кіева шла на Москву дорога по Деснѣ. Эта торговая дорога всегда находилась въ рукахъ русскихъ купцовъ[7]). Восточная торговля не была особенно значительна, такъ какъ кіевское мыто въ 1486 г. вмѣстѣ съ Вышгородскимъ ежегодно давало дохода 960 копъ грошей, а путивльское вмѣстѣ съ корчмами—360 копъ грошей[8]). Мыто Брянское съ корчмой и перевозомъ и доходами отъ ваги—120 коп. грошей. Послѣ Менгли-Гиреевыхъ погромовъ кіевское мыто упало настолько, что не находилось лицъ, рѣшившихся взять его на откупъ. Правительство организовало его администрацію собственными средствами, и въ 1498 г. кіевское мыто дало около 380 копъ грошей [9]). Въ слѣдующемъ году мыто немного поднялось до 758 копъ грошей [10]). Торговое значеніе Кіева очевидно падало, и литовско-русское правительство, чтобы поднять его, освободило кіевскихъ купцовъ отъ платежа всякихъ пошлинъ на территоріи государства и даровало городу магдебургское право. И то, и другое были подтверждены при Сигизмундѣ I въ 1506 и 1514 г.г.[11]). Съ начала XVI вѣка, кажется, опять начинается экономическое возрожденіе Кіева, ставшаго виднымъ торговымъ центромъ, хотя и не такой величины, какимъ онъ былъ въ началѣ образованія Кіевскаго государства. Если вѣрить свѣдѣніямъ, сообщаемымъ Михалономъ Л., человѣкомъ, весьма освѣдомленнымъ въ литовско-русской жизни, то Кіевъ сталъ центромъ для всѣхъ товаровъ, привозимыхъ изъ Кафы. Сюда пріѣзжали купцы изъ Азіи—Персіи, Индіи, Аравіи, Сиріи. Отсюда же везли товары на сѣверъ—въ Москву, Псковъ, Новгородъ и далѣе—въ Данію и Швецію [12]). Несмотря на видимое оживленіе, едва ли торговля велась въ прежнемъ масштабѣ. Въ степныхъ пространствахъ не было никакой гарантіи для безопаснаго провоза товаровъ. Между Крымомъ и Литвой возникали разнаго рода дипломатическія недоразумѣнія, которыя, естественно, должны были отразиться въ той или другой степени на товарообмѣнѣ. Татары жаловались на козаковъ, нападавшихъ на купцовъ, у которыхъ они отнимали товары и причиняли великія шкоды. И такія недоразумѣнія были не случайны[13]). Съ своей стороны, и Крымскіе татары старались отплатить напе-

---

[7]) *М. С. Грушевскій.* Opus cit., стр. 6.

[8]) *М. С. Грушевскій.* Opus cit., стр. 12.

[9]) *М. С. Грушевскій.* Opus cit., стр. 12.

[10]) Ibid., стр. 12.

[11]) А. Ю. З. Р. II, № 103, А. З. Р. II, № 3.

[12]) Мемуары, относящ. къ исторіи Южной Россіи, I, стр. 50, Кіевъ 1890.

[13]) *Оболенскій и Даниловичъ.* Книга Посольской Метрики, № 17.

сеніемъ «шкодъ» литовско-русскимъ землямъ. И литовскому господарю приходилось выступать съ протестомъ противъ дѣйствій подданныхъ хана, которые, «приходячи подъ замки украинскіе-Кіевъ, Черкасы-Коневъ, люди берутъ и докуки и шкоды великія чинятъ»[14]). При заключеніи договоровъ съ Крымомъ, обыкновенно, принимались во вниманіе интересы купцовъ и торговли. Такъ, по договору Сигизмунда I съ Саипъ-Гиреемъ въ 1540 г. послѣдній гарантировалъ «всѣмъ польскимъ и литовскимъ купцамъ вольно пріѣзжать съ товарами до Перекопа и Кафы», а также свободный отъѣздъ послѣ распродажи товаровъ при условіи уплаты слѣдуемаго мыта. Съ другой стороны, и ханскимъ людямъ предоставлялся свободный въѣздъ въ Литву и Польшу и выѣздъ оттуда. Литовско-русскіе купцы получали также право свободной покупки товаровъ въ Качибеѣ съ уплатой соотвѣтствующихъ пошлинъ, причемъ договоръ гарантировалъ уплату вознагражденія купцамъ, если бы послѣдніе въ Качибеѣ понесли бы какіе либо убытки[15]). Договоръ этотъ, очевидно, оставался мертвой буквой, такъ какъ жалобы обѣихъ сторонъ на взаимныя «шкоды» особенно были часты послѣ 1540 года. Итакъ, накануне аграрной реформы Кіевъ былъ довольно виднымъ торговымъ центромъ для ввоза восточныхъ товаровъ и транзитомъ для послѣднихъ въ сѣверныя государства. Взаимныя отношенія татаръ и подданныхъ Литовско-Русскаго государства, отличаясь неустойчивостью, не могли содѣйствовать развитію и укрѣпленію товаро-обмѣна между обоими сосѣдними государствами.

Торговля Литвы съ Новгородомъ и сѣверо-восточной Русью тоже весьма ранняго происхожденія, и начало ея надо вести съ того момента, когда литовскіе князья стали сталкиваться съ Полоцко-Витебской землями. По мѣрѣ втягиванія послѣднихъ въ сферу политическаго вліянія Литвы, развивались и крѣпли торговыя связи Литвы съ сѣверной Русью. Купцы изъ Новгорода появляются въ Вильнѣ съ момента ея основанія: они привозили туда восточные товары, а оттуда вывозили то сырье, котораго было такъ много въ этомъ богатомъ краѣ[16]). Во времена Ольгерда эти торговыя сношенія стали еще болѣе оживленными. Купцы изъ Новгорода, Пскова и даже изъ отдаленной Москвы неоднократно посѣщали литовскую столицу[17]). Новго-

---

[14]) Ibidem., № 18.

[15]) *Daniłowicz.* Scarbiec dyplom., II, № 2329.

[16]) *Balinsky.* Historya miasto Wilno, стр. 16.

[17]) Ibid., стр. 26—27.

родцы, видимо, завязали съ Литвой крѣпкія торговыя связи, такъ какъ имѣли свои конторы въ Вильнѣ, Ковнѣ, Вилькомирѣ[18]). Эти торговыя связи уже настолько укрѣпились къ первой четверти XV вѣка, что литовско-русскій великій князь Свидригайло счелъ своевременнымъ заключить съ Новгородомъ договоръ, который обезпечивалъ литовскимъ купцамъ въ Новгородѣ торговыя преимущества и который, несомнѣнно, являлся существенной уступкой со стороны Новгорода. Раньше новгородцы спабжали Литву продуктами ганзейской торговли и были въ этомъ отношеніи полными монополистами. Литовскіе купцы стремились къ освобожденію отъ этой монополіи, и договоръ 3 января 1431 года разрѣшалъ литовцамъ пріѣздъ въ Новгородъ для торговли съ нѣмецкими купцами на нѣмецкомъ дворѣ[19]). Договоръ охранялъ неприкосновенность личности и имущества купцовъ обоихъ государствъ и опредѣлялъ тѣ торговыя пошлины, которыя собирались съ пріѣзжихъ купцовъ. Признаніе Новгородомъ суверинитета великаго князя должно было еще крѣпче связать Новгородъ съ Литовскимъ княжествомъ[20]). Но крушеніе новгородской политической независимости и переходъ Новгорода подъ власть Москвы прекратили всякія торговыя связи съ Литвой. Когда Иванъ III закрылъ въ 1487 г. въ Новгородѣ ганзейскую торговлю, то непосредственныя торговыя сношенія съ нѣмцами должны были прекратиться. Поэтому торговыя связи Литвы съ Новгородомъ становились совершенно излишними. Съ паденіемъ новгородской торговли стали развиваться торговыя связи съ Москвой, чему отчасти содѣйствовалъ и бракъ великаго князя Александра съ дочерью Ивана III. Благодаря родственнымъ связямъ, между Москвой и Литвой были временно дружественныя отношенія. Русскіе купцы, подъ охраной этихъ отношеній, стали частыми гостями въ Вильнѣ. Пришлось для нихъ выстроить особый гостинный дворъ, такъ какъ, живя на частныхъ квартирахъ, они безконтрольно вступали въ непосредственныя сдѣлки съ пріѣзжавшими туда иностранцами и тѣмъ самымъ подрывали права и преимущества виленскихъ мѣщанъ[21]). Торговыя сношенія Литвы съ Москвой были не всегда ровными. Наплывъ въ Вильну московскихъ купцовъ, начавшихъ усиленно скупать серебро, заставилъ Александра издать

---

18) *Nrbuut.* Dzieje staroz., т. III, стр. 535.
19) Собраніе госуд. грам. и догов., I, стр. 24—25.
20) А. З. Р. I, № 63.
21) *Balinsky.*, Opus cit., II, стр., 36.

распоряженіе о запрещеніи дальнѣйшаго вывоза серебра изъ Литвы. Московское посольство въ 1494—1495 г. стремилось добиться его отмѣны, но всѣ попытки окончились неудачей. Посламъ рѣшительно отвѣтили, что вывозъ серебра запрещенъ. Но московскіе купцы не обратили на это вниманія и постарались увезти контрабандой значительное количество серебра. Посланный имъ вдогонку дворянинъ Петръ Дзерпковичъ отобралъ у нихъ 20 гривенъ серебра, такъ какъ было доказано, что серебро было вывезено изъ Вильны [22]). Этотъ торговый инцидентъ пока не имѣлъ никакихъ послѣдствій, но, быть можетъ, онъ и подобныя ему недоразумѣнія дали основаніе московскому князю Ивану обвинять своего зятя передъ польскимъ посломъ въ томъ, что «нашимъ гостемъ въ его земляхъ сила и грабежи чинятся» [23]). И самъ великій князь Александръ не отрицалъ возможности нападеній на московскихъ купцовъ и въ одномъ случаѣ отдалъ распоряженіе удовлетворить претензіи московскихъ купцовъ, ограбленныхъ на дорогѣ смоленскимъ окольничимъ Борисомъ Семеновичемъ [24]). Вообще, литовско-московскія торговыя связи не могли окрѣпнуть и развиться благодаря напряженнымъ внѣшнимъ отношеніямъ. Правда, послѣднія не были все время непрерывно враждебными. Литовскій великій князь не разъ посылалъ посольства для установленія дружественныхъ отношеній. Вмѣстѣ съ послами ѣхали и торговые люди, но такія поѣздки не укрѣпляли торговыхъ связей, такъ какъ московскій великій князь иногда задерживалъ литовскихъ купцовъ, несмотря на категорическія представленія литовскаго великаго князя [25]). 8 октября 1508 года великій князь Василій заключилъ миръ съ Сигизмундомъ I. Мирный договоръ защищалъ интересы купцовъ обоихъ государствъ и право повсемѣстной торговли [26]). Въ Литву по прежнему ѣздили купцы главныхъ русскихъ городовъ: Москвы, Твери, Новгорода, Пскова. Однако, несмотря на мирный договоръ, торговыя недоразумѣнія не прекращались. Литовскій великій князь, видимо, не хотѣлъ допускать свободнаго проѣзда московскихъ гостей въ Крымъ, хотя свободный пропускъ «безъ зачепки» былъ гарантированъ мирнымъ договоромъ [27]). Для литовской торговли было выгодно держать въ сво-

---

[22]) Сборникъ Муханова, № 48.
[23]) А. З. Р. I, № 192, стр. 232.
[24]) Ibid., стр. 339.
[25]) А. З. Р. II, № 36, стр. 44.
[26]) А. З. Р. II, № 43, стр. 55.
[27]) А. З. Р. II, № 60, стр. 73.

ихъ рукахъ всю крымскую торговлю и быть посредникомъ между московскими и крымскими купцами. Литовскій великій князь, кажется, не далъ на представленіе объ этомъ никакого отвѣта, а начавшіяся довольно скоро военныя дѣйствія пока сняли этотъ вопросъ съ очереди. По всей вѣроятности, онъ былъ предметомъ обсужденія во время послѣдовавшихъ мирныхъ переговоровъ, такъ какъ договорная грамота отъ 18 февраля 1533 г. снова подтверждаетъ не только право свободнаго пріѣзда и отъѣзда купцовъ обоихъ государствъ, но и право проѣзда черезъ территорію обоихъ государствъ «съ какимъ товаромъ ни будь»[28]). И договорная грамота отъ 22 марта 1537 г. подтверждала свободу торговли между обоими государствами и неприкосновенность имущества торговыхъ людей. На этомъ основаніи литовское правительство потребовало отъ московскаго возвращенія литовскимъ купцамъ незаконно отнятаго у нихъ товара. Московскіе бояре считали произведенную конфискацію вполнѣ законной, такъ какъ литовскіе купцы стремились обманнымъ образомъ вывезти изъ Москвы «серебро и сосуды всякіе», не заявивъ предварительно о своей покупкѣ приказнымъ людямъ[29]). Вывозъ серебра изъ государства былъ такъ же нежелателенъ для московскаго князя, какъ и для литовскаго. Поэтому, требованіе контроля надъ покупкой серебра было вполнѣ естественно, но это не соотвѣтствовало планамъ литовско-русскаго великаго князя. Московскіе бояре не сочли нужнымъ удовлетворить желанія литовскихъ уполномоченныхъ, находя, что «нынѣ отдати того товару непригоже». Единственно, чего добились литовскіе дипломаты—это подтвержденія неприкосновенности имущества и личности тѣхъ купцовъ, которыхъ окончаніе перемирія можетъ застать на территоріи Московскаго княжества[30]). Московское правительство, видимо, строго слѣдило за невыходомъ изъ княжества серебра. У торговыхъ людей Гаврилы и Олферова былъ конфискованъ ихъ товаръ, въ числѣ котораго находились и различные серебряные сосуды, купленные въ Москвѣ. При заключеніи новаго перемирія въ 1542 г.[31]) эти торговые люди получили обратно свои товары, но купленное ими серебро было оставлено въ Москвѣ. Новая договорная грамота, заключенная въ іюнѣ 1542 г., также подтвердила свободу торговли

[28]) А. З. Р. II, № 120, стр. 150.
[29]) Сбор. Русск. Ист. Общ., т. 59, стр. 108.
[30]) Ibid., стр. 129.
[31]) Ibid., стр. 192.

между обоими государствами, повторивъ почти дословно содержаніе прежнихъ договорныхъ грамотъ. Свободу торговыхъ сношеній подтверждала и договорная грамота 1549 г.[32]). На дѣлѣ же такой свободы не было. Въ договорныхъ грамотахъ была гарантирована купцамъ свобода въѣзда и выѣзда въ Московское государство, а между тѣмъ Иванъ Грозный пересталъ впускать въ Москву литовскихъ евреевъ, и литовскій князь имѣлъ полное основаніе спросить Грознаго, на какомъ основаніи запрещается евреямъ въѣздъ въ Московское государство и чинятся имъ «шкоды и замованія въ товарехъ,[33]) но Иванъ Грозный все таки не согласился разрѣшить литовскимъ евреямъ свободный въѣздъ въ Московское княжество. Видимо, онъ не желалъ считаться съ содержаніемъ литовско-русскихъ перемирныхъ грамотъ[34]).

Итакъ, между Литвой и Сѣверо-Восточной Русью торговыя сношенія начались довольно рано. Сначала первое мѣсто въ торговлѣ занимали русскіе купцы. Потомъ литовскимъ купцамъ удалось освободиться отъ монополіи новгородскихъ купцовъ въ торговыхъ сдѣлкахъ съ нѣмцами. Это положеніе литовскіе торговые люди сохранили до полнаго паденія ганзейской торговли въ Новгородѣ. Торговыя сношенія съ Москвой часто прерывались, благодаря постояннымъ внѣшнимъ осложненіямъ. Несоблюденіе со стороны обоихъ государствъ условій договорныхъ грамотъ также не было факторомъ, содѣйствовавшимъ развитію торговли Литовско-Русскаго княжества съ своимъ политическимъ соперникомъ.

Торговыя сношенія литовскихъ племенъ по рѣкѣ Нѣману также фактъ очень ранняго времени[35]). Богатый край привлекалъ сюда прусскихъ и западно-европейскихъ купцовъ, для которыхъ городъ Висби на Готландѣ являлся центральнымъ пунктомъ въ торговыхъ сношеніяхъ съ литовскими племенами. Эти сношенія сначала не встрѣчали никакого препятствія, но, съ появленіемъ нѣмецкихъ рыцарей въ Пруссіи и съ переходомъ ихъ въ наступленіе на Литву, торговыя операціи должны были совершенно прекратиться. Эту перемѣну болѣе всего почувствовало центральное литовское племя, занявшее Вилію и средній Нѣманъ. На литовское объединеніе, связанное съ именемъ

---

[32]) Ibid., стр. 302.
[33]) Ibid., стр. 338.
[34]) Ibid., стр. 339.
[35]) *Narbut.* Dz. star., III, стр 355.

Миндовга повліяла борьба съ нѣмцами, необходимость отстоять свою независимость. Это признано въ современной исторической литературѣ[36]). Но, съ другой стороны, въ томъ же направленіи дѣйствовали и торговые связи и интересы. Возобновленіе прерванныхъ торговыхъ сношеній было возможно только послѣ разгрома нѣмцевъ, захватившихъ устье Нѣмана. Это сознаніе несомнѣнно толкало литовскія племена въ сторону объединенія и шло навстрѣчу объединительной, чисто династической политикѣ Миндовга. Неудачная борьба съ нѣмцами самого Миндовга, дальнѣйшее торжество нѣмцевъ въ эпоху междоусобицъ послѣ убійства Миндовга — поставили Литву и въ политическомъ и въ экономическомъ отношеніи въ полную зависимость отъ Ордена. Не измѣнились эти отношенія и послѣ вторичнаго объединенія Литвы, даже въ эпоху Витовта, несмотря на относительно дружественныя отношенія съ Орденомъ и на благопріятные для литовцевъ мирные трактаты съ нѣмцами. Нѣмцы могли совершенно не считаться съ договорами, пока они были сильны, пока устье Нѣмана было всецѣло въ ихъ рукахъ.

Въ началѣ XV-го вѣка отношенія Литвы и Ордена были сравнительно дружественными. И Витовтъ, и Ягайло одинъ послѣ другого поспѣшили заключить съ магистромъ Ордена договоръ. Характеръ того и другого договора былъ совершенно одинаковъ. Договорами 1402 въ Маріенбургѣ и 1404 гг. возстановлялись и укрѣплялись торговыя сношенія Литвы съ Орденомъ. Торговля становилась совершенно свободной. Магистръ Ордена обязывался не облагать товары никакими новыми пошлинами, за исключеніемъ только старыхъ пошлинъ (salvis tamen teloneis ab olim institutis[37]). Но договоры эти не соблюдались, и Литва очутилась въ полной зависимости отъ нѣмцевъ. Чувство національнаго самосохраненія, сознаніе необходимости вернуть обратно устья Вислы и Нѣмана — привели Польшу и Литовско-Русское княжество къ новому грандіозному столкновенію съ нѣмцами, разразившемуся на Грюнвальденскомъ полѣ и окончившемуся разгромомъ рыцарскаго ополченія. Побѣда не вернула союзникамъ ни Вислы, ни Нѣмана, но заставила Орденъ быть сговорчивѣе при обсужденіи вопроса о возобновленіи мирныхъ трактатовъ. Въ 1415 г. въ Гнѣвковѣ Витовтъ заключилъ съ Орденомъ

---

36) *Totaraitis.* Die Litauer unter dem König Mindove bis zum Iahre 1263 Freiburg. 1905.

37) Volum. Leg., I, стр. 65.

договоръ, гарантировавшій литовцамъ свободный сплавъ товаровъ по Нѣману и Вислѣ. Литовско-русскіе купцы могли отнынѣ свободно ѣздить по рѣкѣ вверхъ и внизъ со всякими товарами [38]). Съ другой стороны и прусскіе купцы пріобрѣтали такую же свободу пріѣзда и отъѣзда. Ослабленный Орденъ на этотъ разъ соблюдалъ заключенные имъ трактаты. Благодаря этому, торговое движеніе сильно оживилось. Литва стала въ изобиліи снабжать западный рынокъ различными товарами [39]). Наладившіяся отношенія не нарушались ни одной изъ сторонъ, и къ 1424 г. мирное сожительство настолько благопріятствовало мирному товарообмѣну, что обѣ стороны рѣшили снова пересмотрѣть свои взаимныя торговыя отношенія и еще разъ скрѣпить ихъ договоромъ. Послѣдній былъ заключенъ въ Нешавѣ «feria quarta intra Octavam Ascensionis Christi». Этотъ договоръ, извѣстный подъ именемъ «liber transitus», предоставлялъ всѣмъ купцамъ и жителямъ Польши, Литвы, Жмуди, Мазовіи и Руси право свободной торговли и проѣзда черезъ территорію Ордена сухимъ или морскимъ путемъ съ уплатой старыхъ пошлинъ. Литовскіе и польскіе купцы имѣютъ право останавливаться, выходить на берегъ и продавать свои товары. Впрочемъ, продажа товаровъ необязательна, и тѣмъ не менѣе администрація не должна чинить никакихъ препятствій пріѣхавшимъ купцамъ. Наконецъ, тѣ же купцы были освобождены отъ уплаты, особой пошлины, называвшейся обыкновенно «lobegeld», и обычно взимаемой за деньги, вывезенныя изъ Гданска за счетъ проданнаго хлѣба. Съ своей стороны, и литовцы съ поляками предоставляли купцамъ и населенію Ордена пріѣздъ въ нѣкоторые польскіе города съ правомъ свободной продажи суконъ (pannas) локтями (per ulnas), на ежегодныхъ ярмаркахъ, гдѣ они имѣли также право покупки и свободнаго вывоза хлѣба и мелкаго и крупнаго скота [40]). Этотъ договоръ былъ весьма выгоденъ для обѣихъ сторонъ. Литвѣ и Польшѣ онъ открывалъ свободную дорогу къ Гданску, предоставлялъ возможность отправки сырыхъ продуктовъ за границу, а также и вывоза денегъ за проданные продукты. Съ своей стороны, нѣмецкіе купцы могли заполнить польскіе рынки своими фабрикатами, купить на мѣстѣ хлѣбъ и скотъ и безъ препятствій его отправить къ себѣ домой. Такъ городъ Гданскъ становился центромъ экспортной торгов-

---

[38]) *Narbut.* Opus cit., VI, стр. 335.
[39]) *Narbut.* Opus cit., VI, стр. 335.
[40]) Vol. Leg., I, стр. 87—89.

ли для Литвы и Польши, а Гнѣзно—центромъ для нѣмецкихъ и отчасти литовскихъ купцовъ, пріѣзжавшихъ туда на ежегодныя ярмарки. Несмотря на выгодный трактатъ, все же нѣмцы находились въ болѣе привилегированномъ положеніи. Они владѣли устьемъ Вислы и Нѣмана и въ любой моментъ могли свести до минимума экспортную торговлю Литвы и Польши и даже совсѣмъ ее прекратить, что, конечно, должно было повлечь за собой весьма губительныя послѣдствія для экономическаго состоянія страны. Добрососѣдскія отношенія и торговыя сношенія продолжались безъ всякихъ недоразумѣній до 1431 года, когда Нѣмцы совершенно неожиданно напали на Польшу [41]). Магистръ Ордена счелъ своевременнымъ свести счеты съ Польшей и, воспользовавшись осложненіями между Польшей и Литвой, напалъ на Польшу, придавъ своему нападенію характеръ дружеской услуги, оказанной литовцамъ [42]). Конечно, эти недоразумѣнія обезсиливали Польшу, уменьшали ея сопротивляемость, усиливали Орденъ и давали ему возможность нарушить ранѣе заключенный договоръ и поставить литовцевъ и поляковъ въ полную отъ себя зависимость въ экономическомъ отношеніи. Борьба Свидригайла съ поляками и Сигизмундомъ только осложнила эти отношенія, такъ какъ Орденъ поддерживалъ Свидригайла. Затянувшаяся война окончилась миромъ въ Брестѣ въ 1436 г. Въ торговомъ отношеніи новый мирный трактатъ не давалъ ничего новаго, а возвращалъ лишь къ условіямъ договора 1424 года [43]).

Борьба Ордена съ поляками первое время почти не отражалась на литовскихъ торговыхъ сношеніяхъ. Орденъ не ставилъ литовцамъ никакихъ препятствій, свободно поддерживалъ съ ними торговое общеніе, получалъ изъ Литвы недостающіе товары и сбывалъ продукты своего производства. Въ теченіе этого времени литовская вывозная торговля несомнѣнно увеличилась. Но такой расцвѣтъ продолжался сравнительно недолго. Когда ставленникъ поляковъ, Сигизмундъ сталъ побѣждать Свидригайла, Орденъ стѣснилъ литовско-русскую вывозную торговлю, въ результатѣ чего Вильна пришла въ полный упадокъ [44]). Возобновленіе торговыхъ сношеній, конечно, оживило Вильну, подняло ея благосостояніе. Торговое оживленіе имѣло весьма большое

---

[41]) *Lewicky*. Powstanie Swidrygielly, стр. 106. Krakow, 1892.
[42]) Ibid., стр. 111.
[43]) Vol Leg., стр. 121, 122.
[44]) *Balynsky*. Opus cit., стр. 23.

значеніе для всего района, захваченнаго экспортной торговлей. Недаромъ литовско-русское правительство въ 1441 г. разрѣшило Вильнѣ устраивать ежегодно по двѣ ярмарки[45]), а литовско-русское купечество получило право свободнаго, безпошлиннаго проѣзда по боярскимъ езамъ, разставленнымъ по Виліи и Нѣману[46]). Однако, это торговое оживленіе всецѣло находилось въ полной зависимости отъ воли и плановъ тѣхъ, кто владѣлъ устьями Вислы и Нѣмана. Литовско-русскій и польскій экспортъ требовалъ свободнаго выхода въ море, толкалъ въ сторону борьбы за устья рѣкъ, въ особенности Вислы. Такъ намѣчалась борьба за Поморье, ведомая, и съ польской и нѣмецкой сторонъ, съ небывалымъ упорствомъ и ожесточеніемъ и окончившаяся полной побѣдой Польши. Торунскій трактатъ, заключенный 16 октября 1466 г., составляетъ новую эру въ развитіи литовско-русской внѣшней торговли, такъ какъ Орденъ уступалъ Польшѣ западную часть своихъ владѣній съ городомъ Гданскомъ во главѣ [47]). Восточная часть Пруссіи оставалась за Орденомъ, но такъ какъ она имѣла первостепенное значеніе для литовско-русскаго вывоза, то свобода торговыхъ сношеній была обезпечена соотвѣтствующими статьями въ договорѣ. Кромѣ того, договоръ гарантировалъ личную и имущественную неприкосновенность купцовъ. Даже въ томъ случаѣ, когда возчики товаровъ объѣзжали таможни, то они подвергались наказанію—штрафу, но самый товаръ оставался неприкосновеннымъ[48]). Внѣшнимъ показателемъ развитія торговли послѣ Торунскаго мира можетъ служить привилей Александра отъ 10 марта 1503 года, данный Вильнѣ на право постройки гостиннаго двора, въ которомъ только могутъ останавливаться «чуземцы»[49]), и разрѣшеніе виленскимъ купцамъ права свободнаго безпошлиннаго проѣзда по всей территоріи польскаго королевства (libere et secure tam per aquam quam per terram absque exactione et solutione toeloneorum nostrorum)[50]). Дальнѣйшія отношенія между Орденомъ и Литовско-Русскимъ княжествомъ, ставшія весьма дружелюбными на почвѣ союза противъ Москвы, должны были усилить литовско-русскій вывозъ и вообще содѣйствовать литовско-русской торговлѣ. Недаромъ Вильна становится первымъ по падав-

45) *Dubienski.* Opus cit., № 7.
46) Ibid., № 8.
47) Vol. leg., I, стр. 205.
48) Vol. leg. I, стр. 215.
49) *Dubienski.* Opus cit., № 13.
50) Ibid., № 12.

шему на него обложенію городомъ, что, конечно, слѣдуетъ поставить въ прямую связь съ оживленіемъ литовско-русскаго экспорта при Сигизмундѣ I[51]). Это торговое оживленіе въ значительной степени содѣйствовало приливу денегъ въ Литву и увеличенію богатствъ частныхъ лицъ, что уже было замѣчено Стрыйковскимъ[52]). Наконецъ, усиленное развитіе откупной системы при эксплуатаціи таможенныхъ пошлинъ можетъ также служить вѣрнымъ признакомъ большого торгового оживленія[53]). Распаденіе Нѣмецкаго Ордена и образованіе герцогства Прусскаго было несомнѣнно на пользу литовско-русской торговли. Прусскій герцогъ Альбертъ былъ слишкомъ слабъ и зависимъ отъ Польши, чтобы ставить какія либо препятствія литовскому-русскому вывозу. Трактатъ, заключенный 21 іюня 1529 г. Сигизмундомъ I и его сыномъ съ Альбертомъ, повторяетъ прежнія права свободнаго проѣзда и торговли, подъ условіемъ, чтобы проѣзжающіе не ѣздили новыми дорогами и платили соотвѣтствующія пошлины[54]). Благодаря этому трактату еще болѣе крѣпчали торговыя связи съ западомъ черезъ Пруссію, а рѣка Нѣманъ превращалась въ торговый путь первостепеннаго значенія, по которому литовско-русскіе купцы, какъ и по Вислѣ, сплавляли свои товары. Такимъ образомъ, давнишнія торговыя сношенія съ Западомъ черезъ Польшу и Нѣмецкій Орденъ по Вислѣ и Нѣману къ тридцатымъ годамъ XVI столѣтія достаточно окрѣпли, а настойчивость, съ которой литовскіе князья и польскіе короли вели свою политику относительно Поморья, можетъ служить прекраснымъ показателемъ того, какъ руководители внѣшней политики княжества цѣнили рѣчныя дороги для развитія товарообмѣна съ Западомъ. Развитіе этихъ отношеній должно было въ той или другой степени отразиться на господарскомъ и частновладѣльческомъ хозяйствѣ.

Западная Двина стала для Литвы весьма важной торговой артеріей со времени признанія Полоцкой землей суверенитета литовско-русскаго князя. До этого времени Полоцкая земля находилась въ довольно оживленныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ Ригой. Правда, преимущество въ этихъ сношеніяхъ находилось на сторонѣ Риги, которая, съ одной стороны, не пускала русскихъ купцовъ дальше устья Западной Двины изъ боязни, чтобы они не вступили въ непосредственныя сно-

---

51) *Balynski*, Opus cit., II, стр. 36 и слѣд.

52) *Stryikowsky*. Kronika, Ks. XXV, R. III. w Krölewcu. MDLXXXII.

53) *С. А. Бершадскій*. Документы и регесты къ исторіи литовскихъ евреевъ. №№ 51, 53, 54, 55, 58, 63, 64, 70.

54) Vol. leg., I, стр. 490—491.

шенія съ Западомъ, а съ другой стороны, ставила всякія препятствія и ганзейскимъ купцамъ въ ихъ прямыхъ сношеніяхъ съ подвинскимъ населеніемъ,[55]) задерживала необходимые для полочанъ товары, въ особенности хлѣбъ, и тѣмъ часто ставила ихъ въ весьма затруднительное положеніе. Всѣ эти условія, частыя нарушенія торговыхъ договоровъ со стороны Риги—не могли содѣйствовать развитію и укрѣпленію торговыхъ оборотовъ. Съ развитіемъ сѣверовосточной торговли литовскіе купцы могли покупать недостающіе имъ товары въ Новгородѣ, гдѣ они добились большихъ преимуществъ: права непосредственныхъ торговыхъ сдѣлокъ съ ганзейскими купцами и гдѣ они могли безъ посредства новгородцевъ продавать и свои товары. Съ паденіемъ новгородской независимости и прекращеніемъ ганзейской торговли, еще до закрытія нѣмецкаго двора Иваномъ III въ 1495 г., Западная Двина стала большой дорогой, по которой литовско-русскіе купцы могли сбывать свои товары и привозить заграничные. Литовско-русское правительство, какъ только замѣтило, какое значеніе Западная Двина начинаетъ занимать въ торговыхъ сношеніяхъ, сейчасъ же поставило Полоцкъ въ привилегированное положеніе предоставленіемъ мѣсту Полоцку магдебургскаго права съ правомъ устройства трехъ ярмарокъ въ годъ, помимо которыхъ ни одинъ рижскій купецъ «не будетъ продавать и куповать»[56]). Развитіе торговыхъ оборотовъ, несомнѣнно, много способствовало и установленію дружественныхъ отношеній съ магистромъ Нѣмецкаго Ордена Плеттенбергомъ и участію его въ борьбѣ съ Москвой. Послѣдовавшее паденіе политическаго вліянія Ордена и все болѣе и болѣе обострявшіяся отношенія съ Москвой заставляли Орденъ крѣпко держаться Литвы и Польши. Новая политическая ситуація должна была упрочить торговыя сношенія по Западной Двинѣ,[57]) и въ то же время она толкала Литву въ сторону захвата всей Ливоніи, что, въ концѣ концовъ, и удалось литовско-польскому правительству. Такимъ образомъ, торговая дорога по Западной Двинѣ, не имѣвшая раньше большого значенія, съ конца XV вѣка пріобрѣтаетъ весьма видное значеніе въ установленіи и развитіи торговыхъ оборотовъ со всей Ливоніей.

---

[55]) *Бережковъ.* О торговлѣ русскихъ съ Ригой (Ж. М. Н. Пр. 1879, февр.)
В. Данилевичъ. Исторія Полоцкой земли, стр. 221—223, Кіевъ, 1896.
Тихомировъ. Торговыя сношенія Полоцка съ Ливоніей въ XIV вѣкѣ. (Ж. М. Н. Пр. 1877, XII.)
Гильдебрандтъ. Нѣмецкая контора въ Полоцкѣ.

[56]) А. З. Р. I, № 159.

[57]) *Schiemann.* Russland Polen und Livland I—II, 1886—1887.

По Крымско-Днѣпровской дорогѣ въ Литовско-Русское государство направлялись караваны съ восточными товарами. Часть изъ нихъ оставалась въ Кіевѣ, гдѣ покупалась мѣстными купцами, которые, пользуясь таможенными привилегіями, могли развозить товары для продажи по всей территоріи Литовско-Русскаго государства. Для другой части товаровъ Кіевъ былъ только транзитнымъ этапомъ, черезъ который шли товары въ Сѣверо-Восточную Русь, въ Швецію и Данію. Торговля восточными товарами находилась въ рукахъ иностранцевъ, снаряжавшихъ съ этой цѣлью большіе караваны, что все-таки не спасало иностранныхъ купцовъ отъ возможныхъ нападеній въ степи. На караванный характеръ восточной торговли указываетъ Михалонъ Л., на то же указываютъ и сохранившіяся ревизіи южныхъ замковъ, напр. Черкасъ, гдѣ съ останавливавшихся каравановъ старосты брали пошлину—мыто [58]). И жалобы крымскихъ хановъ на козацкія нападенія на крымскихъ купцовъ говорятъ также о караванномъ характерѣ южной торговли. Цѣнность каждаго каравана остается неизвѣстной, но можно предположить, что отправка маленькаго каравана была и невыгодна, и не безопасна. Косвеннымъ показателемъ размѣровъ ввоза можетъ служить извѣстіе, что крымскій купецъ Магметъ Куляхъя Шабой шелъ въ Москву съ товарами цѣнностью въ 862 тыс., неизвѣстно только въ какой валютѣ, которые козаки отняли у него товаръ около урочища Сеняжары[59]). Хотя правительство и оправдывало себя тѣмъ, что они ѣхали «неслушными дорогами», «новыми, а не звычайными», все-таки ему пришлось уплатить убытки, по собственной оцѣнкѣ купцовъ, въ размѣрѣ 500 золотыхъ червонныхъ [60]). Отсутствіе таможенныхъ данныхъ за этотъ періодъ не даетъ возможности болѣе точно выяснить цѣнность восточнаго ввоза, находившагося всецѣло въ рукахъ иностранныхъ купцовъ. Только торговля солью была въ рукахъ литовско-русскихъ купцовъ, что гарантировалось и крымско-литовскимъ соглашеніемъ. Восточный ввозъ складывался изъ предметовъ восточнаго производства. При проѣздѣ въ Литву вышеупомянутаго купца козаки отобрали у него «аксамитъ въ штукахъ и въ гарупахъ, золототкапный и безъ золота, шелковую камку разныхъ сортовъ, какъ-то: бурску, кухтерь, тафту разныхъ цвѣтовъ, петканый шелкъ, продававшійся обыкновенно на вѣсъ. Трудно сказать, были ли у купца

[58]) Ар. Ю. З. Р. часть VII, т. I, стр. 82.

[59]) *Оболенскій* и *Даниловичъ*. Посол. Метр., № 19.

[60]) Ibid., №№ 22, 24, 26.

только эти товары, или онъ везъ съ собою другіе, о которыхъ слѣдственный актъ не счелъ нужнымъ упомянуть. Но вполнѣ возможно предположить вслѣдъ за М. С. Грушевскимъ, что въ караванѣ могли находиться и другіе предметы восточнаго производства[61]). При проѣздѣ торговыхъ каравановъ черезъ черкасскій замокъ въ пользу старосты поступало мыто—въ видѣ подарковъ—позолоченной александрійской камки, метра шелка, ковра, тижми, тебеньки, сафьяна. Подстароста на свою долю получалъ: чамлатъ, сафьянъ, полъ-метра шелка, гривенку перца[62]). Болѣе подробно восточные товары перечислены въ уставѣ стараго мыта, опубликованной въ 1569 году. Изъ Турціи въ Литву шли—китайки «бробаха,» камка шамская, миндаль, рисъ, ладанъ, лазурь, лакъ, сафьянъ, хлопокъ, рысь, россомаха, лисы мурмарка, перецъ, тминъ, шафранъ, цинамонъ, гвоздика, мускатъ, клей, ковры, чамлетъ, мухояра, краски, фарраръ, китайки, турецкій шелкъ на вѣсъ, бурскій и цареградскій, канюхи, киндяки, куфтери, ящеричныя головки[63]). Помимо восточныхъ товаровъ и соли въ Литву ввозились продукты разныхъ степныхъ промысловъ. По показаніямъ Михалона Л., Днѣпромъ въ Литву ввозили рыбу, мясо, шкуры, медъ. Михалонъ Л. отмѣчаетъ большіе уловы самой разнообразной рыбы, за который ѣздили промышленники[64]). Рыбный промыселъ, видимо, былъ выгоднымъ предпріятіемъ, такъ какъ въ степь направлялись предприниматели съ верхняго Днѣпра: изъ Могилева, Быхова, Мозыря и др. мѣстностей. Они уплачивали старостамъ восьмую часть «зъ рыбъ, зъ сала, зъ мяса, зъ кожъ и зъ всего того,» что они увозили домой[65]). Такая промысловая дѣятельность не всегда развивалась безпрепятственно. Иногда она встрѣчала противодѣйствіе со стороны мѣстной администраціи. Создававшійся конфликтъ тогда поступалъ на разсмотрѣніе господаря[66]).

Что касается вывоза, то характеръ его былъ двоякій. Черезъ Литовско-Русское государство шли въ Орду товары московскаго происхожденія. Свободной транзитъ обезпечивался тѣми мирными договорами, которые заключали между собой Литва и Москва. Отсюда вывозили прежде всего мѣха: куньи, горностаевы, норечьи, выдрин-

---

[61]) *М. С. Грушевскій* Іст. Укр. Русп, IV, стр. 51.

[62]) Ар. Ю. З. Р., часть VII, т. I, стр. 82.

[63]) *М. В. Довнаръ-Запольскій.* Госуд. Хоз., т. I, Прил. стр. XLVI.

[64]) Мемуары, отн. къ ист. юж. Рос., I, стр. 49—50.

[65]) Ар. Ю. З. Р., часть VII, т. I, стр. 85.

[66]) А. З. Р. II, № 195.

ные, медвѣжьи, бобровые, волчьи, песцовые, черные собачьи, собольи. Мѣха вывозились сороками, въ шкурахъ въ отдѣланномъ видѣ или въ шубахъ—пупковыхъ, собольихъ, куньихъ, лисьихъ, песцовыхъ, кроличьихъ, бѣличьихъ. Кромѣ того, изъ Москвы шелъ рыбій зубъ[67]). Литовско-русскій вывозъ ограничивался лишь невольниками, которыхъ немалое количество попадало въ руки восточныхъ купцовъ, о чемъ не безъ горечи и ироніи пишетъ Михалонъ Литвинъ[68]). Ограниченіе литовско-русскаго вывоза только одними невольниками—лучшій показатель пассивности литовско-русской торговли съ востокомъ. Таковы предметы вывоза и ввоза по Крымско-Днѣпровской дорогѣ. Захватъ иностранными купцами юговосточной торговли имѣлъ весьма большое значеніе для государственнаго хозяйства. Литовско- Русское государство вывозило на востокъ невольниковъ, но зато ввозило немало восточныхъ товаровъ, за которые приходилось платить серебромъ. Несомнѣнно, въ юговосточной торговлѣ торговый балансъ былъ не въ пользу Литвы: притока серебра не было, а незначительное количество товаровъ, продаваемыхъ на Западъ отнюдь не могло компенсировать отлива металлической монеты. Правда, привозимые товары облагались внутренними таможенными пошлинами. Но это давало доходъ господарскому скарбу, но не увеличивало въ странѣ наличности метталической монеты. Естественно, что при сложившихся обстоятельствахъ и характерѣ товаро-обмѣна литовско-русское правительство не было заинтересовано въ поддержаніи и укрѣпленіи Крымско-Днѣпровской торговли. Но за то выяснилось торговое значеніе Кіева, какъ центра для этого рынка, какъ пункта, откуда товары направлялись въ разныя стороны, какъ сухопутными, такъ и рѣчными путями, преимущественно тѣмъ же Днѣпромъ, поскольку внѣшнія отношенія позволяли имъ пользоваться.

Герберштейнъ совершенно вѣрно замѣтилъ, что «не всякому купцу, кромѣ литовцевъ, поляковъ или подчиненыхъ ихъ власти, открытъ свободный доступъ въ Московію» [69]). Этотъ свободный въѣздъ былъ подтверждаемъ со стороны Москвы и въ послѣдующее время, когда между двумя сосѣдними государствами наступали мирныя отношенія. Постоянное поддерживаніе торговаго общенія объясняется тѣмъ, что Литва и Москва нуждались во взаимномъ товаро-обмѣнѣ.

[67]) *М. В. Довнаръ-Запольскій.* Госуд. Хоз. I, Прил. стр. XLV.

[68]) Мемуары, отн. къ ист. юж. рос., стр. 20.

[69]) *Герберштейнъ.* Записки о московскихъ дѣлахъ, пер. Л. И. Маленна, стр. 90. СПБ. 1909.

Хозяйственная структура Московскаго и Литовско-Русскаго государствъ была приблизительно одинакова, характеръ производствъ былъ тоже одинаковъ, но Литва ближе лежала къ Западу, откуда шли разные продукты европейской промышленности, откуда шло въ Литву серебро въ обмѣнъ за проданные товары. Уже это одно дѣлало литовско-русскій рынокъ очень цѣннымъ для Москвы. И дѣйствительно, съ конца XV вѣка эти отношенія, какъ мы видѣли, стали весьма оживленными. Москвичи и купцы изъ другихъ русскихъ городовъ стали постоянными и желательными гостями въ Вильнѣ, гдѣ они покупали товары, привозимые въ Литву изъ-за границы, и въ тоже время пытались скупить серебро, за чѣмъ такъ зорко слѣдило литовско-русское правительство. Съ паденіемъ ганзейской торговли до половины XVI вѣка западные товары шли въ Москву черезъ Литву, для покупки которыхъ или московскіе купцы ѣздили туда, или литовскіе купцы пріѣзжали въ Москву, также въ надеждѣ вывезти изъ Москвы побольше серебра въ обмѣнъ за проданные товары. Литва была очень богата сырыми продуктами, вывозимыми за границу. Не страдала Литва также отъ недостатка дикихъ звѣрей, наполнявшихъ литовскія пущи, преимущественно въ восточной ея половинѣ. Въ Литвѣ водились зубри, лоси, олени, лани, медвѣди, дикіе кабаны и свиньи, серны, рыси [70]). Но съ другой стороны, въ Литвѣ не было другихъ сортовъ мѣховъ, на которые былъ спросъ на западно-европейскомъ рынкѣ и которыхъ было достаточное количество въ Московіи. Такъ, въ Литву вывозились собольи и куньи мѣха, горностаи, лисьи мѣха, медвѣжьи, волчьи, норки, выдры, песцы, бобры. Кромѣ того, туда же шли кожи и длинные бѣлые зубы моржей [71]). Все это шло въ Литву въ большомъ количествѣ, гдѣ вымѣнивалось на серебро или европейскіе продукты. Для покупки этого же товара литовцы ѣздили также въ Московію. Помимо непосредственнаго товарообмѣна, московскіе купцы черезъ Литву, главнымъ образомъ черезъ Кіевъ, ѣздили къ татарамъ, которымъ продавали какъ сырые продукты, такъ и фабрикаты своего производства [72]). Торговыя сношенія съ Литвой могли быть особенно оживленными въ концѣ XV в., когда Литва находилась съ Москвой въ мирѣ и дружбѣ. Но въ XVI в., когда внѣшнія недоразумѣнія стали хроническими, а въ мирное время

---

[70]) Ibid., стр. 173—175. Статутъ 1529 г. Разд. IX, арт. 2.

[71]) Ibid., cit, стр. 91, 95—96.

[72]) Ibid., стр. 91. *Довнаръ-Запольскій.* Госуд. хоз., Прил. стр. XLVI.

московское правительство чинило литовскимъ купцамъ всякія препятствія, что вызывало со стороны литовцевъ соотвѣтствующія дѣйствія, едва ли этотъ товаро-обмѣнъ могъ принять большіе размѣры. Московскій рынокъ для Литвы, конечно, имѣлъ большое значеніе, какъ для скупки сырья, такъ и для сбыта европейскихъ фабрикатовъ, но едва-ли не имѣлъ большаго значенія литовскій рынокъ для Москвы, которая получала оттуда европейскіе фабрикаты и металлы, въ которыхъ такъ нуждалась Москва. Если даже допустить, что въ половинѣ XVI столѣтія товаро-обмѣнъ между Москвой и Литвой сталъ незначительнымъ, то сокращеніе его не было болѣзненно для Литвы, вниманіе которой было направлено на западъ, и которая была всецѣло захвачена вихремъ оживленнаго европейскаго товаро-обмѣна. Во всякомъ случаѣ, литовско-московская торговля имѣла для литовско-русскаго народнаго хозяйства совершенно второстепенное значеніе, не могла увеличить наличность драгоцѣннаго металла въ странѣ, а также повліять и на дальнѣйшее развитіе самого народнаго хозяйства.

Совсѣмъ иное вліяніе оказала торговля съ западомъ, куда торговые караваны направлялись по рѣчнымъ артеріямъ къ Балтійскому морю. Характеръ литовско-русскаго и западно-европейскаго товарообмѣна выяснился съ самаго начала развитія самыхъ торговыхъ сношеній, и такимъ оставался все время въ теченіе всего XVI столѣтія съ той лишь разницей, что до половины XV столѣтія Тевтонскій Орденъ ставилъ всякія препятствія для торговли и стремился быть посредникомъ между литовскими и европейскими купцами. Послѣ Торунскаго мира и присоединенія къ Польшѣ устья Вислы, а также признанія польскаго сюзеренитета со стороны гроссмейстера нѣмецкаго ордена—это посредничество теряло свое значеніе, и Литва могла черезъ Гданскъ и Кролевецъ вступить въ прямыя сношенія съ Западной Европой, всегда нуждавшейся въ продуктахъ суроваго литовскаго края, а въ XVI вѣкѣ уже рѣшительно бывшей не въ состояніи безъ нихъ обходиться. Сначала по Нѣману, а потомъ, главнымъ образомъ, по Вислѣ, по направленію къ Гданску, Литва вывозила преимущественно лѣсъ, а оттуда привозила сукна, сахаръ, желѣзо и сельди[74]). Литва особенно нуждалась въ соли, такъ какъ своей у нея не было, но пока не установились торговыя сношенія съ Крымомъ, недостатокъ соли, по всей вѣроятности, неоднократно ощущался. Также надо предполагать, что и мѣха были предметомъ вывоза, и притомъ весьма цѣннымъ,

[74]) *Jaroschewicz.* Obraz Litwy II, стр. 99.

въ составѣ литовскаго экспорта. Такъ называемый «Liber Transitus» 1424 года указываетъ и на вывозъ хлѣба въ Гданскъ. Вывозъ хлѣба былъ, надо полагать, довольно значительнымъ, такъ какъ въ договорѣ поддерживалось право свободнаго вывоза денегъ, вырученныхъ отъ продажи хлѣба. Кромѣ того, въ Пруссію шелъ мелкій и крупный скотъ. Съ своей стороны, нѣмецкіе города поставляли въ Литву сукна [75]). Это были главные продукты ввоза и вывоза. Помимо этого допускались продажа и покупка и другихъ предметовъ—«alias res», привозимыхъ на ежегодныя ярмарки. Къ этимъ «alias res» надо отнести мѣха: соболи, куницы, тхоры, бѣлки, горностаи, лисицы и норицы; воскъ, пепелъ, а также разные продукты, доставляемые только изъ Западной Европы. Такъ съ самаго начала оживленія товаро-обмѣна между Литвой и западными государствами, первая выступала въ качествѣ поставщика сырья и покупщика европейскихъ продуктовъ. Въ Литву ввозились сукна, соль, перецъ, имбирь и иные зелья, миндаль, шафранъ, мушкатъ, гвоздика, цвѣтъ мушкатовый, кгалкганъ, цытварь и «иншие зелья»; сѣкиры, ножи «и иншие рѣзи таковскіе» и желѣзо, олово, мѣдь, цинкъ, мосляжъ, фиги, розынки, вино, пиво нѣмецкое и «иншое чужое питье» [76]). Сукна были—«лунское, колтришъ и рисское, чешское цвикажкое, быковское, шамборское, потрадамское, махальское, штаметъ.» Самыми дорогими были сукна: «лунское и штаметъ». Затѣмъ шло сукно «махальское». Одинаковую цѣнность имѣли «колтришъ и потрадамское». Слѣдующее по цѣнности занимали мѣсто сукна «рисское, цвѣкажское, чешское». Самыми дешевыми сортами суконъ были сукна «быковское и шамборское» [77]). Правда, такое соотношеніе между цѣнностью суконъ намѣтилось въ 60-хъ годахъ XVI столѣтія, но несомнѣнно таковымъ оно было и въ началѣ столѣтія. Такимъ образомъ, наиболѣе цѣнными были бельгійскія и голландскія сукна. Большинство изъ продуктовъ западно-европейскаго ввоза, за исключеніемъ металловъ и соли, можно причислить къ предметамъ роскоши. Такъ какъ своей соли въ Литвѣ не было, то ее приходилось, какъ замѣчаетъ Герберштейнъ, привозить даже изъ Британіи [78]). Тотъ же наблюдатель отмѣчаетъ широко развитую торговлю съ Гданскомъ—смолой, лѣсомъ [79]). До половины XVI столѣтія въ литовскомъ вывозѣ

---

[75]) Volum. legum I, стр. 88.

[76]) А. З. Р. I, № 159.

[77]) *Довнаръ-Запольскій.* Opus cit., Прил. XLVII.

[78]) *Герберштейнъ.* Opus cit., стр. 167.

[79]) *Герберштейнъ.* Opus cit., стр. 167.

зерно занимало наименьшее мѣсто. Много ли могла дать сама Литва, весьма отсталая въ сельско-хозяйственномъ отношеніи? Но съ начала XVI столѣтія вывозъ хлѣба увеличивается, на него растетъ спросъ. Недаромъ правительство стало переходить къ болѣе интенсивному веденію хозяйства посредствомъ усиленія его регламентаціи и организаціи надъ нимъ контроля [80]) съ цѣлью увеличить производительность и доходность господарскаго хозяйства. Съ теченіемъ времени хлѣбный вывозъ сталъ занимать все болѣе и болѣе видное положеніе. Недаромъ литовско-русская шляхта добивалась измѣненія направленія экономической политики своего правительства и стремилась конкурировать съ господаремъ въ вывозѣ хлѣба за границу [81]). Усиленная эксплуатація господарскихъ пущъ и послѣдующее введеніе лѣсной монополіи является прекраснымъ показателемъ того, какое значеніе для литовскаго господарскаго хозяйства имѣлъ вывозъ лѣса. Это оцѣнила также и шляхта: недаромъ она такъ страстно протестовала противъ лѣсной монополіи и отстаивала для себя свободу безпошлиннаго вывоза. Во всякомъ случаѣ, если не хлѣбъ, то лѣсные продукты съ половины XVI столѣтія заняли доминирующее положеніе въ литовскомъ вывозѣ. Можно также считать, что вывозъ шкуръ крупнаго и мелкаго домашняго скота составлялъ весьма замѣтную статью въ общей цѣнности литовскаго вывоза. По крайней мѣрѣ, сохранившіяся польскія таможенныя книги даютъ совершенно отчетливое представленіе о постоянно увеличивавшемся вывозѣ заграницу кожъ домашняго крупнаго и мелкаго скота [82]). Литовскіе куп-

---

80) См. ниже гл. „хозяйственная политика“.

81) См. главу „экономическая политика“.

82) Сохранившіяся нѣкоторыя данныя относительно вывоза хлѣба изъ Гданска могутъ служить превосходной иллюстраціей того, какъ все болѣе и болѣе увеличивался въ Западной Европѣ спросъ на польско-литовскій хлѣбъ. Такъ въ 1490 г. было вывезено 9817½ ластовъ хлѣба, а въ 1492 г. вывозъ увеличился до 10442 ластовъ. Въ 1556 г. черезъ одну Вроцлавскую комору на Вислѣ прошло 17358 ластовъ хлѣба (Kutrzeba. Dzieje handlu i kupiectwa krakowskiego. Krakow, стр. 22). Далѣе, черезъ Краковскую таможню было провезено въ 1520 году 31781 штукъ кожъ, а въ 1542 г. вывозъ доходилъ до 74864 кожъ, въ числѣ которыхъ 46888 штукъ было крупнаго скота и 27976 штукъ мелкаго скота. Затѣмъ черезъ туже таможню тогда же было вывезено 3550 смушекъ, 9340 каменей воска, 16362 воловъ (Ар. Варш. Казен. Палаты. Тамож. книги, № 8). Такимъ же представляется польскій вывозъ и черезъ Познанскую таможню. Съ ноября 1519 г. и въ теченіе всего 1520 г. было вывезено 10531 каменей воску, 26627 воловьихъ кожъ, 4155 штукъ кожъ мелкаго скота, 18100 смушекъ, 686 быковъ, 234 бочки меду. Въ 1535 году вывозъ кожъ крупного скота равнялся 55810 штукамъ, но уменьшился вывозъ

цы бывали частыми гостями въ Польшѣ, на рынкахъ и ярмаркахъ, откуда литовское сырье поступало на европейскій рынокъ. Къ половинѣ XVI вѣка вся западная Европа потребляла литовско-польское сырье. Тамъ литовско-польскій воскъ продавался на рынкахъ Нюренберга, Лейпцига, Аугсбурга, Вюртемберга. Воловьи шкуры продавались въ Майнцѣ, Франкфуртѣ, Венеціи, въ городахъ Фландріи, Лейпцигѣ, Магдебургѣ, Нюренбергѣ. Шкуры мелкаго скота шли въ Италію, Чехію, Франкфуртъ. По тѣмъ же центрамъ расходились и литовско-польскіе мѣха. Широкое потребленіе въ Западной Европѣ литовско-польскаго сырья указываетъ, что послѣдняя совершенно не могла обходиться безъ него, такъ какъ сырье ей было необходимо для выработки своихъ фабрикатовъ. Значительная доля этого сырья, конечно, приходилась на Польшу, ближе и тѣснѣй связанную съ Западной Европой. Благодаря своему географическому положенію, она находясь съ Западной Европой въ болѣе оживленныхъ торговыхъ сношеніяхъ, чѣмъ Литва, и уже къ половинѣ XVI вѣка Польша, подобно Западной Европѣ, переживала революцію цѣнъ, какъ слѣдствіе наплыва серебра и паденія его цѣнности. Къ половинѣ XVI столѣтія то же явленіе въ Литвѣ было еще совершенно незамѣтно [83]). Денежный капиталъ пока недостаточно полно насытилъ Литву, недостаточно крѣпко захватилъ въ свои желѣзные тиски литовско-русское народное хозяйство, такъ какъ послѣднее пока было довольно отсталымъ и не могло снабжать Европу большимъ количествомъ продуктовъ. Тѣмъ не менѣе, хозяйственная жизнь въ Литвѣ была крѣпкими нитями связана съ Западной Европой. Литва стала для послѣдней поставщикомъ своего сырья, и выгоды такого товаро-обмѣна заставляли литовско-русское правительство и частныхъ владѣльцевъ переходить къ новой системѣ веденія хозяйства, стремиться къ его интенсификаціи, что въ концѣ концовъ поставило передъ правительствомъ вопросъ о необходимости грандіозной аграрной реформы, которая позволила бы сразу поднять производительность господарскаго двороваго хозяйства, выбросить на рынокъ возможно большее количество товара-сырья и получить вмѣсто него тотъ металлъ, въ которомъ такъ нуж-

воску до 4976 каменей. Вывозъ меду равнялся 1108 тонамъ. Въ 1539 году количество прошедшихъ черезъ таможню кожъ крупнаго скота равнялось 40930, а мелкаго скота—49075. Общее количество зарегистрированныхъ смушекъ равнялось 95920. За то уменьшился вывозъ воску и меду. Количество перваго равнялось 3574 камнямъ,—второго только 911 тонамъ (Ар. Вар. Казен. Пал., Тамож. книги, № 22).

[83]) *Szęlagowsky*. Przewrot peniedz w XVI wieku. Lwów. 1892.

дался господарскій скарбъ, который наполнить, при веденіи хозяйства по старой системѣ, было совершенно невозможно. Такъ условія западно-европейскаго товаро-обмѣна ставили на очередь два вопроса: 1) объ улучшеніи сельскаго хозяйства и увеличеніи его производительности 2) объ охранѣ господарскихъ лѣсовъ и о наиболѣе производительныхъ пріемахъ ихъ эксплуатаціи. Въ этомъ одинаково были заинтересованы и самъ господарь и частные землевладѣльцы, въ особенности первый, какъ собственникъ большаго количества дворовъ и необозримыхъ пространствъ лѣсныхъ пущъ, который притомъ участвовалъ въ завязавшемся товаро-обмѣнѣ далеко не въ одинаковыхъ со шляхтой условіяхъ, которая, естественно, будетъ стремиться къ тому, чтобы поставить и себя въ болѣе благопріятныя въ торговомъ отношеніи условія. Такимъ образомъ, къ половинѣ XVI вѣка первостепенное значеніе западно-европейской торговли стало совершенно очевиднымъ. Благодаря этому, остальныя торговыя направленія теряли свое значеніе для народнаго хозяйства. Центръ тяжести экономической жизни переносился на Западъ, въ мѣстности, близкія къ главнымъ рѣчнымъ артеріямъ, и на этихъ-то мѣстностяхъ раньше всего должна была отразиться новая экономическая обстановка, а уже отсюда ея вліяніе въ той или другой мѣрѣ сказывалось и на болѣе отдаленныхъ восточныхъ областяхъ Литовско-Русскаго государства, сравнительно отсталыхъ въ экономическомъ отношеніи.

Теперь можно подвести итоги.

Географическимъ положеніемъ Литовско-Русскаго государства намѣчались три направленія въ его внѣшней торговлѣ, изъ числа которыхъ къ концу XV вѣка потеряли свое значеніе сѣверо-восточное и крымско-днѣпровское. Къ тому же времени довольно прочно завязались торговыя сношенія по рѣчнымъ артеріямъ, ведущимъ въ Балтійское море. Имъ въ значительной степени благопріятствовала измѣнившаяся экономическая конъюнктура, давшая возможность Литвѣ усилить свой товаро-обмѣнъ съ Западной Европой. Одновременно съ развитіемъ торговыхъ сношеній съ Западной Европой поддерживались и торговыя сношенія съ Москвой, но большихъ размѣровъ они, кажется, не достигли, чему немало содѣйствовали весьма неблагопріятныя между сосѣдями внѣшнія отношенія. Доминирующее положеніе товаро-обмѣна съ Западной Европой было очевиднымъ, и это должно было повлечь за собой со стороны литовско-русскаго правительства рядъ хозяйственныхъ мѣропріятій въ цѣляхъ поднятія производительности и доходности господарскаго двороваго хозяйства, а, слѣдовательно, и господарскаго скарба.

III.

Экономическая политика литовско-русскаго правительства въ первой половинѣ XVI вѣка и отношеніе къ ней литовско-русской шляхты.

I.

Общій характеръ литовско-русской торговой политики въ первой половинѣ XVI вѣка. Появленіе въ Литвѣ магдебургскаго права. Привилеи Вильны на магдебургское право. Экономическій ростъ Вильны. Экономическое состояніе Берестья, Ковны и Гродны. Магдебургское право въ Полоцкѣ и Минскѣ. Дарованіе привилегій Кіеву. Отказъ правительства отъ пассивной торговой политики. Таможенная политика. Шляхетскіе привилеи и экономическое положеніе шляхты. Накопленіе капиталовъ въ средѣ литовско-русской знати. Литовско-русская шляхта и новая экономическая конъюнктура. Сеймовыя выступленія шляхты и борьба за измѣненіе принциповъ экономической политики литовско-русскаго правительства.

Географическое положеніе Литовско-Русскаго государства опредѣлило направленіе его торговыхъ дорогъ, измѣнявшихъ свое значеніе въ зависимости отъ явленій и фактовъ конца XV вѣка. Естественныя богатства страны выяснили характеръ завязавшагося международнаго товаро-обмѣна, остававшагося безъ измѣненія въ теченіе всей первой половины XVI вѣка. Расширеніе торговыхъ связей и увеличеніе вывоза, конечно, было для литовско-русской центральной власти явленіемъ далеко не безразличнымъ, прямо по фискальнымъ соображеніямъ, такъ какъ обложеніе товаровъ, предлагаемыхъ на внутреннемъ и для внѣшняго рынка, давало господарскому скарбу нѣкоторый, и весьма не малый, доходъ, увеличеніе котораго было необходимо, благодаря стѣсненному положенію скарба въ первой половинѣ XVI вѣка. Центральное правительство имѣло свой взглядъ на задачи и цѣли торговой политики и, несомнѣнно, стремилось къ его осуществленію. Первоначально торговая политика была проникнута тѣми же принципами, какіе были вообще свойственны средневѣковой европейской торговлѣ. Великокняжеская власть, оцѣнивъ выгоду увеличенія торговыхъ оборотовъ съ узко-фискальной точки зрѣнія, сначала стремилась поставить отдѣльныя мѣстности въ наиболѣе

благопріятныя для торговли отношенія, не задумываясь надъ тѣмъ, насколько привилегіи отдѣльныхъ мѣстностей или лицъ вредны или полезны для хозяйственныхъ интересовъ всего государства. Давая льготы и привилегіи отдѣльнымъ городамъ, княжеская власть, дѣйствительно, ставила городъ въ весьма привилегированное въ торговомъ отношеніи положеніе и бывала довольна достигнутыми результатами, такъ какъ благодаря этому являлась полная возможность предъявленія къ такому городу болѣе повышенныхъ фискальныхъ требованій. Такой характеръ носила торговая политика литовско-русскихъ князей съ конца XIV вѣка и такой же характеръ, почти безъ всякаго измѣненія, она сохранила въ теченіе всей первой половины XVI вѣка. Наиболѣе ярко и отчетливо всѣ эти пріемы торговой политики отразились на Вильнѣ. Ея географическое положеніе, дѣлавшее ее политическимъ центромъ княжества, и близость къ важнѣйшему торговому пути—весьма рано обратили на себя вниманіе литовско-русскихъ князей. Естественно, послѣдніе хотѣли сдѣлать свою столицу богатой, и они содѣйствовали превращенію ея въ дѣйствительно мощный политико-экономическій центръ. На этотъ путь впервые сталъ Ягайло, а за нимъ неуклонно слѣдовали и всѣ остальные великіе князья, съ любовью и заботливостью о Вильнѣ подтверждали ея старыя привилегіи или надѣляли ее новыми. Для поднятія экономическаго благосостоянія города литовско-русскіе князья предоставляли ему самоуправленіе. Крупные литовско-русскіе городскіе центры не завоевывали себѣ самостоятельности и самоуправленія, а получали ихъ сверху, когда, быть можетъ, въ самомъ городѣ не было пока на лицо тѣхъ условій, при которыхъ возможно дальнѣйшее укрѣпленіе самоуправленія городского населенія. Даруя городамъ самоуправленіе по магдебургскому праву, едвали великіе князья задавались тѣми широкими цѣлями, какими опредѣляютъ ихъ дѣятельность нѣкоторые изъ изслѣдователей нѣмецкаго права въ Литвѣ,[1]) и едва ли сами изслѣдователи не приписывали великимъ князьямъ свои впечатлѣнія, вынесенныя отъ изученія историческихъ судебъ городского самоуправленія. Литовскіе великіе князья были скорѣе практики въ своей дѣятельности, и имъ было несвойственно привношеніе въ свою дѣятельность чуждыхъ имъ отвлеченыхъ соображеній. Этотъ практицизмъ побудилъ великихъ князей дать самоуправленіе наиболѣе крупнымъ городамъ, экономическое значеніе которыхъ уже

[1]) *М. В. Владимирскій-Будановъ.* Нѣмецкое право въ Литвѣ и Польшѣ. Спб. 1868.

выяснилось съ достаточной очевидностью. Городское самоуправленіе должно было содѣйствовать дальнѣйшему процвѣтанію города; и для сути дѣла совершенно не имѣетъ никакого значенія, что городское право было «нѣмецкимъ» и что оно заимствовано изъ Польши. Ягайло, давая Вильнѣ въ 1387 г. привилей на магдебурское право, мотивировалъ свой поступокъ желаніемъ сдѣлать «болѣе счастливымъ и лучшимъ положеніе гражданъ города Вильны» [2]) (feliciorem et condicionem fieri meliorem eisdem civibus et incolis tótaequé communitatis). Если принять во вниманіе, что Вильна еще въ доягайловское время при Гедиминѣ торговала съ иностранцами, которыхъ привлекало къ себѣ богатство суроваго и малонаселеннаго края [3]) и что, благодаря нѣмецкимъ нашествіямъ на Вильну въ 1365, 1376 и 1377 г.г. [4]) торговыя сношенія съ иностранцами прекратились, и городъ обѣднѣлъ, то въ дарованіи магдебургскаго права прежде всего можно видѣть намѣреніе Ягайла поднять экономическое значеніе города, который, дѣйствительно, довольно скоро оправился отъ нѣмецкихъ погромовъ, такъ какъ уже при Ольгердѣ въ литовскую столицу пріѣзжали купцы изъ Новгорода, Пскова, Риги и даже Москвы [5]). По всей вѣроятности, одно магдебургское право не дало сразу желательныхъ результатовъ. Однимъ самоуправленіемъ нельзя было поднять благосостояніе города. Тогда Сигизмундъ Кейстутовичъ привилеемъ 22 сентября 1432 г. рѣшился на весьма героическую мѣру—освободилъ всѣхъ «виленскихъ мѣстичовъ, ляховъ и Руси» отъ платежа пошлинъ по всей территоріи великаго княжества, «въ Луцку въ Кіеве, и по Подольской земли, у Смоленску, у Берестье, Новогродку, у Мѣнску, въ Ковно и по инымъ пакъ мытомъ, по рекамъ, по мостомъ, по ставомъ; гдѣ коноли будутъ мыта» [6]). Дарованіе столь большихъ торговыхъ преимуществъ не могло пройти безслѣдно для Вильны, которая благодаря имъ получала полную возможность вступить въ дѣятельныя торговыя сношенія съ восточными и юговосточными областями, весьма оживленными въ торговомъ отношеніи. Благодаря тому, что у Вильны завязались торговыя связи съ окраинами государства, и при томъ связи довольно прочныя, литовскій великій князь счелъ цѣле-

---

[2]) *Dubiensky.* Sbior priv., № 1.
[3]) *Balinsky.* Historya miasta Wilno, стр. 16. *Narbut.* Dz. Star. III, стр. 353.
[4]) *Balinsky.* Opus cit., стр. 26—27.
[5]) Ibid.
[6]) *Dubiensky.* Opus cit., № 2.

сообразнымъ сдѣлать еще одинъ шагъ для дальнѣйшаго укрѣпленія Вильны, какъ торговаго центра. Великій князь привилеемъ 17 ф. 1441 г. подтвердилъ Вильнѣ «на вѣки вѣчные» свободу отъ платежа внутреннихъ пошлинъ мытникомъ «по мостомъ, по переходомъ и подорожнымъ сторожамъ и всякимъ врядникомъ нынешнимъ» [7]). Кромѣ того, онъ же въ томъ же году расширилъ привилей на магдебургское право разрѣшеніемъ городскому самоуправленію устраивать двѣ недѣльныя ежегодныя ярмарки—одну, начиная со дня св. Епифанія, а другую со дня Успенія. [8]) Появленіе ярмарокъ въ городѣ—лучшій показатель роста его торговаго значенія. Ярмарка становится центромъ встрѣчи иностранныхъ купцовъ съ литовско-русскими, и торговое значеніе города въ значительной степени становится болѣе крѣпкимъ. Заботы в. к. Казимира о процвѣтаніи виленской торговли на этомъ не остановились. Привилеемъ 18 іюля 1443 г. онъ разрѣшилъ виленскимъ мѣщанамъ свободное плаваніе по Виліи и по Нѣману безъ оплаты своего проѣзда черезъ боярскіе езы [9]). Значеніе этого привилея—огромно. Виленское мѣщанство уже было связано прочно съ внѣшнимъ рынкомъ, и для закрѣпленія этой прочности великій князь не постѣснился даже принести въ жертву частновладѣльческіе интересы. Съ другой стороны, привилей в. к. Казимира—превосходный показатель того значенія, какое пріобрѣла для государства западная торговля по Нѣману. Наконецъ, в. к. Александръ освободилъ виленскихъ мѣщанъ отъ платежа пошлинъ и въ предѣлахъ территоріи собственно Польши. [10]) И это—превосходный показатель международнаго торговаго значенія Вильны. Впрочемъ, кажется на практикѣ не всѣ привилеи Вильны соблюдались. Нѣкоторые изъ нихъ нарушали сильные люди того времени. Это заставило виленскихъ мѣщанъ 1503 г. жаловаться великому князю Александру на намѣстника, воеводу виленскаго и господарскаго канцлера, Николая Радивилла, который «на езѣ подъ Вильной бралъ по грошу съ плота». По распоряженію великаго князя было произведено разслѣдованіе, которое подтвердило, что раньше виленскіе мѣщане не давали никакой платы, за исключеніемъ уплаты гроша езовникамъ, которые пропускаютъ плотъ [11]). По всей вѣроятности, землевладѣльцы также

---

[7]) Ibid., № 4.

[8]) Ibid., № 7.

[9]) Ibid., № 8.

[10]) Ibid., № 12.

[11]) *Balinsky.* Opus. cit, II, стр. 26.

не позволяли виленскимъ купцамъ проѣзжать безъ уплаты пошлинъ черезъ ихъ владѣнія, такъ какъ въ 1492 г. великій князь Александръ снова подтвердилъ ихъ право на безмытную торговлю, даже если бы купцы ѣхали черезъ шляхетскія „tenutas“ и „bona hereditaria, а вмѣстѣ съ этимъ подтвердилъ право свободнаго и безопаснаго проѣзда внизъ по рѣкѣ отъ Вильны до Ковно и обратно вверхъ на лодкахъ, нагруженныхъ товарами [12]).

Женитьба великаго князя Александра на Еленѣ Ивановнѣ привела къ оживленію торговыхъ сношеній между Вильной и Московскимъ государствомъ. Въ литовскую столицу пріѣзжали „гости купцы москвичи, новгородцы, тверичи“, а также и „зъ иншихъ земель купцы“, которые останавливались въ частныхъ домахъ и никому не объявляли о своихъ товарахъ и въ то же время торговали „зъ немци и зъ иншими купцами“, послѣ чего уѣзжали къ себѣ домой. Съ этимъ виленскіе купцы не могли, конечно, примириться, такъ какъ такая неорганизованная, безконтрольная продажа наносила существенный ущербъ ихъ интересамъ. Купцы не могли выпустить изъ своихъ рукъ непосредственную торговлю съ иностранными купцами. Великій князь Александръ не могъ оставить безъ вниманія заявленія мѣщанъ, и привилеемъ 10 Марта 1503 г. разрѣшилъ имъ выстроить въ городѣ гостинный домъ, гдѣ купцы только и могли останавливаться. По пріѣздѣ въ городъ они были обязаны довести до свѣдѣнія намѣстника о своемъ пріѣздѣ, а также о количествѣ привезенныхъ товаровъ. [13]) Всѣ льготы, данныя великими князьями Вильнѣ, содѣйствовали пассивнымъ образомъ развитію виленской торговли, но не были отраженіемъ какихъ нибудь общихъ торгово-политическихъ плановъ. Къ распоряженіямъ того же рода надо отнести и требованіе Сигизмунда I, чтобы торговля съ иностранными купцами производилась только въ торговые дни [14]).

Всѣми этими мѣропріятіями литовско-русскіе князья, конечно, содѣйствовали росту торговыхъ оборотовъ своей столицы и обогащенію виленскаго мѣщанства. Ставъ столицей княжества благодаря своему центральному географическому положенію, Вильна съ теченіемъ времени превратилась въ центръ хозяйственной жизни княжества, благодаря чему еще отчетливѣе выдвигалось ея политическое значеніе.

[12]) *Dubiensky*. Opus. cit., № 11.
[13]) *Dubiensky*. Opus cit., № 13., *Balinsky*. Opus cit., II, стр. 36.
[14]) *Dubiensky*. Opus cit., № 16.

Уже Балинскимъ былъ отмѣченъ ростъ виленской торговли при Сигизмундѣ I. Виленскіе купцы берутъ на откупъ иногороднія корчмы. Разбогатѣвшій городъ получилъ возможность выстроить новый гостинный дворъ для пріѣзжавшихъ въ Вильну купцовъ. Богатство города Вильны было учтено и правительствомъ. Въ фискальномъ отношеніи Вильна занимаетъ первое мѣсто. Въ 1529 г. его податокъ составлялъ значительную сумму, именно 1500 копъ грошей[15]). Особенная заботливость правительства о развитіи виленской торговли иногда даже шла въ разрѣзъ съ интересами другихъ городовъ, хотя бы и важныхъ по своему экономическому значенію. Такъ, когда между виленскими и ковенскими войтами возникли въ 1535 г. недоразумѣнія относительно права выгрузки товаровъ и ихъ продажи виленскими купцами въ Ковнѣ, то они были разрѣшены господаремъ въ пользу Вильны. Виленскій войтъ настаивалъ на правѣ виленскихъ купцовъ складывать товары гдѣ угодно и продавать ихъ по собственному усмотрѣнію. Такой взглядъ нарушалъ городское право склада и, разумѣется, со стороны ковенскаго войта вызвалъ самыя горячія возраженія. Господарь сталъ на сторону Вильны и, считая ся права стариной, разрѣшилъ складывать товары по обоимъ берегамъ рѣки и торговать „cum quo voluerint.“[16]).

Менѣе заботливо было правительство о другихъ экономическихъ центрахъ Западной Литвы, но все таки надѣлило Берестье, Гродно и Ковно магдебургскимъ правомъ. Уже географическое положеніе вышеназванныхъ городовъ должно было толкнуть правительство на путь предоставленія имъ самоуправленія. Литовско-русскій князь довольно скоро убѣдился въ необходимости этого. Недаромъ всѣ эти городскіе экономическіе центры получили привилеи на магдебургское право спустя нѣсколько лѣтъ послѣ Вильны[17]). Кажется, ни гродненскіе, ни ковенскіе купцы не пользовались тѣми привилегіями, которыя были даны Вильнѣ. Но это нисколько не помѣшало росту богатства этихъ городовъ—слишкомъ ужъ было выгодно ихъ географическое положеніе. По росписи 1513 г., съ указаніемъ количества поставленныхъ на войну всадниковъ, конечно, первое мѣсто остается за Вильной. Богатый городъ выставилъ 500 всадниковъ, затѣмъ шло Берестье, который, по всей вѣроятности благодаря своему торговому положенію, настолько разбогатѣлъ, что оказался въ

[15]) *Balinsky.* Opus cit., II, стр. 86. А. З. Р. II, № 161.

[16]) *Dubiensky.* Opus. cit., № 22.

[17]) *Ѳ. Тарановскій.* Обзоръ памятн. магд. права, Варшава. 1892 стр. 18.

силахъ выставить 150 коней. Ковно же выставило 50 коней, а Гродно только двадцать. Экономическое развитіе послѣдняго шло медленно, такъ какъ городъ занималъ транзитное положеніе въ нѣманскомъ районѣ и былъ пока только центромъ тянувшихъ къ нему дворовъ и волостей[18]). То же подтверждаютъ и данныя о поборахъ съ городовъ, освобожденныхъ въ этомъ году отъ обязанности ѣхать на войну: на первомъ мѣстѣ стоитъ Вильна, затѣмъ Берестье, далѣе Ковно и Гродно, при этомъ поборъ, падавшій на Берестье, былъ вдвое больше поборовъ Ковны или Гродны.[19]) Въ 1529 г. серебщина, падавшая на Вильну, равнялась 1500 копъ грошей, тогда какъ Ковно уплачивало только 300 копъ, а Гродно 180 копъ[20]). Такимъ образомъ можно считать, что эти западные города литовско-русскаго государства были для первой половины XVI вѣка наиболѣе и многолюдными и богатыми центрами. Конечно, иначе и не могло быть, такъ какъ западныя области были центрами, гдѣ экономическая жизнь литовско-русскаго государства развивалась особенно оживленно. Неудивительно, что вниманіе литовско-русскаго правительства было приковано къ западнымъ городамъ.

Съ конца XV в. вниманіе правительства начинаетъ привлекать къ себѣ и восточныя волости и въ частности городъ Полоцкъ, получившій магдебургское право 4 окт. 1498 года. Дарованіе Полоцку магдебургскаго права не было случайностью или произвольнымъ актомъ правительственной власти. Оно естественно вытекало изъ принциповъ той торговой политики, которой придерживалось литовско-русское правительство въ XV вѣкѣ. Полоцкъ становился весьма виднымъ торговымъ центромъ. Видимо, къ этому времени онъ вышелъ изъ прежняго упадка и возобновилъ старыя торговыя связи, разъ великій князь Александръ счелъ возможнымъ обложить его ежегоднымъ податкомъ въ 400 копъ грошей. Несомнѣнно, заботы о дальнѣйшемъ экономическомъ ростѣ Полоцка побудили правительство дать полоцкимъ мѣщанамъ полную свободу отъ всякихъ провозныхъ пошлинъ и уравнять ихъ въ этомъ отношеніи съ мѣщанами Вильны и Трокъ. Если даже признать совершенно вѣрнымъ утвержденіе М. В. Довнаръ-Запольскаго, что торговыя льготы Полоцку стариннаго происхожденія и основываются на уставной грамотѣ, то этимъ все

---

[18]) *М В Довнаръ-Запольскій.* Акты Лит.-Русск. Госуд., I, № 134.
[19]) Ibid., № 135.
[20]) *Balinsky,* Opus. cit., стр. 81.

же не рѣшается вопросъ, что заставило правительство выдать въ 1498 г. Полоцку привилей на магдебургское право и дать ему и ежегодныя ярмарки, и право городского склада. Очевидно, этому содѣйствовала торговля Полоцка съ Ригой. Недаромъ правительство сочло нужнымъ въ томъ же привилеѣ внести порядокъ въ торговыя сношенія Риги съ Полоцкомъ путемъ опредѣленія тѣхъ мѣръ и того вѣса, коими слѣдовало пользоваться при продажѣ тѣхъ или другихъ товаровъ [21]). Вслѣдъ за Полоцкомъ 14 марта 1499 г. получаетъ магдебургское право Минскъ [22]). И это, конечно, тоже не простая случайность. Раньше Минскъ не находился въ сферѣ торговой политики литовско-русскаго правительства. Въ концѣ XV вѣка экономическія условія радикально измѣнились. Съ паденіемъ восточной торговли усилилась западная. Европейскіе привозные товары шли въ восточныя и юго-восточныя волости изъ западныхъ городовъ. Съ своей стороны восточныя волости могли снабжать купцовъ пушнымъ товаромъ, воскомъ, пепломъ, и смолой, изъ которыхъ составлялся главнымъ образомъ литовскій экспортъ. Литовско-русское правительство, видимо, придавало большое значеніе Минску, какъ центру торговли всѣми этими товарами. Недаромъ виленскіе купцы пользовались особенными льготами при покупкѣ этихъ товаровъ, которые ими же отправлялись за границу. Торговля Минска съ западными городами только начиналась, такъ какъ ежегодный податокъ, наложенный на городъ великимъ княземъ Александромъ, равнялся всего лишь 60 копамъ грошей. Правительство должно было обратить вниманіе на Минскъ, какъ торговый центръ, еще и потому, что главная артерія восточныхъ областей—Днѣпръ—находилась въ сферѣ военныхъ дѣйствій и никакъ въ данное время не могла быть использована. Торговые обороты Минска постепенно увеличивались. Въ 1489 году минское мыто было отдано въ аренду за 250 копъ грошей въ годъ, въ 1495 г.—аренда понизилась до 120 грошей въ годъ. Въ 1498 г. снова арендная плата увеличилась до 200 грошей въ годъ, а послѣ введенія самоуправленія еще поднялась до 300 копъ грошей, и на такой суммѣ держалась въ началѣ правленія Сигизмунда I [23]). Къ концу XV вѣка относится и паденіе Кіева [24]). Его,

[21]) А. З. Р. I. № 159. *М. В. Довнаръ-Запольскій.* Госуд. Хоз. стр. 519.

[22]) А. З. Р. I. № 165.

[23]) *М. В. Довнаръ-Запольскій,* Госуд. Хоз., Прилож. XVI—XXX.

[24]) *В. Б. Антоновичъ.* Монографіи. Кіевъ, его судьба и значеніе съ XIV по XVI в. Кіевъ, 1892. *М. С. Грушевскій.* Історія України—Руси т. VI, стр. 5.

конечно, надо ставить въ связь не только съ татарскими нападеніями, но и съ перемѣнами въ торговыхъ путяхъ, происшедшими въ половинѣ XV в. Дарованіе ему свободы отъ всякихъ мытъ какъ на сушѣ, такъ и на водѣ,—было результатомъ желанія правительства поднять падавшій въ экономическомъ отношеніи городъ. Но Кіевъ не могъ стать снова торговымъ центромъ, отчасти вслѣдствіе татарскихъ нападеній, но, главнымъ образомъ, отъ невозможности ѣздить Днѣпромъ на Смоленскъ, Полоцкъ, Ригу [25]).

Дальнѣйшее развитіе торговли, преимущественно внѣшней, ставило правительство въ нѣсколько затруднительное положеніе. Иммунитетъ отъ платежа пошлинъ нѣкоторыхъ городовъ становился убыточнымъ господарскому скарбу, такъ какъ торговля развивалась, увеличивался вывозъ товаровъ заграницу и, слѣдовательно, государство теряло не малое количество таможенныхъ поступленій. Для государства иммунитетъ нѣкоторыхъ городовъ становился совершенно излишнимъ, да и для товаро-обмѣна онъ пересталъ имѣть большое значеніе, такъ какъ торговыя связи съ отдѣльными частями государства и съ европейскимъ рынкомъ стали довольно прочными и не нуждались ни въ какомъ дальнѣйшемъ поощреніи. Быть можетъ, эти соображенія понудили Сигизмунда I стать на путь отмѣны нѣкоторыхъ томоженныхъ льготъ. Такъ господарскимъ листомъ отъ 29 марта 1542 г. отмѣнялся безмытный спускъ плотовъ по Виліи, по главной водной артеріи. Обложеніе плотовъ пошлинами, конечно, не случайное явленіе, и его слѣдуетъ поставить въ связь съ развитіемъ лѣсного экспорта, въ которомъ принимало участіе и само правительство [26]). Впрочемъ, на этой позиціи правительство не долго стояло. Ему пришлось допустить, какъ увидимъ ниже, безмытный вывозъ хлѣбныхъ злаковъ и лѣсного товару, составлявшихъ продукты собственно шляхетскаго хозяйства.

Смотря первоначально на развитіе внутренней торговли исключительно съ фискальной точки зрѣнія, литовско-русское правительство облагало товары разнообразными внутренними пошлинами, несомнѣнно стѣснявшими товаро-обмѣнъ. Для сбора пошлинъ на опредѣленныхъ дорогахъ строились „коморы“, и правителству надо было слѣдить за тѣмъ, чтобы никто не объѣзжалъ этихъ дорогъ; въ противномъ случаѣ, и государство и таможенные откупщики, если

[25]) А. З. Р. I, № 149; II, № 3.
[26]) *Dubiensky.* Opus. cit., № 39.

коморы были на откупу, понесли бы немалые убытки. Разумѣется, заинтересованныя лица пытались обходить таможенныя заставы, объѣзжая ихъ новыми дорогами, гдѣ господарскихъ коморъ не было.[27]) Можетъ быть, это обстоятельство и заставило правительство устраивать новыя „коморы", въ шляхетскихъ имѣніяхъ, чтобы парализовать убыточный для государства объѣздъ дорогъ. По всей вѣроятности, объѣздъ послѣднихъ—явленіе довольно частое. Недаромъ шляхта, какъ увидимъ ниже, предлагала господарю на сеймахъ не открывать въ частновладѣльческихъ имѣніяхъ новыхъ коморъ[28]).

Первоначально литовско-русская торговля не подвергалась никакой регламентаціи со стороны государства, да и само государство сначала стояло внѣ усиливавшагося товаро-обмѣна. Однако такое положеніе могло быть только временнымъ. Государство было богатѣйшимъ земельнымъ собственникомъ. Въ его рукахъ находились необозримыя лѣсныя пущи, продукты которыхъ такъ высоко цѣнились на заграничномъ рынкѣ. Государство не могло оставаться внѣ этого движенія и такъ или иначе должно было принять въ немъ участіе, въ особенности, когда выяснился заграничный спросъ на „збожье" и разные лѣсные товары. Въ торговлѣ зерномъ должны были принять участіе господарскіе дворы и волости, лежавшіе въ западныхъ областяхъ. Въ данное время они являлись центромъ сельскохозяйственной культуры. Устава 1529 г.[29]), усиливая интенсивность и доходность хозяйства, отчасти имѣла въ виду заграничный экспортъ. Западныя области стали, можно сказать, житницей Литвы. Они снабжаютъ хлѣбомъ мѣстности, въ которыхъ его, по разнымъ причинамъ, недоставало. Такъ, когда въ 1529 г. приходилось снабжать хлѣбомъ украинскіе замки—Кіевъ, Полоцкъ, Витебскъ, то хлѣбъ былъ посланъ изъ житницы Литвы—принѣманскихъ дворовъ[30]). Усиленный вывозъ хлѣба и другихъ сырыхъ продуктовъ, конечно, былъ выгоденъ господарскому скарбу. Но въ то же время на правительствѣ лежала обязанность слѣдить за вывозомъ хлѣба, дабы самое государство не испытывало въ немъ недостатка. Въ 1544 году Литву благодаря дождливому лѣту постигъ голодъ. Больше всего пострадала отъ него Вильна, но вывозъ хлѣба изъ княжества безостановочно

---

[27]) *С. А. Бершадскій.* Документы и регесты, т. I, № 66.

[28]) Русск. Ист. Биб. XXX, стр. 17.

[29]) А. З. Р. I., № 159.

[30]) *М. В. Довнаръ-Запольскій.* Акты Лит.-Русск. госуд. I, № 19.

продолжался[31]). Кажется, слѣдующіе годы были урожайными, но въ 1551 году Литву снова постигаетъ бѣдствіе: благодаря заморозкамъ погибъ на корню весь урожай[32]). Неурожай коснулся даже богатой Волыни[33]). Несмотря и на это бѣдствіе, экспортъ хлѣба продолжался безпрепятственно. Наконецъ, Литву постигло въ 1557 г. новое стихійное бѣдствіе—полное отсутствіе хлѣба, и Сигизмундъ II рѣшилъ запретить вывозъ хлѣба заграницу «старостѣ берестейскому и инымъ старостамъ», такъ какъ, подъ видомъ вывоза хлѣба изъ русскихъ земель, они сплавляли заграницу остатки урожая 1556 г.[34]). Кажется, это было первое запрещеніе вывоза хлѣба заграницу. Слѣдуетъ замѣтить, что въ это время въ западныхъ волостяхъ началось осуществленіе аграрной реформы, такъ что, помимо стихійнаго бѣдствія, сокращеніе урожая могло быть вызвано и аграрными мѣропріятіями правительства. Поэтому господарское распоряженіе 1557 г. слѣдуетъ признать весьма разумной мѣрой. Развитіе лѣснаго экспорта открывало передъ правительствомъ широкія финансовыя перспективы, и оно поспѣшило монополизировать торговлю лѣсными товарами.[35]) Впрочемъ, въ дальнѣйшемъ правительству, подъ вліяніемъ натиска шляхты, пришлось отступить отъ монопольныхъ началъ въ лѣсной торговлѣ и разрѣшить ей безпошлинный вывозъ лѣсныхъ продуктовъ, что существенно уменьшало поступленіе таможенныхъ пошлинъ[36]). Объявляя лѣсную вывозную торговлю монополіей государства, Сигизмундъ II, конечно, имѣлъ въ виду пополненіе господарскаго скарба, постоянно нуждавшагося въ притокѣ денежныхъ средствъ. Тѣ же условія заставили господаря взять въ свои руки во время Ливонской войны торговлю солью. Сигизмундъ II, въ мотивахъ для введенія соляной монополіи, выставилъ два соображенія: 1) благодаря перекупщикамъ, скарбъ не получаетъ отъ продажи соли никакого пожитка; 2) плохія дороги вызываютъ повышеніе цѣнъ на соль, тогда какъ при введеніи соляной монополіи можетъ быть установлена однообразная цѣна[37]).

[31]) *Kojalowicz.* Historya Lituaniae, pars II, стр. 403—404.
[32]) Ibid., стр. 415.
[33]) Ibid., стр. 416.
[34]) *Balinsky.* Opus. cit., стр. 231—236.
[35]) *М. В. Довнаръ-Запольскій.* Госуд. Хоз., стр. 482—483.
[36]) См. гл. „Лѣсное хозяйство и аграрная реформа“.
[37]) *М. В. Довнаръ-Запольскій.* Госуд. Хоз., стр. 482—483.

Таможенная политика литовско-русскихъ великихъ князей несомнѣнно затрудняла развитіе внутренняго товаро-обмѣна, а, слѣдовательно, препятствовала и внѣшней торговлѣ. Благодаря обилію разныхъ таможенныхъ заставъ, проѣзжихъ и торговыхъ пошлинъ [38]), внутренняя торговля на широкомъ рынкѣ не могла развиваться. Доставка товаровъ изъ одной мѣстности въ другую была очень затруднена, такъ какъ таможенные сборы до чрезвычайности удорожали покупную ихъ стоимость.

Благодаря таможенный политикѣ, внѣшняя торговля сосредоточилась въ рукахъ купцовъ опредѣленныхъ мѣстъ, обладавшихъ таможенными иммунитетами. Внутренняя же торговля по необходимости должна была ограничиться болѣе или менѣе узкимъ пространствомъ и удовлетворяла только потребностямъ населенія того или другого района.

Неудобство такой системы таможенной политики, конечно, сознавалось заинтересованными классами [39]), и они постарались на сеймахъ добиться въ этомъ отношеніи нѣкоторыхъ льготъ [40]). Оппозиція противъ стѣсненій таможенной политики должна была идти именно отъ землевладѣльцевъ, какъ поставщиковъ сельскохозяйственнаго сырья на мѣстные рынки. Въ поведеніи землевладѣльцевъ можно видѣть стремленіе облегчить свое положеніе и поставить себя въ наиболѣе привилегированное положеніе, но въ то же время борьба за свободную внутреннюю торговлю, хотя и односторонне понимаемую, указывала, что необходимость радикальнаго измѣненія внутренней таможенной политики вполнѣ имъ сознавалась, и что послѣдняя считалась тормазомъ для развитія внутренняго товарообмѣна. Однако, несмотря на всѣ чинимыя таможенныя препоны, обороты по внутренней торговлѣ все же увеличивались, хотя о нихъ полнаго представленія нельзя составить, благодаря неполнотѣ и отрывочности данныхъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ. 20 января 1509 г. минское мыто было сдано въ аренду на три года Аврааму Езофовичу по 300 копъ грошей въ годъ [41]). Однако, въ 1519 г. аренда мыта была понижена до 150 копъ грошей, такъ какъ была война съ Москвою, и московскіе купцы не пріѣзжали для торговли [42]).

---

38) Ibidem., стр. 374—417.

39) Р. И. Б. XXX, стр. 102, арт. 12, стр. 197, арт. 15.

40) Объ этомъ ниже.

41) *С. А. Бершадскій.* Док. и Рег., № 53.

42) *М. В. Довнаръ-Запольскій.* Госуд. Хоз., Прил. стр. XXIII.

Затѣмъ Минскъ оправился, и въ 1525 году ежегодная аренда уже равнялась 450 грошамъ [43]). Въ 1525 г. минское мыто было отдано въ аренду по 550 копъ грошей [44]), а въ 1553 г.—уже по 1500 копъ грошей въ годъ [45]). Слѣдовательно, торговые обороты по минской внутренней торговлѣ въ полстолѣтіе увеличились въ 5 разъ. Ростъ торговыхъ оборотовъ Минска не долженъ вызывать особаго удивленія и всецѣло объясняется значеніемъ города, какъ посредническаго пункта между восточно-русскими и литовскими землями. Новгородское мыто въ 1501 г. было отдано въ аренду по 50 копъ грошей, [46]) въ 1532 г. явилась возможность увеличенія арендной платы до 90 копъ грошей и 30 золот. черв. [47]), а въ 1553 г. новгородское мыто шло по 400 копъ грошей въ годъ [48]). Значитъ, въ полстолѣтіе торговые обороты увеличились въ 8 разъ. Берестейское мыто въ 1501 г. было отдано въ аренду по 400 копъ грошей въ теченіе перваго года и по 500 к. гр. въ остальные два [49]). Въ 1510 г. берестейское мыто вмѣстѣ съ коморой восковой и соляной было арендовано по 1300 копъ грошей въ годъ [50]). Въ 1553 г. всѣ подляшскія мыта были сданы по 3000 копъ грошей въ годъ [51]). Какой % приходился на долю собственно берестейскаго мыта—выяснить невозможно. Но теоретически несомнѣнно увеличеніе торговыхъ оборотовъ и по берестейскому мыту. Увеличеніе оборотовъ на территоріи этихъ мытъ надо ставить въ самую тѣсную связь съ развивавшимся экспортомъ. Это явленіе весьма характерное для данной эпохи. Что же касается таможенныхъ поступленій въ другихъ районахъ, то свѣдѣнія о нихъ отличаются весьма большой неполнотой, но все таки даютъ нѣкоторое представленіе о товарообмѣнѣ. Въ 1510—1511 г.г. доходъ виленской таможни за 20 мѣсяцевъ равнялся 1000 копъ грошей, т. е. около 600 копъ грошей въ годъ. И это въ виленскомъ районѣ, гдѣ жили безмытные виленскіе купцы [52]). Волынскія и подляшскія мыта и коморы

---

[43]) Ibid., Прил. стр. XXIV.
[44]) Ibid., Прил. стр. XXV.
[45]) Ibid., Прил. стр. XXVII.
[46]) Ibid., Прил. стр. XV.
[47]) Ibid., Прил. стр. XXV.
[48]) Ibid., Прил. стр. XXVIII.
[49]) Ibid., Прил. стр. XV.
[50]) Ibid., Прил. стр. XXII.
[51]) Ibid., Прил. стр. XXVII.
[52]) *М. В. Довнаръ-Запольскій.* Госуд. Хоз., Прил. стр. XXI.

дали въ 1510—1511 г.г. въ теченіе 13 мѣсяцевъ 1496 копъ грошей [53]), а въ 1553 г. одно волынское мыто было сдано по двѣ тысячи копъ грошей въ годъ [54]).

Итакъ, оживленіе внутренней торговли въ первой половинѣ XVI вѣка несомнѣнно. Ростъ внутренней торговли выдвигалъ на очередь вопросъ о пересмотрѣ принятой таможенной системы, столь остро затронутый на сеймахъ второй половины XVI столѣтія.

Литовско-русскій внѣшній вывозъ развивался съ начала при весьма благопріятныхъ обстоятельствахъ. Таможенныя ставки были минимальны, многіе изъ предметовъ вывоза совершенно не облагались никакими пошлинами [55]). Но неудобства такой таможенной политики давали себя чувствовать уже въ началѣ XVI вѣка, когда торговый балансъ сложился неблагопріятно для княжества. Развитіе внѣшняго товаро-обмѣна способствовало притоку денегъ въ Литву. Большіе капиталы скопились въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ, и богатства частныхъ лицъ значительно увеличились. Съ другой стороны, усилившійся спросъ на заграничные товары вызвалъ огромный отливъ денегъ заграницу [56]). Сигизмунду I, всегда подчеркивавшему, что онъ собираетъ пошлины «по звыклой старинѣ», пришлось всетаки ее нарушить. Не считая возможнымъ совсѣмъ отмѣнить старое мыто, ибо это задѣло бы интересы таможенныхъ иммунистовъ, Сигизмундъ I въ добавленіе къ старому мыту рѣшилъ прибавить новое мыто, которое стало собираться съ товаровъ, начиная съ 1528 года, но превратилось въ цѣлую уставу не раньше 1532 г., какъ это было уже указано М. В. Довнаръ-Запольскимъ.

Это новое мыто коснулось какъ предметовъ ввоза, такъ и вывоза, и его введеніе имѣло огромныя послѣдствія [57]). Благодаря новому мыту всѣ предметы вывоза были обложены, и безмытный отпускъ товаровъ сталъ невозможенъ. Собираніе «мыта по старинѣ» и новаго мыта въ значительной степени усложняло работу мытниковъ, и было бы цѣлесообразнѣе издать единый тарифъ. Но выполнить это было невозможно, такъ какъ таможенные иммунитеты не потеряли своей силы, и опубликованіе новаго таможеннаго тарифа яви-

---

[53]) Ibid. Прил. стр. XXII.

[54]) Ibid., Прил. стр. XXVII.

[55]) Ibid., стр. 496.

[56]) *Narbut.* Dz. star., t. IX, стр. 74.

[57]) *М. В. Довнаръ-Запольскій.* Opus cit., стр. 496—498.

лось бы посягательствомъ со стороны государства на ранѣе выданные привилеи. При введеніи въ дѣйствіе «новаго мыта» правительство могло собирать пошлины и съ иммунистовъ, указывая, что торговые иммунитеты касаются «звыклыхъ» пошлинъ, а не новыхъ[58]). Однако, новое мыто не носило категорическаго характера. Различныя обстоятельства заставили правительство давать мѣщанамъ льготы въ платежѣ мыта и тѣмъ самымъ въ значительной степени уменьшать силу и значеніе новаго таможеннаго тарифа[59]). Новое мыто, увеличивая ставки на вывозимые товары, одинаково затрагивало интересы и мѣщанства, и землевладѣльческаго сословія. Естественно, что послѣднее будетъ впослѣдствіи добиваться сведенія тарифа на нѣтъ путемъ пріобрѣтенія права безпошлиннаго вывоза сельскохозяйственныхъ продуктовъ[60]), что ему и удалось достигнуть. Какіе были результаты введенія новаго тарифа, мы не знаемъ, если не считать всеобщаго неудовольствія имъ[61]). Точно также мы не знаемъ, какія задачи ставилъ себѣ Сигизмундъ I, вводя въ дѣйствіе новый тарифъ: желалъ ли онъ увеличить только притокъ таможенныхъ поступленій или, посредствомъ возвышенія пошлинъ на предметы вывоза и ввоза, онъ стремился урегулировать внѣшнюю торговлю и прекратить отливъ денегъ заграницу, благодаря неумѣренному потребленію продуктовъ иностраннаго происхожденія. Несомнѣнно, увеличеніе таможенныхъ ставокъ должно было уменьшить ввозъ. Европейскій рынокъ сильно нуждался въ литовскихъ товарахъ, и повышеніе пошлинъ на нихъ способствовало вздорожанію продуктовъ отпуска и увеличенію притока денегъ. Такъ ли это было—на это источники отвѣта не даютъ, но въ просьбѣ литовской шляхты о разрѣшеніи ей безпошлиннаго ввоза иностранныхъ продуктовъ для собственнаго потребленія можно видѣть не только стремленіе добиться сословной привилегіи, но и желаніе облегчить и удешевить доставку товаровъ иностраннаго происхожденія, постепенно становившихся необходимыми въ шляхетскомъ домашнемъ быту.

По мѣрѣ увеличенія внутренняго и внѣшняго товара-обмѣна выдвигался вопросъ о торговыхъ иммунистахъ. Привилегіи ихъ были понятны, когда торговыя связи еще только намѣчались и не успѣли

58) Ibid., стр. 496.
59) Ibid., стр. 496.
60) См. ниже.
61) *М. В. Довнаръ-Запольскій.* Opus cit., стр. 498.

еще окрѣпнуть, но когда товаро-обмѣнъ принялъ большіе размѣры, существованіе иммунистовъ являлось безусловно анахронизмомъ, убыточнымъ и для государства, и для откупщиковъ. Поэтому господарь, при отдачѣ мытныхъ коморъ на откупъ, обыкновенно давалъ обѣщаніе не выдавать никому льготныхъ листовъ, въ противномъ случаѣ онъ самъ[62]) обязывался уплатить слѣдуемыя пошлины. Съ теченіемъ времени Сигизмунду I приходилось прибѣгать и къ болѣе радикальнымъ мѣрамъ. При отдачѣ на откупъ въ 1532 г. новгородскаго мыта на три года, господарь не только обѣщалъ никому не выдавать безмытныхъ листовъ, какъ «купцомъ коруны Польское и тежъ купцомъ Великого князства и тежъ купцомъ гостемъ иноземцемъ», но и отмѣнялъ дѣйствіе безмытныхъ листовъ, выданныхъ за шесть лѣтъ до изданія указа[63]). Всякая попытка провезти безпошлинно тотъ или другой товаръ каралась уплатой опредѣленнаго штрафа—промыта, половина котораго поступала въ распоряженіе господаря, а другая половина шла откупщикамъ. Для избѣжанія злоупотребленій съ безмытными листами господарскій листъ требовалъ, чтобы купцы, проѣзжавшіе съ какими либо безмытными листами, принадлежавшими князьямъ или панамъ, присягали мытникамъ въ томъ, что они дѣйствительно везутъ товары, принадлежащіе князю или пану[64]). Наличность съ одной стороны лицъ, преимущественно принадлежавшихъ къ аристократіи, и обладавшихъ безмытными листами, а съ другой стороны—шляхетства, не пользовавшагося такими льготами, заставило послѣднее стремиться къ измѣненію внутренней таможенной политики въ желательномъ для шляхетства направленіи. Экономическая политика литовско-русскихъ великихъ князей оберегала интересы скарба и односторонне покровительствовала отдѣльнымъ городамъ. Существовавшія монополіи, государственная и купеческая, сильно задѣвали интересы землевладѣльцевъ. На этой почвѣ началась упорная сеймовая борьба, такъ какъ шляхетское сословіе поставило своей задачей непремѣнно добиться перемѣны курса принятой экономической политики, и въ достиженіи этого оно обнаруживало немало упорства и настойчивости.

---

[62]) *С. А. Бершадскій.* Док. и рег., I №№ 78, 101.
[63]) *С. А. Бершадскій.* Док. и рег., I № 142.
[64]) Ibid.

II.

Литовско-русскіе землевладѣльцы, даже самые крупные изъ нихъ, не могли быть первое время экономически сильными, благодаря полной своей зависимости въ политическомъ и экономическомъ отношеніяхъ отъ велико-княжеской власти. Отдавая послѣдней извѣстную долю своихъ доходовъ, выставляя работниковъ для выполненія разнаго рода натуральныхъ повинностей, уплачивая ежегодно военный податокъ «серебщину»—литовско-русскіе землевладѣльцы лишались значительной части своихъ доходовъ, которые, при другихъ условіяхъ, могли бы быть ими использованы въ качествѣ фонда ихъ матеріальнаго благосостоянія. Такъ обстояло дѣло до опубликованія Ягайломъ привилея 1387 г. Несмотря на свое сравнительно узкое содержаніе, привилей Ягайла имѣлъ для боярства не только политическое, но и экономическое значеніе, явился отправной точкой для дальнѣйшаго экономическаго усиленія литовско-русскаго крупнаго землевладѣнія. Согласно привилею отъ 20 февраля 1387 г. литовскіе бояре-католики, какъ сами, такъ и ихъ законные наслѣдники, (ipsius haeredes ac successores legitimi) получили право владѣнія недвижимымъ имуществомъ и свободы распоряженія имъ. Это, конечно, совершенно измѣняло экономическое положеніе католика-землевладѣльца, дѣлало его положеніе юридически крѣпкимъ и независимымъ. Въ той же мѣрѣ должно было содѣйствовать укрѣпленію экономическаго положенія землевладѣльца и разрѣшеніе выдавать по усмотрѣнію (plenam et omnimodam potestatem) замужъ своихъ дочерей, внучекъ и родственницъ. Боярину открывалась возможность выдачи ихъ замужъ такъ, чтобы его экономическіе интересы при этомъ нисколько не пострадали. Привилей 1387 г. предоставлялъ вдовамъ право сидѣть на вдовьемъ стольцѣ и владѣть имуществомъ мужа. Но если бы она пожелала выйти вторично замужъ (si ad secundas nuptias convolare voluerit), то все имущество мужа оставалось дѣтямъ. Родовая собственность оставалась единой, нераздѣльной и никоимъ образомъ не могла

быть отнята у дѣтей и передана въ чужія руки. Укрѣпляя единство родовой собственности, привилей 1387 г. въ тоже время освободилъ боярство отъ натуральныхъ повинностей (labores)—работъ на господаря и его преемниковъ, за исключеніемъ только военной службы «по старинѣ» «juxta vetustem consuetudinem» и замковой повинности, въ видѣ постройки новыхъ замковъ или укрѣпленія старыхъ. Эта льгота, конечно, имѣла огромное экономическое значеніе, ибо она оставляла рабочія руки земледѣльческаго населенія свободными отъ убыточной для собственника работы и давала ему полную возможность использовать ихъ въ своихъ цѣляхъ и видахъ[1]).

Итакъ, привилей 1387 г. укрѣпилъ право собственности на землю и оставилъ въ рукахъ собственника значительное количество матеріальныхъ средствъ, послужившихъ основаніемъ, какъ для дальнѣйшаго увеличенія политическаго значенія, такъ и для экономическаго усиленія литовскаго боярства.

Экономическая эмансипація, однако, на этомъ не могла остановиться. Но, впрочемъ, она совершалась довольно медленно, и только привилей, выданный въ маѣ 1434 г., далъ литовско-русскому землевладѣнію кое-что новое. Сигизмундъ Кейстутовичъ освободилъ всѣхъ частновладѣльческихъ подданныхъ отъ платежа «дякла», которое еще требовалось привилеемъ 1413 г.[2]). Наконецъ, майскій привилей вел. кн. Казимира (2 мая 1447 г.), подтвердивъ освобожденье шляхетскихъ подданныхъ отъ платежа дякла и отъ барщинныхъ повинностей на господаря, за исключеніемъ постройки и исправленія замковъ и мостовъ, далъ землевладѣльческому сословію льготу первостепенной важности, освободивъ его отъ платежа денежной подати «серебщины»[3]). Льготы привилеевъ 1434 и 1447 г.г. рѣшительно способствовали экономическому усиленію землевладѣльцевъ, такъ какъ оставляли въ его рукахъ немалое количество натуральныхъ податковъ и денежныхъ средствъ, поступавшихъ раньше въ чужія руки. Привилеями 1413 и 1434 г.г. значительно расширялся кругъ лицъ, на которыхъ распространялись льготы привилеевъ. Благодаря этому создавалось рядомъ съ крупнымъ землевладѣніемъ иммунитетное средне-мелкое землевладѣніе. Привилей 1447 г. распространилъ льготы привилеевъ

---

[1]) Zbior praw. litewskich, стр. 1.

[2]) *М. К. Любавскій.* Очеркъ исторіи Литов.-Русск. госуд., Москва 1910 г. Прил. стр. 302—304.

[3]) Ibid., стр. 304—307.

на все землевладѣльческое населеніе Литовско-Русскаго государства. Землевладѣльческій классъ сразу сталъ крупнѣйшей политической и экономической силой, которая не могла не оказывать сильнаго давленія на политическую жизнь Литовско-Русскаго государства. Впрочемъ, для первой половины XVI вѣка это утвержденіе вѣрно только по отношенію къ крупному землевладѣнію. Льготы привилеевъ давали въ руки знати большое количество средствъ, которыя, въ общемъ, накапливались довольно быстро. Кромѣ того, тому же экономическому усиленію немало способствовала и система держаній староствъ и державъ, дававшихъ аристократіи крупный доходъ. Многимъ изъ нея удавалось сосредоточить въ своихъ рукахъ по нѣсколько державъ[4]). Неудивительно, что, умирая, они оставляли своимъ дѣтямъ весьма значительныя суммы[5]). Конечно, участіе крупныхъ землевладѣльцевъ—магнатовъ въ литовской радѣ и то вліяніе, которое они оказывали на политическую жизнь страны, и которое особенно могло сказаться въ раздачѣ урядовъ и староствъ, которые господарь не могъ раздавать безъ ихъ согласія, нужно отмѣтить въ качествѣ одного изъ факторовъ, содѣйствовавшихъ накопленію капиталовъ въ рукахъ магнатства[6]). Однако, капиталы крупнаго землевладѣнія, накопленные въ концѣ XV в. и начала XVI, лежали безъ движенія, безъ дальнѣйшаго ихъ примѣненія. Только въ первой четверти XVI в. крупные землевладѣльцы стремились ихъ использовать, давая господарю взаймы деньги и беря въ заставу господарскія имѣнья въ обезпеченіе уплаты % и самаго капитала. Такое предложеніе капитала было явленіемъ распространеннымъ, и это можно считать для даннаго времени наиболѣе удобной формой его приложенія. Несмотря на наличность капиталовъ у крупнаго землевладѣніе, усилившійся внѣшній товаро-обмѣнъ не заставилъ его пойти навстрѣчу требованіямъ жизни. Не было смысла пускаться въ рискованныя предпріятія, разъ капиталъ и безъ того давалъ большую прибыль. Наоборотъ, средніе и мелкіе землевладѣльцы прекрасно оцѣнили новую экономическую конъюнктуру, но система таможенной политики и отсутствіе свободныхъ капиталовъ, въ значительной степени препятствовали имъ въ ихъ стремленіи принять дѣятельное участіе въ развивавшемся товарообмѣнѣ. Это заставило широкіе землевладѣльческіе круги выступить

---

[4]) *L Kolankowski.* Zygmund-August, стр. 241.
[5]) ibid., стр. 241.
[6]) *М. К. Любавскій.* Лит.-Русск. Сеймъ, стр. 310—320.

съ опредѣленной экономической программой съ цѣлью добиться ряда существенныхъ льготъ и тѣмъ самымъ пріобрѣсти возможность активнаго участія въ международной торговлѣ. Пока эти льготы не были даны литовско-русскимъ правительствомъ, участіе средняго и мелкаго землевладѣнія во внѣшней торговлѣ было, по всей вѣроятности, незначительнымъ. Однако, пока эти льготы завоевывались, такъ какъ правительство не было расположено уступить сразу натиску землевладѣльцевъ,—литовско-русская шляхта другимъ путемъ стремилась извлечь выгоду изъ охватившаго страну усиленнаго внутренняго и внѣшняго товаро-обмѣна. Оріентировавшись довольно скоро въ новой экономической обстановкѣ, литовско-русская шляхта сейчасъ же стала пытаться извлечь изъ нея для себя нѣкоторую пользу, хотя бы косвеннымъ путемъ, если экономическая политика правительства пока не позволяла среднему землевладѣнію принять участіе въ международномъ товаро-обмѣнѣ. Развитіе внѣшней торговли, способствуя оживленію торговли внутренней, памѣтило рядъ экономическихъ центровъ, прочно связанныхъ большими дорогами съ отдѣльными мѣстностями. Главнымъ образомъ, эти дороги шли къ Вильнѣ и отъ Вильны какъ на западъ, такъ и на востокъ. Другимъ такимъ центромъ былъ Берестье, лежавшій на прямомъ рѣчномъ пути[7]). Къ главнымъ торговымъ центрамъ направлялись купцы и случайные путешественники. Вслѣдствіи чего возникала необходимость въ пристанищѣ для всѣхъ этихъ лицъ. Эта обстановка была учтена литовско-русской шляхтой и притомъ совершенно правильно. Она стала забрасывать господаря просьбами о разрѣшеніи ей на «великомъ гостинцу» открыть корчму-стодолу съ правомъ продажи различныхъ спиртныхъ напитковъ. До 50 г. XVI в. такія просьбы—исключеніе. Очевидно, эксплуатація корчемъ не могла пока дать землевладѣльцу большого дохода. Да къ тому же эта потребность въ нихъ удовлетворялась господарскими стодолами-корчмами. Иныя условія были во второй половинѣ XVI в. Нужда въ помѣщеніяхъ была очень сильная. Шляхта поспѣшила удовлетворить ее тѣмъ болѣе, что задуманное предпріятіе не могло быть бездоходнымъ. Челобитчики, хлопоча передъ правительствомъ о выдачѣ листа на право постройки корчмы, обыкновенно указывали то мѣсто, гдѣ они собирались строить корчму. Корчма строилась на «властномъ группѣ» «при великой дорозѣ», гдѣ всегда было людно и оживленно. Постройка корчмы сама по себѣ была мало выгод-

---

[7]) К. З. XXXVIII, л. 61, 65, 165, 173, 183, 544.

нымъ предпріятіемъ, если собственникъ ея не имѣлъ права продавать «медъ, пиво, горѣлку» и притомъ безъ уплаты «капщизны». Поэтому просьбы о разрѣшеніи построить корчму непремѣнно сопровождаются и ходатайствомъ о разрѣшеніи продавать спиртные напитки. Такихъ челобитій подавалось, видимо, большое множество, поскольку объ этомъ можно судить по удовлетвореннымъ ходатайствамъ [8]). А сколько осталось неудовлетворенныхъ, какъ опасныхъ для государства съ финансовой точки зрѣнія, какъ подрывавшихъ интересы казны! Поэтому, правительству приходилось разбираться въ этихъ ходатайствахъ съ точки зрѣнія убыточности ихъ или безубыточности для господарскихъ корчемъ. Шляхетскія челобитія безусловно удовлетворялись господаремъ, когда справка показывала, что новая корчма не будетъ служить «переказой» господарскимъ торгамъ и мѣстамъ, будетъ «безъ шкоды» для господарской корчмы, такъ какъ новая корчма находилась вдали отъ господарскихъ мѣстъ и торговъ[9]). Господарскіе листы, разрѣшая постройку корчмы, не всегда отдавали капщизну въ распоряженіе собственника. Неоднократны случаи выдачи разрѣшенія на постройку корчмы съ оставленіемъ капщизны на господаря[10]). Господарскій листъ на право постройки корчмы выдавался «на вѣчные часы» съ правомъ передачи по наслѣдству женѣ, дѣтямъ и потомкамъ. Разумѣется, вольная корчма должна была оставить въ рукахъ землевладѣльца крупную прибыль, благодаря которой въ рукахъ средняго и мелкаго землевладѣнія скапливались деньги, которыя могли быть пущены въ оборотъ по удовлетвореніи правительствомъ шляхетской экономической программы. Просьбы о корчмахъ для даннаго времени были наиболѣе распространеннымъ явленіемъ. Другіе землевадѣльцы, считаясь съ сложившейся экономической конъюнктурой, хлопотали о разрѣшеніи устроить «на властномъ грунтѣ» новое мѣстечко съ правомъ устраивать еженедѣльный торгъ, день котораго устанавливался по усмотрѣнію собственника[11]) или по назначенію господаря. Благодаря такому разрѣшенію въ рукахъ частнаго землевладѣльца оставалось немалое количество торговыхъ пошлинъ и, кромѣ того, въ его рукахъ сосредоточивался и судъ, бывшій

---

[8]) К. З. XXXVIII л. 55, 71, 79, 89, 107, 138, 133, 143, 144, 175. К. З. XLIII, л. 15, 34, 35, etc.

[9]) К. З. XXXVIII, л. 52, 226.

[10]) К. З. XXXVIII, л. 292—293.

[11]) К. З. XXXVIII, л. 226.

тоже весьма видной доходной статьей[12]). Однако, слѣдуетъ отмѣтить, что такого рода господарскія распоряженія давались сравнительно рѣдко и собственниками ихъ большею частью оказывались крупные магнаты-землевладѣльцы. Наконецъ, нѣкоторые изъ магнатовъ шли дальше и ходатайствовали не только объ открытіи еженедѣльнаго торга, но даже и ярмарокъ. Конечно, такія просьбы были сравнительно рѣдкимъ явленіемъ, такъ какъ выдача листовъ на право устройства ярмарокъ совершенно противорѣчила общему характеру экономической политики литовско-русскаго правительства и могла служить серьезной угрозой господарскимъ мѣстамъ и мѣстечкамъ, въ которыхъ устраивались ежегодныя ярмарки.

Подавая господарю просьбы объ устройствѣ корчемъ и вольныхъ шинковъ, мѣстечекъ съ правомъ еженедѣльнаго торга и ярмарокъ, литовско-русскіе землевладѣльцы правильно воспользовались создавшимся экономическимъ положеніемъ въ цѣляхъ накопленія капитала, необходимаго для торговли. Ростъ ихъ экономическаго благосостоянія, разумѣется, дѣлалъ шляхту политически сильной единицей, съ которой нельзя было не считаться тѣмъ болѣе, что внѣшнее и финансовое положеніе государства было далеко не блестящимъ. Это превосходно учитывали землевладѣльцы, выступивъ на великихъ вальныхъ сеймахъ съ своей собственной экономической программой.

Опредѣлившаяся таможенная политика литовско-русскаго правительства вызывала въ шляхтѣ нѣкоторое безпокойство. Увеличеніе количества господарскихъ мытъ въ частновладѣльческихъ имѣніяхъ задѣвало матеріальные интересы собственниковъ. Поэтому, землевладѣльцы, пользуясь тѣмъ, что великіе вальные сеймы стали собираться довольно часто, и государство испытывало серьезныя матеріальныя и внѣшнія затрудненія, стали предъявлять господарю требованія о прекращеніи дальнѣйшихъ установокъ новыхъ мытъ. На Берестейскомъ сеймѣ 1544 г. шляхта впервые выступила съ подобнаго рода протестомъ. Въ заявленіяхъ, поданныхъ Сигизмунду I, она просила, «абы мыта и коморы его кролевское милости на имѣньяхъ не были устанавливаны». Свою просьбу литовско-русская шляхта мотивировала тѣмъ, что она вмѣстѣ со своими подданными испытываетъ вслѣдствіе этого большія «утисненья». Однако, шляхта получила рѣшительный отказъ со стороны господаря. По мнѣнію послѣдняго, шляхта даже не имѣла права подымать этотъ вопросъ, «бо тыи коморы для мытъ

---

[12]) К. З. XXXVIII, л. 175.

его милости ку размноженію скаръбу и пожитковъ его милости господарскихъ». Если же шляхта испытаваетъ какія ли бо злоупотребленія со стороны господарскихъ должностныхъ лицъ, то ей предлагается «господару его милости оповѣдать». Господарь разберетъ дѣло и положитъ конецъ злоупотребленіямъ, «кажетъ справедливость тому вчинити и таковыхъ втисковъ въ именьяхъ вашихъ не допускать чынити» [13]). Виленскій сеймъ 1547 года прошелъ спокойно. Шляхта не подымала объ этомъ вопроса, словно чувствуя безнадежность добиться удовлетворительнаго на него отвѣта. Но на Виленскомъ сеймѣ 1551 г. этотъ вопросъ опять подымается, только получаетъ нѣсколько иную формулировку. Шляхта отказалась отъ предъявленія господарю требованія не устраивать вообще мытныхъ коморъ въ шляхетскихъ имѣньяхъ и ограничилась лишь просьбой не устраивать мытныхъ коморъ тамъ, «где передъ тымъ не бывали». Конечно, удовлетворительный отвѣтъ господаря на эту просьбу существенно сократилъ бы мытные доходы, чего центральная власть не могла допустить. Поэтому шляхта получила отрицательный отвѣтъ и на эту просьбу, такъ какъ, если бы въ шляхетскихъ имѣньяхъ «сторожи, стерегучи промыты, не мешкали, тогды бы вси мыта его кролевской милости въ нивечъся оберънули,» такъ какъ любой купецъ могъ ѣздить обходной дорогой. Благодаря этому поступленія господарскаго скорба значительно бы уменьшились. Желая успокоить шляхту, господарь обѣщалъ строго наказывать «тыхъ сторожовъ мытныхъ, якіе шкоды деяти мели» [14]). На томъ же Виленскомъ сеймѣ волынская шляхта выступила съ отдѣльнымъ челобитіемъ объ упраздненіи мытниковъ въ шляхетскихъ имѣньяхъ. Разумѣется, и волынская шляхта получила категорическій отказъ. Въ своемъ отвѣтѣ господарь указалъ, что мытныя коморы устраивались въ панскихъ имѣніяхъ при его предшественникахъ, «за отъца и за предъковъ его кролевской милости,» и что въ данное время нѣтъ основаній отступать отъ этого тѣмъ болѣе, что такая политика осуществляется на всемъ протяженіи великаго княжества. Указавъ шляхтѣ на необходимость устройства коморъ въ интересахъ скарба, господарь обѣщалъ строго наказывать тѣхъ, кто будетъ имъ причинять какую либо шкоду [15]). Господарскій отвѣтъ волынской шляхтѣ не могъ быть инымъ, такъ какъ онъ исходилъ изъ общихъ

---

[13]) Р. И. Б. XXX, стр. 119—120.
[14]) Р. И. Б. XXX, стр. 173, ар. 15.
[15]) Р. И. Б. XX, стр. 207—208.

началъ, которыми литовско-русское правительство руководилось въ своей таможенной политикѣ.

Развивавшійся товаро-обмѣнъ съ Западной Европой, увеличивая доходы мѣщанъ и купцовъ, возбуждалъ вполнѣ понятное безпокойство въ шляхетскомъ сословіи. Несомнѣнно, экономическіе интересы шляхты властно заставляли ее стремиться къ тому, чтобы принять болѣе дѣятельное участіе въ совершавшемся товаро-обмѣнѣ. Съ этой цѣлью шляхтѣ надо было добиться отмѣны торговыхъ монополій и разнаго рода таможенныхъ стѣсненій. Поэтому, на Виленскомъ сеймѣ 1551 года шляхта обратилась къ господарю съ ходатайствомъ, «абы товары всякие зъ объчыхъ земль не одинъ куповалъ и шкломъ, абы такъже не одинъ шинковалъ, але нжъ бы всимъ въ томъ вольность была»[16]). Однако требованія шляхты не могли быть удовлетворены. Господарь въ своемъ отвѣтѣ подтвердилъ неприкосновенность прежнихъ торговыхъ привилеевъ.

Допуская же, что существующія торговыя монополіи и привилеи могутъ причинить ущербъ «всимъ нinfымъ,» господарь обѣщалъ слѣдить за тѣмъ, чтобы торговля стекломъ производилась «не инакъшымъ обычаемъ», но «за уставою, которая на то особливе ему есть дана»[17]).

На томъ же сеймѣ 1551 г. шляхта, учитывая экономическій подъемъ въ виду спроса на сельскохозяйственное сырье на европейскомъ рынкѣ, стремилась добиться отмѣны правительственной лѣсной монополіи и получить право свободной безпошлинной отправки хлѣба изъ шляхетскихъ имѣній. Шляхетскія требованія оказались удовлетворенными только частично. Господарь разрѣшалъ отправку заграницу тѣхъ лѣсныхъ товаровъ, которые были разработаны «на своихъ властьныхъ лѣсехъ, а не въ наемъныхъ», и притомъ «своимъ властнымъ накладомъ,» безъ участія какихъ либо постороннихъ лицъ. Такіе товары могутъ быть спускаемы заграницу при условіи оплаты ихъ соотвѣтствующей пошлиной и принесенія служебникомъ присяги, удостовѣрявшей происхожденіе отправляемыхъ лѣсныхъ, товаровъ. На вторую просьбу господарь не далъ ни положительнаго, ни отрицательнаго отвѣта, обѣщавъ «достаточъне доведати, яко ся предъ тымъ тыя речы заховывали» и только послѣ такихъ предварительныхъ справокъ дать соотвѣтствующій отвѣтъ[18]). Несмотря на свое обѣщаніе дать отвѣтъ

[16]) Р. И. Б. XXX, стр. 170.
[17]) Р. И. Б. XXX, стр. 170.
[18]) Р. И. Б. XXX, стр. 175.

послѣ наведенія соотвѣтствующей справки, господарь, однако, не далъ никакого отвѣта. Это молчаніе верховной власти побудило шляхту снова поднять тотъ же вопросъ на сеймѣ 1554 г. и притомъ въ нѣсколько расширенной постановкѣ—добиться также безпошлиннаго вывоза и лѣсныхъ товаровъ съ освобожденіемъ и отъ платежа «подужнаго» на гребляхъ и «мостового» на мостахъ. Эта просьба была мотивирована необходимостью оказать «споможенье» шляхтѣ «ку служъбе военъной и обороне земъской». Требованіе шляхты оказалось неудовлетвореннымъ. Справка показала, что шляхта не была «вызъволена» отъ платежа пошлинъ и потому не было никакого основанія удовлетворять шляхетскую просьбу. Отправка лѣсныхъ товаровъ совершалась такимъ же способомъ, какъ и раньше, согласно отвѣту господаря на сеймѣ 1551 г. Не была также освобождена шляхта и отъ подужнаго и мостового сборовъ[19]). Съ аналогичной просьбой о свободной и безпошлинной отправкѣ заграницу хлѣба и скота, и о покупкѣ товаровъ заграницей для собственныхъ потребностей выступила на томъ же сеймѣ и жмудская шляхта. Общій отвѣтъ господаря опредѣлилъ содержаніе частнаго отвѣта. Господарь, не повторяя ранѣе высказанныхъ соображеній, указалъ шляхтѣ, что если она не желаетъ платить «мыта,» «нехай пожитъковъ купецъкихъ не уживаетъ,» ибо пошлины установлены «на купецъкихъ людехъ, а не на шляхте»[20]). Еще короче и внушительнѣе оказался отвѣтъ господаря волынской шляхтѣ, просившей его о безпошлинномъ вывозѣ въ Гданскъ «жита, ярины, попела и иныхъ роботъ лесныхъ». Господарь отвѣтилъ указаніемъ, что онъ намѣренъ дѣйствовать «водлугъ давного обычая», т. е. требовать уплаты пошлинъ[21]). Прошло еще нѣсколько лѣтъ. Шляхта на сеймѣ 1559 г. снова подымаетъ тотъ же вопросъ*). На этотъ разъ господарь далъ удовлетворительный отвѣтъ. Господарь, «съ своей ласки господарское» рѣшилъ «отъпущчати мыто отъ товаровъ лесныхъ», если послѣдніе были собственной работы, а также съ продуктовъ шляхетскихъ имѣній, въ удостовѣреніе чего панскій служебникъ долженъ былъ принести присягу въ первой господарской коморѣ[22]). Экономическое освобожденіе шляхты—величайшая ея побѣда, пре-

---

[19]) Р. И. Б. XXX, стр. 234—235.

[20]) Р. И. Б. XXX, стр 255—256.

[21]) Р. И. Б. XXX, стр. 267—268.

[22]) Р. И. Б. XXX, стр. 272, 289.

*) Аналогичное челобитіе было подано и полоцкой шляхтой, заинтересованной въ товаро-обмѣнѣ между Полоцкомъ и Ригой.

восходный показатель усилившагося ея политическаго вліянія. Возбудивъ въ 1559 г. существенный для нея вопросъ, шляхта прекрасно знала, что на этотъ разъ добьется удовлетворенія своихъ требованій, такъ какъ политическій моментъ требовалъ отъ правительства не расхожденія со шляхтой, а сближенія съ ней. Добившись удовлетворенія части своей экономической программы, шляхта сдѣлала передышку и не безпокоила господаря своими просьбами. На Виленскомъ сеймѣ 1563 г. шляхта снова выступаетъ съ экономическими требованіями. Прежде всего, она просила господаря свой отвѣтъ о безпошлинномъ вывозѣ лѣсныхъ товаровъ и иныхъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ подтвердить привилеемъ «подданнымъ своимъ обема станомъ, духовнымъ и светскимъ». Кромѣ того, шляхта просила освободить ея товары отъ «гребельнаго и войскового» мытовъ, а также отъ «поквитнаго» сбора. Господарь отказалъ шляхтѣ въ выдачѣ ей экономическаго привилея, ограничившись лишь подтвержденіемъ ранѣе выданнаго разрѣшенія на безпошлинный пропускъ сельскохозяйственныхъ и лѣсныхъ товаровъ. Но зато шляхта получила право не уплачивать «гребельное и мостовое», при проѣздѣ черезъ частновладѣльческія имѣнья. Господарь нашелъ вполнѣ логичнымъ, чтобы и шляхтичи не брали мыта, разъ самъ господарь отказался отъ обложенія товаровъ пошлинами. Освободиться же шляхтѣ отъ уплаты войскового и поквитнаго—не удалось[23]). Экономическая программа шляхты однако не исчерпывалась всѣмъ этимъ. Шляхта должна была получить право безпошлиннаго ввоза заграничныхъ товаровъ и освободиться отъ всякой зависимости отъ купца, которому ей, вѣроятно, приходилось не мало переплачивать. На Виленскомъ сеймѣ 1565—1566 г. шляхта снова проситъ господаря, «абы речи купецкіе съ заграниченія привезены на властные потребы» были свободны отъ пошлинъ. На этотъ разъ господарь не счелъ возможнымъ удовлетворить шляхетскія просьбы, хотя государство переживало моментъ первостепенной политической важности[24]). Неудовлетвореніе же этой просьбы могло оказать вліяніе на отношеніе шляхты къ вопросу о литовско-польской уніи. Послѣдняя распространила бы на литовско-русскую шляхту польскія привилегіи, въ числѣ которыхъ находилось и сеймовое постановленіе о безпошлинномъ ввозѣ заграничныхъ товаровъ, исключительно для потребностей шляхты.

---

[23]) Р. И. Б. XXX, л. 334.
[24]) Р. И. Б. XXX, стр. 372.

Добившись привилегированнаго положенія по вывозу за границу собственныхъ лѣсныхъ и сельскохозяйственныхъ продуктовъ, шляхта стремилась пріобрѣсти и право безпошлинной внутренней торговли продуктами своихъ имѣній. Съ такимъ требованіемъ выступила волынская шляхта на Виленскомъ сеймѣ 1554 г., просившая, правда, о безпошлинной торговлѣ хлѣбомъ внутри земли только для своихъ подданныхъ. Господарь нашелъ возможнымъ удовлетворить ея просьбу «абы подданнымъ... никоторое обтежаніе не деяло». Послѣдніе могли безпошлинно привозить хлѣбъ въ Луцкъ, Владимиръ и Торчинъ [25]). Пока эта льгота была привилегіей только одной волынской шляхты. На Виленскомъ сеймѣ 1565—1566 г. подляшская шляхта выступила съ просьбой освободить ее отъ платежа торговыхъ пошлинъ при продажѣ собственныхъ товаровъ, при этомъ она ссылалась на состоявшееся ранѣе постановленіе Виленскаго сейма о безмытной торговлѣ собственными товарами. Господарь нашелъ, что нѣтъ никакого основанія лишать мѣста сбора торговыхъ пошлинъ, законно установленныхъ. Если же шляхта такое положеніе дѣлъ находитъ для себя убыточнымъ, пусть она не отправляетъ свои товары на продажу въ мѣста[26]).

Удовлетвореніе большей части экономическихъ требованій шляхты помимо того, что уменьшало таможенныя поступленія въ господарскій скарбъ, являлось серьезной конкуренціей городскому населенію, занятому торговыми операціями, которыя ему приходилось производить при менѣе выгодныхъ условіяхъ, чѣмъ шляхтѣ. Отсюда идетъ начало упадка литовско-русскихъ городовъ, какъ экономическихъ центровъ.

Не добившись согласія господаря на привозъ безъ уплаты пошлинъ товаровъ заграничнаго происхожденія для собственнаго потребленія, шляхта просила господаря объ изданіи уставы, которая бы регламентировала цѣны на сукна и различные товары ремесленнаго производства. Подымая этотъ вопросъ, шляхта имѣла основаніе надѣяться, что изданная устава будетъ ей выгодна, такъ какъ она могла быть только изданной отъ имени сейма, на которомъ шляхта являлась полновластной распорядительницей судебъ литовско-русскаго государства. Впервые шляхтой былъ поднятъ этотъ вопросъ на Виленскомъ сеймѣ 1554 г. Тогда господарь обѣщалъ поговорить объ этомъ съ

---

[25]) Р. И. Б. XXX, стр. 268.
[26]) Р. И. Б. XXX, стр. 393.

панами-радой и послѣ этого издать соотвѣтствующее распоряженіе[26]). Но, очевидно, такого распоряженія не послѣдовало, такъ какъ шляхта на Виленскомъ сеймѣ 1563 г. снова подымаетъ о томъ же вопросъ. Но просьба шляхты пока оказалась неудовлетворенной, хотя все-таки принципіально шляхта добилась господарскаго согласія на нормированіе цѣнъ на товары. Съ этой цѣлью въ каждомъ воеводствѣ, при участіи представителей шляхетскаго сословія, была образована коммиссія[27]). О ходѣ работъ по изданію предѣльныхъ цѣнъ намъ ничего неизвѣстно, но онѣ были окончены къ слѣдующему сейму 1565 г., бывшему также въ Вильнѣ. Шляхта обратилась къ господарю съ просьбой о введеніи въ жизнь соотвѣтствующаго сеймоваго постановленія, и господарь немедленно далъ на это свое согласіе[28]). По всей вѣроятности, изданная устава не вполнѣ удовлетворила шляхетское сословіе, такъ какъ на Городенскомъ сеймѣ 1568 года снова подымается вопросъ, «абы устава учинена на товары всякіе и мера на збожье подъ штрыхъ». Кромѣ того, шляхта ходатайствовала, «чтобы поборъ отъ суконъ люнскихъ и иншихъ таншихъ не шолъ», такъ какъ шляхта нуждается въ нихъ для своихъ военныхъ надобностей. Первая часть просьбы была удовлетворена, ибо она никакой новизны въ себѣ не заключала. За то вторая часть просьбы была отклонена подъ тѣмъ предлогомъ, что «то вжо въ поборъ пущоно»[29]).

Шляхта имѣла полное основаніе быть довольной достигнутымъ успѣхомъ. Являясь сторонницей нормировокъ цѣнъ на такъ-называемые купеческіе товары, шляхта не могла сочувствовать установленію цѣнъ на продукты сельскаго хозяйства и на живность. Эти цѣны правительство устанавливало въ виду военнаго времени, въ цѣляхъ удешевленія снабженія арміи достаточнымъ количествомъ продуктовъ. Добиться ихъ отмѣны шляхта не могла, да и правительство едва-ли уступило бы ей въ этомъ вопросѣ. Поэтому шляхта выступила съ пожеланіемъ— разрѣшить продавать разнаго рода продукты не по уставѣ, а по вольной цѣнѣ во время прохода арміи къ мѣсту ея назначенія. И господарю пришлось удовлетворить просьбу шляхты[30]). Но въ одномъ вопросѣ, и притомъ крайне важномъ въ экономическомъ отношеніи для шляхты, послѣдняя потерпѣла полное фіаско. На Виленскомъ

[26]) Р. И. Б. XXX, стр. 242.
[27]) Р. И. Б. XXX, стр. 335.
[28]) Р. И. Б. XXX, стр. 357.
[29]) Р. И. Б. XXX, стр. 474.
[30]) Р. И. Б. XXX, стр. 370.

сеймѣ 1551 г. шляхта подняла вопросъ о разрѣшеніи ей въ своихъ имѣніяхъ на большихъ дорогахъ «корчмы будовати и ихъ уживати», такъ какъ до сихъ поръ на каждую корчму давалось особое господарское разрѣшеніе. Просьба шляхты оказалась неудовлетворенной «зъ многихъ слушныхъ и певныхъ причинъ». Устройство корчмы было возможно только «за особливою лаской и дозволеніемъ его королевской милости». Получивъ такой отвѣтъ, шляхта поняла безнадежность своего требованія и нѣкоторое время больше не подымала объ этомъ вопроса[31]). На Гродненскомъ сеймѣ 1568 г. шляхта снова хлопотала передъ господаремъ о разрѣшеніи ей на собственныхъ земляхъ устраивать мѣстечки и въ нихъ корчмы безъ предварительнаго согласія на то господаря. На этотъ разъ шляхтѣ пришлось удовольствоваться отвѣтомъ, что все останется «подле статуту и старого обычая» [32]). Отказывая шляхтѣ въ ея просьбѣ, господарь становился на сторону государственныхъ интересовъ, такъ какъ свобода устройства частновладѣльческихъ мѣстечекъ и торговъ въ нихъ, а также и корчемъ несомнѣнно могла быть иногда «переказой» господарскимъ мѣстечкамъ и корчмамъ. Этимъ и объясняется отказъ господаря.

Во всякомъ случаѣ, шляхта добилась ко времени осуществленія земельной реформы весьма существенныхъ экономическихъ льготъ, которыя позволили ей принять активное участіе въ развивавшемся западно-европейскомъ товаро-обмѣнѣ и извлечь изъ него наибольшую для себя выгоду. Экономическія уступки, сдѣланныя правительствомъ землевладѣльческому сословію, являются прекраснымъ показателемъ силы и значенія этого сословія.

Начиная сознавать свою силу и чувствуя накопленіе у себя капиталовъ, искавшихъ приложенія, шляхта намѣревалась захватить въ свои руки и таможенныя мыта, до сихъ поръ обыкновенно сдаваемыя на откупъ евреямъ. Шляхтѣ не нравилось засилье еврейскаго капитала, благодаря чему «у мыте обтяженіе великое ся деетъ», и она просила господаря, чтобы мыта были отданы шляхтѣ въ той суммѣ, въ какой они были взяты въ аренду евреями. Объ этомъ желаніи расширить приложеніе своего капитала впервые высказалась жмудская шляхта въ 1559 г., но шляхетская просьба осталась неудовлетворенной. У правительства не было никакихъ основаній отнимать у евреевъ мыта и отдавать ихъ шляхтѣ. Поэтому,

[31]) Р. И. Б. XXX, стр. 196.
[32]) Р. И. Б. XXX, стр. 477.

по существу господарь далъ отрицательный отвѣтъ, дипломатично заявивъ, что обсужденіе просьбы жмудской шляхты возможно только тогда, «когда рокъ выдержанію арендъы выйдетъ». Только тогда господарь разсмотритъ, «што ся лепъшого и пожиточнейшого его милости господару въ томъ видети будетъ»[33]). Кажется, нѣкоторое время откупщическіе инстинкты жмудской шляхты не раздѣлялись всей литовско-русской шляхтой. По крайней мѣрѣ, въ просьбахъ шляхты нѣтъ повторенія челобитья жмудской шляхты. Только на Городенскомъ сеймѣ 1567 г. было высказано пожеланіе, чтобы «поборы и мыта» мимо христіанъ не отдавались евреямъ. Хотя правительство въ своей политикѣ и зависѣло отъ шляхты, но такое пожеланіе, узко конфессіональное, въ такой постановкѣ не могло быть пріемлемо. Господарь резонно отвѣтилъ, что если христіане дадутъ «такъ много або большъ, нижъ жидове», то онъ отдастъ ихъ христіанамъ. Слѣдовательно, борьба съ засильемъ еврейскаго капитала исключительно зависѣла отъ патріотическаго усердія христіанъ, т. е., другими словами, шляхетскаго сословія[34]). Несмотря на такой отвѣтъ господаря, шляхта, очевидно, не желала экономическаго соперничества съ евреями и попросту желала занять въ этомъ дѣлѣ исключительно привилегированное положеніе. Поэтому на Городенскомъ сеймѣ въ слѣдующемъ году она снова подымаетъ тотъ же вопросъ, предложивъ его въ видѣ требованія, «абы жидове жадныхъ урадовъ и поборовъ не мели». Господарь отвѣтилъ, что евреи «до земъскихъ справъ и потребъ» не будутъ допущены, оставивъ безъ всякаго отвѣта второе предложеніе шляхты[35]).

---

[33]) Р. И. Б. XXX, стр. 282.
[34]) Р. И. Б. XXX, стр. 430.
[35]) Р. И. Б. XXX, стр. 474.

IV.

Хозяйственная политика до введенія аграрной реформы.

Западныя волости. Устава 1514 года. Городенская устава 1514 года. Сельское населеніе и господарская устава. Устава 1529 года. Сравненіе ея съ уставой 1514 года. Хозяйственныя цѣли уставы. Рабочая сила господарскаго хозяйства и повинностное ея положеніе. Дѣятельность державцы и его доходныя статьи. Отступленія самого правительства отъ началъ уставы 1529 года. Устава замковъ, державъ и дворцовъ. Общій характеръ дворцоваго хозяйства. Рабочая сила хозяйства. Организація контроля. Дѣятельность державцы. Повинности волостного населенія. Отвѣтственность державцы. Жмудь. Финансовая эксплуатація населенія до введенія уставы 1527 г. Задачи и цѣли уставы 1527 года. Уставы 1529 и 1530 годовъ. Отношеніе къ нимъ населенія. Недоразумѣнія волостного населенія съ администраціей. Значеніе уставы 1529 года. Восточныя волости. Волостная старина и отношеніе къ ней правительства. Хозяйственное положеніе Поднѣпрскихъ и Подвинскихъ волостей. Злоупотребленія Мозырскихъ памѣстниковъ. Устава Мозырскимъ памѣстникамъ 1510 г. Недоразумѣнія волостного населенія съ администраціею и отношеніе къ нимъ правительства. Общій характеръ опубликованныхъ уставъ до 1534 года и послѣ этого года. Повинностное положеніе населенія согласно уставамъ.

Хозяйственная политика литовско-русскаго правительства въ XV и въ началѣ XVI вѣка не опредѣлялась какимъ бы то ни было планомъ, преслѣдовавшимъ намѣченныя хозяйственныя задачи. Отправляясь «отъ старины», правительство вело хозяйство въ господарскихъ западныхъ волостяхъ безъ всякаго плана, системы, фактически сводя всю свою хозяйственную политику къ систематическому сбору податей и слѣдя за своевременнымъ отправленіемъ повинностей, падавшихъ на населеніе и образовавшихся чисто исторически.

Такое безсистемное хозяйство и неопредѣленно-повинностное положеніе населенія заставляло правительство при выдачѣ привилея на держаніе дворовъ въ вопросѣ о повинностяхъ ограничиваться только ссылкой на старину, не опредѣляя, впрочемъ, самаго понятія «старина». Такъ, когда въ 1510 году Сигизмундъ I отдалъ пану Богушу Боговитиновичу въ держаніе дворъ Довкги «до живота» вмѣсто

уплаты слѣдуемыхъ ему 100 копъ грошей, отданныхъ господарю въ займы, то въ господарскомъ листѣ относительно повинностей нашли возможнымъ ограничиться слѣдующей фразой: «а што ся дотычеть доходовъ и иныхъ платовъ, што передъ тымъ зъ Довкговъ на насъ хоживало, то онъ вжо масть къ нашимъ рукамъ давати». Господарскій листъ даже не упомянулъ ни однимъ словомъ относительно повинностей населенія по отношенію къ державцѣ [1]). Очевидно, онѣ также были мало опредѣлены, какъ и господарскіе платы и повинности. Такая неопредѣленность свойственна всѣмъ пожалованіямъ Сигизмунда вплоть до 1514 года, когда при опредѣленіи правъ намѣстниковъ и повинностей населенія, господарскій привилей ограничивался заявленіемъ, что дворъ съ волостью жалуется на тѣхъ условіяхъ, на какихъ «первые врадники наши отъ насъ держали» [2]).

Однако эта неопредѣленность давала себя чувствовать, такъ какъ на почвѣ неясности повинностнаго положенія населенія могли происходить недоразумѣнія, благодаря сильной эксплуатаціи зависимаго отъ державцы населенія. Конечно, мимо такихъ явленій правительство не могло проходить, не рискуя нанести серьезный ущербъ интересамъ самаго скарба. Помимо этого, неудобство такой непланомѣрной хозяйственной политики давало себя чувствовать и въ другомъ отношеніи. Къ 20-мъ годамъ XVI вѣка правительство чувствовало очень сильную нужду въ деньгахъ, а такъ какъ къ этому времени выяснилась возможность сбыта сельско-хозяйственныхъ продуктовъ на заграничномъ рынкѣ, то увеличеніе доходности имѣній и ихъ производительности являлось очередной задачей хозяйственной политики литовско-русскаго правительства.

Стремясь удовлетворить насущныя потребности господарскаго скарба, правительство приступаетъ съ большой осторожностью къ выполненію своего плана. Сначала оно стремится выяснить дѣйствительное состояніе господарскаго хозяйства въ западныхъ волостяхъ и съ этой цѣлью составляются «реестры дворовъ» [3]), которые отчасти должны были сдержать не въ мѣру ретивыхъ державцевъ. И только послѣ этого начинаетъ предпринимать кое-какія систематическія мѣропріятія.

---

[1]) *М. К. Любавскій.* Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Лит.-Русск. госуд. Прил., № 120.

[2]) *М. К. Любавскій.* Ibid., Прил., № 21.

[3]) *М. К. Любавскій.* Opus cit., №№ 1, 4, 5, 6, 8, 9.

Сначала правительство пытается осуществить свои задачи по возможности въ предѣлахъ исторически сложившихся экономическихъ и финансовыхъ отношеній къ дворовому уряду жившаго на господарскихъ земляхъ населенія, словно боясь рѣзко измѣнить наладившіяся взаимоотношенія, къ которымъ привыкли и населеніе, и дворовый урядъ.

Первымъ актомъ, которымъ правительство пыталось урегулировать господарское дворовое хозяйство и подчинить его извѣстнымъ правиламъ—это было опубликованіе уставы, предназначенной «какъ по всимъ двором Виленскаго повѣта, такъ и Троцкаго»[4]), уставы, довольно технически несовершенной, но очень цѣнной, какъ показатель намѣренія господарскаго скарба поднять доходность и производительность господарскихъ имѣній. Вся «устава» 1514 года проникнута духомъ регламентаціи дѣятельности лицъ, завѣдывавшихъ господарскими имѣніями,—регламентаціи, въ корнѣ уничтожавшей всякую самодѣятельность и иниціативу на мѣстѣ. Вся устава 1514 года проникнута недовѣріемъ къ дѣятельности державцевъ и староствъ и въ то же время стремленіемъ подчинить ихъ дѣятельность контролю центральнаго правительства.

По своему составу—это только неполный черновой набросокъ, лишенный системы. Не видно, чтобы въ немъ въ той или другой степени отразился опредѣленный хозяйственный планъ. Это рядъ отдѣльныхъ хозяйственныхъ указаній, лишенныхъ систематичности и крайне недостаточныхъ для достиженія той цѣли, которую себѣ поставило литовско-русское правительство, опубликовывая къ свѣдѣнію державцевъ уставу 1514 года. Устава сначала констатируетъ печальное состояніе господарскаго хозяйства. Оказываются, «что врадники, которые отъ насъ дворы держатъ», уже давно не даютъ въ господарскій скарбъ «никоторыхъ доходовъ, а ни пожитковъ съ тыхъ дворовъ нашихъ», тратя ихъ на свои потребности «кождый ку своему пожитку». Такое хищническое отношеніе администраціи къ доходамъ, поступавшимъ въ ея распоряженіе съ господарскаго хозяйства, заставило центральное правительство принять рядъ мѣръ, какъ по урегулированію взаимоотношеній провинціальной администраціи къ господарскому скарбу, такъ и по веденію самого хозяйства. Помимо этой уставы державцы уже не могли руководиться никакими соображеніями и, считаясь съ нею, не должны были населенію «никоторыя

[4]) *М. К. Любавскій.* Прил. Ibid. № 23.

кривды и новины чинити», подъ угрозой отнятія господарскаго двора, если окажется, что державца-урядникъ «не справовалъ, какъ въ томъ листѣ нашомъ выписано».

Заботясь о своевременномъ удовлетвореніи господарскихъ потребностей, устава 1514 года прежде всего выражаетъ категорическое требованіе, чтобы державца «подпималъ господаря» соотвѣтствующими стаціями, когда послѣдній будетъ находиться въ державѣ. По мнѣнію Сигизмунда I, новаго здѣсь нѣтъ ничего—это только закрѣпленіе той старины «какъ было за отца и брата нашого, королевъ ихъ милости». Требуя отъ намѣстниковъ «даванія стацій», устава Сигизмунда I настаиваетъ на постоянности даннаго сбора, который, согласно распоряженію великаго князя, долженъ быть доставленъ на то мѣсто, куда прикажетъ великій князь. Устава 1514 года, не опредѣляя размѣровъ «стацій, постановляетъ, чтобы послѣдняя давалась «безъ замѣшканія по тому, почому будетъ и передъ тымъ здавна до предковъ нашихъ тое стацеи даивано».

Затѣмъ, велико-княжеская устава, переходя непосредственно къ новой организаціи господарскаго хозяйства, предлагаетъ намѣстникамъ къ исполненію рядъ распоряженій, отвѣтственность за исполненіе которыхъ падаетъ на самого намѣстника, какъ главнаго управителя господарскими имѣніями.

Рекомендуя намѣстникамъ новую организацію хозяйства, устава настаиваетъ на заведеніи особой пашни при господарскихъ дворахъ. Это, конечно, хозяйственная новость, вытекающая изъ желанія господаря увеличить доходность государственнаго скарба и производительность имѣнія, какъ основу увеличенія его доходности. Устава не опредѣляетъ, конечно, размѣровъ запашки. Ея величина исключительно зависитъ отъ усмотрѣнія намѣстника, которому приходится сообразоваться съ наличными рабочими силами. Устава требуетъ лишь отъ намѣстника, чтобы онъ распахалъ пашню «достаточне» силами мѣстнаго тяглаго населенія. Въ зависимости отъ размѣровъ запашки опредѣлялось экономическое положеніе сельскаго населенія. Часть его должна была нести непосредственно тяглую службу для удовлетворенія рабочей силою дворового хозяйства. Другая часть должна была быть посажена на осаду съ платой по копѣ грошей за каждый годъ. Помимо платежа чинша, люди, сидящіе на осадѣ, вносятъ въ господарскій скарбъ и «иншіе всякіе доходы» и кромѣ того они были обязаны выходить на толоку «какъ будетъ обычай». Что касается людей спеціальныхъ службъ, то устава требуетъ, чтобы ихъ было

оставлено при дворѣ столько, сколько нужно для удовлетворенія потребностей двора, а остальные должны были быть переведены на чиншъ. Правда, сохранившаяся устава имѣетъ въ виду только солянниковъ, ковалей, бобровниковъ, бывшихъ при дворѣ въ Мѣдникахъ, но, конечно, это распоряженіе должно имѣть болѣе общій характеръ по отношенію ко всѣмъ людямъ спеціальныхъ службъ. Всѣ собираемые денежные доходы намѣстникъ обязанъ немедленно, безъ задержки отсылать въ господарскій скарбъ.

Устава 1514 года въ интересахъ господарскаго скарба опредѣляетъ также ту сумму обязательныхъ расходовъ, безъ которыхъ, при веденіи хозяйства, обойтись фактически было невозможно. Такъ необходимо было отдать десятину на церковь и отложить часть урожая на содержаніе челяди невольной. Оставшійся урожай дѣлился на три части: двѣ части «зъ жита—изъ ярынъ, со пшеницы, и зъ овса, и зъ ячменю, и зъ гречыхи, и зъ проса, и изъ иншихъ ярынъ всякихъ огородовыхъ, и съ сѣна нашихъ сѣножатей» отходятъ къ господарской казнѣ, а третья часть поступаетъ въ распоряженіе намѣстника. Опасаясь злоупотребленій со стороны намѣстника, устава требуетъ, чтобы доли урожая, составляющія собственность господаря, «маютъ быти ставены въ гумнахъ нашихъ», и намѣстникъ не имѣетъ права ихъ касаться «безъ розсказанія господарскаго». Кромѣ того, помимо одной части урожая, намѣстникъ пользуется частью ежегоднаго рыбнаго улова, со всѣхъ озеръ «колко будетъ въ томъ дворѣ», а также «и иншими доходами и пожитками господарскими, што здавне оттоль хаживали», хотя они въ уставѣ и не помѣчены. Кромѣ того, въ пользу намѣстника поступаютъ и судебныя пошлины «повинное и прометное». Всѣ остальные штрафы поступаютъ въ распоряженіе господарскаго скарба. Въ интересахъ контроля за дѣятельностью намѣстника особо присланный писарь ежегодно переписываетъ всѣ доходы, поступившіе въ господарскій скарбъ, какъ натурой, такъ и деньгами.

Устава 1514 года знаетъ челядь невольную при господарскомъ дворѣ, на содержаніе которой поступаетъ мѣсячина, но устава не опредѣляетъ хозяйственнаго значенія челяди. Впрочемъ, можно предполагать, что господарь тяготился челядью, какъ рабочей силой, содержаніе которой требовало со стороны господарскаго двора значительныхъ расходовъ. Ради увеличенія эксплуатаціи невольничьяго труда, устава возлагаетъ на челядь невольную обработку всего урожая льна. Они должны выдѣлывать «скатерти и полотна» и отдавать все выдѣ-

лапное «до королевое нашое ей милости», подъ контролемъ урядника «какъ бы въ томъ шкоды не было господарю»[5]).

Итакъ устава 1514 года состоитъ изъ ряда не систематическихъ хозяйственныхъ распоряженій, но какъ бы послѣднія не были случайны, все же она вноситъ много новаго: 1) она ставитъ господарское хозяйство подъ ближайшій контроль центральной администраціи; 2) кладетъ предѣлъ злоупотребленіямъ намѣстниковъ, опредѣляя размѣры доходовъ, поступающихъ въ ихъ распоряженіе съ хозяйства господарскаго; 3) стремится наилучшимъ образомъ использовать рабочую силу господарскаго имѣнія. Все это новые факты въ хозяйственной политикѣ литовско-русскихъ государей, которые въ будущемъ получатъ дальнѣйшее развитіе. Устава 1514 года не видитъ въ этихъ распоряженіяхъ ничего новаго. Это только закрѣпленіе старины, на которую такъ часто ссылаются ея составители. Но, закрѣпляя старину, составители дали въ руководство намѣстникамъ и уставу, которая, конечно, содержала не мало новыхъ принциповъ, разъ намѣстники свою хозяйственную дѣятельность должны были основывать «на старинѣ и уставѣ».

Что изданіе этой уставы не было случайнымъ хозяйственнымъ экспериментомъ, а преслѣдовало опредѣленный хозяйственный планъ, можно судить уже по тому, что спустя два дня послѣ опубликованія первой уставы, правительство выдаетъ уставную грамоту Городенскому старостѣ пану Юрію Радивиллу по случаю отдачи ему въ держаніе «замокъ Городень» со всѣми господарскими дворами, входящими въ составъ замковой территоріи. Эта устава близка по содержанію къ только-что названной. И это понятно: условія веденія хозяйства въ господарскихъ волостяхъ Городенскаго староства были одинаковы съ дворами Троцкаго и Виленскаго повѣтовъ. Однако, встрѣчаются и незначительныя различія, что объясняется нѣкоторыми специфическими особенностями самаго староства. Сходство этой уставы съ вышеназванной заключается въ обязанности староства «по старинѣ подымать господаря» стаціями, «если послѣдній будетъ пребывать въ самомъ Городнѣ или отсылать до Вильны, або гдѣ кольвекъ, а любо на войну намъ везти». Какъ и въ уставѣ 1514 года, «сѣнные пенязи, подякольныи, изъ соляниковъ и бобровниковъ, колько кольвекъ ихъ есть въ Городенскомъ повѣтѣ и тежъ корчемныи пенязи зо всихъ дворовъ Городенскихъ» взяты къ господарскимъ рукамъ и

---

[5]) *М. К. Любавскій.* Opus cit., стр. 23.

поступаютъ въ господарскую казну. Затѣмъ отмѣтимъ полное сходство распоряженій относительно реализаціи ежегоднаго урожая, эксплуатаціи озеръ, сбора льна. Впрочемъ, въ Городенской уставѣ, въ противоположность уставѣ 1514 г., и староста не можетъ пользоваться частью улова. По крайней мѣрѣ объ этомъ въ уставѣ не сказано. Полное сходство замѣчается и въ опредѣленіи судебныхъ пошлинъ. Вообще разрѣшается пользоваться старыми доходами, кромѣ новыхъ установленныхъ. Наконецъ, старостѣ предоставляется право «млыны на Нѣманѣ и по рѣкамъ на себе завѣдати подлѣ давнаго обычая». Это, конечно, особенность мѣстнаго характера[6]).

Однако, хозяйственныя уставы 1514 года прививались не особенно скоро, и недоразумѣнія между администраціей и населеніемъ на почвѣ уплаты податей и отправленія повинностей, кажется, стали обыкновеннымъ явленіемъ. Крестьяне жалуются на намѣстниковъ по разнымъ поводамъ и соображеніямъ. Такъ нѣкоторые разряды сельскаго населенія не считали себя обязанными платить намѣстникамъ такъ-называемую «мезлеву», новый налогъ, окончательно установившійся къ этому времени, и ссылались на старину, когда они никакой мезлевы не платили, и только въ случаѣ пріѣзда господаря давали «по куряти и по десяти яицъ» отъ каждаго дыма. Всѣ отношенія ихъ къ господарскому скарбу заключались въ обязанности «на лето орати три дни, день жати, по два з дыму и сено косити». Тѣ же жалобщики указывали, что они «иншихъ службъ не служивали». Такую жалобу подали крестьяне Виленскаго тивунства[7]). Положеніе правительства было довольно затруднительнымъ. Крестьяне, по существу, были правы въ своей жалобѣ, и если бы въ данномъ вопросѣ руководиться только стариной, то всѣ крестьянскія заявленія слѣдовало бы признать совершенно справедливыми. Въ такомъ случаѣ вся хозяйственная устава была бы сведена на нѣтъ, ибо, вводя общія нормы для хозяйственныхъ распоряженій, она не предусматривала ряда частностей. Въ данномъ дѣлѣ правительство, противорѣча самому себѣ, полагаясь на показанія всей волости, признало требованія ихъ справедливыми и, закрѣпивъ ихъ судебнымъ выρокомъ, поставило себя въ весьма затруднительное положеніе, ибо прекращало или стѣсняло возможность дальнѣйшаго увеличенія податей и повинностей. Такое освобожденіе отъ службы вопреки уставѣ 1514 г. въ данную эпоху до-

---

[6]) А. З. Р. II, № 87.
[7]) Р. И. Б. XX, № 92.

вольно частое явленіе. Придерживаясь правила «старины не рушить, новины не вводить», Сигизмундъ I, на основаніи грамотъ своего брата Александра I, освободилъ Слонимскихъ подданныхъ отъ тяглой службы, отъ даванія дяколъ и подводъ, «ибо они здавна поспол з волостью службы тяглое не служивали»[8]). Но хозяйственная политика Сигизмунда I не отличалась устойчивостью. Сохраняя для однихъ челобитчиковъ старину, правительство по отношенію къ другимъ поступало по иному, не обращая никакого вниманія на старину и даже идя противъ нея. Подобнаго рода мѣропріятія—понятны: при сохраненіи «старины», никакая эксплуатація господарскихъ волостей была бы невозможна. Поэтому, ради увеличенія доходовъ, приходилось ее нарушать. Когда Ейшишскіе господарскіе подданные Якубъ и Станкусъ Мицковичи жаловались на Ейшишскаго десятника, что онъ «вернетъ насъ посполъ з волостью у службу, велитъ намъ подводы давати и на толоку ходити», тогда какъ всѣ ихъ повинности по отношенію къ господарскому скарбу только ограничивались «платежомъ дякла и кошеніемъ сѣна»[9]). Съ этимъ показаніемъ правительству пришлось посчитаться: старина какъ-будто взяла верхъ, но въ то же время на нихъ была возложена новая подать «мезлева», которую они вмѣстѣ съ дякломъ были обязаны отдавать господарю. Возникали также недоразумѣнія между администраціей и крестьянами на почвѣ неправильности обложенія ихъ судебными штрафами, что̀, конечно, было всецѣло въ интересѣ провинціальной администраціи[10]).

Между тѣмъ, колеблясь то въ одну, то въ другую сторону, правительство, однако, считало хозяйственный уставъ 1514 года нормальнымъ хозяйственнымъ укладомъ, котораго должны были придерживаться всѣ держатели господарскихъ имѣній. Необходимость соблюденія положеній уставы 1514 года вызывалась еще тѣми соображеніями, что правительство въ періодъ съ 1514—1529 г. усиленно раздавало господарскія имѣнія въ заставу и стремилось «заставными деньгами» пополнить существенную пустоту своего скарба. Отдача господарскаго двора въ заставу—это и финансовое и хозяйственное предпріятіе въ одно и то же время. Съ одной стороны, правительство получало единовременно большую сумму денегъ[11]). Съ другой стороны,

---

[8]) Р. И. Б. XX. № 109.
[9]) Р. И. Б. XX. № 121.
[10]) Р. И. Б. XX. № 120.
[11]) *М. К. Любавскій.* Opus cit., Пр. № 15, 26, 27.

не прекращалась хозяйственная эксплуатація двора, и являлась полная возможность увеличенія дальнѣйшей производительности господарскаго хозяйства. Къ тому же, господарь, отдавая въ заставу свои дворы, часто оставлялъ въ свою пользу нѣкоторую часть ихъ доходовъ, такъ что имѣніе, отданное въ заставу, благодаря этому не совсѣмъ являлось потеряннымъ для господаря. Такъ, отдавъ въ 1516 г. въ заставу дворъ Довкги, Сигизмундъ I потребовалъ съ залогопринимателя ежегоднаго доставленія 60 бочекъ жита и овса и кромѣ того 60 возовъ сѣна. Кромѣ того въ пользу господаря поступала мезлева. Что касается стаціи, то держатель имѣнія долженъ былъ поднимать стаціями только въ томъ случаѣ, когда самъ господарь пріѣзжалъ въ Довкги. Выдѣленіе нѣкоторыхъ доходныхъ частей въ пользу господаря—явленіе, постоянно практиковавшееся въ эту эпоху. Конечно, размѣръ доходныхъ частей зависитъ отъ состоянія хозяйства двора и его размѣровъ. Такъ съ двора Оникшты поступало по 100 бочекъ и овса и «спижа великоденная и колядная» по старинѣ. Стація собиралась только въ случаѣ пріѣзда самого господаря. Съ двора Меречь поступало по 100 бочекъ жита и овса и 100 возовъ сѣна, помимо мезлевы. Но, конечно, такое выдѣленіе части доходовъ въ пользу господаря не есть обязательное условіе при отдачѣ двора въ заставу. Отдавались дворы въ заставу въ полномъ смыслѣ со всѣми доходами. Господарь тогда ограничивался требованіемъ «поднимать его стаціями» во время пріѣзда въ тотъ или другой господарскій дворъ[12]). Требованіе отдачи господарю части продукта съ заставнаго имѣнія, отчасти—показатель роста сельско-хозяйственной культуры, усиленно насаждаемой господарскими державцами.

Устава 1514 года была слишкомъ кратка, и на почвѣ краткости и неопредѣленности часто возникали разнаго рода хозяйственныя недоразумѣнія. Со стороны интенсификаторовъ господарскаго хозяйства вполнѣ естественнымъ желаніемъ было увеличить возможно больше рабочую силу двора. Но сплошь и рядомъ господарскіе державцы въ своемъ хозяйственномъ усердіи заходили слишкомъ далеко и часто возлагали тяглую повинность на такихъ лицъ, которыя имѣли полное основаніе не нести ея совсѣмъ. Ставшіе невольно тяглыми людьми отнюдь не желали мириться съ своимъ положеніемъ, а забрасывали господаря челобитьями, ссылаясь при этомъ на ранѣе состоявшіеся господарскіе и намѣстничьи выроки. Такъ поступили Пере-

---

[12]) *М. К. Любавскій.* Opus cit., Прил., №№ 28—30.

лайскіе бояре, когда намѣстники заставляли ихъ «тяглою службою служити и дякла и подати давати». Между тѣмъ раньше этого никогда не бывало, въ доказательство чего они привели листъ судовый пана Петра Яновича воеводы Троцкаго и пана Яна Хребтовича Литовара, маршалка Слонимскаго, которые «повелѣли» имъ боярамъ «служыти службою боярскою, подобно тому, какъ и предки ихъ служили»[13]). Сигизмундъ I утвердилъ данный судовый листъ. Бояре были освобождены отъ тяглой повинности и разнаго рода другихъ подачекъ. Такого рода недоразумѣнія выдвигали мысль о необходимости болѣе детальнаго хозяйственнаго устава, который бы не позволялъ державцамъ свободно и незаконно привлекать разнаго рода общественные элементы къ несенію тяглой службы.

Помимо этого возникали также недоразумѣнія между державцами и господарскими крестьянами изъ-за платъ и повинностей. Державцы попросту игнорировали и уставу 1514 года, и старину и вводили не мало разнаго рода «повинъ», весьма тяжело отражавшихся на платежныхъ силахъ населенія. Эти жалобы населенія, конечно, имѣли полное основаніе, но сама устава 1514 года была слишкомъ кратко написаннымъ хозяйственнымъ наказомъ; въ ней было много недоговореннаго и неопредѣленнаго, въ особенности въ ея ссылкѣ на старину. Державцы поэтому имѣли полную возможность подъ видомъ старины вводить разнаго рода «повины». Господарское населеніе не могло, да и не желало мириться съ форсированной хозяйственной политикой державцевъ, и поэтому обращалось съ челобитьями къ господарю. Эти-то челобитья—постоянныя, докучливыя жалобы, съ своей стороны, толкали господаря на мысль о необходимости исправленія и дополненія уставы 1514 года.

Люди путные и данные Марковскаго повѣта Куренской волости особенно страдали отъ хозяйственной дѣятельности державцевъ. Устава 1514 года имѣла въ виду дворы, гдѣ возможно было прочно насаждать сельско-хозяйственную культуру. Между тѣмъ Куренская волость затерялась среди Принѣманскихъ лѣсовъ, и вся была заселена данниками и путными людьми. О нихъ совсѣмъ не говоритъ устава, и это, конечно, весьма существенный ея пробѣлъ. Но зато полное умолчаніе уставы о данникахъ давало основаніе державцѣ распоряжаться ими по своему, вводить тѣ «повины», которыя вызывали столько безпокойства и недовольства со стороны заинтересован-

[13]) Ак. Л. Г. I, № 185.

наго населенія. Если къ жалобамъ населенія отнестись съ полнымъ довѣріемъ, то, дѣйствительно, Марковскій державца довольно своеобразно поднималъ доходы съ Куренской волости. Заботясь объ охранѣ Понѣманскихъ пущъ, державца поставилъ своихъ лѣсничихъ, тогда какъ раньше само населеніе охраняло ихъ. Такая охрана, хотя и требовала напряженія силъ, однако вполнѣ отвѣчала интересамъ самаго населенія, которое, охраняя господарскія пущи, фактически сторожило «свои входы и бортныя деревья», съ чего они давали господарю дани. Замѣна волостной охраны лѣсничими, по словамъ челобитчиковъ, существенно задѣвала интересы волости. Лѣсничіе плохо охраняли господарскую пущу, благодаря чему и пуща оказалась «опустошенной», и бортныя деревья вырубленными. Вслѣдствіе этого волостные люди были не въ силахъ своевременно вносить положенныя на нихъ дани. Послѣднее обстоятельство требовало особеннаго вниманія правительства, такъ какъ появленіе недоимокъ было не въ интересахъ господарскаго скарба. Помимо этого, врядники державцевъ собирали «поколодное» не по старинѣ—вмѣсто гроша—12 грошей. Кромѣ того, они заставляли волостныхъ людей работать на себя и требовали съ нихъ подводы, исключительно только для своихъ нуждъ. Раньше этого никогда не было. Помимо этого частые въѣзды намѣстника разоряли населеніе, такъ какъ послѣднее было обязано его самого и его слугъ «стаціями поднимати» и «станы справляти» для нихъ. Господарь призналъ жалобы населенія совершенно правильными, и хищничеству намѣстниковъ былъ положенъ предѣлъ. Поручая высшій контроль за пущами державцѣ и его намѣстникамъ, которые могутъ привлекать данника къ отвѣтственности, еслибы «который данникъ нашъ хотѣлъ въ той пущи шкоду чинити», и ставя волостное населеніе подъ надзоръ державцы и намѣстниковъ, господарскій вырокъ требуетъ, чтобы и подданные могли найти «справедливость» передъ державцей, если со стороны населенія будутъ поданы жалобы на его намѣстниковъ. Точно также населеніе освободилось отъ обязанности поднимать намѣстниковъ стаціями, но зато державца могъ требовать отъ населенія стацію разъ въ годъ. Если же кто-нибудь изъ членовъ волости обратится къ уряду съ просьбой о дѣтскихъ, то стацію имъ будетъ давать то лицо, «которому будетъ потреба въ нихъ». Разрѣшая въ пользу населенія всѣ его жалобы на своего державцу, господарскій листъ, однако, подчеркнулъ обязанность «тяглыхъ людей» ходить на пашни «съ сохою, съ бороною, съ серпомъ, съ топоромъ». Такая заботливость

понятна. Умолчаніе о господарской пашнѣ могло быть истолковано въ положительномъ смыслѣ[14]). Этого и стремился избѣжать господарскій листъ, опубликованный въ 1528 году. Всѣ эти недоразумѣнія, явно задѣвавшія интересы скарба, говорили о необходимости опубликованія болѣе раціонально составленной уставы, въ которой не было бы пропусковъ и умолчаній уставы 1514 года, но въ которой ея принципы получили бы дальнѣйшее развитіе.

Устава 1514 года слишкомъ кратка по своему содержанію. Она только въ общихъ чертахъ даетъ представленіе о новыхъ пріемахъ хозяйственной политики литовско-русскаго правительства, нуждавшейся въ дальнѣйшей детализаціи и развитіи ранѣе высказанныхъ принциповъ. Впервые болѣе или менѣе цѣльно и систематично новые принципы были изложены въ «уставной грамотѣ державцамъ и урядникамъ королевскихъ волостей, приписныхъ къ Виленскому и Троцкому замкамъ», опубликованной въ началѣ 1529 года[15]).

Изслѣдователи, указывающіе на сходство старой и новой уставъ, несомнѣнно правы, такъ какъ содержаніе обѣихъ уставъ дѣйствительно имѣетъ много общаго, но приходится отмѣтить и значительную разницу, сказывающуюся не только въ детализаціи нѣкоторыхъ статей, но и въ нѣсколько иной постановкѣ вопросовъ, затронутыхъ уставами 1514 и 1529 годовъ. Прежде всего въ уставѣ 1529 г. 37 артикуловъ, тогда какъ уставу 1514 года можно раздѣлить только на 15 артикуловъ. Сравнивая по статьямъ двѣ уставы Сигизмунда I, можно подмѣтить, что по содержанію и по затронутымъ въ нихъ вопросамъ слѣдующія статьи близки другъ къ другу:

Уст. 1529 г.	Уст. 1514 г.
арт. 2 и 3	арт. 7
7	9
13	3
29	1
25	6
14	4 5 и 6.

Обиліе статей и удивительно полная разработка затронутыхъ въ нихъ вопросовъ могутъ служить прекраснымъ отраженіемъ всѣхъ теоретическихъ хозяйственныхъ соображеній литовско-русскаго правительства.

---

14) *М. К. Любавскій.* Opus cit., Прил., № 43.

15) А. З. Р. II, № 159.

По содержанію устава 1529 года весьма близка къ уставѣ 1514 г. Она также занята, но только болѣе детальной регламентаціей господарскаго хозяйства. Она тоже даетъ руководящія правила къ поднятію доходности и производительности господарскаго хозяйства, пока не прикасаясь къ существующимъ земельнымъ отношеніямъ, все еще не трогая «старины», которая значительно задерживала развитіе господарскаго хозяйства. Она также не довѣряетъ самостоятельности и личной предпріимчивости намѣстника. Благодаря этому, послѣдній превращается не столько въ лицо, ведущее хозяйство подъ своею личной отвѣтственностью, сколько въ лицо, подъ своею личною отвѣтственностью исполняющее приказанія центральнаго правительства. Но при болѣе подробномъ анализѣ уставы 1529 года на фонѣ сходства можно отмѣтить и весьма существенную разницу, благодаря чему хозяйственная практика литовско-русскихъ великихъ князей становится болѣе отчетливой. Устава 1514 года, давая общую инструкцію «врядникамъ», заботилась только о томъ, чтобы не пропадали господарскіе доходы и не было ущерба господарскимъ пожиткамъ; тогда какъ устава 1529 года больше всего занята вопросомъ объ увеличеніи доходности хозяйства, что совершенно измѣняетъ самый смыслъ и значеніе двороваго хозяйства, какъ самостоятельнаго цѣлаго. Заботясь объ увеличеніи доходовъ господарскаго скарба, устава 1529 года переводитъ всѣ существующія податки на деньги [16]), если только они, въ силу хозяйственныхъ условій, не собираются натурой и не остаются на мѣстѣ. Если же часть податковъ собирается натурой, то они не должны лежать на мѣстѣ въ ожиданіи распоряженій литовско-русскаго правительства, а должны быть немедленно «водлѣ торгу» проданы. Деньги же отсылаются въ господарскій скарбъ [17]). Точно также остатокъ ежегоднаго урожая долженъ быть, по возможности, поскорѣе реализованъ. Устава 1529 года рекомендуетъ оставшійся неиспользованнымъ для потребностей господарскаго хозяйства урожай оставлять до весны, а затѣмъ весной всѣмъ желающимъ отдавать его въ взаймы при условіи уплаты ссуды осенью по реализаціи урожая. При этомъ хлѣбная ссуда возвращается не натурой, а деньгами [18]). Такое хозяйственное распоряженіе можно объяснить желаніемъ правительства всегда имѣть свободные запасы

---

[16]) А. З. Р. II, № 159, арт. 10—12.
[17]) Ibid., арт. 9.
[18]) Ibid., арт. 4.

хлѣба, которые могли бы быть использованы для нуждъ сельскаго населенія и для поддержанія его экономической годности, но возвращеніе ссуды деньгами, и притомъ осенью, наводитъ на мысль, что литовско-русское правительство не столько заботилось объ удовлетвореніи продовольственныхъ нуждъ населенія, сколько намѣревалось использовать ощущаемый имъ недостатокъ въ хлѣбѣ посредствомъ ссудъ хлѣбомъ по высокимъ весеннимъ цѣнамъ. Требованіе уплаты ссуды осенью, когда приходилось спѣшно реализовать урожай, только создавало благопріятныя обстоятельства для весеннихъ хлѣбныхъ ссудъ. Вполнѣ понятно, что литовско-русскому правительству было несомнѣнно выгоднѣе отдавать хлѣбъ весною въ качествѣ ссуды, имѣя въ виду осеннія цѣны на хлѣбъ, чѣмъ продавать его осенью при низкихъ цѣнахъ на хлѣбъ вслѣдствіе переполненія рынка хлѣбнымъ товаромъ.

Заботясь о наилучшемъ использованіи рабочихъ и платежныхъ силъ населенія, устава 1529 года весьма детально трактуетъ объ этомъ. Вмѣстѣ съ своей предшественницей устава 1529 года также требуетъ оставленія при дворѣ для работы необходимаго количества тяглыхъ людей, «которыи суть повинни службу уставичнѣ служити»; всѣ же остальные люди должны быть осажены на землю при условіи взноса «натуральнаго податка по бочкѣ пшеницы, або венра». Если при этомъ господарь будетъ самъ находиться въ державѣ, то податки поступаютъ на удовлетвореніе потребностей господарскаго двора. Въ его отсутствіе они продаются державцами, которые вырученныя деньги отправляютъ въ господарскій скарбъ. По уставѣ же 1514 всѣ лишніе тяглые люди непремѣнно осаживаются на «пенезѣхъ».

Тяглые люди отбываютъ барщину и доставляютъ на господарскій дворъ необходимое количество подводъ[19]). Всѣ же остальные разряды населенія господарскаго двора, какъ люди, несшіе высшія и спеціальныя службы, такъ и посаженные на осадѣ, были обязаны выходить на толоку 12 дней въ году. Конечно, количество людей разныхъ спеціальныхъ службъ должно быть согласовано съ потребностями хозяйства. Отъ державцы зависѣло, сколько такихъ спеціальныхъ службъ оставить «на дворовую потребу»[20]).

Стремясь къ точному опредѣленію «тяглой» повинности сельскаго населенія, приписаннаго къ господарскому двору, устава 1529

---

[19]) Ibid., арт. 13.
[20]) Ibid., арт. 14.

года также детально выясняетъ, какія платы были обязаны вносить въ господарскій скарбъ тяглые люди. Переводя предметы, поступавшіе натурой, на деньги, устава 1529 года облегчаетъ сборъ ихъ господарскому намѣстнику, но, конечно, ставитъ въ серьезное затрудненіе населеніе, вынужденное теперь вывозить на рынокъ свои сельско-хозяйственные продукты и превращать ихъ въ деньги[21]). Такимъ образомъ, новая устава исходила изъ предположенія о наличности мѣстнаго рынка для сбыта населеніемъ своихъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Въ новой уставѣ очень много удѣлено вниманія дѣятельности державцы, и это, конечно, вполнѣ понятно, разъ державца выступаетъ въ роли отвѣтственнаго агента по веденію господарскаго хозяйства. Разсматривая его роль въ хозяйствѣ, какъ точнаго исполнителя всѣхъ изданныхъ свыше предписаній, устава 1529 года, однако, прекрасно понимаетъ необходимость предоставленія намѣстникамъ и державцамъ нѣкоторой доли самостоятельности, если это только возможно по мѣстнымъ условіямъ и обстоятельствамъ. Въ этомъ отношеніи новый хозяйственный наказъ радикальнымъ образомъ расходится съ хозяйственными наставленіями 1514 года.

Ставя державцу во главѣ хозяйства, устава 1529 года весьма детально опредѣляетъ, какъ державца долженъ поступить съ ежегоднымъ урожаемъ хлѣбныхъ злаковъ.

Прежде всего должна быть выдѣлена десятина на церковь, затѣмъ отложена мѣсячина на содержаніе «челяди невольной». Въ сравненіи съ уставой 1514 года, размѣры мѣсячины, раздаваемой «паробкамъ и жонкамъ», колеблются въ зависимости отъ того, имѣютъ ли они «бонды» и «приробки». Въ послѣднемъ случаѣ мѣсячина уменьшается до $1^1/_2$ копы жита на годъ, тогда какъ невольники, «которые обыходу и домовъ своихъ немаютъ», получаютъ мѣсячину 4 раза въ годъ по «бочцѣ жита, водлѣ обычая давного»[22]). Указаніе уставы на возможность для челяди невольной имѣть «свои бонды и приробки», заслуживаетъ вниманія. Это, несомнѣнно, новое явленіе въ хозяйственной политикѣ литовско-русскаго правительства, показывавшее его стремленіе использовать болѣе производительно рабочую невольничую силу и уменьшить расходы по ея содержанію, обративъ остатокъ мѣсячины на нужды господарскаго двора. Затѣмъ державца долженъ отложить про запасъ долю урожая, необходимаго для обсѣ-

[21]) Ibid., арт. 10, 11, 12.
[22]) Ibid., арт. 2.

мѣненія полей[23]). Оставшійся урожай дѣлится на нѣсколько частей, изъ которыхъ одна поступала въ распоряженіе державцевъ «къ ихъ живности и пожитку», а остальные составляли собственность господарскаго двора. Такъ, озимое жито дѣлится на 3 части, изъ которыхъ одна поступаетъ въ собственность державцевъ. Что касается яровыхъ хлѣбовъ, какъ-то: пшеницы, овса, ячменя, гречихи, то оставшаяся доля урожая дѣлится на 4 части, изъ которыхъ державцѣ отдается $^1/_4$ часть всего оставшагося урожая[24]). Кромѣ того, всякій державца имѣетъ право на господарской землѣ заводить огороды, продукты съ которыхъ державцы «маютъ суполна уживати и къ своему пожитку оборочати», съ обязательствомъ, въ случаѣ пріѣзда господаря, давать «до кухни речей огородныхъ достатокъ», «водлѣ шацунку и уставы каждого двора особно»[25]).

Въ цѣляхъ увеличенія доходности хозяйства державца долженъ засѣять нѣкоторое пространство льномъ. Устава не опредѣляетъ его размѣровъ. Это зависитъ исключительно отъ державцы, который долженъ въ данномъ случаѣ сообразоваться съ наличнымъ количествомъ «челяди невольной», такъ какъ «каждая жонка, которая беретъ мѣсячину», обязана ежегодно представить на господарскій дворъ «поставъ полотна». Хозяйственная нераспорядительность державцы въ этомъ случаѣ карается штрафомъ «отъ каждоѣ женки» въ размѣрѣ пятидесяти грошей или постава полотна, длиною въ 50 локтей[26]).

Такъ какъ дворовое хозяйство, кромѣ собственной пашни, могло заключать въ себѣ и другія угодія, которыя было вполнѣ возможно эксплуатировать въ интересахъ хозяйства, то инструкція 1529 года и этимъ угодьямъ отводитъ особыя статьи, фактически дѣлая тѣмъ самымъ невозможнымъ какія бы то ни было злоупотребленія со стороны намѣстниковъ. Такъ отъ эксплуатаціи озеръ державцы получаютъ только $^1/_3$ улова. Двѣ же три поступаютъ на продажу, а вырученная сумма отсылается въ господарскій скарбъ[27]). Зато всѣ продукты отъ эксплуатаціи лѣса-цѣликомъ поступаютъ въ господарскій скарбъ[28]). Конечно, такое хозяйственное распоряженіе вполнѣ понятно, разъ лѣсные продукты являлись главнымъ предметомъ сбы-

---

[23]) Ibid., арт. 1 и 2.
[24]) Ibid., арт. 2 и 3.
[25]) Ibid., арт. 6.
[26]) Ibid., арт. 7.
[27]) Ibid., арт. 16.
[28]) Ibid., арт. 17.

та за границу, и продажу которыхъ литовско-русское правительство стремилось монополизировать. Кромѣ надзора за эксплуатаціей разныхъ хозяйственныхъ статей господарскаго двора, державцы должны слѣдить, чтобы—мѣры емкости, «бочки», которыми измѣряется мѣсячина и зерно для посѣва, были «въ одну мѣру уроблены и желѣзною обручью збиты»[29]), чтобы всѣ дворовыя постройки находились въ хорошемъ состояніи[30]), чтобы всякаго рода стародавніе доходы попрежнему брались «къ руцѣ» и господарскому пожитку и отдавались въ господарскій скарбъ[31]), чтобы необходимый сельско-хозяйственный инвентарь находился при дворахъ въ достаточномъ количествѣ[32]). Помимо этого, на державцѣ лежитъ общій надзоръ за скотнымъ дворомъ, который надо содержать «въ доброй опатрности». Если же, въ результатѣ небрежности державцы, численность господарскаго стада уменьшится, то державца платитъ штрафъ «водлѣ уставы земскоѣ»[33]). Наконецъ, устава 1529 года разрѣшаетъ державцѣ отдавать свободныя земли въ аренду. Арендная плата вносится «пѣнязьми» или натурой—медомъ, бывшимъ предметомъ экспорта, и потому замѣна денежной аренды—натурой вполнѣ понятна[34]). Въ то же время устава категорически запрещаетъ старостамъ и державцамъ раздавать кому бы то ни было пустовскія земли «до воли господарской». Всѣ же незаконно разданныя земли немедленно отбираются и приписываются къ тому двору, «въ которомъ дворѣ тыи земли будутъ знайдены»[35]).

Опредѣливъ детально обязанности державцы, какъ правительственнаго хозяйственнаго агента и распорядителя господарскаго имѣнія, устава 1529 года рядомъ распоряженій защищаетъ населеніе отъ эксплуатаціи его намѣстниками. Такъ державца не имѣетъ права брать «подданныхъ и людей дворовъ» для своихъ нуждъ, «ку работамъ або будованію дворовъ своихъ отчизныхъ», или посылать ихъ «въ жадныи подводы въ рѣчахъ своихъ, а овшемъ што ся ткнетъ какоѣ купли вожепія»[36]). Опредѣливъ въ тѣхъ же

---

[29]) Ibid., арт. 8.
[30]) Ibid., арт. 18.
[31]) Ibid., арт. 25, 26, 27.
[32]) Ibid., арт. 31.
[33]) Ibid., арт. 30.
[34]) Ibid., арт. 15.
[35]) Ibid., арт. 36.
[36]) Ibid., арт. 19.

цѣляхъ размѣры судебныхъ пошлинъ, поступавшихъ въ распоряженіе державцы съ каждаго, разобраннаго имъ дѣла, устава 1529 года запрещаетъ брать больше, чѣмъ это слѣдуетъ по уставѣ [37]). Однако собранныя судебныя пошлины поступаютъ далеко не всѣ полностью въ распоряженіе державцы, какъ это было и по инструкціи 1514 года. Въ пользу державцы поступаютъ только «вины» до пятидесяти грошей, а также судебная пошлина-пересудъ, тоже съ точностью опредѣленная уставой [38]). Въ интересахъ защиты того же населенія отъ произвольныхъ дѣйствій державцы, устава 1529 года опредѣляетъ и размѣръ штрафовъ, которые населеніе было обязано уплачивать за прогульные дни или за непослушаніе державцамъ [39]).

Отдавая все веденіе и распоряженіе дворовымъ хозяйствомъ въ руки державцы, устава 1529 года организуетъ надъ его дѣйствіями и распоряженіями крайне тщательный и бдительный контроль. Не говоря уже о томъ, что всѣ «доходы пѣнязные и пожитки дворовъ» должны быть доставляемы своевременно въ господарскій скарбъ, а именно, ко дню св. Мартина[40]), инструкція 1529 года требуетъ также представленія финансоваго отчета два раза въ годъ, весной и осенью «суполнѣ со всихъ тыхъ пожитковъ нашихъ, которыи есьмо къ своей руцѣ и пожитку скарбу нашого зоставили». Державцы отчитываются передъ «писарьми», спеціально посылаемыми «къ слуханью личбы дворовъ нашихъ» [41]). Возлагая на державцу отвѣтственность за состояніе хозяйства и требуя отъ него своевременной отчетности, устава 1529 года поручаетъ ему и сборъ съ населенія разныхъ «податковъ», за исключеніемъ «капщизныхъ пѣнязей», для сбора которыхъ отъ господарскаго скарба посылаются спеціальные дворяне [42]).

Таковъ характеръ второго практическаго хозяйственнаго наставленія, интересующагося по преимуществу только точнымъ опредѣленіемъ повинностей и податей, падавшихъ на населеніе, и дающаго рядъ указаній для усиленія производительности двороваго хозяйства, но совершенно не трогающаго исторически сложившагося крестьянскаго землевладѣнія.

---

37) Ibid., арт. 20, 21, 23, 24.
38) Ibid., арт. 20, 21, 22.
39) Ibid., арт. 28.
40) Ibid., арт. 29.
41) Ibid., арт. 32.
42) Ibid., арт. 37.

Устава 1529 года, написанная въ категорическомъ тонѣ, должна была имѣть значеніе обязательнаго хозяйственнаго наказа для всѣхъ волостей и дворовъ Виленскаго и Троцкаго повѣтовъ. Несомнѣнно, во многихъ случаяхъ она являлась «новиной», которую правительство было вынуждено всячески поддерживать, если желало дѣйствительной, а не мнимой интенсификаціи сельскаго хозяйства. На самомъ дѣлѣ оказывалось, что старина далеко не была побѣждена; населеніе не желало мириться съ нормами уставы и обращалось съ челобитьями о сохраненіи «старины». И правительство иногда не оказывало сопротивленія ихъ пожеланіямъ и шло навстрѣчу ихъ желаніямъ, что лишало уставу 1529 года того обязательнаго значенія, которое недопускаетъ никакихъ изъятій, никакихъ исключеній. Такъ, когда путные бояре Марковской волости Корейковичи просили о сохраненіи за ними конной службы «пятма коньми», то господарь, хотя и призналъ данную просьбу противорѣчащей уставѣ, однако, разрѣшилъ оставаться имъ при прежней службѣ и не велѣлъ «надъ тую уставу нашу къ инымъ службамъ ихъ принужати и подачокъ съ нихъ брати»[43]).

Устава 1529 года, вторично изданная въ 1547 году, конечно, является большимъ шагомъ впередъ въ сравненіи съ уставой 1514 г., но въ это время она уже не удовлетворяла правительство. Она недостаточно интенсифицировала хозяйство, невполнѣ отвѣчала требованіямъ рынка и новымъ хозяйственнымъ отношеніямъ. Эти причины побудили правительство почти наканунѣ аграрной реформы издать новую уставу, такъ называемый «Наказъ старостамъ и державцамъ». Впрочемъ, относительно времени его опубликованія въ исторической литературѣ существуетъ разногласіе. По этому поводу М. В. Довнаръ-Запольскимъ и Н. Г. Бережковымъ были высказаны два разныхъ мнѣнія. Первый находитъ возможнымъ отнести опубликованіе «Наказа» къ пореформенной эпохѣ; второй, указывая на его близость къ уставѣ 1529 года и на полное противорѣчіе его съ духомъ уставы о волокахъ, считаетъ его уставой, появившейся до реформы. Съ послѣднимъ мнѣніемъ нельзя не согласиться. Соображенія Н. Г. Бережкова настолько убѣдительны, что позволяютъ присоединиться къ его выводу[44]). Правда, въ этомъ случаѣ остается совершенно открытымъ

---

[43]) *М. В. Довнаръ-Запольскій.* Очерки организаціи западно-русск. крест. Прил. № 3.

[44]) *Н. Г. Бережковъ.* Устава замковъ, державъ и дворцовъ Сигизмунда-Августа, предшествовавшая волочной уставѣ. (Ж. М. Н. Пр. 1911 г., 5).

вопросъ, зачѣмъ понадобилось Сигизмунду II почти накапунѣ реформы опубликовать новый наказъ, находившійся въ столь рѣзкомъ противорѣчіи съ уставой о волокахъ. По всей вѣроятности, правительство предвидѣло, что задуманная реформа не могла быть сразу осуществлена. Чтобы сказались ея результаты, для этого еще надо было много времени. Самое производство реформы шло довольно медленно. Жизнь же требовала удовлетворенія своихъ нуждъ и потребностей. Отсюда и явилось у правительства желаніе по возможности интенсифицировать хозяйство въ предѣлахъ существовавшихъ экономическихъ отношеній и тѣмъ самымъ увеличить доходность скарба. Съ этой стороны, какъ бы ни была близка устава 1529 года къ «наказу старостамъ и державцамъ», послѣдній все-таки былъ полнѣе и кое въ чемъ существенно отличался отъ первой. Въ немъ ясно и отчетливо видно намѣреніе литовско-русскаго правительства приспособить господарское дворовое хозяйство къ потребностямъ внутренняго и внѣшняго рынковъ, сдѣлать его предпринимательскимъ.

Ко времени опубликованія новаго «наказа старостамъ и державцамъ» окончательно выяснилась и укрѣпилась связь господарскаго сельскаго хозяйства съ внѣшнимъ рынкомъ. Это и побудило литовское правительство, не ломая существовавшихъ поземельныхъ отношеній, издать новую уставу съ цѣлью дать державцамъ рядъ болѣе детальныхъ хозяйственныхъ указаній, примѣненіе которыхъ позволило бы интенсифицировать дворовое хозяйство. Согласно уставѣ [45]), весь остатокъ ежегоднаго урожая, за удовлетвореніемъ всѣхъ нуждъ хозяйства, поступаетъ на рынокъ: онъ отправляется водой или до Кролевца, или до Гданска, или продается на внутреннемъ рынкѣ. Выборъ внутренняго или внѣшняго рынковъ зависитъ отъ усмотрѣнія державцы, смотря потому, какой изъ рынковъ въ тотъ или другой моментъ являлся болѣе соотвѣтствующимъ интересамъ господарскаго хозяйства [46]). Ежегодный урожай исчисляется остаткомъ послѣ выдѣленія: а) костельной десятины, в) необходимаго количества зерна для посѣва, с) зерна для выдачи людямъ «w odsyp». Конечно, отдача въ отсопъ производится только при условіи спроса на него. Въ противномъ случаѣ, съ этимъ зерномъ разрѣшалось поступить по усмот-

---

[45]) Текстъ уставы былъ переизданъ М. В. Довнаръ-Запольскимъ въ его работѣ по исторіи западно-русскаго крестьянства. Новое изданіе ея было дано въ Русской Истор. Библ., т. XXX, которымъ мы пользуемся.

[46]) Р. Ист. Биб. XXX, стр. 602.

рѣнію самого державцы. Затѣмъ откладывалась мѣсячина «по обычаю» для содержанія челяди невольной. Устава признаетъ, что это старый обычай. Оставшееся озимое дѣлится на 3 части, изъ которыхъ 2 поступаютъ въ распоряженіе господаря, а третья часть въ пользу державцы [52]). Всѣ эти статьи «уставы» совершенно совпадаютъ съ 1—2 статьями уставы 1529 года, впрочемъ съ маленькимъ прибавленіемъ, отчасти объясняющимъ причину того, что заставило Сигизмунда-Августа издать новый наказъ. Устава указываетъ, что державцы брали жито «w niemałych liczbach», чѣмъ, конечно, наносился не малый убытокъ господарскому хозяйству. Очевидно, урядники мало считались съ уставой 1529 года [47]). Что же касается «ярового», то количество, поступающее въ распоряженіе господаря, состоитъ изъ ежегоднаго урожая, за выдѣленіемъ только церковной десятины и одной четверти его въ пользу державцы. Изъ оставшейся доли, оставляется необходимое количество бочекъ для посѣва. Остальное подлежитъ реализаціи на рынкахъ [48]). На рынокъ также поступаетъ и запасъ зерна, оставшійся отъ обсѣмененія полей. Разъ ежегодный урожай въ данное время имѣлъ столь большое значеніе для интересовъ скарба и разъ державцы позволяли себѣ разнаго рода злоупотребленія, то, естественно, правительство должно было организовать болѣе бдительный и тщательный надзоръ за дѣятельностью державцевъ и за состояніемъ господарскаго хозяйства. Необходимость контроля извѣстна уставѣ 1529 года, но въ ней она скорѣе чувствуется, чѣмъ сознается. Въ новомъ «наказѣ», наоборотъ, организаціи контроля отведено много вниманія. Надзоръ достигается тѣмъ, что составляется подробный реестръ наличности всего господарскаго имущества, и что посланные для провѣрки писари могутъ при себѣ измолотить нѣкоторое количество озимаго и ярового зерна, для того, чтобы узнать «полноту» зерна. Это было необходимо для разнаго рода хозяйственныхъ расчетовъ, такъ какъ едва-ли было цѣлесообразно для господарскаго хозяйства вывозить плохой хлѣбъ. Можетъ быть, такой было бы выгоднѣе реализовать на внутреннемъ рынкѣ [49]).

Кромѣ того, пробный умолотъ зерна даетъ возможность проконтролировать самаго державцу и не допустить съ его стороны ряда злоупотребленій. Въ интересахъ быстрой реализаціи урожая наказъ

---

[47]) Ibid., стр. 601—602.
[48]) Ibid., стр. 602.
[49]) Ibid., стр. 603.

требуетъ, чтобы молотьба производилась своевременно, и чтобы невымолоченный хлѣбъ не оставался въ копнахъ [50]). Не мало мѣста отводитъ устава разнаго рода распоряженіямъ относительно подданныхъ и ихъ повинностей. Новаго здѣсь сравнительно съ уставой 1529 года нѣтъ ничего, но старое, извѣстное болѣе точно опредѣлено и зафиксировано. Такая фиксація вполнѣ понятна: господарскому хозяйству нужны рабочія руки. Отсюда вытекала необходимость, чтобы послѣднія всегда были на лицо; иначе возможность веденія регулярнаго хозяйства тѣмъ самымъ совершенно исчезаетъ.

Забота о рабочемъ населеніи составляетъ обязанность урядника. Онъ слѣдитъ за тѣмъ, чтобы «невольной челяди» мѣсячина не выдавалась даромъ, чтобы для каждаго мужчины или женщины она была вполнѣ заслуженной. Поэтому, челядь невольная должна своевременно выполнять всѣ дворовыя работы, для каковой цѣли урядникъ обязанъ имѣть необходимое количество рабочаго инвентаря, такъ какъ рабочій инвентарь волостного населенія привлекается только въ экстренныхъ случаяхъ «ku rychleyszemu sasianiu y zarobeniu». Это—обязанности мужской челяди невольной. Что же касается женской челяди невольной, получающей мѣсячину, то ея натуральныя повинности тождественны съ повинностями уставы 1529 года. Только прибавлено требованіе, что она выполняла на господарскомъ дворѣ разнаго рода работы по усмотрѣнію урядника [51]). Впрочемъ отъ обязанности доставлять полотно освобождаются дѣвки и дѣти, приставленныя для охраны скота, «aby oni byli tem więcey pilnieysne poslug dwornych» [52]). Такое освобожденіе уставѣ 1529 года неизвѣстно. По всей вѣроятности, дворовое скотное хозяйство тогда недостаточно было развито, такъ какъ устава 1529 г. пока только настаивала на необходимости имѣть скотъ тамъ, гдѣ имѣется челядь невольная (§ 31). Наконецъ, для болѣе тщательнаго надзора за челядью невольной составляется ежегодно списокъ ея, съ обязанностью ежегодно указывать ея прибыль и убыль [53]). Такихъ указаній нѣтъ въ уставѣ 1529 г. Очевидно, вопросъ о челяди невольной—былъ больнымъ для хозяйства, разъ приходилось вести точный ея учетъ. Кромѣ того, благодаря регистраціи являлась полная возможность контроля надъ

---

[50]) Ibid., стр. 603.
[51]) Ibid., стр. 606—607.
[52]) Ibid., стр. 607.
[53]) Ibid., стр. 607—608.

дѣятельность и державцы, отсыпавшаго ежегодно опредѣленное количество жита для «мѣсячины» невольной челяди. Съ большимъ вниманіемъ наказъ относится къ тяглому населенію и даетъ державцѣ рядъ практическихъ указаній, которыми онъ долженъ былъ руководиться. Наказъ очень дорожитъ наличными тяглыми работниками и не мало обезпокоенъ тѣмъ, чтобы наличная рабочая сила оставалась постоянной и тѣмъ самымъ давала полную возможность выполненія намѣченной хозяйственной политики. Въ уставѣ 1529 года такихъ указаній нѣтъ, да и не могло быть, такъ какъ интенсификація сельскаго хозяйства только начиналась. Новый наказъ знаетъ разрядъ тяглыхъ людей «отчичевъ»,—людей, можно сказать, прикрѣпленныхъ къ господарскому хозяйству. При тогдашнемъ передвиженіи населенія было крайне необходимо дать державцѣ указанія, которыми онъ могъ бы руководиться. Цѣль всѣхъ этихъ указаній—сохранить при дворѣ хорошаго тяглаго работника. Поэтому, если человѣкъ, способный къ работѣ, уходилъ, то его надо было искать. Только къ выходу объднѣвшихъ надо относиться равнодушно, ибо развѣ работникъ—упавшій въ бѣдность тяглый человѣкъ. Но и въ данномъ случаѣ все-таки необходимо придти къ нему на помощь. Если же поддержка оказывалась не дѣйствительной, то такого «убогаго» слѣдовало поселить на другомъ участкѣ земли въ соотвѣтствіи съ его силами, а его земля отдавалась другому лицу. Впослѣдствіи онъ могъ быть посаженъ гдѣ-нибудь на нераспаханной землѣ, конечно, съ предоставленіемъ ему слѣдуемыхъ въ этомъ случаѣ льготъ, которыя могли бы сдѣлать хозяйство новопосаженнаго человѣка болѣе крѣпкимъ и устойчивымъ. Если же всѣ заботливыя мѣры державцы кончались ничѣмъ, и тяглый человѣкъ всетаки убѣгалъ, нестолько по бѣдности, сколько «z uporu», чтобы не платить никакихъ «платовъ и дани», то державцѣ предоставлялось право распорядиться съ его «отчизною» слѣдующимъ образомъ: если отчичъ уйдетъ, не засѣявъ своей отчизны или запустошивъ ее, то она отдается другому держателю, за которымъ остается даже въ томъ случаѣ, если ушедшій отчичъ опять вернется на старое мѣсто[54]), который въ этомъ случаѣ получаетъ земельный участокъ уже въ иномъ мѣстѣ. Необходимость такого распоряженія съ оставленными отчизнами наказъ объясняетъ тѣмъ, что многіе не желаютъ садиться на отчизную землю подъ угрозой возвращенія ея наслѣдственному держателю. Возвращеніе же

[54]) Ibid., стр. 604, 605.

земли отчичу—только разореніе, какъ для лицъ, взявшихъ участки, такъ и для скарба.

Стремясь къ тому, чтобы дворовое хозяйство было обезпечено надлежащимъ количествомъ рабочихъ рукъ, наказъ считаетъ нужнымъ дать рядъ совѣтовъ и указаній, которыми должны были руководиться господарскіе урядники въ голодные годы. Устава 1529 года такой статьи не знаетъ. Очевидно, разбродъ населенія раньше не имѣлъ для хозяйства какого-нибудь особеннаго значенія, просто вслѣдствіе слабаго развитія послѣдняго. Совсѣмъ иначе дворовая администрація должна была уже относиться къ бѣгству населенія въ данное время, когда хозяйство было болѣе или менѣе развито, и всякое уменьшеніе рабочихъ рукъ грозило чреватыми послѣдствіями для будущности хозяйства. Имѣя въ виду только послѣднее, новый наказъ рекомендуетъ въ голодные годы давать разнаго рода льготы въ отправленіи, какъ натуральныхъ, такъ и денежныхъ повинностей, для того, чтобы подданные не расходились. Точно также должны поступать намѣстники и державцы и въ случаѣ несчастія, постигшаго какого-нибудь тяглаго человѣка. Словомъ, новый наказъ всѣми средствами рекомендуетъ «беречь и охранять» тяглаго человѣка—основную рабочую силу двора [55]).

Если же въ голодные годы тяглые люди все-таки разойдутся и если они оставятъ засѣянные участки земли, то послѣдніе, въ ожиданіи возвращенія на старое мѣсто держателя, не должны никому быть отданы въ теченіе одного года, и только, по истеченіи этого срока, могутъ быть отданы кому-нибудь другому [56]).

Заботясь о расширеніи двороваго хозяйства, новая устава столь же категорически, какъ и устава 1529 года, запрещаетъ старостамъ и державцамъ, раздавать пустовскія земли безъ согласія господаря—земянамъ, своимъ слугамъ и подданнымъ. Въ этомъ отношеніи это распоряженіе вполнѣ совпадаетъ съ уставой 1529 года (§ 36). Если же при производствѣ ревизіи имѣнія выяснится, что отдѣльныя лица владѣли и пользовались землями безъ господарскаго листа или листа отца господаря, то такія земли отбираются и присоединяются къ господарскимъ дворамъ. И это требованіе было высказано раньше уставой 1529 года (§ 36) [57]).

---

[55]) Ibid., стр. 605.
[56]) Ibid., стр. 605.
[57]) Ibid., стр. 604.

Заботясь о снабженіи двороваго хозяйства возможно большимъ количествомъ рабочихъ рукъ, новый наказъ не рекомендуетъ раздачу пустовскихъ земель на правахъ аренды. Для интересовъ хозяйства предпочтительнѣе раздавать ихъ на условіяхъ службы и платежа обыкновенныхъ поборовъ, причемъ администраціи предоставляется право дать взявшему участокъ земли нѣкоторую льготу. Въ сравненіи съ уставой 1529 года настоящая статья находится въ полномъ противорѣчіи. Какъ разъ она рекомендуетъ отдачу дворовыхъ пустовскихъ участковъ на правахъ аренды [58]).

Необходимость постояннаго контроля надъ веденіемъ хозяйства возлагаетъ на должностныхъ лицъ обязанность составленія хозяйственнаго инвентаря, въ которомъ должно быть отчетливо представлено и матеріальное положеніе каждаго подданнаго, и картина общихъ поступленій въ господарскій скарбъ.

Въ интересахъ увеличенія доходности хозяйства въ тѣхъ дворахъ, гдѣ для этого существуютъ подходящія условія, державцы должны позаботиться о разведеніи скота, предназначеннаго для потребностей какъ господарской кухни, такъ и для продажи. Въ тѣхъ же цѣляхъ— урядники должны ловить и рыбу. Затѣмъ, наказъ старостамъ и державцамъ рекомендуетъ развитіе горнаго дѣла, подобно тому, какъ это дѣлается въ другихъ христіанскихъ государствахъ [59]). Наконецъ, если послѣ удовлетворенія дворовыхъ потребностей сѣномъ, останется его излишекъ, то послѣдній долженъ быть проданъ.

Настаивая на развитіи всѣхъ производительныхъ силъ хозяйства, наказъ, однако, не разрѣшаетъ державцамъ эксплуатаціи лѣса. И это понятно: лѣсное хозяйство занимало видное мѣсто въ составѣ господарскихъ доходовъ, и оно велось по особо выработанному плану подъ руководствомъ спеціально назначенныхъ лицъ.

Цѣлесообразная эксплуатація разныхъ доходныхъ статей хозяйства возможна только при условіи постояннаго контроля, какъ надъ веденіемъ самаго хозяйства, такъ и надъ состояніемъ разнаго рода хозяйственныхъ учрежденій. Поэтому, державцы должны позаботиться объ исправленіи ставовъ, греблей, безъ которыхъ немыслима эксплуатація ряда доходныхъ статей. Всякаго рода исправленіе и поправки должны производиться наличными тяглыми силами каждаго двора, и только въ томъ случаѣ, если наличной рабочей силы

---

[58]) Ibid., стр. 605.

[59]) Ibid., стр. 606—608, 614.

будетъ недостаточно, то тогда надо напять работниковъ на сторонѣ. Но самостоятельное производство такихъ работъ не входитъ въ компетенцію старосты или державцы. Для этого необходимо специальное разрѣшеніе господаря[60]). И устава 1529 года возлагаетъ на державцу тѣ же обязанности—только устава не предусматриваетъ возможности привлеченія къ работѣ большаго количества рабочихъ сравнительно съ количествомъ рабочей силы, находящейся при дворѣ (§ 18). Для господарскаго скарба первостепенное значеніе имѣлъ вопросъ о повинностяхъ населенія, о которыхъ въ общихъ чертахъ шла рѣчь и въ уставѣ 1529 года. Необходимость пересмотра повинностнаго вопроса для составителей новаго наказа—совершенно очевидна. Особенно остро стоитъ вопросъ о платежѣ осаднаго. Новый наказъ констатируетъ тяжесть его для населенія вслѣдствіе того, что писаря не обращали вниманія на другіе стародавніе платежи и на всѣхъ положили одинаковый «платъ», не считаясь съ ихъ хозяйственнымъ положеніемъ. Благодаря этому, населеніе сильно обнищало и разошлось прочь, что, разумѣется, причинило немалые убытки господарскому хозяйству. Новый наказъ считаетъ нужнымъ войти въ положеніе подданнаго и требуетъ опредѣленія осаднаго въ соотвѣтствіи съ качествомъ почвы и матеріальнымъ состояніемъ подданнаго—предписаніе, совершенно незнакомое уставѣ 1529 года, вообще незнающей платежа осаднаго деньгами (§ 13). Положивъ въ основу платежа осаднаго качество почвы того участка, на которомъ сидитъ подданный, наказъ ушелъ далеко впередъ отъ принциповъ уставы 1529 года и приблизился къ волочной уставѣ. Что касается остальныхъ повинностей, поступавшихъ въ скарбъ, какъ съ осадныхъ, такъ и тяглыхъ людей, то всѣ онѣ переведены на деньги—шагъ большой впередъ въ сравненіи съ уставой 1529 года. Только дякольный овесъ собирается непремѣнно натурой, впредь до особой «науки». Онъ идетъ для корма дворовыхъ лошадей[61]). Правильное и своевременное поступленіе податей, конечно, имѣло для правительства огромное значеніе. По мнѣнію составителей «наказа», это можетъ быть достигнуто при соблюденіи слѣдующихъ условій: а) урядники должны начать сборъ всѣхъ платежей съ подвластнаго населенія осенью и заканчивать его къ Рождеству. Наказъ требуетъ этого изъ опасенія «aby potem ludzie s ktorey przyczyny ych nie vtracili»;

---

[60]) Ibid., стр. 608.
[61]) Ibid., стр. 610—611.

b) подданные могутъ расплачиваться по своимъ долговымъ обязательствамъ только по уплатѣ всѣхъ господарскихъ повинностей. Въ тѣхъ же цѣляхъ запрещается крестьянамъ, безъ согласія уряда, брать деньги въ займы у евреевъ, а еврей, давшій деньги съ нарушеніемъ даннаго условія, не имѣетъ права предъявлять росписку ко взысканію своего долгового обязательства. Устава 1529 года не знаетъ еще развитія частнаго кредита среди волостного населенія. Самое его появленіе и правительственныя мѣры противъ него—лучшій показатель перемѣнъ, происшедшихъ въ народномъ хозяйствѣ въ Литвѣ въ первой половинѣ XVI вѣка. c) Деньги должны доставляться въ господарскій скарбъ на Рождество, ибо «nie przespie czno iest pieniądze chowac na siele». d) Запрещается волостнымъ людямъ продавать земли на сторону боярамъ околичнымъ и своимъ сосѣдамъ, чтобы не было никакихъ трудностей и тяжкостей для господарскаго хозяйства.

Нежеланіе уменьшать размѣры господарской земли, находившейся въ рукахъ крестьянской массы—явленіе, только ясно выразившееся къ половинѣ XVI вѣка, и его приходится поставить въ связь, какъ съ попыткой правительства интенсифицировать сельское хозяйство, такъ и съ все болѣе окрѣпшимъ взглядомъ, что собственникомъ земли является государство, а волостные люди—только держатели ея. Если же раньше совершались такого рода сдѣлки, то всякій разъ съ молчаливаго согласія соотвѣтствующей администраціи [62]).

Заботясь о возможно большемъ усиленіи производительности двороваго хозяйства, наказъ считаетъ нужнымъ обезпечить господарскій дворъ необходимымъ количествомъ ремесленниковъ. Въ этихъ цѣляхъ старосты и державцы должны были озаботиться обученіемъ крестьянскихъ дѣтей ремесламъ. Послѣ обученія—такіе ремесленники должны быть посажены на землю для отбыванія повинностей. Наказъ рекомендуетъ брать дѣтей для обученія ремесламъ у многосемейныхъ крестьянъ. Кромѣ того, надо считаться съ условіями мѣстности и относительной выгодности для хозяйства труда ремесленника и тяглаго человѣка. Наказъ допускаетъ осады ремесленника на землю на опредѣленномъ платѣ [63]).

---

[62]) Ibid., стр. 611—612, 615. Мѣстная администрація держалась въ своей судебной дѣятельности такого-же взгляда, и отчужденіе тяглыхъ земель считала актомъ, не имѣющимъ никакой юридической силы (А. В. К. XVII, № 832). О сдѣлкахъ на землю А. В. К. XVII, №№ 334, 222, 443 etc.

[63]) Ibid., стр. 614—615.

Тяглые крестьяне, помимо уплаты дякла и мезлевы, должны были работать на господарской пашнѣ и давать для потребностей господарскаго хозяйства необходимое количество подводъ. Наказъ не опредѣляетъ размѣровъ этихъ повинностей, рекомендуя въ данномъ случаѣ руководиться стариной, очевидно указывая на отношенія, создавшіяся въ господарскомъ хозяйствѣ послѣ уставы 1529 года. Количество тяглаго населенія должно быть непремѣнно согласовано съ потребностями хозяйства. Лишніе люди, какъ и въ уставѣ 1529 года, должны быть посажены на платѣ. Заботясь о цѣлесообразной эксплуатаціи рабочей силы, наказъ настаиваетъ на томъ, чтобы весь тяглый элементъ зимой непремѣнно былъ занятъ какой-нибудь работой, но въ то же время работа должна быть пропорціональна силамъ тяглаго человѣка, чтобы люди не погибали отъ работы [64]).

Опредѣляя барщинныя повинности тяглаго населенія, наказъ коснулся и барщинныхъ работъ другихъ разрядовъ сельскаго населенія, какъ-то: путныхъ людей, осочниковъ, рыболововъ, ковалей и т. д. Всѣ эти спеціальные разряды, помимо отправленія своихъ службъ, какъ и въ уставѣ 1529 года, должны выходить на толоку въ теченіе 12 дней въ году. Кромѣ того, они обязаны по старинѣ косить сѣно. Всѣ наличныя силы господарскаго двора предназначаются для удовлетворенія потребностей господарскаго хозяйства. Поэтому наказъ строжайше запрещаетъ старостамъ и державцамъ заставлять населеніе отправлять на себя разнаго рода повинности и работы. Точно также державца не можетъ брать лишнихъ судебныхъ штрафовъ, которые съ этой цѣлью довольно детально опредѣляются въ наказѣ [65]).

Что же касается обязанностей державцы, то все веденіе хозяйства, содержаніе въ исправности господарскаго замка, дворовыхъ строеній, веденіе отчетности и надзоръ надъ дѣятельностью тяглаго населенія—все это входитъ въ ихъ составъ. Неправильное ихъ исполненіе, причиняющее убытки господарскому хозяйству, конечно, влечетъ за собой разнаго рода служебныя непріятности для державцы [66]). Таковы хозяйственныя мѣропріятія «наказа». Духовная близость къ уставѣ 1529 года очевидна и ясна, но бросается въ глаза и разница: рѣзко выраженное стремленіе приспособить данное господарское хо-

---

[64]) Ibid стр. 615.
[65]) Ibid., 616.
[66]) Ibid. стр. 618.

зяйство къ потребностямъ рынка и, въ зависимости отъ спроса послѣдняго, по возможности правильно и цѣлесообразно эксплуатировать рабочую силу населенія. Подведемъ итоги. Хозяйственная политика начала XVI вѣка не имѣла никакого руководящаго плана и отправлялась отъ изстари сложившихся отношеній. Устава 1514 года является первой попыткой придать дворовому хозяйству нѣкоторый характеръ планомѣрности. Никакихъ новыхъ принциповъ въ ней нѣтъ. Это закрѣпленіе того, что слагалось раньше вѣками. Устава 1514 г. прививалась медленно. Недоразумѣнія между администраціей и населеніемъ стали самымъ обыкновеннымъ явленіемъ. Недоразумѣнія возникали на почвѣ нарушенія старины и предъявленія къ нему со стороны господарскихъ намѣстниковъ требованія объ отправленіи новыхъ повинностей. Возникавшія недоразумѣнія заставили правительство при отдачѣ въ заставу державъ болѣе точно опредѣлять повинностное положеніе населенія и отношенія его къ господарскому скарбу. Продолжавшіяся недоразумѣнія побудили правительство опубликовать новую уставу. Послѣднее обстоятельство выдвигалось также необходимостью веденія болѣе раціональнаго хозяйства. Устава 1529 г. имѣетъ много общаго съ уставой 1514 года. Она не разрываетъ со стариной и стремится поставить дворовое хозяйство въ болѣе нормальныя условія при условіи сохраненія существующихъ земельныхъ и повинностныхъ отношеній. По уставѣ 1529 года дворовое хозяйство ставится въ тѣсную связь съ внѣшнимъ и внутреннимъ рынкомъ и становится такимъ образомъ отчасти предпринимательскимъ. Устава 1529 года не прекратила недоразумѣній между населеніемъ и державцами. Кромѣ того, она обнаружила отсталость хозяйства отъ требованій жизни. Это заставило Сигизмунда II незадолго до введенія волочной померы издать «паказъ старостамъ и державцамъ». Въ немъ чувствуется старина уставы 1529 года, но въ то же время сильнѣе выдвигается характеръ предпринимательскаго хозяйства и болѣе отражается постигшій страну хозяйственный переломъ. Какъ въ уставѣ 1529 года, такъ и въ новомъ «паказѣ» все веденіе хозяйства носитъ рѣзко выраженный централистическій характеръ. Недостатки и отсталость даннаго паказа отъ требованій вѣка были очевидны. Это и опредѣлило необходимость реформы аграрнаго строя и измѣненія повинностныхъ отношеній населенія къ господарскому скарбу.

Дворовое господарское хозяйство сначала велось и въ Жмуди по старинѣ, безъ всякаго опредѣленнаго хозяйственнаго плана.

Сохраненіе этой старины въ неприкосновенности имѣло огромное значеніе для мѣстнаго шляхетскаго населенія, такъ какъ старина давала ему нѣкоторыя права на пользованіе господарскими угодьями и лѣсами. На этой почвѣ, вѣроятно, происходило не мало недоразумѣній между мѣстной шляхтой и управителями господарскихъ волостей, которые, естественно, стремились стѣснить пользованіе господарскими угодьями со стороны частныхъ лицъ, хотя бы и основавшихъ свои права «на звыклой старинѣ». Въ цѣляхъ возстановленія послѣдней заинтересованнымъ шляхтичамъ оставалось одно средство—обратиться къ господарю съ соотвѣтствующими ходатайствами. Въ поданныхъ господарю челобитіяхъ шляхта жаловалась, что тивуны запрещаютъ ей «мѣти входы» въ господарскія пущи, пользоваться по старинѣ господарскими рѣками и озерами. Настойчивыя жалобы Жмудской шляхты, болѣе всѣхъ задѣтой такими хозяйственными пріемами господарскихъ тивуновъ, заставляли Сигизмунда I идти на уступки, и опубликованіемъ листа на имя Жмудскаго старосты съ предложеніемъ ему, чтобы онъ «в пущчахъ и озерахъ и рѣкахъ входовъ и пожитковъ ихъ звѣчныхъ мѣти не заборонялъ», положить предѣлъ постоянно возникавшимъ недоразумѣніямъ [67]). Такъ поступилъ Сигизмундъ I въ 1522 году въ отвѣтъ Жмудской шляхтѣ на ея жалобу. Но шляхта побѣдила только отчасти. У нея было отнято право охоты въ тѣхъ мѣстахъ, «гдѣ ловливалъ раньше Витовтъ и другіе господарскіе предки». Съ другой стороны—челобитіе Жмудской шляхты обнаружило, что намѣстники Жмудскаго старосты съ женами и дѣтьми разъѣзжаютъ по всему староству, судятъ господарскихъ людей безъ тивуновъ и берутъ съ нихъ великія вины и штрафы. Кромѣ того, они требуютъ съ населенія не мало подводовъ, отчего людямъ причиняются не малыя «тяжкости». Господарское рѣшеніе выносило порицаніе подобной дѣятельности намѣстниковъ и требовало, чтобы послѣдніе такъ не поступали по отношенію къ населенію, чтобы «людямъ нашимъ тяжкости великой не было» [68]). Однако, подобная господарская резолюція, видимо, имѣла мало силы и значенія. Недоразумѣнія продолжались. Это указывало на необходимость болѣе точнаго опредѣленія положенія населенія въ его отношеніяхъ къ господарскому скарбу и разнаго рода господарскимъ урядникамъ. Такъ должны были появиться хозяйственные уставы для Жмудскихъ волостей,

[67]) *М. К. Любавскій* Обл. Дѣл., Прил. № 35.

[68]) Ibid., № 35.

чтобы избѣжать «утисненія и обтяжливости подданыхъ нашихъ отъ старость Жомоитскихъ и отъ тивуновъ земли Жомоитскоѣ» [69]). Эта «обтяжливость» возникла потому, что они мучили населеніе «многими и тяжкими работами и непомѣрными подачки и въѣзды своими». Такого рода финансовая эксплуатація была весьма невыгодна для господарскаго хозяйства, ибо, благодаря «великимъ кривдамъ и непомѣрнымъ тяжскостямъ», «многіи люди», по словамъ господарской уставы, «зъ отчизнъ своихъ прочь ся разошли и земль пустыхъ много ся остало» [70]).

Желая ихъ «заховати у лѣпшомъ а милосерднѣйшемъ способу», центральное правительство рѣшило издать рядъ хозяйственныхъ распоряженій въ цѣляхъ уничтоженія «обтяжливости» и прекращенія дальнѣйшей эксплуатаціи подданныхъ. Задача была довольно трудная: слишкомъ она задѣвала интересы мѣстнаго привилегированнаго населенія. Приходилось дѣйствовать медленно и осторожно. Первой попыткой опредѣлить экономическое положеніе тяглаго населенія въ Жмуди было опубликованіе «Уставной грамоты державцамъ и тіунамъ Жмудскихъ королевскихъ волостей» отъ 30 сентября 1527 года. Въ уставной грамотѣ правительство упомянуло объ отправкѣ на Жмудь маршалка и писаря, державцу Мѣдницкаго и Перевалскаго пана Коптя Васильевича и господарскаго секретаря, державцу Скирстомоньскаго пана Станислава Скопа и господарскаго дворянина Андрея Мацковича для переписи «всихъ людей нашихъ тамошнихъ, путныхъ и тяглыхъ и куничныхъ». Кромѣ того, переписывались «пустовскія земли» и всѣ «платы и доходы», поступавшіе съ населенія въ распоряженіе какъ господарскаго скарба, такъ старость, ихъ намѣстниковъ и тивуновъ. Руководясь данными, собранными спеціальными комиссарами, правительство опубликовало свою первую уставную грамоту. По всей вѣроятности, населеніе находилось въ весьма бѣдственномъ состояніи, слишкомъ много было «утиску» со стороны намѣстниковъ и тіуновъ, разъ правительство рѣшило освободить населеніе отъ даванія администраціи «всихъ посадей и подачекъ». Съ своей стороны, «для господарьскаго и посполитого земскаго пожиточнаго» оно рѣшило установить рядъ платовъ. Въ основу обложенія была положена «соха» — воловья или конская. Послѣдняя была въ два раза меньше первой. Съ первой поступало въ господарскій скарбъ 15 грошей. Если же госпо-

---

[69]) А. З. Р. П., № 160.

[70]) А. З. Р. П., № 149.

дарскій крестьянинъ не имѣетъ рабочаго инвентаря, то его платежи ограничиваются внесеніемъ въ казну пяти грошей. Половину сошныхъ платежей уплачиваютъ и куничники, впрочемъ съ добавленіемъ «куницы» «водле давнаго обычая», какъ объ этомъ сказано въ уставѣ. Устава считаетъ такіе платежи временными. Впослѣдствіи они будутъ повышены вдвое, но въ настоящее время «слышачи подданныхъ нашихъ.... великое убожство и для первыхъ ихъ тяжкостей», правительство признало невозможнымъ болѣе высокое обложеніе [71]).

Запрещая старостамъ брать тѣ доходы, которые раньше давались имъ населеніемъ, господарь приказалъ выбирать ихъ на себя. Точно также въ господарскій скарбъ должны быть отсылаемы и куничные пѣнязи, для каковой цѣли посылался дворянинъ Иванъ Гриньковичъ. Заботясь объ увеличеніи господарскаго скарба, устава 1527 г. требуетъ, чтобы корчемные пѣнязи поступали на господаря, а въ цѣляхъ увеличенія доходности скарба осаживались пустыя мѣста, производилась разработка лѣса, устраивались торги. Объ этомъ должны позаботиться мѣстные тивуны [72]). Наконецъ, оберегая интересы господарскаго хозяйства, устава запрещаетъ старостѣ и тивунамъ жмудскимъ пользоваться господарскими озерами, даже если «передъ тымъ хоживали неводы первшихъ старостъ и рыбы въ нихъ ловливалы». Устава запрещаетъ также входы въ господарскія пущи, гдѣ идетъ разработка лѣсныхъ промысловъ. Точно также «врядники» не имѣютъ права распоряженія свободными пустовскими землями. Отнынѣ староста и тіуны могли лишь пользоваться тѣми доходами, которые будутъ установлены «зъ росказанья» господарскаго [73]).

Защищая населеніе отъ злоупотребленій со стороны врядниковъ и тивуновъ, устава требуетъ, чтобы они немедленно, по жалобѣ населенія на нихъ и на ихъ слугъ, становились на судъ передъ тѣми господарскими врядниками, которые будутъ назначены господаремъ спеціально для этой цѣли. Наконецъ, для опредѣленія наличности господарскихъ земель и количества доходовъ, устава требуетъ поголовной провѣрки правъ «на земли и на люди, и на торги и корчмы». Такія мѣры были приняты господаремъ для защиты интересовъ населенія отъ кривдъ старосты, его врядниковъ и тивуновъ. Устава требуетъ, чтобы впредь должностныя лица «подъ великимъ караньемъ» «нико-

---

[71]) А. З. Р. II, № 149.
[72]) А. З. Р. II, № 149.
[73]) А. З. Р. II, № 149.

торыхъ повинъ, а ни тяжкостей подданнымъ нашимъ ни въ чомъ не дѣлали», и въ отправленіи своихъ обязанностей руководились только требованіемъ уставы и указаніемъ писаря пана Ивашки Горностая «ижъ бы люди наши зъ земль своихъ не росходилися, а пустовщины бы осядали» [74]).

Разсмотрѣнная устава—это не окончательный хозяйственный наказъ. Это временное хозяйственное мѣропріятіе, вызванное чрезвычайными обстоятельствами—злоупотребленіями со стороны провинціальной администраціи. Всѣ эти распоряженія, конечно, будутъ измѣнены, повинности будутъ повышены, лишь только населеніе поправится отъ прежнихъ «тяжкостей». Но въ той же уставѣ красной нитью проходитъ одна существенная мысль—это стремленіе увеличить доходность волостей. Во имя этой ближайшей цѣли не только кладется предѣлъ злоупотребленіямъ администраціи, ибо ихъ доходы переводятся на деньги и опредѣляются писаремъ; но рекомендуется также эксплуатировать господарскія пущи, устраивать мѣстные торги, заселять пустоши. Во имя увеличенія доходности хозяйства правительство рѣшилось посягнуть на старину, запретивъ «входы въ пущи господарскія не только, гдѣ были ловы», но гдѣ и «буды могутъ быть розданы» для эксплуатаціи, и кромѣ того положило конецъ посторонней эксплуатаціи рыбныхъ ловель и озеръ. Провѣрка правъ на землю, корчмы, торги, конечно, вытекала изъ всѣхъ этихъ мѣръ, которыя должны были поднять доходность господарскаго хозяйства.

Устава 1527 года не могла долго дѣйствовать. Необходимость ея измѣненія была ясна. Много было въ ней недоговореннаго и неяснаго. Да къ тому же «утисненія и обтяжливости» подданныхъ не прекращались. Это и побудило правительство подготовить вторую уставу, уже болѣе детально разработанную. Это было выполнено въ январѣ 1529 г. опубликованіемъ новой уставы, которая, опредѣливъ «повинности и платежи», поступавшіе въ господарскій скарбъ и въ пользу управителей королевскихъ имѣній, и, оградивъ населеніе отъ эксплуатаціи мѣстной администраціи, въ тоже время должна была содѣйствовать улучшенію господарскаго хозяйства «къ нашему доброму и пожиточному земскому», а также служить «полегченіемъ людей нашихъ». Устава 1529 года носитъ такой же принудительный характеръ, какъ и изданная двумя годами раньше. Державцы и тивуны должны были поступать «водле воли нашое и тоѣ уставы выписан-

---

[74]) Ibid., № 149.

поѣ». Слѣдовательно, словесныя указанія и распоряженія, данныя въ 1527 году не имѣли теперь никакой силы и значенія[75]). Между новой и старой уставами найдется много общаго. Она является только дальнѣйшимъ развитіемъ положеній, высказанныхъ въ уставѣ 1527 года, имѣвшей временный характеръ. Составитель уставы 1529 года предполагалъ, что платежи и повинности временнаго характера, установленные уставой 1527 года, теперь уже могутъ быть отмѣнены, такъ какъ населеніе успѣло оправиться отъ «тяжкостей» въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ. Этимъ и объясняется повышеніе чинша съ воловьей сохи до 30 грошей и до 15 съ конской, о чемъ говорилось въ качествѣ предположительной мѣры въ уставѣ 1527 года. Точно также составитель уставы имѣлъ возможность опредѣлить размѣры куничной подати въ 16 грошей, тогда какъ болѣе ранняя устава ограничивались ссылкой на старину. Впрочемъ, составитель уставы счелъ возможнымъ для населенія господарскихъ дворовъ понизить куничный податокъ до 12 грошей, тогда какъ старостинскіе господарскіе подданные уплачивали въ скарбъ куницу въ томъ же размѣрѣ[76]). Повышались также платежи вдвое до 10 грошей и съ населенія, не имѣвшаго своего собственнаго рабочаго инвентаря, «до лѣпшаго вспоможенія». Если же послѣднее улучшится въ такой мѣрѣ, что оно будетъ располагать необходимымъ рабочимъ инвентаремъ, то повинности его опредѣляются по вышеприведенному разсчету[77]). Кромѣ того, населеніе должно было вносить въ господарскій скарбъ по 8 грошей «за бочку овса и возъ сѣна». Эти повинности стародавняго происхожденія, переведенныя уставой на деньги[78]).

Затѣмъ, изъ общаго числа старыхъ повинностей были оставлены: уборка сѣна въ тѣхъ тивунствахъ, гдѣ раньше на господаря «сѣно кошивали»[79]), дякла, «которыя люди здавна давали на насъ, до нашихъ дворовъ»[80]), «меды прѣсные со всихъ волостей, гдѣ здавна были даваны» и «пѣнязи неводничіе» съ каждаго человѣка по 2 гроша, если они ловили рыбу въ королевскихъ озерахъ[81]). Оставались также неотмѣненными «пѣнязи льняные и хмѣлевые, капщизна, помѣрное и

[75]) А. З. Р. II, № 160.
[76]) А. Р. З. II, ibid., арт. 2.
[77]) Ibid., арт. 4.
[78]) Ibid., арт. 5.
[79]) Ibid., арт. 7.
[80]) Ibid., арт. 8.
[81]) Ibid., арт. 3.

разнаго рода внутреннія таможенныя пошлины[82]). Всѣ эти налоги и поступленія можно назвать постоянными. Но, кромѣ нихъ, населенію приходилось нести и экстраординарную повинность, такъ называемую «стацею». Устава отказывается отъ постояннаго ея сбора и требуетъ ее только въ случаѣ пріѣзда господаря «до котораго двора, або до земли Жомойтскоѣ», при условіи если господарь пріѣдетъ своею собственной «персуною»[83]). Выяснивъ точно финансовыя отношенія населенія къ господарскому скарбу, устава не менѣе детально опредѣляетъ повинностныя отношенія населенія къ дворовой и волостной администраціи. Прежде всего, въ полномъ согласіи съ уставой 1527 года, новая устава освобождаетъ подданныхъ отъ всѣхъ работъ, которыя раньше они выполняли «во дворѣхъ и пашняхъ» волостной администраціи[84]). Кромѣ того, отмѣняются всякаго рода подачки, которые, правда, брались съ давняго времени, но незаконно «безъ нашое уставы»[85]). Въ цѣляхъ огражденія населенія отъ разнаго рода злоупотребленій со стороны администраціи, устава запрещаетъ ей ѣздить «за поборами, по людямъ зъ дому въ домъ» и требуетъ, чтобы она находилась въ одномъ какомъ-нибудь, строго опредѣленномъ мѣстѣ, куда слѣдуемый платъ «зъ волости» былъ бы принесенъ[86]). Затѣмъ, устава точно опредѣляетъ нормы судебныхъ пошлинъ, и объявляетъ ихъ государственнымъ сборомъ, на который мѣстная администрація не можетъ имѣть никакого притязанія. Впрочемъ, она получаетъ 10 грошей съ каждаго рубля. Въ тѣхъ же цѣляхъ огражденія отъ злоупотребленій, устава опредѣляетъ размѣры «дѣцкованія», поступаемаго въ распоряженіе «дѣцкаго»[87]).

Отстаивая интересы населенія отъ злоупотребленій со стороны администраціи, устава самымъ точнымъ образомъ опредѣляетъ повинности населенія по отношенію къ державцамъ и тіунамъ. Денежныя и натуральныя поступленія, впрочемъ могущія быть замѣнены деньгами, слагаются изъ слѣдующихъ частей: пяти грошей съ каждой службы и бохона хлѣба. Кромѣ того, съ каждыхъ двухъ службъ поступаетъ въ распоряженіе всякаго державцы и тивуна: одна бочка овса, одинъ возъ сѣна, двѣ курицы, и съ каждыхъ четырехъ

82) Ibid., арт. 3.
83) Ibid., арт. 6.
84) Ibid., атр. 1.
85) Ibid., арт. 1.
86) Ibid., арт. 5.
87) Ibid., арт. 9, 10.

службъ одна бочка пива. Населенію предоставляется право на выборъ, платить за это деньгами или вносить натурой, какъ «ся имъ въ томъ лѣпѣй будетъ видѣти» [88]). Опредѣляя точно размѣры повинностей на державцу и тіуновъ, устава запрещаетъ имъ частые разъѣзды по волости. Такія поѣздки могутъ быть совершаемы только 2 раза въ году, но и тогда они имѣютъ право «ѣздити не въ мнозѣ, але въ маломъ почтѣ слугъ своихъ», такъ какъ разъѣзды не могутъ не отражаться тяжело на положеніи населенія. Во время этихъ объѣздовъ они должны выполнить все то, что имъ полагается «справовать» согласно уставѣ. Конечно, во время въѣздовъ въ волости населеніе обязано давать тивунскую стацію, но, чтобы отъ такихъ разъѣздовъ не было особенно много «тяжкостей» населенію, устава ограничиваетъ пребываніе и разъѣзды ихъ по волости только шестью недѣлями [89]).

Изложенная хозяйственная устава распространяетъ свое дѣйствіе на всю Жмудь, за исключеніемъ только 4 дворовъ: Вилькеи, Велены, Скерстомоня и Ясвоинъ. Хозяйство въ этихъ дворахъ ведется по уставѣ 1529 года, данной державцамъ Виленскаго и Троцкаго повѣтовъ. Основываясь на послѣдней и на данныхъ Жмудской уставы, можно придти къ заключенію, что въ большой части Жмуди собственное дворовое хозяйство было развито мало. Рабочія силы волости не эксплуатировались правительствомъ.

Составителямъ уставы 1529 года, казалось, что она все предусмотрѣла. На дѣлѣ далеко оказалось не такъ. Территорія Жмуди была покрыта лѣсами. Послѣдніе эксплуатировались, а затѣмъ продукты лѣсного хозяйства продавались на заграничномъ рынкѣ. Необходимо было принять болѣе реальныя мѣры для защиты лѣсовъ, чѣмъ категорическое запрещеніе въѣздовъ въ тѣ пущи, гдѣ производится ихъ разработка. Этому долженъ былъ удовлетворять господарскій листъ, опубликованный 20 іюня 1530 года. Этимъ листомъ на Жмуди назначался писарь Андрей Мацковичъ, на обязанности котораго лежалъ сборъ всѣхъ податковъ, поступавшихъ на господаря съ населенія, и, кромѣ того, высшій надзоръ за господарскими пущами, «абы самъ никто, безъ воли нашое господарское, не смѣлъ будь и всякихъ работъ деревяныхъ и попельныхъ робити» [90]). Если же господаремъ было дано кому-нибудь разрѣшеніе, то надзоръ также лежалъ на

---

88) Ibid., арт. 11.
89) Ibid., арт. 12.
90) А. З. Р. II, № 149, II.

писарѣ, «або намъ въ мытѣ и ни въ чомъ шкоды не было». Въ обязанности писаря входили заботы о прекращеніи незаконно и своевольно начатой разработки лѣса. Съ его пріѣздомъ—державцы и тіуны лишались надзора на состояніемъ пущъ и не имѣли права имѣть тамъ своихъ лѣсничихъ. Охрана же пущи производилась съ помощью осочниковъ, назначенныхъ писаремъ, и необходимое количество которыхъ непремѣнно устанавливалось писаремъ. Не довольствуясь правилами уставы, господарь поручилъ писарю Андрею Мацковичу верховный контроль надъ состояніемъ господарскаго хозяйства и сдѣлалъ его блюстителемъ интересовъ господарскаго скарба и волостного населенія. Для этой цѣли писарь можетъ дважды въ году разъѣзжать по волости, «смотрячи тыхъ пожитковъ нашихъ, и довѣдываючися о винахъ и всякихъ тяжкостехъ подданнымъ нашимъ тамошнимъ», которыя имъ могутъ причинять державцы и ихъ врядники. Во время своихъ разъѣздовъ онъ и его слуги получаютъ отъ населенія все необходимое для пропитанія. Тогда же державцы и тивуны должны отдавать писарю слѣдуемыя съ нихъ недоимки «отъ сохъ и за иныи пожитки» [91]).

Такимъ образомъ, въ обоихъ листахъ начерчена полная программа хозяйственной дѣятельности господарскихъ агентовъ. Красной нитью черезъ нее проходитъ недовѣріе къ державцамъ и тивунамъ. Этимъ и объясняется образованіе органа высшаго надзора за дѣятельностью дворовой администраціи. Не содержа никакихъ новыхъ хозяйственныхъ прицнповъ, уставы 1529 и 1530 годовъ, однако, приняли всѣ мѣры къ тому, чтобы дворовое хозяйство, при наличныхъ условіяхъ, получило бы наибольшую доходность, а населеніе испытывало бы возможно меньше разнаго рода злоупотребленій. Фиксація податей и повинностей, что было особенностью большей части Жмуди, являлась въ этомъ отношеніи пріемомъ, наиболѣе удовлетворявшимъ задачамъ и цѣлямъ, поставленнымъ себѣ правительствомъ. Устава 1529 г. несомнѣнно была «тяжкостью» для населенія. Если, по признанію самого правительства, предыдущая хозяйственная политика державцевъ и тивуновъ причинила населенію не мало «тяжкостей», то могло ли населеніе такъ быстро оправиться и окрѣпнуть, чтобы быть въ состояніи исправно выплачивать падавшія на него податки. Съ этой стороны устава 1529 года была для населенія новой «тяжкостью». Она казалась населенію «новиной», которой волостные

[91]) А. З. Р. II., № 149, II.

люди не желали подчиниться. На почвѣ этого происходили между волостью и провинціальной администраціей недоразумѣнія, которыя приходилось разрѣшать «господарю съ панами-радой». Такъ Ойракгольская волость жаловалась господарю на своего тивуна пана Юрія Володкевича потому, что онъ сталъ вводить новины. Послѣднія вполнѣ соотвѣтствовали нормамъ, принятымъ въ уставѣ 1529 года, и поэтому господарскій вырокъ призналъ «пана Юрія праваго», такъ какъ онъ бралъ, по категорическому заявленію господарскаго вырока, «водле уставы и листу нашого»[92]). Правительство въ этомъ отношеніи оказалось твердымъ и настойчиво осуществляло новую расцѣнку, принятую въ уставѣ 1529 года.

Недоразумѣнія между населеніемъ и волостной администраціей отнюдь не были случайностью, и иногда недовольство, охватившее населеніе, выливалось въ формѣ бунта. Такой бунтъ вспыхнулъ въ 1535 г. во всѣхъ жмудскихъ волостяхъ. Господарь находился въ это время въ Краковѣ, куда было послано воеводой виленскимъ паномъ Гаштдольдомъ донесеніе «о великихъ бунтехъ и збурени людей волостей жомойтскихъ.» Волненія начались въ Телшахъ, гдѣ бунтовщики «раду мели», а затѣмъ распространились и по другимъ волостямъ, гдѣ «нѣкоторыхъ намѣстниковъ тивунскихъ и иншихъ людей и бояръ, которыи тыхъ бунтовъ помогати имъ не хотѣли, побили». Естественно, въ этихъ волостяхъ всю администрацію охватила «великая тревога». Получивъ увѣдомленіе о бунтѣ, господарь рѣшилъ прежде, чѣмъ наказывать населеніе за «тые мордеръство», произвести разслѣдованіе, чтобы узнать причину «съ чего то уросло и для которыхъ таковое буренье противъ тивуновъ и намѣстниковъ ихъ повстало». Господарь поручилъ разслѣдованіе бунта Вилькомирскому и Оникштинскому державцѣ пану Кмитѣ Кунцевичу, который долженъ былъ немедленно отправиться на мѣсто происшествія. Господарскій ревизоръ былъ обязанъ ѣхать сначала въ волости, гдѣ вспыхнули волненія, и опубликовать господарскіе листы на имя всего волостного населенія съ тѣмъ, чтобы оно довело до свѣдѣнія господаря «о всихъ кривдахъ и тяжкостяхъ ихъ», которыя они испытывали отъ мѣстной администраціи, какъ въ платежѣ господарскихъ податковъ, такъ и въ отправленіи работъ. Господарскій посланецъ долженъ былъ очень тактично выполнить возложенное на него порученіе. До пріѣзда въ волость впередъ посылался его слуга, который оповѣщалъ населеніе о пріѣздѣ къ нему госпо-

---

[92]) Акты Литов.-Русск. Госуд., I, № 195.

дарскаго ревизора «для тяжкостей ихъ, которыя имъ тивуны чинили» безъ господарской воли.

Всѣ волостные люди къ пріѣзду Кунцевича должны были собраться на опредѣленномъ мѣстѣ. По пріѣздѣ туда, ревизоръ былъ обязанъ произвести разслѣдованіе «не фолкгуючи имъ самимъ, ани тивуномъ ихъ.» Для успокоенія населенія господарь приказывалъ Кмитѣ Кунцевичу не брать съ населенія ни стацій, ни денегъ, а прокормливаться за свой счетъ на доходы близъ лежащихъ его имѣній. Господарь обѣщалъ, по представленіи счета, за все уплатить[93]). Инструкція, данная пану ревизору, вся отправляется отъ уставы 1529 г., которая, по мнѣнію господаря, значительно облегчила положеніе волостного населенія и освободила его отъ эксплуатаціи державцевъ и тивуновъ. Согласно инструкціи, ревизоръ непремѣнно доводилъ до свѣдѣнія населенія, что виновные тивуны будутъ наказаны смертной казнью, и убытки подданныхъ будутъ возмѣщены за счетъ ихъ маетностей. Наконецъ, господарь чрезъ ревизора просилъ населеніе доводить до его свѣдѣнія о всѣхъ тивунскихъ и намѣстничьихъ злоупотребленіяхъ, ибо господарь такихъ тивуновъ «не будетъ терпѣти»[94]).

Такимъ образомъ, несмотря на волненія, правительство не обнаруживало желанія отступать отъ началъ уставы 1529 г., сохранившей свое дѣйствіе вплоть до введенія въ Жмуди волочной помѣры, и несомнѣнно подготовившей ея введеніе и осуществленіе тѣмъ, что платежи, падавшіе на землю, собирались съ болѣе или менѣе опредѣленной единицы обложенія.

Подведемъ итоги. Дворовое хозяйство велось сначала по старинѣ безъ всякого плана, хотя съ начала XVI вѣка уже была замѣтна тенденція сократить шляхетское право «входовъ» въ господарскія пущи. Это намѣреніе вызвало со стороны шляхты вполнѣ законное недовольство, и господарю, подъ напоромъ задѣтой матеріально шляхты, пришлось идти на уступки и удовлетворить ея требованія. На почвѣ неопредѣленности отношеній населенія къ господарскому скарбу и волостной администраціи, между послѣдней и волостнымъ населеніемъ возникали неоднократно разнаго рода недоразумѣнія. Къ тому же такая неопредѣленность отношеній

---

[93]) *М. В. Довнаръ-Запольскій.* Очерки по орг. запад.-русск. крест. Прил. № 51.

[94]) Ibid., Прил. стр. 160—162.

была очень убыточна для господарскаго хозяйства, ибо она разоряла населеніе. Необходимость фиксаціи повинностей побудила правительство приступить къ изданію уставы, которая разъ навсегда опредѣлила бы повинностныя отношенія населенія къ самому скарбу и волостной администраціи Устава 1527 года носитъ предварительный характеръ. Она считается съ «тяжкостью» населенія и назначаетъ платежи временно, имѣя въ виду поднятіе ихъ въ ближайшемъ будущемъ. Точно также устава 1527 года не выясняетъ детально и взаимо-отношеній населенія и волостной администраціи. Непрекращавшіяся недоразумѣнія побудили правительство Сигизмунда I къ изданію новой болѣе подробной уставы, и при томъ постояннаго характера. Этому должны были удовлетворять уставы 1529 и 1530 года. Населеніе встрѣтило новую уставу, какъ «новину», и жалобами на державцевъ и тивуновъ стремилось отстоять старыя повинностныя отношенія. Но это не удавалось. Правительство стояло на сторонѣ «врядниковъ», вводившихъ уставу 1529 года. Не смотря на уставу, недоразумѣнія между населеніемъ и тивунами не прекращались, и иногда принимали характеръ настоящихъ бунтовъ. Устава 1529 г. и ея система фиксаціи повинностей подготовила населеніе къ аграрной реформѣ.

II.

Хозяйственная политика литовско-русскаго правительства въ дореформенную эпоху въ восточныхъ областяхъ не отличалась устойчивостью и строгой определенностью. Подати и разнаго рода повинности население отбывало «по старинѣ». Но понятие «старина» — терминъ довольно неопределенный, въ особенности, если нельзя было доказать «старину» какими-нибудь письменными документами. На почвѣ понимания «старины» стали возникать разнаго рода недоразумѣнія между населеніемъ и мѣстной провинціальной администраціей. Это было вполнѣ возможно со стороны послѣдней, такъ какъ она не получала никакихъ инструкцій отъ центральнаго правительства и, слѣдовательно, въ своихъ хозяйственныхъ и распорядительныхъ планахъ имѣла полную свободу. Господарскіе агенты, управлявшіе волостями, получали по старинѣ соотвѣтствующее «кормленіе». Разумѣется, не всѣ довольствовались послѣднимъ и стремились увеличеніемъ размѣровъ «кормленія» улучшить свое матеріальное положеніе. Конечно, это вызывало соотвѣтствующій протестъ со стороны населенія, спѣшившаго подать жалобу. Господарскій на нее отвѣтъ имѣлъ огромное принципіальное значеніе. Если въ своемъ челобитьи волостные люди оказались правыми, и господарскій вырокъ закрѣплялъ за ними ту старину, на которую они ссылались, то это было уже не бытовое, а юридическое основаніе отстаивать свои права и бороться съ эксплуатаціей намѣстниковъ.

Недоразумѣнія послѣднихъ съ населеніемъ начались очень рано. Уже въ 1490 году витебскіе волостные люди-мѣщане и тяглые люди, пока составлявшіе одну податную единицу, жаловались великому князю Александру на витебскаго намѣстника князя Михаила Ивановича Жеславскаго на злоупотребленіе послѣднимъ подводной повинностью населенія. По словамъ жалобщиковъ, намѣстникъ не только требуетъ подводы до самой Вильны для себя и своихъ слугъ, но даже во время пребыванія въ Вильнѣ не отпускаетъ домой, нанося тѣмъ

самымъ не малые убытки населенію, тогда какъ раньше всѣ намѣстники получали подводы только до Борисова, да и распредѣленіе подводъ производилось сообща всей «волостью Борисовской». Между тѣмъ намѣстникъ «не хотѣлъ ся съ ними тамъ слати». Кромѣ того, населеніе указывало господарю на другія злоупотребленія со стороны намѣстника: онъ отнималъ у нихъ купленный медъ, хлѣбъ и рыбу, привезенные въ Витебскъ, и при этомъ ничего не платилъ. Не желавшимъ уступить добровольно часть товара запрещалось продавать его на рынкѣ. Затѣмъ, намѣстникъ обложилъ струги десятью грошами и заставлялъ населеніе на своихъ стругахъ привозить соль, купленную имъ въ Ригѣ. Неподчинявшіеся облагались штрафомъ въ 10 рублей. Населеніе указывало еще на злоупотребленія съ мостовой и сторожевой повинностью. Признавая такія требованія незаконными, господарскій листъ приказывалъ намѣстнику «штобы еси имъ черезъ то болшъ кривдъ не чинилъ, и новинъ не уводилъ, и дѣлалъ бы еси по старому, какъ будетъ первѣй того бывало... ажъ бы и нынѣ было потомужъ». Ибо, говорится въ господарскомъ листѣ: «мы новинъ не уводимъ, а старинъ не рухаемъ». Требуя, чтобы намѣстникъ руководился впредь «стариной», при предъявленіи къ населенію предложенія объ отправленіи имъ подводной и другихъ повинностей, господарскій листъ даетъ витебскому намѣстнику совѣтъ, что бы онъ на будущее время «инакъ бы еси того не чинилъ, абы намъ большей того отъ нихъ жалоба о то на тебе вжо не приходила» [1]). Процессъ былъ выигранъ. Населеніе возстановило попранную старину. Правительство не могло допустить эксплуатаціи населенія со стороны намѣстниковъ, такъ какъ отъ нея прежде всего страдали интересы самого же господарскаго скарба. Однако, не всегда тяглые люди выигрывали дѣло. Правительство иногда становилось на сторону намѣстника, нарушившаго старину. Это дѣлалось въ томъ случаѣ, когда нововведеніе, подъ видомъ сохраненія старины, было въ интересахъ фиска. Тогда оказывалось, что новое требованіе повинностей есть только возстановленіе старины. Въ 1497 году витебскій намѣстникъ господарскій маршалокъ панъ Станиславъ Глѣбовичъ подалъ господарю жалобу на волость «Озерищскую и Усвятскую, «што де оны не хотятъ волочити озер Вымно, а здавна дей за первыхъ намѣстниковъ витебскихъ тое озеро они волочивали».

---

[1]) А. З. Р. I, № 127.

Поданная намѣстникомъ жалоба разбиралась въ Витебскѣ. Присутствовавшіе на судѣ волостные старцы признали, что они «волочивали озеро», но, по ихъ мнѣнію, требованія первыхъ намѣстниковъ были новиной, а между тѣмъ они «звѣку есмо того озера не волочивали». Представлены были документы. Изъ нихъ выяснилось, что со временъ Витовта и Сигизмунда они должны были волочить озеро, но намѣстники не имѣли права брать съ нихъ неводничаго. Поставленые въ затрудненіе показаніями документовъ и свидѣтельскими данными витебскихъ князей и бояръ, старцы согласились съ тѣмъ, что они и раньше волочивали озеро. Господарь призналъ требованіе намѣстника справедливымъ и «стариной». Точно также проиграла свое дѣло и волость Озерищская, пытавшаяся отстоять свое право «не косить лугъ на рѣкѣ Лужеснѣ и не забивать езовъ подъ Сваридовичами и Лихачевымъ». Показаніи витебскихъ князей и бояръ оказались убійственными для волости. Нарушителями «старины» оказывался не намѣстникъ, а волость. Ей, въ концѣ концовъ, и пришлось признать «штожъ издавна луки на рецѣ на Лужеснѣ копивали и езы подъ Сваридовичи и подъ Лихачевымъ забивали, и езовничьи державецъ витебскихъ на езу леживали въ насъ». Удовлетворяя жалобу намѣстника и допуская возможность въ будущемъ нарушенія старины со стороны волостныхъ людей, господарь пригрозилъ имъ денежнымъ штрафомъ ежегодно по 60 рублей грошей: на господаря вины 50 руб. и 10 руб. намѣстнику. Вотъ чѣмъ могло окончиться нарушеніе «старины» волостью. Нарушители старины «волость» и «намѣстникъ», однако, находились далеко не въ одинаковомъ положеніи [2]).

Усвятская и Озерищская волости находились въ вѣдомствѣ намѣстника до 1526 года. Въ этомъ году ихъ получилъ въ держаніе князь Семенъ Ямонтовичъ Подберезскій. Несмотря на то, что онъ обязывался всякія повинности собирать «какъ передъ тымъ бывало» и отдавать ихъ королю, все таки стали возникать недоразумѣнія. Въ виду нарушенія «старины» держаніе было отобрано и отдано во владѣніе королевы Боны, [3]) которая изданіемъ уставы отъ 5 сентября 1530 года рѣшила разъ навсегда прекратить недоразумѣнія между ея намѣстниками и волостями, посредствомъ точнаго опредѣленія ихъ юридическаго положенія и финансовыхъ отношеній къ администраціи

---

[2]) Акты Литов.-Русск. Госуд., I, № 48.

[3]) *М. К. Любавскій.* Обл. дѣл. и мѣст. упр., стр. 250.

и скарбу. Устава закрѣпляла въ нѣкоторомъ отношеніи старину. Она сохраняла за волостью самоуправленіе и освобождала обѣ волости «отъ присуда и послушенства замку Витебского». Всѣ отношенія волостей къ витебской администраціи опредѣляются только тѣмъ, что Оболецкій державца собираетъ съ населенія «дань грошовую и вси доходы» и отдаетъ ихъ въ скарбъ. Но правомъ въѣзда Оболецкіе намѣстники не пользовались, за исключеніемъ только того случая, когда они ѣхали въ волость «нашу дань выбирати». Наконецъ, населеніе волостей освобождается отъ обязанности «тягнути озеро Вымены», изъ-за котораго уже разъ поднималось дѣло, и которое волостью было проиграно. Теперь населеніе, находясь подъ защитой королевы Боны, было отъ нея освобождено. Находясь во владѣніи Боны, Усвятъ и Озерище, однако, должны были сообща съ витебской волостью «подлугъ стародавного обычая и повинности своее вси тые работы въ замку Витебскомъ кождого году робити потому, якъ передъ тымъ робливали: по чотыри недели у годъ, две недели въ лесе, две недели въ замку», въ присутствіи и подъ надзоромъ оболецкаго вижа, которому, по окончаніи работъ, слѣдовало уплатить 12 грошей[4]).

Между тѣмъ, несмотря на уставу 1535 года, оболецкій и усвятскій державца продолжалъ нарушать сложившіеся обычаи и налагалъ новые платежи на сельское населеніе которому оставалось только жаловаться королевѣ Боны, ибо у него не было другого средства возстановить нарушенное право. Видимо, королева Бона отнеслась внимательно къ просьбамъ волостного населенія, и 2 іюня 1544 года подписала листъ на имя тамошняго державцы Кирдея Гричиновича. Изъ листа королевы Боны узнаемъ и сущность тѣхъ нововведеній, на которыя жаловалось населеніе: онъ поселилъ въ волости своего слугу, а между тѣмъ «того обычая въ нихъ николи не было, ижъ бы который державца мелъ тамъ въ той волости Усвятской слуги свои уставничие мети. Нижли дей тотъ въ нихъ есть обычай стародавній, што они старца межи собою выбираютъ». Поэтому населеніе и протестовало противъ нарушенія такого «стародавняго обычая» и просило «абыхмо ихъ при стародавнихъ обычаяхъ ихъ тамошнихъ заховали». Королева Бона въ отвѣтъ на челобитье предписала державцѣ и разрѣшила населенію имѣть выбраннаго старца «водлугъ звыклаго ихъ обычая», а намѣстнику дала распоряженіе немедленно убрать своего слугу изъ волости. Такое рѣшеніе, однако,

---

[4]) *М. В. Довнаръ-Запольскій.* Очерки по ист. запад.-русск. крест. Прил. № 13.

королева Бона считала временнымъ «ажъ до того часу, поки мы лепей ся о томъ доведаемъ и порадимъ и до тебе отпишемъ» [5]). Итакъ, населеніе вышло побѣдителемъ изъ этой борьбы. Самоуправленіе волости и ея стародавніе податки и повинности оставались не тронутыми. Но, видимо, сама Бона тяготилась такимъ положеніемъ дѣлъ и считала необходимымъ измѣненіе положенія волостей, какъ несоотвѣтствовавшаго интересамъ скарба. Только этимъ, и можно объяснить, почему возстановленіе волостного самоуправленія разсматривалось, какъ актъ временнаго характера.

Хозяйственное положеніе Поднѣпрскихъ и Подвинскихъ волостей опредѣлилось господарскимъ распоряженіемъ отъ 3 іюня 1500 г. «Указъ, данный на имя намѣстниковъ, старцевъ и всѣхъ мужей Поднѣпрскихъ и иншихъ», признаетъ за населеніемъ самоуправленіе, выражавшееся въ самостоятельномъ сборѣ поступавшихъ въ господарскій скарбъ податей. Но такъ какъ поступленія, натуральныя и денежныя, направлялись въ скарбъ неисправно, то для собиранія съ населенія недоимокъ господаремъ въ эти волости былъ посланъ господарскій писарь, намѣстникъ Перелайскій, Богушъ Боговитиновичъ. Ему то населеніе и должно было отдать слѣдуемыя недоимки. Сообщая объ этомъ намѣстникамъ и населенію волостей, господарь одновременно напомнилъ имъ о тѣхъ платахъ, которые до сихъ поръ «подлугъ давнаго обычая» поступали въ господарскій скарбъ. Эти сборы состояли: изъ дани грошовой, бобровъ, куницы, прѣснаго меда. При этомъ натуральныя подати могли быть замѣняемы денежными. Такъ, за бобра чернаго можно было уплатить копу грошей, за караго бобра—40 грошей, за куницу 6 грошей, за «вставъ меду» 4 рубля грошей, считая въ рублѣ 2 копы грошей, а за колоду меда 2 копы грошей. Таковы были тѣ налоги, которые падали на волости [6]). Несмотря на то, что устава великаго князя Александра признавала за волостями самоуправленіе и точно опредѣляла податки и повинности населенія, въ дореформенную эпоху происходили вѣчныя недоразумѣнія между волостями и ихъ намѣстниками. Послѣдніе вводили разнаго рода «новины» и причиняли «кривды», посягая на самоуправленіе населенія введеніемъ въ волость своего намѣстника. Это было несомнѣннымъ ударомъ волостному самоуправленію. Съ другой стороны, это вызвало непредусмотрѣнные расходы, весьма

---

[5]) *М. В. Довнаръ-Запольскій.* Opus cit. Прил. № 23.

[6]) *М. К. Любавскій.* Opus cit. Прил. № 12.

нежелательные для населенія. Понятно, что послѣднее всѣми средствами отстаивало свою «старину», и для ея подтвержденія обращалось къ господарю съ жалобами на намѣстника. Эти жалобы довольно однообразны. Видимо, политика всѣхъ намѣстниковъ была одинакова. Правительство почти всегда стояло на сторонѣ населенія, если замѣчало въ политикѣ намѣстниковъ преслѣдованіе своекорыстныхъ интересовъ, отражавшихся очень тяжело на платежныхъ силахъ населенія. Кромѣ того, такая политика должна была ослабить его податную исправность.

Населеніе и старцы Бчицкой волости подали въ 1509 г. челобитіе Сигизмунду I на намѣстниковъ Мозырскихъ и обвиняли ихъ въ томъ, что они въ волости «намѣстника своего держать», котораго они должны поднимать «стацеи и иными речьми», вслѣдствіе чего «имъ кривда и тяжкость великая ся дѣетъ». До этого времени всѣ финансовыя отношенія къ намѣстникамъ заключались только лишь въ даваніи ему «полюдія» —въ размѣрѣ «посатки меда» и «лисицы» съ каждаго дыма. Господарь удовлетворилъ жалобу волостей и закрѣпилъ грамотой ихъ старинныя отношенія къ намѣстникамъ [7]). Такія же недоразумѣнія происходили и въ другихъ волостяхъ. Такъ мѣщане и волость Мозырская въ 1510 году обвиняли своего намѣстника пана Андрея Немировича въ разнаго рода новшествахъ и кривдахъ. Во-первыхъ, онъ сталъ произвольно брать себѣ «на страву» еженедѣльно по 6 копъ грошей и кромѣ того сталъ облагать населеніе разнаго рода натуральными повинностями. Такъ, по словамъ жалобщиковъ, намѣстникъ велѣлъ «сѣно на себе косить, и дрова возити, и сторожу отъ татаръ стеречи, и послы наши и гонцы стацею поднимати, и подводы подъ нихъ давати». Затѣмъ онъ требовалъ отъ нихъ еженедѣльно по 18 сторожей, и приказалъ брать съ нихъ «децкованіе» «по полу копе грошей». Помимо этого тянулъ съ населенія деньги и его намѣстникъ: еженедѣльно по 12 грошей. Отъ нихъ не отставали воротный, медосотцы и кухари, довольствовавшіеся доходомъ по четыре гроша въ недѣлю. Возникало большое дѣло по обвиненію администраціи въ злоупотребленіяхъ, сильно задѣвавшихъ интересы господарскаго скарба. Призванный къ допросу панъ Андрей призналъ всѣ обвиненія правильными, но только далъ имъ нѣсколько иное объясненіе. По его словамъ, онъ никакихъ «кривдъ» не дѣлалъ. Само населеніе уговорилось съ нимъ относи-

---

[7]) *М. К. Любавскій.* Opus cit., Прил. № 17.

тельно уплаты еженедѣльно «по шести копъ грошей на страву». Что касается остальныхъ пошлинъ, то, по утвержденію намѣстника, онѣ всѣ стародавняго происхожденія, ибо и первые намѣстники также съ нихъ «бирывали», и населеніе служило и давало тѣ же «службы и дачки». Однако, правительство нашло «старину» тяжелой, и потому для того, чтобы въ будущемъ не было никакихъ «тяжкостей», рѣшило опредѣлить, «чымь маютъ его и иныхъ намѣстниковъ нашихъ мозырзкихъ подымати». Хозяйственная устава представляется въ слѣдующемъ видѣ. Повинности волости по отношенію къ мозырскому намѣснику заключаются въ платежѣ ежегодной дани «з места и з волости и с каждаго дыму по полу копе грошей, а по полъ бочце жита». Правда, эти повинности не малыя, но зато намѣстникъ былъ обязанъ содержать своихъ слугъ на свой счетъ, поднимать пословъ и гонцовъ «стацею», давать имъ необходимыя подводы и держать противъ татаръ собственную стражу. Далѣе устава опредѣляла судебныя пошлины, шедшія намѣстнику: «а который бы чоловекъ осталъ которому чоловеку виненъ, справа полъ копы грошей, съ права и отъ вины маетъ дати толкоже. А естли будетъ платити десять грошей и отъ вины маетъ дати десять грошей». Точно также, «естлибы хто платилъ кому вышшей того, або менши, тотъ маетъ вины толькожъ дати, а децкованя маютъ слуги его брати на милю по грошу». Затѣмъ устава охраняетъ неприкосновенность имущества волостного населенія отъ проѣзжавшихъ пословъ и гонцовъ. Его охрана лежитъ всецѣло на намѣстникѣ. Если какой-нибудь посолъ или гонецъ возьметъ у мѣщанина или господарскаго данника коня, то намѣстникъ, по жалобѣ потерпѣвшаго, долженъ немедленно отправить своего слугу и возвратить коня потерпѣвшему. Еслиже это не удастся сдѣлать, и конь пропадетъ, то потерпѣвшему намѣстникъ обязанъ уплатить стоимость коня «насадное». Вотъ сущность новой уставы. Кромѣ этихъ повинностей населеніе не должно давать никакихъ «дачокъ». Само собой разумѣется, что всѣ «кривды» намѣстниковъ были отмѣнены. Остается только обязанность «сторожи», но только «по четыре» въ годъ. По отбытіи ея, сторожа не обязаны давать какія нибудь деньги—намѣстнику. Устава сохраняетъ волостное самоуправленіе и внутреннюю раскладку податей между членами волости. Послѣдняя является отвѣтственной за исправное отбываніе податей, падавшихъ на бѣдныхъ людей. Если оказалось бы, что кто-нибудь, будучи не въ силахъ заплатить намѣстнику слѣдуемой ему «съ дыма дани», для этого продалъ бы своего сына въ рабство или

покинулъ бы мѣсто своего жительства, а волость не пришла бы къ нему на помощь, то на нее налагался штрафъ, такъ какъ это являлось нарушеніемъ соглашенія, согласно которому сумма, падавшая на несостоятельныхъ членовъ волости, должна была раскидываться на «богатшихъ мужей», «абы для того тотъ чоловекъ дитяти своего въ неволю не далъ, або самъ зъ мѣстца не сталъ»[8]).

Разнаго рода недоразумѣнія на почвѣ отбыванія повинностей происходили во всѣхъ волостяхъ Поднѣпрскихъ и Подвинскихъ. Объ этомъ опредѣленно заявляла льготная грамота, данная русскимъ волостямъ въ октябрѣ 1511 года. Населеніе волостей жаловалось, съ одной стороны, на постои войскъ, которыя грабили его, а, съ другой стороны, на злоупотребленія писарей, которые посылались туда правительствомъ для сбора всякихъ «недополнковъ». По словамъ челобитчиковъ, «слуги ихъ отъ году до году не выѣзжаючи на тыхъ волостехъ мѣшкаютъ, корчмы сытятъ для своего пожитку». Помимо этого, господарскія волости были обязаны выдавать имъ еженедѣльную страву грошами и стаціей и, кромѣ того, нѣсколькихъ сторожей. Злоупотребленія слугъ шли дальше. Они, по отзывамъ населенія, судятъ не по закону «и вины великія на нихъ берутъ». Сами же писари, при въѣздѣ въ волость, затягиваютъ судебныя сессіи и требуютъ «непомѣрные въѣзды и стацеи»[9]).

Такая политика господарскихъ агентовъ, по откровенному признанію составителя грамоты, была очень убыточна для господарскаго скарба, такъ какъ «съ того великаго драпежства и грабежу многіе данники наши съ тѣхъ волостей нашихъ розошлися». Такъ какъ количество плательщиковъ даней значительно уменьшилось, то оставшіеся «не только сполна дань нашы, але и половицы, отъ колька лѣтъ вжо, въ кождый годъ не могутъ заплатити». Благодаря такому положенію населенія правительство было вынуждено очень внимательно отнестись къ просьбамъ волости, «абыхмо ихъ при старинѣ зоставили».

Старина заключалась въ сохраненіи самостоятельности волости при раскладкѣ и сборѣ слѣдуемыхъ даней и отправкѣ ихъ въ господарскій скарбъ. Вся поступавшая дань должна была собираться въ три срока. Челобитчики, по словамъ господаря, просили посылать сборщиковъ за данью только въ томъ случаѣ, если они положенную

---

[8]) Акты Лит.-Русск. Госуд., I, № 126.
[9]) А. З. Р. II, № 75.

10*

дань «до скарбу и до ключа нашого не отнесли». Господарскій отвѣтъ полностью удовлетворялъ просьбы населенія: за сборомъ «недополнковъ» могутъ въѣзжать только слуги подскарбія. Въ этомъ случаѣ послѣдніе получаютъ «дѣцкованье и доходъ канцелярскій». Кромѣ того, населеніе было обязано уплатить особый штрафъ. Наконецъ, для закрѣпленія за волостью полной административной самостоятельности, господарскій листъ предоставляетъ самому населенію сборъ писарскаго и тивунскихъ доходовъ, а всѣ корчмы, которыя намѣстники и ихъ тивуны въ волостяхъ «на себе сычивали», отписываются на господаря. Послѣдній обязуется только въ томъ случаѣ ихъ держать, если отъ ихъ эксплуатаціи не будетъ никакой «шкоды» данникамъ[10]).

Такимъ образомъ, старина оказалась закрѣпленной «господарскимъ листомъ». Населеніе, казалось, было забронировано отъ намѣстничьихъ «кривдъ» и отъ въѣзда писарей и ихъ слугъ за сборомъ дани. На дѣлѣ, эта устава мало помогла населенію. Недоразумѣнія между нимъ и намѣстниками не прекратились. Провинціальная администрація сплошь и рядомъ нарушала закрѣпленную «старину», а жалобы населенія направлялись къ господарю. Администрація постоянно предъявляла населенію требованія объ уплатѣ новыхъ налоговъ. Такъ панъ Мацко Кунцевичъ, тивунъ Троцкій, жаловался на Кричевскую волость, отказавшуюся платить ему ежегодно 10 руб. «дубасныхъ» пѣнязей и 2 рублей его слугѣ. Тивунъ ссылался на «старину», а населеніе указывало на «господарскій листъ», освобождавшій ихъ отъ платежа денегъ вслѣдствіе нашествія непріятеля и разоренія ихъ края. При разборѣ дѣла у воеводы и господаря, ими не былъ представленъ оправдательный листъ. Впрочемъ, они обязывались представить его къ назначенному господаремъ сроку. Исходъ процеса неизвѣстенъ. Можетъ быть въ данномъ случаѣ тивунъ былъ правъ, и ссылка на господарскій листъ была только удачнымъ ходомъ съ цѣлью выиграть дѣло, не предъявивъ никакого документа, а только сославшись на него[11]). Такія же требованія предъявляла администрація и въ другихъ мѣстахъ. По словамъ челобитчиковъ отъ имени Бобруйской волости, подскарбій Виленскаго воеводы Ивахно незаконно взялъ съ нихъ «пятьдесятъ рублей и сорокъ копъ грошей, а къ тому иные многи и пѣнязи». Однако

---

[10]) А. З. Р. II., № 75.

[11]) Р. И. Б., XX., № 25.

выяснилось, что жалоба населенія была направлена не по адресу. Челобитчики внесли поправку и обвинили въ присвоеніи незаконно денегъ слугу маршалка пана воеводы Виленскаго—Романа Селицкаго, въ бытность его намѣстникомъ воеводы въ Бобруйскѣ. На этотъ разъ, челобитчики проиграли дѣло. Отвѣтчикъ сослался на подскарбія Авраама Езофовича и другихъ «господарскихъ врядниковъ и дворянъ», разбиравшихъ раньше поданныя на него жалобы и признавшихъ «его во всемъ правого»[12]). И Кричевская волость тоже воевала съ своимъ намѣстникомъ кн. Василіемъ Жилинскимъ. Населеніе въ 1522 году жаловалось на него, такъ какъ онъ вводитъ разнаго рода «новины» и чинитъ «кривды великіе», беретъ съ нихъ «мыто» и «узвестное, чого на нихъ здавна не бирвано». Кромѣ того, онъ отнялъ у нихъ воскобойню, хотя «за першыхъ державецъ на себе держивали». Затѣмъ, намѣстникъ ѣздилъ на полюдье «у великомъ почте», хотя «передъ тымъ дей первые державцы .... до нихъ на полюдіе не езживали». Помимо этого намѣстникъ, по словамъ отвѣтнаго господарскаго листа, вмѣшивался въ ихъ право самораскладки господарскихъ повинностей, бралъ съ нихъ не мало лишнихъ денегъ и требовалъ отъ нихъ отбыванія нѣкоторыхъ натуральныхъ повинностей, отъ которыхъ они теперь были свободны. Населеніе страдало также отъ непомѣрныхъ «винъ», накладываемыхъ на него намѣстникомъ вопреки уставѣ, данной раньше Кричевской волости.

Злоупотребленія намѣстниковъ не только задѣвали интересы господарскаго скарба, они нарушали «господарскую уставу». Естественно, господарь долженъ былъ съ отмѣннымъ вниманіемъ отнестись къ просьбамъ населенія и разсмотрѣть его дѣло. Господарь призналъ всѣ злоупотребленія доказанными, и Сигизмундъ I листомъ отъ 29 ноября 1522 года отдалъ распоряженіе Кричевскому намѣстнику «новинъ не вводить и кривдъ не чинить». Побѣда населенія была полная. Единственно, чего добился намѣстникъ, да и то въ нѣсколько урѣзанномъ видѣ, это—права «брать у нихъ по два кликуны на замокъ», какъ объ этомъ говорилось въ первой господарской уставѣ[13]). Однако господарскій листъ не подѣйствовалъ на Кричевскаго намѣстника. Князь Василій Жилинскій держался прежней линіи поведенія и позволялъ себѣ эксплуатацію населенія вопреки господарской уставѣ. И на этотъ разъ «кривды и тяжкости, драпежства были не малые».

---

[12]) Р. И. Б. XX стр., 1178—1179.

[13]) Акты Лит.—Русск. Госуд., № 162.

Вопреки господарскому распоряженію «Кричевскій державца бралъ съ населенія «не половицу», а «цѣлую стацею». Спеціально посланный дворянинъ Михаилъ Кузмичъ обнаружилъ не мало злоупотребленій со стороны державцы. Высказывая удивленіе, что Кричевскій державца не обращаетъ вниманія на господарскія уставы, Сигизмундъ I еще разъ приказалъ не дѣлать «кривдъ, тяжкостей и драпежства и похвалокъ господарскимъ людямъ», не брать съ нихъ стаціи согласно первоначальному господарскому распоряженію. Для того, чтобы покончить съ злоупотребленіями намѣстника, господарскій листъ еще разъ опредѣлилъ то, что населеніе должно было давать своему державцѣ. Однако, словно чувствуя, что господарскіе выроки будутъ и въ будущемъ нарушаться Кричевскими намѣстниками, господарь счелъ нужнымъ пустить угрозу по адресу державцы: «а што будешь назвышъ стацеи въ нихъ чересъ росказаніе наше и кривды и драпежства хотѣлъ подданнымъ нашимъ дѣлати мы въ тотъ часъ сами тыхъ подданныхъ нашихъ хочемъ съ тобой смотрѣти». Если разборъ дѣла покажетъ, что державца взялъ съ населенія хотя бы одинъ лишній грошъ, то державца не только потеряетъ «держаніе», но и уплатитъ все взятое у волости[14]).

Такая энергичная защита интересовъ населенія понятна. «Драпежства» державцы слишкомъ сильно задѣвали интересы господарскаго скарба.

Не лучше обстояло дѣло и въ другихъ волостяхъ. Такъ волость Олучицкая, раньше входившая въ составъ Кричева, жаловалась на своего державцу дворянина Никифора Бобоѣда, обвинявшагося населеніемъ въ злоупотребленіи своей властью. Вопреки господарской уставѣ панъ Бобоѣдъ смѣстилъ волостного старца, бралъ лишнее съ населенія и поэтому «кривды и драпежества великіи подѣлалъ». Населеніе не вынесло чрезмѣрной эксплуатаціи и разбѣжалось. Задѣтое этимъ правительство безъ всякихъ предупрежденій и угрозъ взяло держаніе у вышеназваннаго Бобоѣда, а волость была обратно привернута къ Кричевскому замку, державца котораго долженъ былъ исправно высылать собранную съ населенія сумму денегъ въ господарскій скарбъ. Отдавая волость «подъ присудъ и послушенство» Кричевскаго державцы, Сигизмундъ I, однако укрѣпилъ своимъ листомъ самостоятельность волости и запретилъ въ нее въѣздъ слугамъ Кричевскаго державцы[15]).

---

[14]) *М. К. Любавскій.* Opus cit., Прил. № 40.

[15]) *М. К. Любавскій.* Opus cit., Прил. № 46.

До какихъ размѣровъ могла доходить эксплуатація населенія со стороны державцевъ, хорошей иллюстраціей можетъ служить памятная запись мужей и старца Кораевскихъ «о повинахъ, введенныхъ у нихъ княземъ Андреемъ Мелешковскимъ». Конечно, такого рода злоупотребленія могли быть только благодаря неопредѣленности финансовыхъ отношеній населенія къ памѣстнику. Изъ «памятной записи» выясняется поразительная самостоятельность державцы въ дѣлѣ эксплуатаціи населенія, и, можетъ быть, указаніе населенія, что такой «повины» «изъ вековъ не было», слѣдуетъ признать соотвѣтствующимъ дѣйствительности. Беззастѣнчивость князя была поразительна. Скорбный листъ жалобъ былъ огроменъ, и не удивительно, если населеніе не выносило подобной эксплуатаціи и разбѣгалось. Послѣднее, кажется, являлось обыкновеннымъ результатомъ подобной политики[16]). Однако, интересы населенія задѣвала не только подобная дѣятельность господарскихъ намѣстниковъ. Старина нарушалась и въ другомъ отношеніи. Распадалось волостное единство: города стремились выдѣлиться изъ волости; шляхтичи, получившіе земли въ волостяхъ, не желали нести совмѣстно съ волостью разнаго рода повинности, падавшія на волостное населеніе. Благодаря уменьшенію членовъ волости, повинности для оставшихся становились тяжелѣе. Это вызывало естественное неудовольствіе среди населенія и соотвѣтственное желаніе возстановить нарушенныя отношенія и переложить повинности на членовъ всей волости безъ исключенія. Спачала такая политика достигала своихъ цѣлей. Господарь, разсмотрѣвъ челобитья населенія, спѣшилъ возстановить нарушенную старину и удовлетворить ходатайство населенія. Когда населеніе Свислоцкой волости въ 1499 г. подало жалобу великому князю Александру на Свислоцкихъ бояръ Котовичей, не желавшихъ совмѣстно съ волостью выполнять обязательныя повинности, то господарь сталъ на сторону населенія и постановилъ, что «тые люди з людми нашими Свислоцкое волости маютъ всякую тягль тягнути и городъ рубити, и ордынщину давати, и дубащину платити, и пословъ и гонцовъ подимати, и недели стеречи съ подводами у Свислочи на городищи и на реце на Березыни и на броду, и мосты маютъ съ ними мостити и въ Рудникахъ сено косити, и жытщыну до замковъ нашыхъ возити и всякую тягль маютъ с ними тягнути и ни в чомъ не маютъ их выдати». Закрѣпляя грамотой «старину» въ отправленіи повинностей, великій князь Але-

[16]) *М. В. Довнаръ-Запольскій.* Очерки зап.-русск. крест., Прил. № 2.

ксандръ грозитъ штрафомъ въ 100 рублей, если люди бояръ Котовичей нарушатъ господарское установленіе[17]).

Такое же спорное дѣло—въ 1528 г. имѣла Мозырская волость съ дворянами, получившими земли въ Мозырскомъ повѣтѣ. Нежеланіе послѣднихъ, чтобы люди ихъ отбывали волостныя повинности, ставило населеніе въ довольно тяжелое положеніе тѣмъ болѣе, что, по мнѣнію жителей волости, обязанность совмѣстнаго отправленія повинностей закрѣплена господарскимъ листомъ. Господарь прекрасно понималъ значеніе данной жалобы и подвергъ ее внимательному разсмотрѣнію «съ панами-радой». Господарскій вырокъ могъ только отчасти удовлетворить челобитчиковъ. Отъ обязанности отправлять повинности совмѣстно съ волостью освобождались люди дворянъ, получившихъ земли до изданія Мозырской уставы. Получившіе же послѣ, даже въ томъ случаѣ, если бы имѣли «привилья и вызволеніе нашо после того листа и вставы нашое волости даного», все таки были обязаны отправлять падавшія на волость повинности, и «тогда тыи привилья и листы наши не маютъ вамъ быти надъ тотъ листъ нашъ, волости первей данный». Поэтому, люди дворянъ должны «водле того листа и вставы з мещаны и волостью нашою справоватися и тые поплатки и подачки наши на замокъ нашъ платити и работу замковую робити»[18]). Такія жалобы бывали довольно часто, и правительству приходилось въ такомъ случаѣ становиться на сторону волости, ибо, въ противномъ случаѣ, пострадали бы его собственные скарбовые интересы.

Всѣ эти жалобы населенія, постоянныя его недоразумѣнія съ администраціей настоятельно указывали правительству на необходимость болѣе точнаго опредѣленія повинностей по отношенію къ господарскому скарбу и обязательственныхъ отношеній къ господарскому державцѣ. Только при этомъ условіи можно было надѣяться на прекращеніе недоразумѣній съ администраціей, столь существенно задѣвавшихъ интересы господарскаго скарба. Въ силу этихъ возможныхъ соображеній хозяйственная политика правительства въ русскихъ волостяхъ съ 30 годовъ XVI вѣка принимаетъ иной характеръ. Разрѣшая недоразумѣнія и давая удовлетвореніе просьбамъ населенія, правительство спѣшило съ выдачей ему «уставы», которая должна была въ будущемъ защитить населеніе отъ чрезмѣрной эксплуатаціи со стороны державцевъ.

---

[17]) Акты Л.-Р. Гос. № 61.

[18]) Ibid., стр. № 184.

Необходимость фиксаціи повинностей особенно чувствовалась тогда, когда волость отдавалась кому-нибудь въ держаніе. При этомъ были возможны всякія злоупотребленія со стороны держателя. Последнему часто бывала незнакома «старина». Естественно, заинтересованный въ возможно большемъ увеличеніи своихъ доходовъ держатель форсированнымъ темпомъ собиралъ повинности. На почвѣ этого создавались недоразумѣнія, а правительство закидывалось жалобами.

Въ цѣляхъ прекращенія послѣднихъ и давалась въ такомъ случаѣ устава. Иногда иниціатива даже шла со стороны самаго державцы. Такъ Рѣчицкій державца панъ Семенъ Полозовичъ обратился къ Сигизмунду I, «абыхмо вбачили на его вѣрныи послуги, которыи онъ въ той волости нашой Рѣчицкой своими немалыми наклады чинилъ». Онъ на свой счетъ «замки збудовалъ» и, согласно утвержденію господарскаго привилья, собралъ «подданыхъ и мѣсто подъ тымъ замкомъ и волость нашу осадилъ», ибо они разошлись «для великаго погибанья отъ непріятелей нашихъ». Считая свои заслуги передъ государствомъ большими, державца и обратился къ Сигизмунду I съ просьбой, «абыхмо ему уставу нашу возстановили, штобы онъ мѣлъ с тое волости нашое на пожитокъ и поживеные себѣ мати». Господарь выдалъ соотвѣтствующую уставу, но она какъ разъ не характерна для хозяйственной политики правительства. Она дана только одному Семену Полозовичу, «а не иншихъ державецъ нашихъ Рѣчыцкихъ». Послѣ смерти Полозовича господарь обѣщаетъ «иншую уставу нашу установити», если бы оказалось, что опубликованная устава очень тяжела для населенія[19]).

Жалобы населенія на злоупотребленія со стороны администраціи, какъ мы выше говорили, не прекращались. Такъ въ 1533 году Бобруйская волость жаловалась на тяжкости «которыи имъ ся дѣють отъ писарей и отъ иныхъ въѣждчыхъ», посылаемыхъ господаремъ для сбора дани. Это вызвало недовольство, да къ тому же въѣзжавшія должностныя лица не считались съ существовавшей автономной организаціей волости и порядкомъ ее нарушали[20]). Въ 1534 г. «мещане и вся волость Свислоцкая «били чоломъ» на намѣстниковъ пана Андрея Якубовича Немировича о томъ, что они «крывды и тяжкости великии ся деють и новины имъ уводять, которыхъ жо

[19]) *М. К. Любавскій.* Opus cit., Прил. № 47.
[20]) Ibid., № 51.

новинъ за першыхъ державецъ нашыхъ имъ не бывало»[21]). Аналогичныя жалобы поступали и изъ другихъ волостей. На «новины пана Альбрехта Мартиновича Гаштольда въ 1546 году жаловалась волость Бчицкая. Новина состояла въ незаконномъ собираніи съ населенія «полшостадесят коп грошей», чего, по утвержденію челобитчиковъ, они «з вековъ не плачивали» [22]). И Кричевская волость была недовольна своими державцами, незаконно собиравшими съ нея торговыя мыта, различнаго рода «поклоны», и неравномѣрно распредѣлявшими повинности между волостями [23]). По всей вѣроятности, эти недоразумѣнія продолжались въ теченіе всей первой половины вѣка. По крайней мѣрѣ, Чичерская волость подала жалобу на своего державцу пана Юрія Николаевича Зеновьевича уже въ 1554 году, почти наканунѣ аграрныхъ мѣропріятій правительства. Содержаніе жалобы однородное съ предыдущими челобитьями: «державцы тамошние першие и теперешнии державца чечеръскій и пропойскій панъ Юри Миколаевичъ Зеновъевичъ крывды и тяжкости имъ великие делати, новины уводитъ и пожитки неслушные, а вины непомерные на нихъ себѣ беретъ, чого передъ тымъ не бывало». Результатомъ такой эксплуатаціонной политики были бѣгство населенія и ростъ недоимокъ [24]).

Реагируя на эти докучливыя и однообразныя, стереотипныя жалобы, правительство издавало уставы, въ которыхъ болѣе детально и точно опредѣлялись повинности населенія. Эти уставы даютъ возможность уловить направленіе и сущность той политики, которой литовско-русское правительство держалось по отношенію къ русскимъ волостямъ въ дореформенную эпоху.

Уставы 30-хъ годовъ не измѣняли внутренняго положенія волостей и укрѣпляли ихъ вѣковое самоуправленіе. Подтвержденіе этого находится во всѣхъ уставахъ: такъ въ Бобруйской уставѣ, на имя пана А. Гаштольда господарь пишетъ: «а такъ хотячы то мѣти, пжъ быхмо въ дани нашой не шкодывали, на томъ зоставили, пжъ писары наши не маютъ до нихъ уѣждчати даней брати, нижли они съ старцы сами посполъ зъ вижомъ врадника твоей милости, подъ свѣдомомъ его, маютъ сполна вси дани наши посполъ съ тымъ вижомъ отвозити до ключа нашего» [25]). При этомъ устава опредѣляла срокъ привоза даней. Въ

[21]) *М. В. Довнаръ-Запольскій.* Opus cit., Прил. № 9.
[22]) Ibid., Прил. № 20.
[23]) Ibid., Прил. № 24.
[24]) Ibid., Прил. № 27.
[25]) *М. К. Любавскій.* Opus cit., Прил. № 51.

уставѣ, данной Свислоцкой волости господарь подчеркивалъ, «ижъ не маютъ до нихъ намѣстники усеждчати дани наше метати, нижли они маютъ сами подле стародавного обычая даны зметати и до замку нашого отвезти»[26]). Аналогичныя заявленія дѣлались и въ другихъ уставахъ[27]).

Но въ уставахъ, изданныхъ послѣ 1536 года, нѣтъ такого категорическаго подтвержденія самоуправленія волости. Уже въ Бобруйской уставѣ была замѣтна тенденція поставить сборъ податей подъ болѣе реальный контроль правительства. Поэтому, въ уставѣ высказано требованіе, чтобы при сборѣ старцами податей обязательно присутствовалъ вижъ, какъ представитель администраціи, какъ внѣшняя гарантія того, что разнаго рода податки будутъ собраны безъ всякихъ задержекъ. Однако, въ Свислоцкой уставѣ 1534 года этого требованія нѣтъ. На практикѣ, вѣроятно, все шло по старому: подати поступали неисправно, недоимки увеличивались. Размѣры даней, собираемыхъ по старинѣ, не соотвѣтствовали потребностямъ правительства. Усилить же надзоръ послѣдняго за сборомъ податей и увеличить размѣры поступленій въ господарскій скарбъ, было возможно только путемъ сокращенія самоуправленія волостей. Это было достигнуто господарскимъ листомъ отъ 28 октября 1537 года на имя державцевъ и намѣстниковъ Поднѣпрскихъ волостей. Правительство, озабоченное правильнымъ и бездоимочнымъ поступленіемъ даней и платовъ въ господарскій скарбъ, возложило на державцевъ обязанность «каждому у своей волости вси наши дани, грошовыи и медовыи и бобры, и куницы» выбирать и отвозить въ господарскій скарбъ. Но, очевидно, эта мѣра не достигла своей цѣли. Тогда правительство рѣшилось на мѣропріятіе, которое въ нѣкоторомъ отношеніи могло обезпечить ему правильное поступленіе падавшихъ на населенія податковъ. Не вмѣшиваясь въ самоуправленіе волости, правительство, однако, рѣшило сборъ дани поручить особому лицу—господарскому писарю, который долженъ былъ «вси волости въ каждый годъ объеждчати и дани грошовыи и медовыи, бобровіи и куничные выбирати» и кромѣ того «и о платехъ, данехъ нашихъ справедливое а достаточне ся доведывати, и тежъ тивунщины великие и малые, и розъезды писарские и данничии, и сокольничии и ловчии и иные платы и доходы... пописывати». Правда, это поста-

---

26) *М. В. Довнаръ-Запольскій.* Opus cit., Прил. № 9.
27) *М. В. Довнаръ-Запольскій.* Ibid., Прил. № 19 и 20.

новленіе находилось въ противорѣчіи съ существовавшимъ правомъ невъѣзда писарей въ волости, но господарь рѣшилъ уничтожить ранѣе дарованное право «бачачи шкоду нашу и хотячы болшый пожитокъ скарбу нашому вчинити и платы наши розширити, а звлаща для того ужъ ижъ по вси тыи годы минулыи даней и платовъ нашихъ до скарбу нашого сполна не выдавано.» Чтобы новая мѣра не вызвала раздраженія, населеніе освобождалось отъ уплаты какихъ либо денегъ писарю. Это была обязанность державцевъ, дававшихъ ему съ каждой волости по два рубля. Такъ было положено начало фиксаціи повинностей и нарушенія волостной самостоятельности[28]). Поэтому, въ уставахъ, изданныхъ послѣ 1537 года, уже нельзя встрѣтить категорическаго подтвержденія иммунитета волостей. Такъ въ листѣ, даннемъ Бчицкой волости въ отвѣтъ на жалобу на «тяжкости» со стороны Гаштольда, уже не говорится ни слова о самоуправленіи. Точно также молчитъ объ этомъ и Чичерская устава 1554 года. Но устава, данная Свислоцкой волости въ 1540 г., разрѣшаетъ въѣзжему собирать дань только въ томъ случаѣ, «коли сами еѣ до скарбу не несутъ» [29]). Такъ подтверждалось, хотя съ нѣкоторыми ограниченіями, финансовое самоуправленіе волости, и это несмотря на категорическое постановленіе господаря въ уставѣ 1537 года. Такого рода правительственныя мѣропріятія имѣли большое принципіальное значеніе. Если пока не было замѣтно увеличенія даней и податковъ, то возможность послѣдняго предусматривалась. Этимъ подготавливалось населеніе къ будущимъ земельнымъ мѣропріятіямъ правительства.

Господарскія уставы пока не вмѣшивались въ волостную жизнь, за исключеніемъ только права въѣзда писарей, но зато онѣ очень детально опредѣляли повинностное положеніе сельскаго населенія. Съ этой стороны—уставы обращаютъ вниманіе на его повинности какъ по отношенію къ державцамъ, такъ и по отношенію къ государству.

Издавая разнаго рода хозяйственныя уставы, правительство Сигизмунда I, конечно, имѣло всегда въ виду исключительно интересы скарба. Заботясь о правильномъ поступленіи податей, правительство было довольно недружелюбно настроено по отношенію къ тѣмъ державцамъ, которые по разнымъ соображеніямъ считали возможнымъ наложить на населеніе новыя подати, такъ какъ увеличеніе

---

[28]) *М. В. Довнаръ-Запольскій.* Ibid., Прил. № 16.
[29]) А. З. Р. II, № 203.

податного бремени могло весьма печально отразиться на поступленіи податковъ въ господарскій скарбъ. Поэтому, правительство, обыкновенно, отмѣняло эти «новины», ссылаясь при этомъ на принципъ старины, который, впрочемъ, теперь мало принимался во вниманіе, когда дѣло касалось интересовъ скарба. Когда умеръ Бобруйскій державца Альбрехтъ Гаштольдъ, правительство, въ отвѣтъ на челобитіе всей волости, отмѣнило налогъ въ размѣрѣ 200 копъ грошей, наложенный Гаштольдомъ въ пользу державцевъ, мотивировавъ это тѣмъ, что, благодаря этому нововведенію, «они не могли дани нашое господарское медовое, и грошовое, бобровое и куничьное и иныхъ платовъ и доходовъ на насъ спольна давати»[30]). По тѣмъ же соображеніямъ и Бчицкая волость освобождалась отъ платежа «польшостадесяти копъ». Отнынѣ бчицкіе державцы «не маютъ въ нихъ тѣхъ пенязей брати и маютъ дати имъ покой»[31]). Обѣ эти уставы пока не опредѣляли повинностей населенія по отношенію къ державцамъ, хотя глухо ссылались на старину. Точно также и государственные податки только были перечислены, а не исчислены, и притомъ съ неизбѣжной ссылкой на стародавній обычай, состоявшій въ томъ, что въ господарскій скарбъ поступали: дани медовые, и грошовые, бобровые и куничные, тивунщина, великая и малая, дубасчина и «иньшие всякие доходы и пожитки». Конечно, такого рода повинности были и въ другихъ поднѣпровскихъ волостяхъ. Однако, недоразумѣнія съ администраціей все время продолжались.

Державцы, видимо, предъявляли къ населенію нѣсколько форсированныя требованія, совершенно забывая объ изданныхъ ранѣе уставахъ. Поэтому, правительство сочло своевременнымъ напомнить державцамъ о прежнихъ господарскихъ вырокахъ и разъ навсегда положить предѣлъ хищнической эксплуатаціи населенія со стороны своихъ державцевъ. Согласно уставѣ, данной Кричевской волости въ 1526 г. и подтвержденной въ 1544 г., податныя отношенія къ державцамъ заключались «въ платежѣ пятнадцати копъ грошей узкихъ за страву, по пети яловицъ, по пети полтей мяса, пятьдесятъ бочокъ солянокъ жита, пятьдесятъ соляпокъ бочокъ овса, и по триста возъ сена, а дровъ на неделю лете по пяти возъ, а зиме по десяти возъ.» Всѣ податки могли быть уплачены деньгами, за исключеніемъ только сѣна и доставки дровъ. Кромѣ того, въ

---

[30]) *М. В. Довнаръ-Запольскій.* Opus cit., Прил. № 19.

[31]) Ibid., № 20.

пользу державцы поступали судебныя пошлины: вина, пересудъ, а также децкованье, повинное и повежное. Наконецъ, населеніе было обязано давать державцѣ еженедѣльно по 5 сторожей, но при томъ освобождалось отъ даванія подводъ «на потребы намѣстниковы». Устава 1544 г., какъ и прежнія уставы, заканчивается категорическимъ запрещеніемъ вводить «новины» и брать съ населенія то, «што тежъ въ той уставе нашой на державцу неописано», «ажъ бы тыи подданные наши черезъ то никоторое обтяжливости и кривды и новины въ томъ собе не мели и намъ господару, докуки не чынили и такъ далеко з жалобами своими до насъ не втекалися»[32]). Устава Чичерская 1554 года тоже стремилась положить предѣлъ хищнической эксплуатаціи населенія, которая вела къ недоимкамъ, такъ какъ «многие люди с тое волости нашое прочъ ся розошли и данье и платовъ нашыхъ не мало зницало», какъ откровенно объ этомъ говоритъ господарское вступленіе. Повинности населенія по отношенію къ державцамъ въ Чичерской уставѣ опредѣлены уже по иному въ сравненіи съ Кричевской уставой. Здѣсь замѣтны нѣкоторая индивидуализація повинностей, намѣреніе поставить державцу въ непосредственныя отношенія къ плательщику податей. Конечно, это было признакомъ довольно значительнаго разложенія стараго волостного строя и паденіемъ его автономныхъ порядковъ. Показателемъ послѣдняго является также и индивидуализація крестьянскаго хозяйства. Устава постоянно считается съ подданными «которыи особливыи земли свои мають и особливыми сохами пашуть». Повинности этого разряда населенія заключаются въ платежѣ державцѣ ежегодно: солянки овса, воза сѣна «якъ кляча повести может». Впрочемъ, въ силу трудности доставки сѣна—одинъ возъ сѣна можетъ быть замѣненъ двумя малыми возками. При этомъ, кромѣ сѣна, за каждый возъ вносилось державцѣ по 12 пенязей и закоснаго по копѣ грошей. Кромѣ того, городничій державцы получалъ съ каждой солянки жита и овса по пенязю «водле давное повинъности своее». Наконецъ, державца одинъ разъ въ годъ, когда замерзнутъ озера, могъ требовать отъ населенія ловли на себя рыбы, послѣ чего подданнымъ предоставлялась полная эксплуатація рыбныхъ богатствъ «якъ и передъ тымъ бывало». Индивидуализація повинностныхъ отношеній не исключала возможности отправленія государственныхъ повинностей и всей волостью. Такъ всей волостью производились раз-

[32]) Ibid., № 24.

личныя замковыя работы—нормальныя работы должны были продолжаться въ теченіе 5 недѣль: весной двѣ недѣли и три недѣли осенью. Экстраординарныя работы выполняются «до того часу, поки заробять». Послѣ окончанія работъ, волостные люди возвращаются домой, но при этомъ «ничого въ нихъ брано быти не можетъ». Что же касается сбора кадей меда «на потребу замковую», то ихъ населеніе обязано уплачивать, «водле рейстровъ, которые посланьцы наши будучы тамъ зъ росказанья нашого списали и до скарьбу нашого дали». Затѣмъ, волость давала ежегодно на замокъ по шести сторожей, давала полюдье «водле давного обычая», обязана была возить дрова въ господарскій замокъ—за каждый возъ сѣна—одинъ возъ дровъ. Всѣ эти волостныя повинности падали и на остальное мѣстное населеніе, какъ-то: на людей боярскихъ, владѣвшихъ землями безъ документальнаго права на нихъ, мѣщанъ, бобровниковъ тяглыхъ и подданныхъ, которые сидять на тяглой землѣ. Всѣ они должны были участвовать «въ метехъ и въ роботе замъковой и «во всемъ помогати и всякие повинности вєсполокъ съ ними спольъняти». Устава значительно сокращала волостное самоуправленіе, такъ какъ «безъ ведомости державцы» «метовъ никоторыхъ не маютъ... метати и разрубливати»[33]). Точно также и устава, данная Рогачевской волости, кладетъ предѣлъ злоупотребленіямъ со стороны державцевъ. А послѣдніе, видимо, злоупотребляли своей властью не мало и предъявляли чрезмѣрныя требованія къ населенію волости.

Королева Бона дважды въ 1548 году отвѣтила на жалобы населенія. Первый отвѣтъ носилъ частный характеръ. Это бы отвѣтъ на жалобы подданныхъ села Лучинскаго на своего державцу. Второй отвѣтъ—общаго характера. Это уже—цѣлая устава, дѣйствіе которой распространялось на всю волость. Въ первомъ случаѣ, господарскій листъ подтверждалъ свободу населенія отъ принудительной обработки фольварочной пашни, а также отъ выполненія имъ разныхъ работъ по дворовому хозяйству, какъ то: «хоромъ и кухонъ ставити и огородовъ тѣснити и справовати». Отъ всякой работы освобождались и женщины. Конечно, это не исключало возможности добровольной работы, но «силою врядники наши тамошние никого з них к той роботе фольфарковой приворочати не маютъ». Затѣмъ листъ королевы Боны опредѣлялъ размѣръ платовъ «за сѣно». По старинѣ, королева Бона опредѣлила вознагражденіе въ количествѣ двухъ

---

[33]) *М. В. Довнаръ-Запольскій.* Ibid., № 27.

грошей за возъ сѣна съ каждаго дыма. Кромѣ того, население было обязано выкосить ежегодно 4 стога сѣна тамъ, «гдѣ имъ в прилеглости указано будетъ». Наконецъ, укрѣпляя за нимъ условія его первоначальнаго поселенія, Бона устанавливаетъ обязанность лучинцевъ сообща съ волостью «робити и будовати» замокъ Рогачевскій и выплачивать «селетровщину» по 2 гроша съ каждаго дыма, и притомъ ежегодно [34]).

Волостная устава, опубликованная спустя годъ послѣ изданія королевой Боной перваго листа, констатируетъ множество злоупотребленій со стороны Рогачевскаго державцы Павла Пельжинскаго. Эти злоупотребленія, напрягавшія до крайности силы населенія, устава прежде всего отмѣняла. Такъ державца Рогачевскій не могъ мѣстныхъ подданныхъ, «которые на сторожу до замку приходятъ, на послуги свои нигде въ замку ити, яко на паственье коней, животины своее, такъ до пашни, до огородовъ и на жадные иншые послуги нигде зъ города ихъ отсылати.» . . . . . Принудительныя работы на державцу находились въ рѣзкомъ противорѣчіи съ обязанностями сторожей и потому отмѣнялись. Затѣмъ волостная устава закрѣпляла за населеніемъ обязанность доставлять ежегодно въ Рогачевскій замокъ «водлугъ повинности своее» «двенадцать вепровъ» и этимъ стремилась прекратить злоупотребленія рогачевскаго державцы, бравшаго больше, чѣмъ слѣдовало, а иногда и не считавшагося съ мѣстными цѣнами, установленными стариной. Но, что бы на почвѣ денежныхъ платовъ, не возникало болѣе никакихъ недоразумѣній, устава отмѣняетъ замѣну натуральной повинности денежными платами и возлагаетъ на населеніе обязанность доставлять въ Рогачевскій замокъ «двенадцать вепревъ живыхъ, не вельми худыхъ», а державцѣ категорически запрещаетъ брать съ волощанъ какіе бы то ни было пѣнязи. Устава предусматриваетъ возможность требованія со стороны замка большого количества «вепровъ». Въ такомъ случаѣ, весь недостающій комплектъ долженъ быть купленъ державцей по «слушной цѣнѣ». Вмѣстѣ этимъ устава запрещаетъ покупать державцѣ у населенія «волы, яловицы, бараны, и иншу животину» по цѣнѣ, назначенной самимъ державцей. Дабы избѣжать злоупотребленій на будущее время, устава требуетъ, чтобы волощане продавали своихъ воловъ и яловицъ исключительно только въ Рогачевѣ— мѣстѣ, гдѣ державца можетъ купить нужное ему количество по цѣнѣ,

---

[34]) *М. В. Довнаръ-Запольскій.* Opus cit., Прил. № 25.

установленной по соглашенію съ продавцомъ. Что же касается мелкаго скота, то послѣдній можно было продавать въ предѣлахъ всей волостной территоріи. Затѣмъ устава опредѣляетъ размѣры «пересудовъ, децкованья и вижевого», которые, очевидно, собирались державцей по собственному усмотрѣнію. Далѣе, устава запрещала державцѣ ввозить въ села для продажи «горелку и меды». Это наносило серьезный ущербъ господарскому скарбу. Устава рекомендовала населенію покупать нужную для него «горелку и меды» въ рогачевскихъ корчмахъ. Наконецъ, устава категорически запрещала державцѣ предъявлять населенію требованіе о предоставленіи подводъ для его личныхъ нуждъ. Волощане, по уставѣ, «маютъ быти повинныи ходити только где у своей волости отъ села до села, або тежъ зъ села до замку потребы замковые будуть, повинни привозити, або где бы на послугу нашу и замковую власную пришло, намъ они водлугъ повинности свои стародавнои повинни будучи у подводу ходити»[35]).

Такимъ образомъ, и Рогачевская волостная устава по своему содержанію ни чѣмъ не отличается отъ другихъ извѣстныхъ намъ уставъ. Оставляя пока господарскія повинности по старинѣ, уставы весьма тщательно и детально опредѣляли повинности населенія по отношенію къ державцамъ, такъ какъ злоупотребленія послѣднихъ наносили несомнѣнно серьезный ущербъ финансовымъ интересамъ государства.

19 Іюля 1540 г. Свислоцкая волость получила свою уставную грамоту. Старая грамота сгорѣла, а намѣстникъ-державца «началъ, по заявленію населенія, имъ новины вводити платы и вины непомѣрные зъ нихъ брати». Такое злоупотребленіе властью способствовало опубликованію новой уставы. Въ виду особенностей объявленія грамоты, Свислоцкая устава останавливается довольно детально на повинностяхъ населенія, какъ по отношенію къ господарскому скарбу, такъ и на обязанностяхъ населенія по отношенію къ державцамъ. Господарскіе податки состояли изъ уплаты дани медомъ, бобрами, куницами. Это тѣ же повинности, что предъявляла къ населенію устава 1500 года. Затѣмъ, устава не дѣлитъ бобровъ на карихъ и черныхъ и въ зависимости отъ этого опредѣляетъ цѣнность бобра въ 45 грошей, тогда какъ устава 1500 г. знала цѣны—60 грошей и 40 грошей. Наконецъ, медовая дань собиралась не «вставами» и

---

[35]) Ibid., № 26.

«колодами», а измѣрялась пудами «по чотыре безмѣны» и не подлежала замѣнѣ деньгами. Конечно, это распоряженіе станетъ понятнымъ, если принять во вниманіе увеличивавшійся экспортъ меда за границу. Стоимость куницы оставалась такой же. Кромѣ этого, населеніе вноситъ въ скарбъ «серебро грошовое, дубащину и воловщину» вмѣсто прежней грошовой дани. Что же касается обязанностей населенія по отношенію къ замку и державцамъ, то онѣ заключались: а) въ охранѣ гонцовъ и пословъ, b) въ предоставленіи 6 кликуновъ для охраны замка, c) въ уплатѣ намѣстнику натуральныхъ податковъ: съ трехъ селъ въ распоряженіе намѣстника поступало: по солянкѣ жита и овса, 8 яловицъ, 8 вепровъ, 10 барановъ, 2 бочки соли, 10 каменей меду. Кромѣ того, съ каждаго дыма въ его пользу шелъ возъ сѣна и дровъ. Затѣмъ вся волость давала ему же «по куряти, по 10 яецъ, по сыру, по фаскѣ масла», но только въ томъ случаѣ, если у домохозяина была корова. Полюдье поступало въ пользу намѣстника въ количествѣ $1^1/_2$ гроша съ каждаго дыма. Наконецъ, осенью каждый дымъ долженъ былъ поймать «селезня» или уплатить $^1/_2$ гроша. Опредѣляя повинности населенія, устава въ тоже время закрѣпляетъ за населеніемъ право эксплуатировать озера, лѣсныя богатства и разрѣшаетъ продавать на сторону продукты эксплуатаціи. Господарскіе врядники при этомъ «имъ боронити не маютъ». Такимъ образомъ и Свислоцкая устава, пока не вводя ничего новаго, закрѣпила только изъ старины сложившіяся отношенія [36]).

Разбирая отдѣльныя хозяйственныя распоряженія, касавшіяся поднѣпрскихъ восточныхъ волостей, мы не привлекали къ анализу уставы, данныя Могилевской волости. Отношенія тамъ между администраціей и волостью сложились точно также, какъ и въ другихъ восточныхъ областяхъ. Съ этой стороны, онѣ ничего оригинальнаго изъ себя не представляютъ, но наличный матеріалъ даетъ возможность прослѣдить болѣе подробно и хозяйственную политику правительства, и упорную борьбу правительства съ мѣстной же провинціальной администраціей.

Экономическое и повинностное положеніе Могилевской волости довольно отчетливо обрисовано въ «Уставной грамотѣ Могилевской королевской волости», опубликованной 7 апрѣля 1514 года. Поводомъ къ опубликованію грамоты и опредѣленію повинностей явилась отдача Могилевскаго замка въ держаніе пану Юрію Зеновьевичу,

[36]) А. З. Р. II, № 203.

который, надо думать, былъ незнакомъ съ мѣстной стариной, которую и закрѣпляетъ устава 1514 года. Господарскій доходъ въ Могилевской волости составлялся изъ дани грошовой въ количествѣ 300 копъ «широкихъ грошей», 4 рублей «бобровщины», 4 рублей «яловщины» и 3 рублей «грошей восковыхъ». Кромѣ того, старецъ серебряный вносилъ въ скарбъ 15 копъ грошей широкихъ, а медовый старецъ 10 копъ грошей. Скотное серебро поступало на третій годъ въ размѣрѣ 20 рублей. Затѣмъ къ скарбу отходила тивунщина въ количествѣ 80 копъ грошей. Кромѣ того, за право эксплуатаціи корчемъ вносилось въ казну 104 копы грошей. Наконецъ, населеніе было обязано платить серебщину разъ въ три года въ размѣрахъ, установленныхъ верховной властью. Въ случаѣ отсутствія у населенія «широкихъ грошей», послѣднее можетъ уплатить слѣдуемые податки натурой въ количествѣ: 106 бобровъ, 150 куницъ и 38 уставовъ медовой дани. Дань же грошевая уплачивается пѣнязьми, считая въ одномъ грошѣ 14 пѣнязей.

Что же касается повинностей населенія по отношенію къ самому державцѣ, то въ уставѣ онѣ опредѣляются слѣдующимъ образомъ: населеніе платило ему ежегодно «узъѣздъ» въ количествѣ 50 копъ грошей, полюдье въ томъ же размѣрѣ, при условіи, если державца не будетъ ѣздить по волости; затѣмъ изъ господарской тивунщины въ пользу намѣстника поступала половина. Затѣмъ въ пользу намѣстника шли обычныя судебныя пошлины. Устава не считаетъ, что въ ней фиксированы всѣ подати и повинности населенія. Устава допускаетъ возможные пропуски и потому считаетъ цѣлесообразнымъ добавить, «что если которыи доходы обвѣстки и иншыи, што въ томъ нашомъ листѣ не выписаны, на державцевъ Могилевскихъ хоживали, тые и нынѣ потому жъ онъ мастъ брати». Само собой разумѣется, устава запрещаетъ державцѣ вводить въ волости какія бы то ни было повины[37]). Эта же устава была повторена слово въ слово при отдачѣ въ 1521 году Могилевской волости въ держанье князю Василію Ивановичу Соломирецкому. Повтореніе ея было необходимо, такъ какъ Соломирецкій получалъ держаніе «до живота». Слѣдовательно, благодаря длительной зависимости населенія отъ новаго державцы—злоупотребленія были возможны[38]). Однако, несмотря на довольно точное опредѣленіе повинностнаго

---

[37]) А. З. Р. II, № 86.
[38]) Акты Л. Р. Г. I, № 152.

положенія населенія, ему не удалось избѣжать разнаго рода злоупотребленій. Въ 1530 году Могилевская волость жаловалась Сигизмунду I на писарей и подключихъ, собиравшихъ дань съ тѣхъ земель, которыя лежали впусте. Правительству приходилось произвести спеціальное разслѣдованіе для выясненія правой стороны, потому что населеніе, не выннся «обътяженія», оставило волость и поселилось на земляхъ частныхъ владѣльцевъ [39]). Видимо, разбродъ населенія принималъ грандіозные размѣры, ибо одновременно съ порученіемъ Ивану Горностаю произвести разслѣдованіе дѣла, Сигизмундъ I отдалъ приказъ «выводить на старыя мѣста разошедшихся съ волости людей» [40]).

Населеніе терпѣло разныя притѣсненія и отъ своего державцы князя Василія Соломирецкаго, предъявлявшаго къ нему, вопреки уставѣ, требованія на подводы подъ пословъ и гонцовъ. Населеніе отказывалось, но послѣ переговоровъ обѣщало выплачивать князю Василію ежегодно 120 к. грошей, при условіи полной свободы отъ подводной повинности и всякихъ натуральныхъ повинностей на державцу. Если же державцѣ понадобятся подводы—то онъ былъ обязанъ нанимать ихъ за счетъ денегъ, предоставленныхъ въ его распоряженіе. Однако, и это не выполнялось. Затѣмъ, державца увеличилъ въѣзжее на 10 грошей, поднялъ налогъ съ каждаго дыма до 10 грошей, посылалъ населеніе работать въ Мстиславль, хотя для этого съ него была собрана сумма въ размѣрѣ 20 копъ грошей. Кромѣ того, онъ увеличилъ «записное» до 10 грошей вмѣсто 1 пѣнязя при доставленіи ему населеніемъ бочки «жита и овса».

Могилевскій державца обвинялся населеніемъ еще въ томъ, что собиралъ медовую и грошовую дань «не по мере», и что слуга его взялъ съ населенія лишнихъ 20 копъ грошей. Точно также и въ судебныхъ дѣлахъ державца допускалъ разнаго рода злоупотребленія, существенно задѣвавшія интересы населенія. Допуская «великии драпезства и тяжкости», державца довелъ волость до полнаго опустошенія и совершенно безразлично относился къ интересамъ населенія, не желая «в кривдахъ людей тамошнихъ помочонъ бытн и з ними стояти». Интересуясь населеніемъ исключительно съ фискальной точки зрѣнія, державца положилъ «многии розместь на всю волость», при чемъ сборщики податей не представили державцѣ ника-

---

[39]) *М. В. Довнаръ-Запольскій.* Opus cit., Прил. № 4.

[40]) Ibid., № 5.

кой отчетности. Неудивительно, что ради такого «драпежства многии ся люди с тое волости прочъ розышли».

Обвиненія, предъявленныя населеніемъ къ своему державцѣ, были весьма велики. Чрезмѣрная эксплуатація населенія весьма существенно задѣвала интересы господарскаго скарба, и правительство, конечно, должно было немедленно принять соотвѣтствующія мѣры. Это было сдѣлано въ два пріема. Спачала былъ посланъ на ревизію господарскій дворянинъ Александръ Федоровичъ Дыкъ, который долженъ былъ вернуть державцу на правильный путь, а затѣмъ, послѣ частичныхъ исправленій, была дана въ 1536 году и новая устава, такъ какъ жалобы населенія на своего державцу не прекращались. Господарскій дворянинъ Дыкъ долженъ былъ заставить державцу отказаться отъ требованія подводъ съ населенія и удовольствоваться «подле умовы своее» полученіемъ съ населенія 120 копъ грошей и произвести въ присутствіи дворянина разборъ жалобъ со стороны населенія на десятниковъ державцы. И другія жалобы получили удовлетвореніе. Правительство рекомендовало державцѣ поступать «по старинѣ» [41]).

Однако, разслѣдованіе Дыки не произвело на князя В. Соломирецкаго должнаго впечатлѣнія. Державца упорно не желалъ считаться со стариной и предъявлялъ къ населенію чрезмѣрно повышенныя финансовыя требованія, даже сравнительно съ его притязаніями раньше. Эти новыя жалобы вывели изъ себя правительство. Для разрѣшенія затяжныхъ недоразумѣній между волостью и державцей были посланы спеціальные комиссары: маршалокъ Андрей Михайловичъ Копырскій, конюшій дворный князь Василій Богдановичъ Чижъ, виленскій тивунъ Шимко Мацкевичъ, городенскій городничій князь Семенъ Одинцевичъ и секретарь латинскій панъ Павелъ Нарушевичъ. Произведя разслѣдованіе на мѣстахъ, они составили реестръ повинностей, которыя населеніе было обязано отправлять. Господарь утвердилъ реестръ, составленный комиссарами. Такъ появилась Могилевская устава 1 іюля 1536 года.

Новая устава обращаетъ все свое вниманіе не столько на повинности населенія по отношенію къ господарскому скарбу, сколько съ большой тщательностью занята опредѣленіемъ повинностей населенія по отношенію къ могилевскому державцѣ. Господарскія повинности не могли быть опредѣлены ревизорами, благодаря уходу

---

[41]) Ibid., № 10.

населенія и опустѣнію волости. Правительство откладывало опредѣленіе повинностей на будущее время. Въ данномъ случаѣ торопиться не имѣло смысла. Правительство не собиралось себя обижать, да къ тому же и населеніе не поднимало объ этомъ вопроса. Но, съ другой стороны, надо было торопиться съ опредѣленіемъ повинностей населенія по отношенію къ державцѣ, надо было поскорѣе положить предѣлъ дальнѣйшимъ злоупотребленіямъ со стороны державцы. Новая устава санкціонировала всѣ нововведенія князя Василія Соломирецкаго, такъ какъ они оказались «стариной», закрѣпленной господарскими грамотами еще тогда, когда Могилевская волость давалась въ держаніе пану Юрію Зеновьевичу и пану Яну Щиту. Поэтому правительство санкціонировало увеличеніе «уезда» до 70 копъ грошей. Впрочемъ, послѣднее заявленіе господаря находится въ нѣкоторомъ противорѣчіи съ самимъ актомъ, которымъ Могилевская волость давалась въ держаніе Юрію Зеновьевичу. Въ уставѣ 1514 г. «уездъ» опредѣлялся въ размѣрѣ 60 копъ грошей[42]). Эти же условія были повторены и при отдачѣ волости въ держаніе князю В. Соломирецкому. Что «старина» въ данномъ вопросѣ была на сторонѣ населенія—это съ очевидностью ясно, такъ что нѣсколько непонятна ссылка правительства на эти акты. Вопреки старымъ уставамъ было санкціонировано увеличеніе полюдья до 60 копъ грошей и тивунщины до 80 копъ грошей. Прежнія уставы говорили о тивунщинѣ только въ половинномъ размѣрѣ поступленій на самого господаря. Слѣдовательно, вся тивунщина полностью шла на державцу.

Затѣмъ на державцу поступала «живность» въ количествѣ «жита 80 бочокъ, а овса 80 бочокъ, а сена 80 возъ, а яловицъ 16» со всей волости. Объ этой живности въ предъидущихъ уставахъ ничего не говорилось. Очевидно эта была «старина», не нуждавшаяся въ спеціальномъ разъясненіи, но теперь правительство сочло болѣе цѣлесообразнымъ фиксацію и этой повинности. Затѣмъ устава опредѣляла размѣры торговыхъ пошлинъ, судебныхъ пошлинъ и «змирской куницы», отказавшись отъ собиранія ея «по старому». Что же касается «подводной повинности», то правительство не считало возможнымъ ея регламентацію, предоставляя самому державцѣ условиться относительно нея съ самимъ населеніемъ. Но устава категорически заставляетъ державцу держаться того соглашенія, къ которому онъ придетъ съ населеніемъ. Наконецъ, въ уставѣ—полное умолчаніе

---

[42]) А. З. Р. II, № 86.

относительно принудительныхъ работъ населенія. Вѣроятно и этотъ вопросъ былъ оставленъ на разсмотрѣніе самого державцы.

Вся устава 1536 года—блестящее нарушеніе той «старины», на которую такъ любило часто ссылаться правительство. Послѣднее, по разнымъ соображеніямъ, не находило возможнымъ вести борьбу съ державцей и предпочло, ставъ на его сторону, санкціонировать всѣ фискальныя требованія державцы. Та же старина нарушалась государствомъ и при опредѣленіи повинностнаго отношенія населенія къ самому скарбу. Правда, правительство временно отложило рѣшеніе этого вопроса, но съ другой стороны, оно ни словомъ не обмолвилось объ уставѣ 1514 года. Очевидно, повинностныя отношенія населенія по этой уставѣ казались правительству недостаточными, разъ оно не сочло нужнымъ даже упомянуть о ней. Помимо этого, право волостного самообложенія ставилось подъ контроль державцы. Словомъ «старина» нарушалась съ обѣихъ сторонъ. Это подготавливало земельную реформу Сигизмунда II [43]).

Не прошло еще и года, какъ правительство опубликовало 26 апрѣля 1537 года новое дополненіе къ недавно изданной уставѣ. На этотъ разъ устава касалась принудительныхъ работъ населенія въ Мстиславскомъ замкѣ и «иныхъ городахъ». Не опредѣляя размѣровъ этихъ работъ, правительство освободило мѣщанъ отъ помощи волостному населенію въ принудительныхъ работахъ, ссылаясь на неустройства Могилевскаго замка и на необходимость его защищать и охранять. Правда, это выдѣленіе Могилева изъ состава волости вызвано стратегическими и отчасти экономическими соображеніями, но его можно считать начальнымъ процессомъ обособленія города отъ волости въ русскихъ волостяхъ, что также указывало на разложеніе старинныхъ хозяйственныхъ отношеній [44]). Подведемъ итоги. Хозяйственная политика литовско-русскаго правительства по отношенію къ русскимъ волостямъ основывалась на слагавшейся годами «бытовой старинѣ». Однако, эта «старина» различно понималась управителями господарскихъ волостей, и на почвѣ нарушенія старины между населеніемъ и администраціей возникали весьма серьезныя недоразумѣнія. Для разрѣшенія возникавшихъ пререканій волостное населеніе обращалось къ правительству съ просьбой о возстановленіи старины. Сначала правительство стремилось

---

[43]) *М. В. Довнаръ-Запольскій.* Ibid., № 11.

[44]) Ibid., №. 15.

постоянно придерживаться «старины», и господарскими выроками послѣдняя обыкновенно закрѣплялась, когда произведенное слѣдствіе позволяло точно установить понятіе «звыклой старины». Сохраненіе послѣдней диктовалось также властными интересами самого господарскаго скарба. Укрѣпляя податную старину, господарскія уставы оставляли въ неприкосновенности и волостное самоуправленіе. Во второй четверти XVI в. недоразумѣнія администраціи съ волостнымъ населеніемъ—самое обыкновенное явленіе. Разрѣшая всѣ эти споры, правительство вносило незамѣтныя ограниченія въ волостное самоуправленіе, а введеніемъ новыхъ податковъ или фиксаціей ихъ оно незамѣтно разрывало со старинной. Такой характеръ носятъ всѣ уставы, опубликованныя послѣ 1534 года. Непрекращавшіяся недоразумѣнія администраціи съ волостнымъ населеніемъ (въ этомъ отношеніи весьма характерны взаимоотношенія въ Могилевской волости) выдвигали на очередь вопросъ о коренной ломкѣ старины и перемѣнѣ всей хозяйственно-финансовой политики въ русскихъ волостяхъ.

V.

I.

Господарскіе дворы въ западныхъ и восточныхъ волостяхъ въ дореформенную эпоху.

Составъ господарскихъ дворовъ. Дворовыя строенія. Дворовыя пашни. Дворовые огороды. Дворовыя сѣножати. Дворовый лѣсъ. Доходныя и бездоходныя земли. Техника хозяйства. Дворовое скотоводство. Дополнительныя доходныя статьи. Челядь невольная и ея значеніе для двороваго хозяйства. Содержаніе челяди невольной. Количественный составъ челяди невольной при господарскихъ дворахъ. Освобожденіе отъ невольничества. Огородники. Тяглые люди и ихъ значеніе для двороваго хозяйства. Повинности и платежи тяглаго населенія. Крестьянское тяглое хозяйство. Крестьянская служба и размѣръ крестьянскихъ земельныхъ участковъ. Осадные люди. Вопросъ о правахъ крестьянъ на землю въ первой половинѣ XVI вѣка. Крестьяне-промышленники и ремесленники. Надѣлы и повинности ихъ. Крестьяне—данники. Замковые слуги. Бояре—ихъ составъ и происхожденіе. Юридическое ихъ положеніе. Боярскія права на землю. Боярскія челобитья.

Господарскіе дворы съ тянувшими къ нимъ волостями были для послѣднихъ административно-хозяйственными центрами. Въ нихъ обыкновенно жили управители господарскихъ имѣній, которые вели все дворовое хозяйство. Подъ словомъ «господарскій дворъ» слѣдуетъ понимать дворъ въ собственномъ смыслѣ этого слова, какъ хозяйственный центръ, и то населеніе, которое тянуло ко двору и было съ нимъ связано повинностными отношеніями. Составъ этого населенія довольно пестръ. Нѣкоторые изъ сохранившихся инвентарей причисляютъ къ дворовому населенію бояръ и тяглыхъ людей, тогда какъ они жили около двора, за дворомъ и только въ повинностномъ отношеніи тянули ко двору [1]), и ихъ скорѣе слѣдуетъ отнести къ волостному населенію. Въ другихъ инвентаряхъ только «челядь невольная» причисляется непосредственно къ населенію, живущему на господарскомъ дворѣ [2]). Несомнѣнно, такое узкое опредѣленіе состава населенія господарскихъ дворовъ болѣе правильно.

---

1) Д. А. М. Ю., I, стр. 86—89.

2) Ibid. стр. 108, 111, 119—121.

Территорія господарскихъ дворовъ состояла изъ земель, отведенныхъ подъ различныя дворовыя строенія, изъ дворовыхъ огородовъ, сѣножатей, дворовой пашни и двороваго лѣса[3]). Конечно, такой составъ территоріи былъ далеко не всюду. Въ дворахъ, гдѣ самостоятельное фольварочное хозяйство было слабо развито, могло и не быть дворовой пашни. Въ силу различныхъ условій дворъ могъ очутиться и безъ сѣножатей, такъ какъ потребность въ сѣнѣ могла быть удовлетворена другимъ способомъ[4]). Точно также и собственные лѣсочки были далеко не при всѣхъ дворахъ.

Въ господарскихъ дворахъ были возведены различныя домашнія и хозяйственныя постройки. Количество послѣднихъ отличалось въ общемъ большой пестротой и исключительно зависѣло отъ степени интенсивности двороваго хозяйства.

Такъ дворъ Ворненскій по инвентарю 1547 года довольно бѣденъ домашними постройками. Здѣсь находилась «светлица изъ сеньми на подклѣтяхъ». Дальнѣйшее «будованье» Ворненскаго двора состояло изъ «светлицы и съ коморою на подклетехъ», трехъ свиренъ, причемъ одинъ спеціально для жита, дворовой кухни, двухъ стаенъ, челядни, истобки съ сѣнцами[5]).

Такія же примитивныя хозяйственныя постройки находились во дворахъ, приписанныхъ къ Ворненскому двору: Ошмянцовѣ, Козницѣ и Видинишкахъ. Инвентарь отмѣтилъ въ нихъ свѣтлицу «безъ сеней» и «изъ сеньми и съ коморою», нѣсколько свиренъ, кухни, лазни, стайни, гридни, истебку, и струбъ на светлицу не покрытый[6]). Въ общемъ, хозяйственныхъ построекъ немного. Очевидно, пока въ нихъ не было особой необходимости. Нѣсколько многочисленнѣе хозяйственныя постройки дворовъ, приписанныхъ къ замку Радошковичъ. Такъ на дворѣ передъ самимъ замкомъ находился домъ, заключавшій въ себѣ нѣсколько свѣтлицъ-комнатъ. Рядомъ находилась лазня съ сѣнями; тутъ же были замковая кухня и пекарня. Далѣе находились помѣщенія для «рыкуньи», затѣмъ шли «свирны», «клетка» для храненія молочныхъ продуктовъ, помѣщеніе для домашней птицы и крупнаго скота. На гумнѣ находились «клуня рубленая» и противъ нея «одрыны», сплетенные изъ хвороста[7]). Если однѣ изъ построекъ были

---

[3]) Ibid., стр. 86, 89, 108, 111, 119, 121.
[4]) Ibid., стр. 88.
[5]) Ibid., стр. 86.
[6]) Ibid., стр. 87—88.
[7]) Ibid., стр. 93.

разсчитаны для удовлетворенія потребностей замка, то другія были предназначены исключительно для хозяйственныхъ нуждъ. Нельзя не отмѣтить, что всѣ хозяйственныя постройки разсчитаны на веденіе довольно интенсивнаго хозяйства. Почти такое же было «будованіе» двора Довгялишекъ[8]).

Кромѣ главныхъ дворовъ—административно-хозяйственныхъ центровъ—въ волостяхъ часто находились и другіе, болѣе мелкіе дворы, имѣвшіе въ хозяйственномъ отношеніи второстепенное значеніе. Они значительно бѣднѣе постройками.

Количество извѣстныхъ инвентарей въ общемъ весьма невелико, и, конечно, на основаніи ихъ было бы рискованно дѣлать какіе-либо выводы относительно дворовыхъ построекъ. Во всякомъ случаѣ сохранившіеся инвентари указываютъ и на бѣдное «будованіе» дворовъ и отчасти на ихъ плохое состояніе.

Статика двороваго хозяйства, благодаря небольшому количеству инвентарей, не можетъ быть представлена съ желательной полнотой. Но сохранившійся матеріалъ указываетъ на слабое развитіе хозяйства и его довольно примитивную постановку. Такъ въ общемъ были весьма невелики размѣры дворовой пашни. При дворѣ Ворнянскомъ подъ хлѣбными злаками былъ занятъ участокъ земли, годный для посѣва 105 бочекъ различныхъ сѣмянъ[9]). При дворѣ «Ошмянцовъ», приписанномъ къ Ворнянскому двору, дворовой пашни было на $49^1/_2$ бочекъ[10]). При дворѣ «Козинца» на 51 бочку[11]) и при дворѣ «Видинишки» земли всего было на 65 бочекъ[12]) посѣва. Не велика была размѣрами пашня при замкѣ «Радошковичъ». Здѣсь дворовая пашня состояла изъ трехъ полей: въ первомъ полѣ земли было на 86 бочекъ, другое поле, состоявшее изъ двухъ участковъ было достаточно «для посѣва» 100 бочекъ. Наконецъ, третье поле «у новинахъ» заключало въ себѣ земли, достаточной для посѣва 40 бочекъ[13]). При небольшомъ дворцѣ «Костюшковскомъ» было пашни на 45 бочекъ, изъ числа которыхъ было засѣяно 30 бочекъ[14]). При дворѣ Каменецкомъ было три поля: одно поле величиной, достаточ-

[8]) Ibid., стр. 120.
[9]) Ibid., стр. 86.
[10]) Ibid., стр. 87.
[11]) Ibid., стр 88.
[12]) Ibid., стр. 89.
[13]) Ibid., стр. 13.
[14]) Ibid., стр. 108.

ной для посѣва 51 бочки; другое размѣромъ въ 40 бочекъ и, наконецъ, третье на 20 бочекъ [15]). Наконецъ, при замкѣ «Довгялишки» жита было засѣяно на 120 бочекъ и яровыхъ хлѣбовъ—на $109^1/_2$ бочекъ [16]). Несмотря на небольшіе размѣры дворовой пашни, все же очевидно, что сельско-хозяйственная культура въ господарскихъ дворахъ уже привилась прочно, что, конечно, слѣдуетъ поставить въ связь съ хозяйственной политикой правительства.

Дворовыя пашни лежали вблизи двора, но иногда и на сравнительно далекомъ разстояніи «версты отъ двора» [17]). Существовала и черезполосица, которая, конечно, не могла не задерживать развитія сельско-хозяйственной культуры [18]).

Огородные дворовые участки были въ общемъ весьма незначительны. При дворѣ Ворненскомъ огородной земли было только на одну бочку [19]), при дворѣ замка Радошковичъ [20]) на $2^1/_2$ бочки, при дворѣ Костюшковскомъ тоже на одну бочку [21]), при дворѣ Каменецкомъ на двѣ бочки [22]). Но огородныя земли, кажется, не составляли непремѣнную принадлежность каждаго двора. По крайней мѣрѣ въ инвентарѣ замка Довгялишки огородныя земли совсѣмъ не отмѣчены. Огородныя земли предназначались исключительно для потребностей державцы. Естественно, ихъ размѣры не могли быть большими.

И дворовыя сѣножати, исключительно предназначенныя для удовлетворенія потребностей двороваго хозяйства, тоже были не велики по своимъ размѣрамъ. Онѣ опредѣлялись количествомъ возовъ сѣна, составлявшихъ ежегодный его сборъ. При дворѣ Ворненскомъ дворовыхъ сѣножатей было на 95 возовъ. Приблизительно такіе же были размѣры ихъ и при замкѣ Радошковичъ (100 возовъ). При другихъ дворахъ, приписанныхъ къ тому же замку, сѣножатей было на 120 и 150 возовъ. При замкѣ Довгялишки сѣножатей совсѣмъ не было [23]). Сравнительно небольшіе размѣры сѣножатей отчасти указы-

---

[15]) Ibid., стр. 111.
[16]) Ibid., стр. 121.
[17]) Ibid., I, стр. 108.
[18]) Ibid., стр. 93.
[19]) Ibid., стр. 86.
[20]) Ibid., стр. 93.
[21]) Ibid., стр 108.
[22]) Ibid., стр. 110.
[23]) Ibid., №№ 6, 7, 8.

ваютъ на недостаточное развитіе скотоводства въ дворовомъ хозяйствѣ; съ другой стороны, недостатокъ въ сѣнѣ могъ быть всегда возмѣщенъ доставкой дякольнаго сѣна натурой, и, при наличности подачекъ—дяколь, господарскимъ врядникамъ не имѣло особаго смысла обезпечивать дворовое хозяйство необходимыми сѣножатями. Не было при дворахъ и особыхъ выгоновъ. Ихъ замѣняли поля, находившіяся подъ паромъ и поросшія травой [24]).

Наконецъ, около нѣкоторыхъ господарскихъ дворовъ находились небольшіе лѣски-гаи, удовлетворявшіе потребности двора [25]), а иногда пущи, въ которыхъ дворовый урядъ былъ обязанъ бить звѣря во время звѣриныхъ переходовъ [26]). Кромѣ этихъ земель, къ составу двора слѣдуетъ также отнести пустовщины, но величина ихъ не можетъ быть опредѣлена даже приблизительно [27]).

Всѣ дворовыя земли можно по доходности раздѣлить на два вида: доходныя и бездоходныя. Къ первымъ слѣдуетъ отнести огородныя земли, дворовыя пашни, сѣножати. Къ вторымъ надо причислить: площади, отведенныя подъ дворы и дворовыя строенія и отчасти лѣски-гаи, такъ какъ обыкновенно они не подвергались никакой производительной эксплуатаціи. Для дворового хозяйства, конечно, не всѣ земли имѣли равное значеніе. Такъ огородныя земли собственно для дворового хозяйства не имѣли никакого значенія, такъ какъ, обыкновенно, онѣ отдавались въ распоряженіе державцы, эксплуатировавшаго огороды для своихъ потребностей. Поэтому, основной доходной статьей являлись дворовыя пашни, эксплуатація которыхъ, при извѣстной хозяйственной распорядительности и предусмотрительности, могла дать нѣкоторый, и при томъ весьма значительный доходъ.

Небольшое количество сохранившихся инвентарей не даетъ никакой возможности выяснить преобладающія черты въ характерѣ дворового хозяйства. Но если, и послѣ реформы, дворовое хозяйство было бо́льшею частью средне-помѣстнымъ, то, съ извѣстной долей вѣроятности, можно сказать, что дореформенное хозяйство было даже и не средне-помѣстнымъ, а мелко-помѣстнымъ. По всей вѣроятности, и техника хозяйства была довольно примитивна, хотя уже примѣнялось унавоживаніе земли, но, кажется, только частичное [28]). При не-

24) Ibid., стр. 111.
25) Ibid., стр. 189.
26) Ibid., стр. 111.
27) Ibid., стр. 89.
28) Ibid., стр. 111.

большомъ количествѣ рабочаго скота—послѣднее не могло практиковаться въ достаточно широкихъ размѣрахъ.

Господарскія пашни обыкновенно обработывались крестьянскимъ инвентаремъ, что тоже говоритъ о недостаточной интенсификаціи сельскаго хозяйства. Наконецъ, интенсификація хозяйства требовала денегъ, каковыхъ несомнѣнно не было въ кассѣ литовско-русскаго правительства.

Дворовые врядники засѣвали поля житомъ, пшеницей, ячменемъ, овсомъ, гречихой, горохомъ, ярицей [29]). По даннымъ инвентаря двора Ворненскаго, составленнаго въ 1547 году, поля были засѣяны хлѣбными злаками въ слѣдующемъ количествѣ—пшеницы 6 бочекъ, ячменя $6^1/_2$ бочекъ, овса 16 бочекъ, ярицы $7^1/_2$ бочекъ, жита 70 бочекъ.

Въ 1549 г. при замкѣ Радошковичъ, бывшемъ раньше частновладѣльческимъ, было собрано:

пшеницы . . 22 копы	ярицы. . . . 40 копъ	овса . . . . 70 копъ
гречихи. . . 30 копъ	ячменя . . . 55 копъ	жита . . . .170 копъ

При дворѣ Костюшковскомъ было собрано:

пшеницы . . 14 копъ	ярицы. . . . 20 копъ	овса . . . . 28 копъ
ячменя . . . 30 копъ	гречихи. . . 20 копъ	жита . . . . 75 копъ

При дворѣ Каменецкомъ было собрано:

пшеницы . . 15 копъ	ярицы. . . . 27 копъ	горохъ . . . 12 копъ
ячменя . . . 10 копъ	овса . . . . 15 копъ	жита . . . . 60 копъ
	гречихи. . . 12 копъ	

Наконецъ, при дворѣ замка Довгялишки засѣвали въ 1553 году пшеницы 5 бочекъ, ярицы $4^1/_2$ боч., ячменя $4^1/_2$ боч., овса 75 боч., гречихи 20 боч., конопли $^1/_2$ боч., жита 120 бочекъ.

Тѣже инвентари также говорятъ о недостаточно развитомъ дворовомъ скотоводствѣ, причемъ одинаково были немногочисленны и крупный, и мелкій скотъ. Господарскія стада состояли изъ воловъ, коровъ, подтелковъ, телятъ, свирѣпъ, годовалыхъ и болѣе старшихъ жеребятъ, рабочихъ лошадей, ягнятъ, овецъ, поросятъ [30]). Совсѣмъ было мало рабочихъ лошадей. О трехъ рабочихъ клячахъ упоминается только въ инвентарѣ Ворненскаго двора [31]). Въ инвентаряхъ другихъ дворовъ о нихъ совсѣмъ нѣтъ упоминанія; ихъ, вѣроятно, замѣняли «волы оремые», тоже въ весьма небольшомъ количествѣ [32]).

---

[29]) Ibid., стр. 89, 93, 110.

[30]) Ibid., стр. 86, 93, 109, 110, 122.

[31]) Ibid., стр. 87.

[32]) Ibid., стр. 93.

При дворахъ имѣлись и другія доходныя статьи въ родѣ млыновъ, ставовъ, эксплуатировавшихся для потребностей двора. Таковы доходныя статьи двороваго хозяйства. Что же касается расходовъ по хозяйству, то къ нимъ слѣдуетъ отнести: десятину на костелъ, содержаніе челяди невольной, часть урожая, приходившуюся на долю державцы, и запасы для осенняго и весенняго сѣва. Все оставшееся, какъ видно изъ инструкціи старостамъ и державцамъ, о которой говорилось выше, поступало на продажу; но едвали эти излишки при данномъ состояніи сельскаго хозяйства могли быть значительными. Естественно, что правительство, стремившееся къ увеличенію доходности скарба, должно было принять мѣры къ новой постановкѣ всего хозяйства, только на нѣсколько иныхъ основаніяхъ. Аграрная реформа второй половины XVI вѣка и должна была удовлетворить этому требованію, подсказанному самой жизнью.

II.

Составъ населенія господарскихъ дворовъ и волостей.

Челядь невольная, паробки, о которыхъ существовало столько разногласій въ исторической литературѣ[1]), составляли непосредственно рабочую силу двора. Хотя и въ инвентаряхъ XVI вѣка встрѣчаются тѣже названія для несвободнаго состоянія, однако, можно признать вслѣдъ за М. К. Любавскимъ, что разница въ терминологіи еще не означала разницу въ юридическомъ и экономическомъ положеніи[2]). Челядь невольная исполняла различныя обязанности по дворому хозяйству и находилась она, въ томъ или въ другомъ количествѣ, при всякомъ дворѣ. Источники рабства были тѣже, что и въ старину. Статутъ 1529 года указываетъ на слѣдующіе источники рабства «первое, которые здавна в неволи суть, або зъ неволныхъ ся родятъ; другое—которые полономъ заведены изъ земли непріятельское; третье—колибы на смерть сказаны кому, окроме злодейства, а они бы просили того, кому сказаны, нжъ бы не губилъ, а давали ся бы въ неволю, а онъ бы ихъ не вбилъ—таковые въ неволю маютъ даны быти и дети ихъ, которые будутъ потомъ родити; четвертые колибы ся сами въ неволю поддали въ томъ обычаи: нжъ хто ведаючи жонку неволную, хотя человѣкъ волный ее понялъ, тогды и самъ въ неволю маетъ быти и дети ихъ, будь музского стану, або женскаго—тымъ же обычаемъ и жонка маетъ быти, естлибы за неволнаго пошла ведаючи, тогды и сама въ неволю поддается и дети ихъ[3]). Другими словами—источники рабства—это происхожденіе отъ родителей-рабовъ, плѣнъ, замѣна смертной казни съ согласія противной стороны, бракъ слободной стороны съ несвободной. Къ перечисленнымъ источникамъ надо при-

---

[1]) *М. К. Любавскій.* Обл. Дѣл., стр. 314—315.

[2]) *М. К. Любавскій.* Opus cit., Прил. 5. Д. А. М. Ю. I, 94.

[3]) Статутъ I. Раздѣлъ XI, арт. 13.

бавить самопродажу въ рабство, если только эта сдѣлка была совершена не во время голоднаго года[4]). Въ сравненіи съ эпохой «Русской Правды» Статутовое законодательство сдѣлало нѣкоторые шаги впередъ. Такъ оно исключаетъ возможность превращенія «должника» въ невольника. Статутъ точно опредѣлилъ размѣръ той суммы, которую задолжавшій мужикъ или жонка можетъ отработать на чужомъ дворѣ [5]). Наконецъ, Статутъ позволяетъ продавцу самого себя и дѣтей во время голода въ рабство отработать запродажную сумму, послѣ чего онъ становится вольнымъ[6]). Къ концу второй половины XVI вѣка, какъ уже было отмѣчено М. Ф. Владимирскимъ-Будановымъ, на практикѣ прекратило свое дѣйствіе старинное правило: «по рабѣ холопъ, по холопу раба». Свободная сторона, вступившая въ бракъ съ несвободной, сохраняла свою гражданскую правоспособность. Писцовая книга Пинскаго и Клецкаго княжествъ, составленная въ 1552 году, перечисляетъ дворовую челядь «весполъ съ жонками неволными», дѣлая такого рода прибавленія: «Катрушъ, а мужъ ен вольныи, Ванница, а мужъ ен волны»[7]). И сохранившіеся инвентари сороковыхъ—пятидесятыхъ годовъ подтверждаютъ тоже. Инвентари господарскихъ дворовъ, перечисляя дворовую челядь, никогда не забываютъ прибавить, слово «вольный», если одна изъ сторонъ сохранила свободу при своемъ вступленіи въ бракъ съ несвободной стороной [8]). Впрочемъ, законодательство не отмѣнило этого источника рабства. Второй Статутъ его еще знаетъ [9]).

Въ дворовомъ хозяйствѣ первой половины XVI вѣка невольная челядь занимала видное мѣсто. Пока это былъ единственный живой инвентарь, на которой можно было налечь въ интересахъ большей интенсификаціи хозяйства, какъ того требовала хозяйственная устава 1529 года [10]). Холопами обрабатывались и дворовыя пашни.

Если часть челяди невольной выполняла разнаго рода сельскохозяйственныя работы, то другая часть «мешкала» у дворца. Такіе невольники пасли стада, охраняли въ полѣ выгнанную птицу [11]).

---

4) Разд. XI, арт. 11.
5) Разд. XI, арт. 7.
6) Разд. XI, арт. 11.
7) Писц. Кн. Пин. и Клец. кн., стр. 43.
8) Д. А. М. Ю, I, 94, 108.
9) Разд. XII, арт. 13.
10) А. З Р. II, № 159, арт. 31.
11) Д. А. М. Ю. I, стр. 95.

Большею частью это были несовершеннолѣтніе невольники въ возрастѣ отъ 10 до 20 лѣтъ [12]).

Кромѣ того, по уставѣ 1529 года каждый державца былъ обязанъ выдавать «жонкамъ ленъ, и требовать отъ нея» поставъ полотна пятьдесятъ локтей, если только она получила мѣсячину [13]). Такія жонки назывались въ инвентаряхъ первой половинѣ XVI вѣка «поставницами» [14]). Впрочемъ, обязанность поставлять на дворъ поставъ иногда замѣнялась обязанностью «на врадниковъ плате переты» [14]). Господарскіе невольники [15]) жили на дворѣ или внѣ его. Послѣдніе жили на небольшихъ земельныхъ участкахъ, имѣли свою собственную движимость, называемую «бондами» [16]). Сохранившіеся инвентари обыкновенно упоминаютъ только о земельныхъ участкахъ челяди невольной, состоявшихъ изъ пашни и сѣнокоса. Опредѣленіе размѣровъ пашни и сѣнокоса—обычное: бочками урожая и возами сѣна. Но сѣнокосы не всегда были составной частью земельнаго участка невольной челяди. Въ одномъ и томъ же дворѣ одни холопы владѣли и пашней, и сѣнокосомъ; другіе только пользовались пашнею [17]). Размѣры пахотной земли были неодинаковы. Такъ невольная челядь при замкѣ Радошковичъ сидѣла на земельныхъ участкахъ величиной 9—11 солянокъ при сѣнокосѣ въ 2—3 воза. Въ другихъ инвентаряхъ челядь невольная только перечисляется поименно; но изъ этого еще нельзя вывести заключеніе, будто при этихъ дворахъ вся невольная челядь сидѣла во дворѣ, а не на отдѣльныхъ земельныхъ участкахъ. По всей вѣроятности, это случайное умолчаніе составителя инвентаря, который въ то же время умолчалъ и о размѣрахъ мѣсячины, получаемой челядью невольной [18]).

Челядь невольная содержаніе получала отъ двора. Существовало только различіе въ размѣрахъ мѣсячины, получаемой холопами, имѣвшими собственную движимость и сидѣвшими на земельныхъ участкахъ, и неимѣвшими таковыхъ. По уставѣ 1529 года собственники «бондовъ» и держатели «прробковъ» получали мѣсячины $1^1/_2$ копы ежегодно. Тѣ же, «которые обыходу и домовъ своихъ не маютъ», жили на

---

[12]) Д. А. М. Ю. I, 95, 102.
[13]) А. З. Р. II, № 159, арт. 31.
[14]) Д. А. М. Ю. I, стр. 108.
[15]) Ibid., тр. 95, 109.
[16]) А. З. Р. II, № 159, арт. 2.
[17]) Д. А. М. Ю. I, стр. 94.
[18]) Д. А. М. Ю. I, стр. 85.

полномъ содержаніи отъ двора[19]), получали мѣсячину 4 раза въ годъ по бочкѣ жита «водле обычая давного».

При учетѣ мѣсячины—невольница, за старостью лѣтъ неспособная къ работѣ, иногда не получала ея, а должна была существовать за счетъ содержанія, получаемаго мужемъ и сыномъ. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ больныя и хворыя получали мѣсячину, быть можетъ это зависѣло отъ величины невольничьихъ «приробковъ». Такъ паробокъ Ѳедюкъ Грынцовичъ, имѣвшій жену «вельми стару и немощну», получалъ совмѣстно съ своимъ сыномъ 3 копы мѣсячины, владѣя землей на 9 бочекъ, а паробокъ Игнатъ Юріевичъ, при такой же больной и неспособной къ работѣ женѣ, получалъ мѣсячину и на ея долю. Впрочемъ, его земельный участокъ былъ меньше предъидущаго[20]). Получали мѣсячину только взрослые. Дѣти кормились отъ родителей. Только мальчики-пастухи, дѣвицы, не бывшія поставницами, не получая регулярной мѣсячины, кормились отъ господарского ключа[21]). Вольныя жонки паробковъ также не получали мѣсячины[22]).

Устава 1529 года точно опредѣлила размѣры мѣсячины, выдаваемой челяди невольной, сидѣвшей на земельныхъ участкахъ. Однако, на практикѣ, какъ объ этомъ можно судить на основаніи сохранившихся инвентарей, всегда были возможны отступленія. Встрѣчается мѣсячина въ 3 копы жита. Левонецъ Ѳедюковичъ, у котораго земли было на двѣ бочки и совсѣмъ не было сѣнокоса, одинъ получалъ трехкопную мѣсячину[23]). Ходоръ Грубичъ съ вольной женой и пятилѣтнимъ сыномъ получалъ мѣсячину въ размѣрѣ 2 копъ жита[24]). По всей вѣроятности, такія отступленія отъ нормъ уставы зависѣли отъ незначительныхъ земельныхъ надѣловъ челяди невольной.

Благодаря сравнительному небольшому количеству сохранившихся инвентарей, трудно опредѣлить дѣйствительную роль и значеніе челяди невольной въ дворовомъ хозяйствѣ. Но дошедшія данныя указываютъ на малочисленность этой рабочей силы. Очевидно, она оказывалась уже мало производительной и постепенно теряла свое прежнее хозяйственное значеніе, уступая первое мѣсто болѣе многочисленой и производительной силѣ—тяглымъ людямъ.

---

[19]) А. З. Р. II. № 159. арт. 2.
[20]) Д. А. М. Ю. I, стр. 94.
[21]) Д. А. М. Ю. I, стр. 109.
[22]) Ibid., стр. 95, 108.
[23]) Д. А. М. Ю. I, стр. 94.
[24]) Ibid., стр. 111.

Количество челяди невольной, по сохранившимся инвентарямъ, можно представить въ слѣдующей таблицѣ:

Дворы.	Пароб.	Жонки	Дѣти	Дворы.	Пароб.	Жонки	Дѣти
Ворненскій. . .	4	4	9	Костюшковскій	2	3	4
Видинишки. . .	1	—	3	Каменецкій. . .	1	—	1
Радошковичъ .	9	8	5	Довгялишки . .	5	5	15

Теряя свое значеніе въ качествѣ основной рабочей силы хозяйства, челядь невольная пока служила для удовлетворенія различныхъ второстепенныхъ потребностей двора.

Превращеніе челяди невольной изъ основного рабочаго элемента въ хозяйственную силу второго порядка—любопытная подробность въ исторіи двороваго господарскаго хозяйства первой половинѣ XVI вѣка.

Несмотря на то, что источники литовско-русскаго холопства сократились въ сравненіи съ болѣе раннимъ періодомъ, освободиться отъ него можно было только съ согласія собственника, дававшаго волю своему паробку[25]). Но на практикѣ можно было освободиться отъ паробской службы путемъ представленія вмѣсто себя замѣстителя. Такая сдѣлка была совершенно законна. По крайней мѣрѣ, провинціальная администрація такія сдѣлки считала имѣющими силу. Когда паробки Селецкаго двора Пинскаго Староства подали жалобу на Кучку Артема и его сыновъ, которые раньше совмѣстно съ ними несли паробскую службу, а теперь отказывались отъ нея, то отвѣтчики въ свое оправданіе сослались на рѣшеніе Витебскаго воеводы, пана Ивана Сапѣги, выдавшаго имъ разрѣшительный листъ. Отвѣтчики, желая избавиться отъ паробской службы, купили на свое мѣсто Андрея Полочанина, и Сапѣга призналъ такую сдѣлку законной. Они представили листъ Сапѣги и купчую крѣпость на Андрея Полочанина, и Пинскій староста рѣшилъ дѣло въ пользу отвѣтчиковъ, которые были освобождены отъ паробской службы[26]).

Итакъ, во второй четверти XVI вѣка челядь невольная занимала въ дворовомъ хозяйствѣ второстепенное мѣсто, чѣмъ и объясняется ея немногочисленность. Источники рабства нѣсколько измѣнились сравнительно съ болѣе ранней эпохой. Содержаніе челяди невольной вполнѣ совпадало съ требованіями уставы 1529 года и послѣдующихъ хозяйственныхъ трактатовъ.

[25]) А. В. К. XXIV, № 47.
[26]) К. З. XVI, л. 27.

Еще меньше значенія имѣли въ хозяйствѣ огородники. Они сидѣли на земляхъ, расположенныхъ вблизи дворовъ. Надѣлы ихъ были небольшіе и состояли изъ нѣкотораго количества пашни (на $^1/_2$ б., 1 б., полтрети б.), небольшихъ сѣножатей (на 3 в., 4 в., 7 воз.), а иногда и небольшого лѣсного участка для удовлетворенія своихъ хозяйственныхъ нуждъ и потребностей (на 1 бочку, на 2 бочки). Впрочемъ, въ видѣ исключенія, были огородные участки большихъ размѣровъ: земли на 5 бочекъ, сѣножатей 10 возовъ, лѣса—на 5 боч., земли—на 15 бочекъ, сѣножатей на 10 возовъ.

Повинности огородниковъ заключались въ обязанности выходить лѣтомъ на толоку, доходившую до 6 дней въ году, если только огородникъ не уплачивалъ какихъ-либо дополнительныхъ взносовъ. При уплатѣ послѣднихъ—огородникъ или совсѣмъ освобождался отъ выхода на толоку, или она значительно уменьшалась. Если же огородническіе участки выходили за предѣлы нормальнаго огородническаго надѣла, то, въ зависимости отъ этого, нѣсколько увеличивались его платежи и повинности. Огородникъ Каменецкаго двора имѣлъ пахотной земли на 15 бочекъ и кромѣ того кое-какія другія угодья. Поэтому, онъ платилъ 10 грошей куницы и выходилъ лѣтомъ на 4 пѣшія толоки и 4 толоки съ волами [27]).

Численно огородниковъ было немного, и помощь ихъ на толокѣ существенной быть не могла. Да и самое выдѣленіе огородниковъ въ особую тяглую группу только возможно объяснить наличностью особыхъ отрѣзковъ-застѣнковъ, недостаточныхъ для превращенія ихъ въ самостоятельную крестьянскую службу.

Главную рабочую силу господарскаго двора составляли тяглые люди, жившіе въ волостяхъ, тянувшихъ въ повинностномъ отношеніи къ тому или другому замку или двору. Значеніе тяглыхъ людей для дворового хозяйства, какъ видно изъ инвентарей и уставы 1529 г., было огромное: они несутъ тяглую службу, работаютъ на дворовой пашнѣ, даютъ подводы [28]). Данныя уставы 1529 г. и обильнаго архивнаго матеріала позволили М. К. Любавскому назвать тяглыми людьми только крестьянъ, работавшихъ на барскомъ дворѣ и ставившихъ по мѣрѣ необходимости подводы [29]). Съ опредѣленіемъ М. К. Любавскаго

---

[27]) Д. А. М. Ю. I, стр. 115.

[28]) Д. А. М. Ю. I, стр. 77, 78, 89, 113. А. З. Р. II, № 159, арт. 13.

[29]) *М. К. Любавскій.* Обл. Дѣл., стр. 315.

былъ не согласенъ покойный проф. Леонтовичъ. Находя, что М. К. Любавскій значительно сузилъ терминъ «тяглая служба», проф. Леонтовичъ предполагалъ, что тяглая служба отнюдь не заключалась только въ одномъ отправленіи барщины [30]). По мнѣнію г. Леонтовича все литовско-русское крестьянство было тяглымъ и отличалось другъ отъ друга лишь своими службами. Люди тяглые всегда противоположны въ памятникахъ боярамъ, слугамъ и убогимъ [31]). Однако, нельзя сказать, чтобы аргументація г. Леонтовича, приведенная имъ въ опроверженіе мнѣнія М. К. Любавскаго, была на столько отчетлива и убѣдительна, чтобы заставить послѣдующихъ изслѣдователей дать термину «тяглый» такое распространительное толкованіе, которое ему далъ г. Леонтовичъ. Доводы только-что названнаго изслѣдователя не могутъ быть приняты, такъ онъ совершенно игнорируетъ данныя уставы 1529 г. и аналогичной ей уставы 1547 г., въ которой составитель съ отчетливостью, не вызывающей никакого возраженія, опредѣлилъ состояніе «тяглаго» человѣка, а также и тотъ матеріалъ, который говоритъ противъ него. Леонтовичъ основывалъ свои доводы часто на данныхъ совершенно случайнаго характера. Наконецъ, большая часть данныхъ, на которыя ссылался г. Леонтовичъ для доказательства своего объясненія «термина» тяглый человѣкъ, относится къ 70—80 г. XVI столѣтія, когда, дѣйствительно, подъ вліяніемъ экономическихъ условій, стало намѣчаться сліяніе отдѣльныхъ разрядовъ сельскаго населенія въ одинъ, да и то постольку, поскольку природныя условія западныхъ и восточныхъ волостей содѣйствовали этому длительному процессу. Такъ, г. Леонтовичъ, между прочимъ, ссылается на люстрацію Ратенскаго староства 1565 года, въ которой данники названы «потяглыми данниками». Но едва-ли эта ссылка можетъ служить доказательствомъ. Вѣдь «потяглые данники»—это все-таки не тяглые люди. Наконецъ, стоитъ только вчитаться въ самую люстрацію, какъ нельзя не замѣтить, что та же люстрація называетъ данниковъ только данниками [32]).

Въ общемъ, полемическую аргументацію г. Леонтовича слѣдуетъ признать мало убѣдительной. Поэтому, терминъ «тяглый» надо понимать такъ, какъ опредѣлилъ его М. К. Любавскій, основываясь на точномъ пониманіи документовъ.

---

[30]) *Ѳ. Леонтовичъ.* Крестьянскій дворъ. (Ж. М. Н. П., 1897, IV, стр. 399).
[31]) Ж. М. Н. П., 1897, стр. 410.
[32]) А. Ю. З. Р. ч. VII, т. II, стр. 272—321.

Терминъ «тяглый» окончательно установился только въ первой четверти XVI вѣка, хотя онъ начинаетъ встрѣчаться въ памятникахъ довольно рано, еще въ первой половинѣ XV вѣка. Едва-ли не самое раннее употребленіе термина «тяглый» можно найти въ книгѣ данинъ в. к. Казимира. Господарь въ Смоленской державѣ далъ кн. Θедору Воротынскому дворъ королевъ Немъчиновское изъ шестьми слугами и съ тяглыми людьми, што орютъ да сено косятъ» [33]). Такимъ образомъ, наиболѣе раннее офиціальное опредѣленіе термина «тяглый» вполнѣ совпадаетъ съ тѣмъ толкованіемъ, которое далъ этому термину М. К. Любавскій. Мѣстность, гдѣ установился этотъ терминъ—это западныя волости княжества, мѣстность, покрытая господарскими дворами, гдѣ сельско-хозяйственная культура уже пустила довольно глубокіе корни. Но въ другихъ частяхъ территоріи этотъ терминъ понимается различно, и точный смыслъ его неясенъ. Кіевская люстрація 1471 г. знаетъ терминъ «тяглый». По мнѣнію составителя люстраціи—тяглые это тѣ, кто даетъ «подымщину» и, уплачивая ее, ходятъ также на толоку [34]). Толока—часть тягла, но во всякомъ случаѣ не характерная. Тѣмъ не менѣе составитель люстраціи имѣлъ нѣкоторое основаніе назвать «тяглыми» людей, платившихъ подымщину. Но въ той же люстраціи люди, «которые на толоку хаживали, а иного ничего не знали, ни подымщины не даивали, а никоторое службы не служивали», а также выходившіе на работу «съ топоромъ и косою» и одновременно уплачивавшіе подымщину [35])—не названы тяглыми людьми. Ясно, что самый терминъ еще не успѣлъ установиться, что съ нимъ еще не было связано пока опредѣленнаго представленія объ особомъ разрядѣ населенія, жившемъ на господарскихъ земляхъ. Эта неясность термина дала полное основаніе замѣтить М. С. Грушевскому, «що в звістній уже нам описи Київщини—тяглими звуться люде, що зовсім не були роботними в нашім значіню, а ті, в яких можемо найскорше пізнати роботних, не носять сей назви» [36]). Хотя Кіевская люстрація не называетъ тяглыми людей, которые «с топором и косою ходять», однако, ихъ состояніе рѣзко противополагается состоянію данниковъ. Составители люстраціи, не сумѣвъ опредѣлить терминомъ разницу между этими

---

[33]) Д. А. М. Ю. I, стр. 25.

[34]) А. Ю. З. Р. ч. VII, т. II, стр. 6.

[35]) Ibid., стр. 6.

[36]) *М. С. Грушевскій.* Іст. Укр. Русп, т. V, ч. I стр. 134.

разрядами сельскаго населенія, на практикѣ все таки провели замѣтную демаркаціонную линію [37]).

Земельныя пожалованія великихъ князей Александра и Сигизмунда I рѣзко отдѣляють людей тяглыхъ отъ данныхъ, и повинностное состояніе тѣхъ и другихъ рѣзко противополагается другъ-другу. Листъ в. к. Александра, выданный дворянину Иванку Ржиповичу на село Сомино, довольно детально перечисляетъ «дани», раньше поступавшія полностью въ казну, и ни однимъ словомъ не упоминаетъ объ ихъ работѣ на господарскомъ дворѣ [38]). Сигизмундъ I пожаловалъ кн. Ивану Ивановичу въ Смоленскомъ повѣтѣ—«сельцо тяглое», съ котораго шла «тяглая служба» [39]). Очевидно, правительство рѣзко проводило разницу между данными и тяглыми селами, и эта разница твердо закрѣплена въ уставѣ 1529 года.

Если отъ господарскихъ пожалованій обратиться къ сохранившимся инвентарямъ второй четверти XVI вѣка, то въ нихъ нельзя подмѣтить никакой сбивчивости въ пониманіи термина, который толкуется во всѣхъ инвентаряхъ совершенно одинаково. Инвентари подъ «тяглыми людьми» разумѣютъ группу людей, обязанныхъ работать опредѣленное количество дней на господарскомъ дворѣ [40]).

Самая тяглая служба состояла изъ «пригона и толоки». М. В. Довнаръ-Запольскій предполагаетъ, что для «тяглой службы особенное значеніе имѣетъ «пригонъ» такъ какъ на толоку выходили и другія службы [41]). Впрочемъ, едва-ли есть какая-либо необходимость такъ рѣзко противополагать пригонъ—толокѣ, несмотря даже на то, что на толоку выходили разряды людей, никогда не бывшіе тяглыми [42]). Толока—только составная часть «тягла». Если же нѣкоторые изъ нетяглыхъ людей выходятъ на толоку, то по уставѣ 1529 г. это предписывалось съ той цѣлью, чтобы рѣзче отдѣлить высшіе разряды сельскаго населенія отъ шляхты, такъ какъ обязанность ихъ выходить на толоку, хотя и косвенно, но всеже говорила объ ихъ принадлежности къ сельскому населенію, хотя самый выходъ на толоку ничего не говорилъ объ ихъ тягломъ состояніи. Толока—непремѣнная часть полнаго тягла, неотдѣлимая отъ «пригона».

---

[37]) А. Ю. З. Р. ч. VII, т. II, стр. 5, 30.

[38]) Акты Лит.-Русск. госуд., I, стр. 91.

[39]) Акты Литов.-Русск. госуд., I, № 107.

[40]) Д. А. М. Ю. I, стр. 87, 89, 113.

[41]) *М. В. Довнаръ-Запольскій.* Госуд. Хоз., стр. 230.

[42]) А. З. Р. II, № 159, ар. 14.

Повинностныя отношенія тяглаго населенія не ограничивались только однимъ отбываніемъ барщины и доставкой необходимаго количества подводъ. Тяглые люди платили еще натуральные оброки, такъ называемые «дякло и мезлеву».

Въ исторической литературѣ существуетъ значительное разногласіе по вопросу, что надо понимать подъ «дякломъ» и подъ «мезлевой». М. К. Любавскій высказалъ предположеніе, что «дякло» обнимало собой все, что уродилось и прибыло въ крестьянскомъ хозяйствѣ, за исключеніемъ только скота, тогда какъ «мезлева» относилась исключительно къ скоту[43]). Поэтому «дякла» были ржаныя или житныя, пшеничныя, овсяныя, сѣнныя, а «мезлева» бралась «яловицами» свиньями, баранами, «курами и яйцами»[44]). Съ опредѣленіемъ «дякла» М. К. Любавскимъ не вполнѣ согласенъ М. В. Довнаръ-Запольскій, по мнѣнію котораго опредѣленіе «дякла», впервые сдѣланное Любавскимъ, «не подтверждено примѣрами»[45]). Самъ авторъ предполагаетъ, что «дякло» по своему значенію среди натуральныхъ и денежныхъ податей можетъ быть поставлено съ данями, и въ западныхъ державахъ имѣло аналогичное значеніе. Самый терминъ этотъ литовскаго происхожденія и обозначаетъ дань—tributum, вотъ почему дякольники обыкновенно по латыни называются «tributarii»[46]). Приведенное мнѣніе М. В. Довнаръ-Запольскаго собственно не даетъ никакого новаго опредѣленія термина «дякло», сколько выясняетъ его значеніе въ системѣ государственнаго хозяйства въ эпоху Ягеллоновъ, и, съ своей точки зрѣнія, М. В. Довнаръ-Запольскій правъ, устанавливая сходство между данями и дяклами, какъ источниками государственныхъ доходовъ.

Не вполнѣ примыкаетъ къ М. К. Любавскому и проф. Леонтовичъ. Проводя рѣзкое различіе между «дякломъ» и «мезлевой», Леонтовичъ суживаетъ понятіе мезлевы и многіе продукты живностей относитъ къ дяклу. Такъ къ послѣднему имъ отнесены гуси, куры, пѣтухи, яйца, каплуны[47]). Но такое широкое пониманіе «дякла» находится въ полномъ противорѣчіи съ источниками. Отстаивая свое сужденіе, проф. Леонтовичъ ссылается на описаніе Барскаго староства,

---

[43]) *М. К. Любавскій.* Обл. Дѣл., стр. 316.

[44]) Ibid., стр. 316.

[45]) *М. В. Довнаръ-Запольскій.* Госуд. Хоз., стр. 227.

[46]) Ibid., стр. 228.

[47]) Ж. М. Н. П. 1897, V, стр. 38.

составленное въ 1565 г. и на инвентари частныхъ и господарскихъ имѣній второй половины XVI вѣка[48]). Но въ описаніи Барскаго староства, при перечисленіи повинностей подданныхъ, вообще не говорится о дяклѣ и мезлевѣ, и отнесеніе части натуральныхъ повинностей къ дяклу является совершенно произвольнымъ. Помимо этого, населеніе Барскаго староства сидѣло на чиншѣ и натуральныя повинности имѣли только второстепенное значеніе, составляли только добавленіе къ чиншу, такъ называемый мелкій доходъ[49]). Тоже слѣдуетъ сказать и о ссылкѣ г. Леонтовича на инвентари господарскихъ и частныхъ имѣній, большею частью относящихся ко второй половинѣ XVI вѣка и характеризующихъ совсѣмъ иныя отношенія, чѣмъ уставы 1529 г. и 1542 г. Возраженія М. В. Довнаръ-Запольскаго и Леонтовича противъ опредѣленія М. К. Любавскимъ дякла, на нашъ взглядъ, недостаточно убѣдительны. Поэтому, слѣдуетъ остаться при опредѣленіи, впервые высказанномъ М. К. Любавскимъ, совершенно правильно подчеркнувшимъ, что въ документахъ дякла рѣзко отличаются отъ мезлевы и никогда не смѣшиваются[50]). И устава 1529 г., различая «дякло» отъ «мезлевы», въ своемъ пониманіи «дякла» близка къ опредѣленію, данному г. Любавскимъ[51]).

Дякла были очень разнообразны, что зависѣло отъ разнообразныхъ природныхъ условій, вліявшихъ на крестьянское хозяйство.

Такъ были дякла: ржаныя, овсяныя, пшеничныя, дровныя, сѣно подякольное etc.[52]).

Относительно «мезлевы» въ исторической литературѣ не существуетъ разногласій, если не считать мнѣнія Леонтовича, нѣсколько суживающаго ея объемъ. Но за то замѣтна большая разница по вопросу о характерѣ этого сбора среди другихъ господарскихъ повинностей и платежей. По предположенію М. К. Любавскаго, «мезлева» это своего рода праздничное приношеніе, которымъ крестьяне были обязаны по отношенію къ своему господарю[53]), тогда какъ Леонтовичъ происхожденіе «мезлевы» ставитъ въ связь съ стаціями на господаря «во время его пріѣзда для лововъ и другихъ случаевъ»[54]). Можетъ

---

48) Ж. М. Н. П. 1897, V, стр. 38 и слѣд.
49) Ар. Ю. З. Р. VII, т. II, стр. 278.
50) *М. К. Любавскій.* Обл. Дѣл., стр. 316.
51) А. З. Р. II, № 159, арт. 9—12.
52) А. З. Р. I, № 159, арт. 9—11.
53) *М. К. Любавскій.* Opus cit., стр. 476.
54) Ж. М. Н. П., 1897, май, стр. 40.

быть, въ своемъ объясненіи происхожденія мезлевы г. Леонтовичъ и болѣе правъ, чѣмъ М. К. Любавскій, такъ какъ на это указываютъ нѣкоторые изъ заставныхъ листовъ Сигизмунда I[55]), но необходимо замѣтить, что великій князь ѣздилъ далеко не по всѣмъ дворамъ, а между тѣмъ «мезлева—яловица, вепры и иныя речи» давались ежегодно «подлугъ давного обычаю». Поэтому, объясненіе, приводимое г. Леонтовичемъ, можетъ быть принято только отчасти. Происхожденіе «мезлевы», какъ крестьянской повинности, было подвергнуто спеціальному разсмотрѣнію М. В. Довнаръ-Запольскимъ, ставящимъ мезлеву въ связь съ стаціями на господаря. Указывая, что обязанность поднимать господаря было древнѣйшей повинностью населенія, неотмѣненной и привилеемъ 1447 года[56]), М. В. Довнаръ-Запольскій отмѣчаетъ, что, и при пожалованіи господарскихъ имѣній, господарь сплошь и рядомъ обязывалъ державелей господарскихъ имѣній[57]) давать стаціи, такъ какъ господарь дорожилъ стаціями и удерживалъ ихъ даже тогда, «когда отдавалъ свои державы со всѣми доходами»[58]).

Со временемъ стація, бывшая первоначально случайной экстраординарной повинностью, стала постоянной[59]). Впослѣдствіи, эти сборы стали называться «мезлевой» «болкуновщиной», «воловщиной»[60]).

Несомнѣнно, въ этихъ замѣчаніяхъ М. В. Довнаръ-Запольскаго много вѣрнаго, но имъ, какъ и г. Леонтовичемъ, оставленъ безъ отвѣта вопросъ, какія же условія способствовали превращенію этого экстраординарнаго сбора въ постоянный и къ какому времени можно отнести превращеніе мезлевы въ постоянный сборъ. Не давая отвѣта на этотъ вопросъ и даже не ставя его, М. В. Довнаръ-Запольскій, однако, замѣчаетъ, что до Сигизмунда I «мезлева» встрѣчается въ памятникахъ только нѣсколько разъ, и только съ эпохой Сигизмунда I это слово становится общеупотребительнымъ[61]). Можно съ опредѣленностью сказать, что превращеніе стаціи въ «мезлеву», въ постоянный податокъ относится къ эпохѣ Сигизмунда I, уже обратившаго вниманіе на поднятіе доходности господарскихъ имѣній и на улучшеніе по-

---

55) *М. К. Любавскій.* Opus cit., Прил. № 25—27.
56) *М. В. Довнаръ-Запольскій.* Госуд. хоз., стр. 105.
57) Ibid., стр. 107.
58) Ibid., стр. 109.
59) Ibid., стр. 110.
60) Ibid., стр. 114. Ж. М. Н. П. 1897 V, стр. 39—42.
61) Ibid., стр. 118—119.

становки въ нихъ хозяйства. По всей вѣроятности, мезлева стала постояннымъ податкомъ не раньше опубликованія Сигизмундомъ I первой хозяйственной уставы. По уставѣ 1514 года господарскіе державцы должны были подымать господаря «всякими стацеями», какъ это бывало въ старину или, по приказанію господарскому, отправлять «тую стацію до насъ безъ замѣшканія»[62]). Въ уставѣ 1529 г. слово «мезлева» стало общеупотребительнымъ. Кромѣ того, съ возможной полнотой опредѣленъ и самый характеръ этой повинности[63]).

Дякло и мезлева составляли характерныя повинности тяглаго населенія. Это позволило Бершадскому видѣть въ платежѣ дякла главный признакъ «тяглой службы»[64]); но такъ какъ «дякло» уплачивали и люди, не несшіе тяглой службы, то, по справедливому замѣчанію М. К. Любавскаго, «не платежъ дякла характеризуетъ принадлежность къ тяглымъ людямъ, а работа на барскомъ дворѣ»[65]). Леонтовичъ же пошелъ дальше г. Бершадскаго и людей, платившихъ дякло, причислилъ къ особому разряду сельскаго населенія «дякольникамъ», отличному отъ людей тяглыхъ и служебныхъ; но слѣдуетъ замѣтить, что въ доказательство своего мнѣнія г. Леонтовичъ не привелъ никакихъ доказательствъ и ограничился лишь нѣсколькими замѣчаніями догматическаго характера[66]). Если же считать, вслѣдъ за М. К. Любавскимъ, что «дякло» не признакъ тяглой службы, а только повинность, которую несло и нетяглое крестьянство, то нѣтъ никакихъ основаній для открытія какого-то несуществующаго разряда «дякольныхъ людей», о которыхъ нѣтъ и намека въ источникахъ[67]). И сохранившіеся инвентари второй четверти XVI вѣка тоже не знаютъ особаго разряда «такъ называемыхъ дякольныхъ людей»[68]).

Инвентари второй четверти XVI вѣка знаютъ «тяглыхъ людей» исключительно, какъ рабочую силу господарскаго двора, и первостепенное ихъ хозяйственное значеніе весьма отчетливо отражается въ нихъ. Тяглые люди—составляютъ живой нервъ господарскаго двора. Они—основная его рабочая сила, отдающая долю своего труда, но

[62]) *М. К. Любавскій.* Opus cit., Прил., № 23.
[63]) А. З. Р. II. № 159, арт. 11.
[64]) *Бершадскій.* Авраамъ Езофовочъ Ребичковичъ. Кіев. Ст. 1887, № 10.
[65]) *М. К. Любавскій.* Opus cit., стр. 320.
[66]) Ж. М. Н. П. 1897 г., май.
[67]) *М. К. Любавскій.* Opus cit., стр. 318.
[68]) Д. А. М. Ю. I, №№ IV—VIII.

и работающая со своимъ инвентаремъ. Тяглые люди—составляютъ преобладающее населеніе тѣхъ дворовъ, гдѣ сельско-хозяйственная культура уже пустила достаточно глубокіе корни, и ихъ совсѣмъ нѣтъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ, по условіямъ природнымъ или экономическимъ, сельское хозяйство находилось еще въ зачаточномъ состояніи.

Тяглые люди сидѣли на земельныхъ участкахъ, состоявшихъ изъ пашни и различныхъ угодій, необходимыхъ для функціонированія ихъ хозяйства. Эти земельные участки являлись основаніемъ ихъ тяглой службы. Въ западныхъ волостяхъ княжества они назывались «службами» [69]), но по отдѣльнымъ мѣстностямъ встрѣчались и другія для нихъ названія [70]).

Крестьянскія хозяйства складывались постепенно, естественнымъ путемъ, благодаря приложенію рабочей силы осадниковъ или осадника [71]), и захвату «топоромъ и косою» свободныхъ, никѣмъ незанятыхъ земель, и отличались другъ отъ друга и своими размѣрами, и количествомъ инвентаря, и рабочихъ рукъ, что, конечно, зависѣло отъ тѣхъ естественно-историческихъ условій, подъ вліяніемъ которыхъ формировалось крестьянское хозяйство. Господарская администрація въ первой половинѣ XVI вѣка не трогала этихъ слагавшихся поколѣніями хозяйствъ, несмотря на ихъ крайнюю неравномѣрность.

Всякое крестьянское тяглое хозяйство обыкновенно состояло изъ пахатной земли и сѣножатей. Иногда въ составъ его входилъ и лѣсъ, исключительно для нуждъ и потребностей отдѣльнаго хозяйства. Хозяйственные инвентари второй четверти XVI вѣка не дѣлаютъ никакихъ попытокъ опредѣлить величину крестьянскихъ участковъ, но зато сообщаютъ рядъ данныхъ относительно количества хозяйственнаго рабочаго инвентаря. Составители инвентарей должны были обратить особенное вниманіе на хозяйственный инвентарь тяглаго человѣка, обязаннаго нести дворовую барщину съ своимъ рабочимъ скотомъ. Всѣ крестьянскія службы располагаютъ рабочимъ инвентаремъ. Службы, неимѣвшія никакого достатка, такъ называемыя безлошадныя хозяйства—не общее правило, а исключеніе [72]). Можетъ быть, въ этомъ ска-

---

69) Д. А. М. Ю. I, №№.

70) *М. К. Любавскій.* Opus cit., стр. 450—452.

71) *М. К. Любавскій.* Opus cit. *Kamienecky.* Rozwói wlasnosci na Litwie w dobie przed I Statutem. R. VI.

72) Д. А. М. Ю. I, стр. 88—89.

залось вліяніе хозяйственно-распорядительной дѣятельности державцы, такъ какъ тяглый работникъ, неимѣвшій собственнаго рабочаго инвентаря, для хозяйства представлялъ собою цѣнность весьма небольшой величины. Хозяйства крестьянскія отличались другъ отъ друга степенью своей зажиточности. Никакихъ объективныхъ признаковъ для ея опредѣленія мы не располагаемъ, за исключеніемъ перечня рабочаго скота, который только отчасти можетъ служить показателемъ домовитости или зажиточности крестьянскаго хозяйства. Придерживаясь этого критерія, можно счесть зажиточными хозяйства, въ которыхъ было отъ 8—12 головъ крупнаго рабочаго скота, средними отъ 4—8 головъ и мелкими хозяйства, имѣющія до 4 головъ скота. Основываясь на инвентарѣ Ворненскаго двора, отношенія различныхъ группъ хозяйствъ можно представить въ слѣдующемъ видѣ.

	Съ 1 лош.	Съ 1 вол.	Съ 1 кор.	Съ 2 штук. рог. скота.	Съ 3 штук. рог. скота.	Съ 4 штук. рог. скота.	Съ 5 штук. рог. скота.	Съ 6 штук. рог. скота.	Съ 7 штук. рог. скота.	Съ 8 штук. р. ск. и бол.	**Итого.**
Службъ	7	2	3	7	7	5	4	—	—	3	38
% %	18,42	5,27	7,89	18,24	18,42	13,16	10,35	—	—	7,89	100

Итакъ, на 38 службъ Ворненскаго двора было:

2 службы съ 1 головой рогатаго скота.
7 службъ » 2 головами » »
7 » » 3 » » »
5 » » 4 » » »

Слѣдовательно мелкихъ хозяйствъ было 31 или 81,58%.
» » среднихъ » » 4 » 10,53%.
» » крупныхъ » » 3 » 7,89%.

Такимъ образомъ, мелкое крестьянское хозяйство было преобладающимъ. Мало того, въ мелкомъ хозяйствѣ преобладали хозяйства съ одной головой рабочаго скота—38,71%.

Ту же картину состоянія крестьянскаго хозяйства можно наблюдать въ дворахъ и волостяхъ, приписанныхъ къ замку Радошковичъ. Эти данныя интересны еще тѣмъ, что даютъ нѣкоторое представленіе и о хозяйствѣ частновладѣльческихъ крестьянъ, такъ какъ замокъ Радошковичъ былъ «спадковымъ», принадлежалъ старинной фа-

милін—Гаштольдамъ. Отношенія между различными хозяйственными группами представляются здѣсь въ слѣдующемъ видѣ.

	Съ 1 лош.	Съ 1 вол.	Съ 1 кор.	Съ 2 штук. рог. скота.	Съ 3 штук. рог. скота.	Съ 4 штук. рог. скота.	Съ 5 штук. рог. скота.	Съ 6 штук. рог. скота.	Съ 7 штук. рог. скота.	Съ 8 и бол. штук. рог. скота.	Итого.
Службъ	3	—	—	9	5	6	2	5	2	13	45
% %	6,67	—	—	20	11,11	13,34	4,44	11,11	4,44	28,89	100%

Итакъ, въ волостяхъ, приписанныхъ къ замку Радошковичъ

мелкихъ службъ числилось 23 или 51,11%
среднихъ » » 9 » 20%
крупныхъ » » 13 » 28,89%

Такимъ образомъ, и въ волостяхъ замка Радошковичъ доминировало мелкое хозяйство, но въ сравненіи съ Ворпенскимъ дворомъ % хозяйствъ съ одной головой рогатаго скота былъ ничтоженъ. Всего лишь—14, 29 %. Кромѣ того, въ волостяхъ замка Радошковичъ—не мало сложныхъ хозяйствъ, весьма щедро обезпеченныхъ рогатымъ скотомъ въ количествѣ свыше 10 головъ. Максимальное количество рогатаго скота для такой одной крестьянской службы составитъ 28 головъ. Не является ли это показателемъ, что въ частно владѣльческихъ имѣніяхъ хозяйство—было поставлено шире и велось интенсивнѣе господарскаго? Мы располагаемъ еще данными о тяглыхъ людяхъ волости Мядельской. Отношенія между различными группами хозяйствъ представляются здѣсь слѣдующимъ образомъ.

Дворы.		Съ 1 лош.	Съ 1 вол.	Съ 2 вол.	Съ 3 вол.	Съ 4 вол.	Съ 5 вол.	Съ 6 вол.	Съ 8 вол.	Итого.
Мядельскій. .	Службъ	3	1	6	5	11	2	—	8	36
Заворницкій .	« «	3	—	1	3	2	1	1	—	11
Скленицковскій.	« «	3	—	5	3	1	—	—	—	12
		9	1	12	11	14	3	1	8	59
	% %	15,25	1,70	20,54	18,64	23,73	5,08	1,70	13,56	100%

Такимъ образомъ и въ волостяхъ, приписанныхъ къ Мядельскому, Заворницкому и Скленковскому дворамъ, мелкое крестьянское хозяйство является доминирующимъ: на 59 службъ пришлось 47 службъ, снабженныхъ хозяйственнымъ инвентаремъ до 4 головъ круп-

наго скота, или 79,66 %. Сравнительно немного было службъ съ одной головой скота—всего 10 или 16,95 %.

Итакъ, сохранившіеся инвентари даютъ представленіе о крестьянской службѣ, какъ мелкой хозяйственной единицѣ, въ общемъ довольно скудно снабженной рабочимъ скотомъ. Если же отдѣльныя службы имѣли довольно много рабочаго скота, то не слѣдуетъ забывать, что такая служба состояла изъ нѣсколькихъ дымовъ, такъ что каждый изъ нихъ являлся единицей весьма небольшой въ хозяйственномъ отношеніи.

И земельная основа службы отличалась большой пестротой. Историческія условія, способствовавшія развитію крестьянскаго землевладѣнія, естественно создавали большую пестроту и неравномѣрность въ распредѣленіи земли и угодій между отдѣльными крестьянскими хозяйствами. Хозяйственные инвентари совершенно отчетливо рисуютъ эту пестроту, хотя, къ сожалѣнію, не во всѣхъ инвентаряхъ можно найти соотвѣтствующія свѣденія. Для составителя инвентаря было очень важно отмѣтить рабочую силу службы, но не ея земельную основу, такъ какъ послѣдняя для двороваго хозяйства не имѣла никакого значенія.

Тяглыя земли въ Мядельской волости были двухъ видовъ: удобряемыя (навозъ) и неудобряемыя—простыя.

Распредѣленіе земельной собственности по отдѣльнымъ службамъ можетъ быть представлено по Мядельскому двору въ слѣдующемъ видѣ:

Службы.	Колич. земли въ бочк.	Службы.	Колич. земли въ бочк.	Службы.	Колич. земли въ бочк.	Службы.	Колич. земли въ бочк.	Службы.	Колич. земли въ бочк.	Службы.	Колич. земли въ бочк.
1	25	1	$20^1/_2$	1	12	4	$10^1/_2$	3	6	2	4
1	23	4	16	1	$11^1/_2$	1	$7^1/_2$	3	5	1	$3^1/_2$
1	22	1	$15^1/_2$	5	11	1	$6^1/_2$	3	$4^1/_2$	2	$1^1/_2$

Въ составѣ службы Мядельскаго двора доминирующими были земли простыя, неудобренныя. Унавоженной земли было совершено ничтожное количество. Оно колебалось между $^1/_2$ и 5 бочками на одну тяглую службу, причемъ изъ 36 тяглыхъ службъ, приходились только двѣ службы съ 3-мя и 5-ю бочками навоза. Въ большинствѣ службъ унавоженная земля равнялась $^1/_2$ или 1 бочкамъ.

Земельное обезпеченіе тяглыхъ людей двора Заворницкаго представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Службы.	Колич. бочекъ.	Службы.	Колич. бочекъ.	Службы.	Колич. бочекъ.	Службы.	Колич. бочекъ.	Службы.	Колич. бочекъ.
1	25	1	19	2	$15^1/_2$	1	$14^1/_2$	1	10
2	21	1	16	1	15	1	13	1	$4^1/_2$

При этомъ унавоженныя земли—также большею частью весьма невелики по своимъ размѣрамъ, на одну службу приходилось не болѣе 1 бочки навоза. Ту же пестроту въ земельныхъ надѣлахъ можно отмѣтить и у тяглыхъ людей волости двора Скленшковскаго. Здѣсь были службы, у которыхъ находилось земли на: 21, 14, $10^1/_2$, 6, 8, $5^1/_2$, $4^1/_2$, б. Отношеніе же удобряемой земли къ неудобряемой будетъ такое же, какъ и въ двухъ предъидущихъ волостяхъ.

Крайней пестротой отличались и размѣры сѣножатей тяглыхъ людей. Впрочемъ, самыми большими были сѣножати на 15 возовъ, но таковыя сѣножати сравнительно рѣдкое явленіе. Преобладающими были сѣножати на 4, 5, 6 возовъ. Попадались крестьянскія тяглыя службы, при которыхъ совсѣмъ не было сѣножатей.

Ту же картину можно наблюдать и въ волостяхъ, приписанныхъ къ замку Радошковичъ. Только здѣсь земельныя участки службы довольно велики, иногда доходятъ до 40 бочекъ на одну службу, но зато и составъ службъ нѣсколько сложнѣе, чѣмъ въ предъидущихъ волостяхъ. И сѣномъ тяглые люди волостей замка Радошковичъ были снабжены въ бóльшемъ размѣрѣ на одну службу.

Итакъ, въ тяглыхъ надѣлахъ въ западныхъ волостяхъ наблюдается пестрота. Подозрѣвать ее можно было и раньше, принявъ во вниманіе тѣ условія, подъ вліяніемъ которыхъ создавалось крестьянское землевладѣніе. Крестьянскія службы были по всему составу простыми или сложными. Въ первомъ случаѣ, крестьянская служба составляла также одно отдѣльное крестьянское хозяйство, одну тяглую семью. Во второмъ случаѣ—службы состояли изъ нѣсколькихъ хозяйствъ-домовъ, сообща владѣвшихъ лѣсными, сѣнными и пахотными угодьями, совмѣстно отправлявшихъ лежавшую на нихъ тяглую службу. Совладѣльцы одной службы могли быть родственниками: дядя съ племянникомъ, отецъ съ взрослымъ сыномъ, пасынкомъ или сыновьями, братья, но сплошь и рядомъ совладѣльцами службъ были и чужаки [48]).

Для характеристики крестьянскаго тяглаго землевладѣнія полезно было бы выяснить, какія службы преобладали: простыя или сложныя, но инвентарныя данныя слишкомъ недостаточны, чтобы можно было сдѣлать по этому поводу какое либо заключеніе.

Составъ крестьянскихъ службъ зависѣлъ, конечно, отъ тѣхъ условій, подъ вліяніемъ которыхъ постепенно слагалось крестьянское хозяйство, превращавшееся въ отдѣльную службу.

[48]) Д. А. М. Ю. I, №№ V и VII.

Переходя къ разсмотрѣнію повинностей, которыя падали на каждую службу, можно отмѣтить, что и въ данномъ случаѣ существовало не мало существенныхъ отличій. И едвали правъ г. Каменецкій, [49]) утверждавшій, что, за немногими исключеніями, крестьянскія повинности и платежи были равномѣрны. Данныя господарскихъ инвентарей никоимъ образомъ не позволяютъ присоединиться къ данному категорическому положенію.

Тяглые люди прежде всего отправляли на господарскомъ дворѣ пѣшую или конную барщину. Большею частью такая барщина была однодневной. Такую барщину отправляли тяглые люди дворовъ Мядельскаго [50]), Заворницкаго [51]), Ворненскаго [52]).

Но рядомъ съ такой однодневной барщиной случалась и болѣе тяжелая: двухдневная, трехдневная и даже четырехдневная [53]). Въ волостяхъ, приписанныхъ къ замку Радошковичъ, барщина была коегдѣ еще тяжелѣе «день въ день» [54]). Впрочемъ, такая барщина—исключеніе, такъ какъ нормы ея выработались тогда, когда волость Радошковичъ находилась въ частномъ владѣніи. За недостаткомъ инвентарей, нельзя ничего сказать о преобладающемъ характерѣ барщинныхъ отношеній. Но едвали можно предполагать, что трехдневная и большая барщина не являлись исключеніемъ. Вѣдь волочная устава, ставившая цѣль—поднятіе доходности хозяйства, установила двухдневную барщину для тяглыхъ людей съ каждой волоки.

Характеръ крестьянской барщины, падавшей на отдѣльную службу, никоимъ образомъ нельзя поставить въ связь съ тѣмъ или другимъ состояніемъ крестьянскаго хозяйства. Сплошь и рядомъ тяглыя службы, располагавшія довольно большимъ хозяйственнымъ инвентаремъ или количествомъ пахатной земли, выходили на барщину только одинъ разъ въ недѣлю, тогда какъ малохозяйственные элементы въ другихъ волостяхъ должны были выходить на барщину два—три раза въ недѣлю. Впрочемъ, въ послѣднемъ случаѣ замѣчается уменьшеніе количества другихъ податковъ, что является своего рода компенсаціей за слишкомъ тяжелую барщину [55]).

---

[49]) Kamenezky, Opus cit., стр. 87.

[50]) Д. А. М. Ю. I, стр. 78.

[51]) Ibid., стр. 81.

[52]) Ibid., стр. 87.

[53]) Ibid., стр. 79-83.

[54]) Ibid., 109.

[55]) Д. А. М. Ю. I, инвентари Мядельской волости, Ворненскаго двора.

Нѣкоторое соотвѣтствіе между продолжительностью барщины и хозяйственнымъ состояніемъ одной службы можно отмѣтить только въ волостяхъ, приписанныхъ къ замку Радошковичъ. Но не надо забывать, что замокъ Радошковичъ находился до 1547 г. въ частныхъ рукахъ, и стремленіе къ уравнительной барщинѣ является результатомъ частно-владѣльческихъ заботъ. Въ господарскихъ дворахъ и волостяхъ такого явленія быть не могло. Ни хозяйственныя уставы второй четверти XVI в., ни инвентари той же эпохи не даютъ никакихъ данныхъ для иного представленія о взаимномъ отношеніи барщины и крестьянской службы.

И другіе платежи, поступавшіе въ господарскій скарбъ, распредѣлялись весьма неравномѣрно между отдѣльными крестьянскими службами.

Тяглые люди могли быть совершенно освобождены отъ всякихъ дополнительныхъ податковъ и повинностей, за исключеніемъ только одной барщины, бóльшей или меньшей продолжительности. Такъ группа тяглыхъ людей Ворненскаго двора только отправляла одну барщину, но другая часть тяглыхъ людей помимо барщины уплачивала дякло «по солянце жита» и, кромѣ того, вносила въ скарбъ 8—10 грошей, очевидно за остальныя дякло и мезлеву, переведенныя на деньги, что вполнѣ допускалось хозяйственными уставами этой эпохи [56]).

Тяглые люди двора Мядельскаго—съ каждой службы давали по бочкѣ овса, возъ сѣна, выдѣлывали сажень невода и, кромѣ того, каждая служба давала въ скарбъ нѣкоторое количество медовой дани. Всѣ платежи могли быть собраны деньгами по принятой тогда расцѣнкѣ [57]). Тяглые люди двора Заворницкаго уплачивали дякло въ размѣрѣ бочки жита, бочки овса, воза сѣна и мезлеву—сажень неводу, куръ, яицъ десять, льну десятокъ, и, кромѣ того, полъ гроша за «белку» [58]). Эти дополнительные платежи распространялись на всѣ службы. Такими же были и дополнительные платежи тяглыхъ людей двора Скленниковскаго. Слѣдуетъ только замѣтить, что они распространялись не на всѣ службы, изъ 11—три были свободны отъ нихъ. Можетъ быть, свобода отъ дополнительныхъ платежей компенсировалась болѣе высокой барщиной [59]). Точно также и часть тяглыхъ людей, при-

---

[56]) Д. А. М. Ю. I, стр. 86.
[57]) Д. А. М. Ю. I, стр. 76—78.
[58]) Д. А. М. Ю. I, стр. 80—81.
[59]) Д. А. М. Ю. I, стр. 82—84.

писанныхъ къ замку Радошковичъ, освобождалась отъ дополнительныхъ податковъ. Другая часть давала подачки—дякло, состоявшіе изъ нѣкотораго количества жита, овса, барана, куръ, яицъ и льна. Эти взносы были выше, чѣмъ въ другихъ дворахъ. Можетъ быть, это зависѣло отъ того, что крестьянскія службы были довольно большими по своимъ размѣрамъ, или это явленіе можно объяснить тѣмъ, что крестьяне частно-владѣльческихъ службъ были вообще обложены выше.

Итакъ, одни тяглые люди несли только одну барщину большей или меньшей продолжительности, другіе, помимо барщины, давали дополнительные податки натурой или деньгами. И продолжительность барщины и дополнительные податки были не одинаковы въ волостяхъ, и, главное дѣло, ни въ какомъ отношеніи не находились къ дѣйствительному состоянію отдѣльнаго тяглаго крестьянскаго хозяйства. Это несоотвѣтствіе и неравномѣрность, несомнѣнно, вполнѣ отчетливо сознавались литовско-русскимъ правительствомъ и давали толчекъ къ выполненію задуманныхъ аграрныхъ мѣропріятій.

Наконецъ, тяглые люди, помимо своей службы, могли стать держателями отдѣльныхъ угодій, за что вносили въ скарбъ добавочный взносъ, своего рода арендную плату [60]).

Количество тяглыхъ людей въ каждой волости опредѣлялось потребностями двороваго хозяйства. Весь рабочій излишекъ былъ посаженъ «на осадѣ», и такой распорядокъ находился въ полномъ соотвѣтствіи съ требованіями хозяйственныхъ уставъ второй четверти XVI вѣка.

Хозяйственное положеніе такихъ «осадныхъ» людей отличалось такой же пестротой, какъ и тяглыхъ людей. И всѣ повинностныя отношенія ко двору ограничивались уплатой денегъ или взносовъ натурой, которые также достаточно разнообразились по отдѣльнымъ службамъ. Кромѣ того, сидѣвшіе «на осадѣ», должны были, по условіямъ двороваго хозяйства, выходить на толоку большей или меньшей продолжительности [61]).

Крестьянскія службы наслѣдственны. Крестьяне, несущіе съ своего земельнаго участка «службу», считаютъ ее своей «отчиной» [62]), наслѣдственно-семейнымъ владѣніемъ, которымъ они имѣютъ право

---

[60]) Д. А. М. Ю. I, стр. 114.
[61]) Д. А. М. Ю. I, стр. 102—104.
[62]) А. В. К. XVI, № 831, 327, 268, 358, 657, 973, 374, 832, 861.

довольно свободно и широко распоряжаться, что ввело въ заблужденіе М. Ф. Владимирскаго-Буданова, считавшаго крестьянъ до половины XVI в. полноправными собственниками своихъ земельныхъ участковъ—службъ [63]). На самомъ дѣлѣ, крестьяне были всегда только держателями государственной земли, а отнюдь не собственниками, и никакого сокращенія ихъ правъ не происходило во второй четверти XVI вѣка. Довольно свободная и широкая мобилизація крестьянскихъ земельныхъ участковъ и угодій въ первой половинѣ XVI вѣка—явленіе, безспорно, бросавшееся въ глаза и могущее привести къ несовсѣмъ правильнымъ выводамъ. Такая относительная широта ея зависѣла не отъ установившагося взгляда на крестьянскую собственность, а исключительно отъ хозяйственно-административныхъ пріемовъ литовско-русскаго правительства. Ихъ нельзя не имѣть въ виду. Хозяйственныя мѣропріятія литовско-русскаго правительства были направлены въ сторону усиленія производительности дворового хозяйства, но при этомъ правительство совершенно не трогало слагавшихся вѣками отношеній, заботясь лишь о томъ, чтобы всѣ подвѣдомственные ему сельскіе элементы выполняли лежавшія на нихъ повинности. При тогдашнихъ крайне пестрыхъ формахъ крестьянскаго землевладѣнія [64]), для правительства, съ хозяйственной точки зрѣнія, совершенно не имѣло значенія ни то количество земли, которое входило въ составъ каждой службы, ни количество дымовъ, составлявшихъ одну службу. Правительство могло допускать и смотрѣть сквозь пальцы на различныя сдѣлки между крестьянами, лишь бы только онѣ прямо не затрагивали интересовъ дворового хозяйства. Поэтому, администрація допускала такія сдѣлки, и наличность ихъ говорила не о правѣ крестьянина распоряжаться своими земельными участками и угодьями по собственному усмотрѣнію, а лишь о томъ, что данная сдѣлка, благодаря которой происходилъ переходъ земельной собственности изъ однѣхъ рукъ въ другія, не можетъ вредить хозяйственнымъ интересамъ того или иного двора. Когда въ 40-хъ годахъ XVI вѣка одинъ державца не утвердилъ договора купли на томъ основаніи, что «мужикъ мужику землю на вѣчность продать не можетъ», то въ этомъ рѣшеніи нельзя видѣть только тенденцію сокращенія крестьянскихъ правъ. Это была не тенденція, а общее правило, особенно рѣзко выраженное, въ моментъ, когда аграрная реформа носилась въ воздухѣ и когда перестройка

---

[63]) *М. Ф. Владимирскій-Будановъ.* Очерки лит.-русск. права, III, стр. 27.

[64]) *М. К. Любавскій.* Област. Дѣл., стр. 453—464.

земельныхъ отношеній должна была ликвидировать и прежнія сдѣлки крестьянъ другъ съ другомъ [65]).

Въ исторической литературѣ было высказано мнѣніе, отрицавшее потерю государственными крестьянами свободы переходовъ [66]). Это утвержденіе, безспорное для до-Статутовой эпохи, сохраняетъ свою силу и для второй четверти XVI вѣка. Крестьяне оставляютъ свои службы, и со стороны волостной администраціи не встрѣчается никакого противодѣйствія. Пустовавшая земля, обыкновенно, давалась въ пользованіе другому тяглецу [67]), такъ какъ съ службы не поступало никакихъ подачекъ. Впрочемъ, если, по прошествіи нѣкотораго времени, отчичъ возвращался на старое мѣсто и заявлялъ на него притязанія, то, кажется, администрація признавала моральное право за отчичемъ на возвращеніе ему его семейнаго владѣнія. Однако, отдача земли во владѣніе стараго отчича была возможна по представленіи поручительства, что отчичъ въ состояніи выполнять «службу и подачки господарскіе» [68]).

Крестьяне отчичи имѣли право при жизни передать свои всѣ земли или часть ихъ своимъ дѣтямъ съ передачей имъ и тѣхъ обязанностей, которыя были соединены съ владѣніемъ отчиной. Такая передача не могла встрѣтить со стороны администраціи какого бы то ни было противодѣйствія, такъ какъ раздѣльнымъ актомъ лучше обезпечивалось отправленіе лежавшей на землѣ службы [69]).

---

[65]) А. В. К. XVII, № 861.
[66]) *М. К. Любавскій.* Opus cit., 378.
[67]) А. В. К. XVII, № 327.
[68]) А. В. К. XVII, № 327.
[69]) А. В. К. XVII, № 358.

III.

Въ господарскихъ волостяхъ и дворахъ находилась довольно многолюдная группа крестьянъ, либо занимавшихся какимъ либо ремесломъ, либо бывшихъ промышленниками, либо отправлявшихъ какую либо специальную службу. Къ первой категоріи этого волостного населенія, рѣзко обособленнаго въ повинностномъ отношеніи отъ другихъ группъ населенія, слѣдуетъ отнести тѣхъ лицъ, которые прямо или косвенно связаны съ господарскимъ дворомъ и сдѣлались составной—неразрывной частью послѣдняго. Къ нимъ могутъ быть отнесены: дойлиды[1]), ковали[2]), кравцы[3]), скляры[4]), рыболовы[5]), прудники[6]), гуменники[7]), угольники[8]), сѣнники[9]), бондари[10]), судники[11]), текуны[12]), дегтяри[13]), млынари[14]), узварцы[15]), пивовары[16]), мешевники[17]), медосытцы[18]), медовары[19]), садовники[20]), слесари[21]),

---

1) Д. А. М. Ю. I, стр. 109. *М. К. Любавскій*. Opus cit., стр. 322.
2) *М. К. Любавскій*. Opus cit., стр. 331. Прил. №8. А. В. К. XVII, №173.
3) *М. К. Любавскій*. Opus cit., стр. 331. А. В. К. XVII, №539.
4) Д. А. М. Ю. I, стр. 721.
5) Ibid., стр. 78.
6) Ibid., стр. 78.
7) Ibid., стр. 109.
8) *М. К. Любавскій*. Opus cit., Прил. № 8. А. В. К. XVII, № 320.
9) А. В. К. XVII, № 321.
10) А. В. К. XVII, № 321.
11) *М. К. Любавскій*, Opus cit., стр. 322.
12) А. В. К. XVII, № 607.
13) Д. А. М. Ю. I, стр. 72.
14) А. В. К. XVII, № 585.
15) *М. В. Довнаръ-Запольскій*. Госуд. хоз., стр. 231.
16) А. В. К. XVII, № 36.
17) А. В. К. XVII, № 905.
18) А. В. К. XVII, № 36.
19) А. В. К. XVII, № 36.
20) А. В. К. XVII, № 110.
21) Д. А. М. Ю. I, стр. 129.

гончары [22]), ковшовники [23]), римари [24]), мурали [25]), муковозы [26]), солодовники [27]), раковники [28]), мостовники [29]), колесники [30]), шидельники [31]), стрихари [32]), меловники [33]), рудники [34]), глиники [35]), хомутники [36]).

Ко второй категоріи можно отнести лицъ, спеціально вѣдавшихъ господарское конюзаводство. Среди нихъ встрѣчаются лейти [37]), конокормцы [38]), ройтиники [39]), конюхи [40]), машталеры [41]). Къ третьей категоріи относятся лица—промышленники, эксплуатировавшіе различныя угодья, какъ то: бортники [42]), бобровники [43]). Лѣсное хозяйство охраняли осочники [44]).

Наконецъ, къ послѣдней категоріи можно отнести людей, обязанныхъ отправлять повинности, такъ или иначе связанныя съ охотой. Къ нимъ причисляются ловцы [45]), псарцы [46]), сокольники [47]), свинухи [48]).

---

[22]) Д. А. М. Ю. I, стр. 129.

[23]) Д. А. М. Ю. I, стр. 129.

[24]) Д. А. М. Ю. I, стр. 71. А. В. К. XVII, № 170.

[25]) Д. А. М. Ю. I, стр. 71.

[26]) А. В. К. XVII, № 14.

[27]) А. В. К. XVII, № 19.

[28]) А. В. К. XVII, № 72.

[29]) А. В. К. XVII, № 75.

[30]) А. В. К. XVII, № 16.

[31]) А. В. К. XVII, № 14.

[32]) А. В. К. XVII, № 58.

[33]) А. В. К. XVII, № 12.

[34]) А. В. К. XVII, № 123.

[35]) А. В. К. XVII, № 526.

[36]) А. В. К. XVII, № 904.

[37]) Д. А. М. Ю. I, стр. 72.

[38]) *М. К. Любавскій.* Opus cit., стр. 328.

[39]) *М. К. Любавскій.* Ibid., стр. 328.

[40]) Д. А. М. Ю. I, стр. 73.

[41]) К. З. XXXI, л. 16. *М. В. Довнаръ-Запольскій.* Госуд. хоз., стр. 232. *М. К. Любавскій.* Opus cit., стр. 109.

[42]) А. З. Р. I, № 20. *М. К. Любавскій.* Opus cit., стр. 323.

[43]) А. В. К. XVII, № 61. Ревизія пущъ и переходовъ, стр. 61. *М. К. Любавскій.* Opus cit., стр. 324.

[44]) Рев. пущъ и перех., стр. 60. *М. К. Любавскій.* Opus cit., стр. 324.

[45]) А. В. К. XVII, № 125. Акты Лит.-Русск. Гос., стр. 133. *М. К. Любавскій.* Opus. cit., стр. 324.

[46]) *М. К. Любавскій.* Opus. cit., стр. 324.

[47]) *М. В. Довнаръ-Запольскій.* Госуд. хоз., стр. 231. *М. К. Любавскій.* Opus cit., стр. 325. Акты Леонтовича I, №№ 35 и 41.

[48]) *М. К. Любавскій.* Opus cit., стр. 325.

Многочисленные господарскіе ремесленники и промышленники сидѣли на земельныхъ участкахъ-службахъ.

Кажется, и въ данномъ случаѣ земельная основа службы и хозяйственная ея обезпеченность отличалась чрезвычайной пестротой. Но, въ общемъ, службы ремесленниковъ и промышленниковъ не были велики по своимъ размѣрамъ. Слѣдующія данныя дворовыхъ инвентарей только отчасти могутъ иллюстрировать вышесказанное.

Прудники Мядельскаго двора въ своемъ распоряженіи имѣли земли на 23 бочки и сѣножатей на 15 возовъ. Пивоварцы Мядельскіе—имѣли подъ собой земли на 11 бочекъ и сѣножатей на 10 возовъ. Однако рыболовы того же двора сидѣли на земельномъ участкѣ равномъ 9 бочкамъ и имѣли сѣножатей на 12 возовъ. Другіе рыболовы располагали земельнымъ участкомъ на $5\frac{1}{2}$ бочекъ, 8 б., 9 б., $10\frac{1}{2}$ б., $3\frac{1}{2}$ б., 5 б. и сѣнопожатями величиной на 10 возовъ, 8—7 возовъ. Десятивозныя сѣножати преобладали среди рыболововъ Мядельскаго двора [49]). Конюхи Мядельскаго двора имѣли въ своемъ пользованіи участки земли на 5 боч., 8 боч., 11 бочекъ и сѣножатей на 10 и 6 возовъ [50]). Дойлиды Костюшковскаго двора сидѣли на участкахъ земли на 17 бочекъ и 20 бочекъ, и имѣли сѣножатей на 8 и 15 возовъ [51]). Бортники Каменецкаго двора—имѣли участки земли на 11 и 5 бочекъ и сѣножатей на 10 и 8 возовъ. Кромѣ того, въ ихъ распоряженіи находилось нѣкоторое количество лѣса [52]). Земельный надѣлъ ремесленниковъ и промышленниковъ заключалъ въ себѣ землю двоякаго качества: унавоженную и простую. Первая составляла совершенно ничтожную часть надѣла и нигдѣ не превышала больше 1 бочки.

Хозяйства крестьянъ спеціальныхъ службъ также были слабо снабжены хозяйственнымъ инвентаремъ. Пара воловъ и двѣ клячи—наибольшій рабочій инвентарь, встрѣчающійся въ сохранившихся инвентаряхъ. Очевидно, зажиточность этого разряда сельскаго населенія была такой же, какъ и тяглыхъ людей.

Данныя инвентарей весьма недостаточны для какихъ бы то ни было категорическихъ выводовъ о земельномъ обезпеченіи слугъ-ремесленниковъ и промышленниковъ, но едва ли мы ошибемся въ пред-

---

49) Д. А. М. Ю. I, стр. 78.
50) Д. А. М. Ю. I, стр. 109.
51) Д. А. М. Ю. I, стр. 79.
52) Д. А. М. Ю. I, стр. 113.

положеніи такой же картины ихъ матеріальнаго обезпеченія и при другихъ господарскихъ дворахъ.

Службы ремесленниковъ и промышленниковъ были и простыми, и составными; но какія изъ нихъ наиболѣе характерны для даннаго состава населенія, на это, по состоянію источниковъ, отвѣта дать нельзя.

Вопросъ о повинностяхъ вышеназваннаго разряда населенія былъ впервые изученъ М. К. Любавскимъ съ свойственной ему документальностью и основательностью. По мнѣнію изслѣдователя, всѣ эти слуги-ремесленники кромѣ своей спеціальной службы платили дякло и выходили на толоку [53]). Не несли тяглой службы и крестьяне-промышленники, не платили также дякла, но выходили на толоку [54]).

Наблюденія М. К. Любавскаго ограничивались эпохой до-Статутовой и, если считать ихъ только общими типическими чертами, характеризующими положеніе слугъ-ремесленниковъ и промышленниковъ, то они безусловно вѣрны, но, по всей вѣроятности, по отдѣльнымъ мѣстностямъ и разрядамъ существовали весьма различныя отклоненія въ сторону отъ этихъ обобщающихъ наблюденій, что отчасти признаетъ и самъ М. К. Любавскій [55]).

Эти отклоненія превосходно иллюстрируются сохранившимися инвентарями. Такъ дойлиды Костюшковскаго двора «съ топоромъ день въ день служатъ», на толоку не выходили и никакихъ подачекъ не давали [56]).

И близкіе къ дойлидамъ бондари и судники еще въ эпоху до-Статутовую «дякла не давали», но выходили на толоку и на войну [57]). Точно также и кравцы не несли въ мѣстечкѣ Ганусишокъ никакихъ дополнительныхъ повинностей, за исключеніемъ только «кравецкой» службы [58]). Ничего не извѣстно о дополнительныхъ повинностяхъ «скляровъ», о которыхъ инвентарь упоминаетъ только, что такой-то «скляряскую службу служитъ» [59]). И слесари Оршанскаго замка тоже не несли никакихъ дополнительныхъ повинностей, кромѣ своей «слесарской» службы «ку свирнамъ и ку воротамъ замковымъ замки новые да-

---

53) *М. К. Любавскій.* Opus cit., стр. 332.
54) *М. К. Любавскій.* Opus cit., Прил. № 8.
55) *М. К. Любавскій.* Opus cit., Прил. № 8.
56) Д. А. М. Ю. I, стр. 169.
57) *М. К. Любавскій.* Opus cit., Прил. 8.
58) Д. А. М. Ю. I. стр. 71.
59) Д. А. М. Ю. I, стр. 71.

вати, старый замокъ и ку тому гаковницы поправляти»[60]). Въ аналогичномъ положеніи находились и гончары: они «плату никоторого не даютъ, одно до кухни на потребу горшки давати вини»[61]). И ковшовники тоже не несутъ никакихъ дополнительныхъ повинностей, кромѣ обязанности «на каждый годъ на врядъ ковшовъ деревыхъ черленыхъ 30 давати»[62]). Точно также, по инвентарямъ мурали несли только «одну муральскую службу» и не давали никакихъ дополнительныхъ податковъ [63]). Не выходили на толоку и не давали дякла прудники Мядельскаго двора [64]). Но рыболовы, не давая никакихъ подачекъ, однако выходили на толоку «въ лете косять сѣно озероды у гумнѣ поправуютъ» [65]). Бортники села Ворокошковичи, приписаннаго къ двору Каменецкому, давали опредѣленное количество дани медовой и, кромѣ того, давали дякло и выходили на работу «день въ день зъ волы и съ клячей» [66]). Но Каменецкій дворъ до 1547 года находился въ рукахъ частныхъ собственниковъ, чѣмъ и можно объяснить сравнительную тяжесть ихъ дополнительной работы. Устава 1529 года была скромнѣе въ своихъ требованіяхъ. Согласно послѣдней, бортники были обязаны выходить на толоку и косить сѣно[67]). Но господарскіе бобровники, приписанные къ Оршанскому замку, кромѣ ловли на господаря бобровъ, другихъ дополнительныхъ повинностей не несли[68]). Не давали никакихъ подачекъ и не выходили на толоку «конюшки» Мадельскаго двора. Ихъ обязанность заключалась только лишь въ охранѣ лошадей.[69])

Приведенныя данныя, конечно, не даютъ полнаго представленія о положеніи слугъ-ремесленниковъ и промышленниковъ въ господарскихъ волостяхъ, но во всякомъ случаѣ они показываютъ, что дополнительные платежи и повинности—явленіе, не носившее обще-обязательнаго характера по крайней мѣрѣ во вторую четверть XVI вѣка.

Господарскіе ремесленники и промышленники должны были выполнять повинности на господаря, связанныя со службой. Между тѣмъ,

[60]) Ibid., стр. 129.
[61]) Ibid., стр. 129.
[62]) Ibid., стр. 129.
[63]) Ibid., стр. 71.
[64]) Ibid., стр. 78.
[65]) Ibid., стр. 79.
[66]) Ibid., стр. 113.
[67]) А. З. Р. II. № 130.
[68]) Д. А. М. Ю. стр. 131.
[69]) Ibid., 76.

на дѣлѣ были возможны разнаго рода злоупотребленія со стороны лицъ, непосредственно вѣдавшихъ этотъ разрядъ населенія. Господарскіе конюхи жаловались на своего сотника, который гналъ ихъ на работу въ лѣсъ и заставлялъ «дякло робити на будованіе конюшенъ королевскихъ», а между тѣмъ впослѣдствіи отдалъ распоряженіе отвезти «дерево и драницы» къ себѣ въ домъ, продолжая по старому выгонять ихъ въ лѣсъ на работу [70]). Въ подобныхъ случаяхъ пострадавшимъ приходилось обращаться къ державцѣ съ жалобой на лицъ, произвольно увеличивавшихъ ихъ службу.

Служба слугъ-ремесленниковъ и промышленниковъ была наслѣдственной. Предполагалось, что отецъ передастъ своимъ дѣтямъ спеціальныя знанія, безъ которыхъ немыслимо отправленіе особой службы. Слуги-ремесленники и промышленники могли покинуть свои отчины, когда по тѣмъ или другимъ соображеніямъ не могли отправлять лежавшую на нихъ службу. По своемъ возвращеніи они считали себя вправѣ требовать въ держаніе свою отчину вмѣстѣ съ отправленіемъ лежавшей на землѣ службы. По всей вѣроятности, свободныя земли—прежнія отчины снова отдавались отчичамъ, если державца находилъ ихъ уходъ и ихъ притязанія на землю заслуживающими вниманія [71]). Послѣ смерти отца служба переходила по наслѣдству ко всѣмъ дѣтямъ-сыновьямъ, если они до смерти отца не были раздѣлены, не сидѣли «на отдѣльномъ хлебѣ». Въ противномъ случаѣ, преемниками отца всегда бывали оставшіяся нераздѣленныя дѣти. Наконецъ ремесленная или промышленная служба могла быть за деньги передана другимъ людямъ, и напрасно такую передачу службы проф. М. В. Владимирскій-Будановъ считаетъ куплей. Въ глазахъ субъектовъ сдѣлки—это актъ продажи, въ глазахъ же администраціи—это передача въ другія руки той службы, которая была связана съ данной землей. Для державцы было важно не то, кто владѣлъ землей, а исправное отбываніе повинности, лежавшей на службѣ [72]).

Въ господарскихъ волостяхъ, какъ западныхъ, такъ и восточныхъ былъ особый разрядъ волостного населенія, повинности котораго къ скарбу ограничивались лишь платежомъ такъ называемой дани, составлявшейся изъ частей доходовъ, получавшихся отъ эксплуатаціи населеніемъ различныхъ хозяйственныхъ угодій. Въ запад-

[70]) А. В. К. XVII, № 3.
[71]) А. В. К. XVII, № 157.
[72]) А. В. К. XVII, № 18.

ныхъ волостяхъ данниковъ было сравнительно мало. Здѣсь они сохранялись только тамъ, гдѣ еще сельско-хозяйственная культура не пріобрѣла господствующаго положенія. Восточныя же волости—царство данниковъ.

Повинностное положеніе данниковъ ко времени изданія перваго Статута было уже детально изслѣдовано М. К. Любавскимъ, раздѣлившимъ данниковъ, на основаніи обильнаго архивнаго матеріала, на двѣ категоріи: одни изъ нихъ уплачивали только дань и были свободны отъ какихъ либо иныхъ дополнительныхъ платежей и повинностей. Другіе же, если жили въ мѣстностяхъ, гдѣ находились господарскіе дворцы, наравнѣ съ тяглымъ населеніемъ выходили на толоку, косили сѣно, а иногда отправляли и другія повинности[73]). Конечно, эти документальныя наблюденія дѣйствительны и по отношенію къ болѣе поздней эпохѣ, когда господарское хозяйство стало болѣе интенсивнымъ и нуждалось въ большемъ количествѣ рабочихъ рукъ[74]). Но едвали это было повсемѣстнымъ явленіемъ. Привлеченіе данниковъ къ толокѣ зависѣло отъ состоянія рабочей силы даннаго двора и его угодій. Такъ данники Костюшковскаго двора не выходили на толоку[75]). Съ другой стороны данники Мядельской волости выходили на толоку одинъ день «зъ чимъ раскажуть, лечъ зъ волы на дело не ходять, либо клячами оруть»[76]).

Повинности данниковъ въ узкомъ смыслѣ этого слова и во второй четверти XVI вѣка сравнительно мало измѣнились съ предшествующимъ временемъ.

Данники, только эксплуатировавшіе одни угодья и неимѣвшіе никакой пашни, платили одну дань натурой. Данники села Реваничи, приписанные къ замку Радошковичъ, уплачивали въ скарбъ съ каждаго дыма отъ $^1/_2$ до 2 «камени меду» въ зависимости отъ разныхъ угодій[77]). Кромѣ того на волость Реваницкую падали доходы, налагаемые правительствомъ въ общей суммѣ. При этомъ распредѣленіе ихъ между отдѣльными дымами производилось самой волостью, благодаря чему поддерживалось крестьянское самоуправленіе. Это были

[73]) *М. К. Любавскій.* Обл. Дѣл., стр. 336.
[74]) Пол. Ревизія, стр. 65—66.
[75]) Д. А. М. Ю. I, стр. 109.
[76]) Д. А. М. Ю. I, стр. 78.
[77]) Д. А. М. Ю. I, 116—118.

разные взносы на врадниковъ и господаря, собираемые либо натурой, либо деньгами[78]).

Что же касается размѣровъ даней и различныхъ податковъ, уплачиваемыхъ волостнымъ населеніемъ—данниками, то здѣсь царила удивительная пестрота, уже отмѣченная М. К. Любавскимъ. Эта пестрота весьма ярко отражается и въ сохранившихся инвентаряхъ Полоцкой ревизіи—1552 года.

Въ сохранившихся инвентаряхъ обращаетъ на себя вниманіе одна чрезмѣрно важная деталь—это стремленіе составителей ихъ связать нѣкоторые платежи непосредственно со службой или дымомъ. Это индивидуализированіе платежей, хотя и не полное, несомнѣнно указывало на существенныя перемѣны, происшедшія въ положеніи данниковъ западныхъ волостей, благодаря которымъ наносился существенный ущербъ волостной организаціи, о которой такъ детально говорили М. К. Любавскій и М. В. Довнаръ-Запольскій въ не разъ уже цитируемыхъ трудахъ.

Домашнее хозяйство данниковъ, не имѣвшихъ отдѣльной пашни, весьма бѣдное. Рабочій инвентарь состоялъ изъ одной—двухъ клячъ, или сохи воловъ, да и то онъ былъ далеко не у всѣхъ. Въ общемъ, у данниковъ рабочаго инвентаря много меньше, чѣмъ у тяглыхъ людей, и это вполнѣ объяснимое явленіе. Рабочій инвентарь данниковъ исключительно обслуживалъ только потребности и нужды домашняго хозяйства[79]).

Наконецъ, къ населенію господарскихъ волостей и дворовъ надо отнести и такъ называемыхъ слугъ, подъ названіемъ путныхъ бояръ, панцырныхъ бояръ, повинностное положеніе которыхъ достаточно подробно было изучено М. К. Любавскимъ[80]). Всѣ эти слуги собственно тяглые люди, только временно освобожденные отъ своей тяглой службы и посаженные на землю для отбыванія иной службы. Переводъ ихъ на положеніе военныхъ слугъ обыкновенно производился по усмотрѣнію управителя господарскаго имѣнія. Онъ же могъ вернуть путнаго слугу въ первобытное состояніе[81]).

Согласно хозяйственной уставѣ 1529 г.—такіе слуги были обязаны выходить на толоку, что весьма опредѣленно подчеркивало ихъ

---

[78]) Д. А. М. Ю. I, стр. 110, 111—118. Пол. Ревиз., стр. 65—66.
[79]) Д. А. М. Ю. I, стр. 118.
[80]) *М. К. Любавскій,* Об. Д., стр. 343—356.
[81]) А. Лит.-Русск. Госуд. I, № 1—85.

принадлежность къ тяглому населенію и полную обособленность отъ бояръ шляхты. Само собой разумѣется, что положеніе такихъ бояръ слугъ было весьма неустойчиво.

Они въ любой моментъ могли снова обратиться въ состояніе тяглыхъ людей, если того требовали хозяйственныя условія и соображенія. Въ этомъ случаѣ—слуги должны были или молча примириться съ перемѣной своего положенія или попытаться получить отъ господаря листъ, который бы укрѣпилъ ихъ положеніе и гарантировалъ ихъ отъ всякихъ на нихъ посягательствъ со стороны мѣстной администраціи. Наконецъ, отдѣльные тяглые люди могли сами отъ себя хлопотать передъ господаремъ или администраціей о переводѣ ихъ на «путную службу» [82]). Конечно, такія просьбы могли быть удовлетворяемы только въ зависимости отъ потребностей того или другого дворового хозяйства.

Источники и дворовые инвентари отмѣчаютъ при господарскихъ дворахъ еще одинъ разрядъ населенія, такъ называемыхъ—бояръ, занимавшихъ среднее мѣсто между шляхтой съ одной стороны и тяглыми людьми съ другой. Обязанности такихъ бояръ заключались въ своевременномъ выходѣ на войну въ соотвѣтствующемъ вооруженіи. По всей вѣроятности, численность такого боярства была очень велика благодаря острымъ отношеніямъ, въ которыхъ литовско-русское государство находилось по отношенію къ своимъ сосѣдямъ—Москвѣ и Крыму. Что же касается ихъ юридическаго положенія, то послѣднее до сихъ поръ не выяснено съ желательной точностью, и въ исторической литературѣ существуютъ по этому поводу весьма серьезныя разногласія.

И вопросъ объ этомъ слѣдуетъ отнести къ числу наиболѣе темныхъ въ литовско-русской исторіографіи. Высказанныя научныя мнѣнія въ значительной степени расходятся другъ съ другомъ. Такъ по мнѣнію В. Б. Антоновича, терминъ бояринъ въ XVI вѣкѣ равнозначущъ термину земянинъ, который въ XVI в. обыкновенно употреблялся для обозначенія шляхетскаго званія [83]). Слѣдовательно бояре—тѣ же шляхтичи. Съ этимъ взглядомъ не согласенъ М. К. Любавскій. Нельзя не признать правильнымъ его указаніе, что боярство представляло «классъ довольно сложнаго происхожденія и состава». Въ его составъ входили и крупные землевладѣльцы магнаты, составлявшіе во многихъ

---

[82]) А. Лит.-Русск. Госуд. т. I, стр. 136.

[83]) *В. Б. Антоновичъ.* Монографія, стр. 249—250.

земляхъ высшій правительственный классъ, но и простые военно-служилые землевладѣльцы, иногда дѣйствительно называвшіеся то боярами, то земянами[84]). Ко времени изданія перваго Статута всѣ эти лица были записаны въ хорунжіе списки, и тогда ихъ шляхетство уже ни въ комъ не возбуждало никакого сомнѣнія. Они нераздѣльно входили въ составъ шляхетской демократіи и пользовались всѣми шляхетскими правами, выраженными въ литовско-русскихъ привилеяхъ и закрѣпленными въ Статутѣ 1529 года. Но рядомъ съ этимъ, какъ указываетъ М.К. Любавскій, были бояре, вышедшіе изъ простонародья, переведенные на военную службу. Они, конечно, съ переходомъ на боярскую службу освобождались отъ тяглой службы и подачки всякаго рода податей, но въ то же время такіе элементы, какъ недоказавшіе своего благороднаго происхожденія, не вошли въ составъ шляхетскаго сословія[85]). Такіе бояре, неставшіе шляхтичами, составляли высшій разрядъ господарскихъ слугъ, которые, однако при извѣстныхъ условіяхъ, могли вернуться въ свое прежнее тяглое состояніе. Правда, у такихъ бояръ не была отнята возможность доказывать шляхетское происхожденіе. Во всякомъ случаѣ, бояре изъ простонародья должны быть причислены къ крестьянскому населенію, отъ котораго они отличались, главнымъ образомъ, только характеромъ своихъ повинностей. На это указываютъ и незначительные боярскіе земельные участки, съ которыхъ большею частью выставлялся только одинъ конь[86]). Ихъ хозяйственное положеніе, по всей вѣроятности, мало чѣмъ отличалось отъ зажиточнаго крестьянскаго хозяйства. Такъ нѣкоторые изъ бояръ Ворненскаго двора несли «службу зупольную», имѣя инвентаря «кони четыре, три волы, коровы четыре», но это были наиболѣе зажиточные. Менѣе состоятельные располагали инвентаремъ, меньшимъ по своимъ размѣрамъ, и тоже были обязаны нести «зупольную службу»[87]). Эта служба и являлась демаркаціонной чертой, отдѣлявшей боярство отъ тяглаго крестьянства.

Юридическое положеніе боярства изъ простонародья было въ общемъ малоустойчиво. Намѣстники-державцы не всегда считали ихъ слугами-боярами и часто заставляли ихъ наравнѣ съ прочимъ волостнымъ населеніемъ нести тяглую службу, давать дякло и другіе

---

84) *М. К. Любавскій.* Об. Д., стр. 545.
85) *М. К. Любавскій.* Opus cit., стр. 541—542.
86) А. В. К. XXIV, №№ 31—32.
87) Д. А. М. Ю. I, стр. 86.

подачки, что было вполнѣ возможно благодаря нѣсколько неопредѣленному отграниченію боярства отъ тяглаго населенія. Такъ Ейшишскій намѣстникъ заставлялъ группу мѣстныхъ бояръ давать дякло вмѣстѣ съ волостью на томъ основаніи, что ихъ предки еще при Витовтѣ давали дякло вмѣстѣ съ волостью [89]). Очевидно, намѣстникъ—державца не зналъ того момента, когда предки этихъ бояръ были освобождены отъ даванія дяколъ, а бояре не располагали для доказательства соотвѣтствующими документами.

Въ такомъ случаѣ намѣстникъ—державца имѣлъ полное основаніе считать бояръ—тяглыми людьми. Также поступилъ съ группой троцкихъ бояръ—Троцкій городничій, когда у нихъ не оказалось никакого документа, которымъ можно было бы доказать свое боярство [90]). Такія дѣйствія администраціи отнюдь нельзя было счесть правонарушеніями. Но, съ другой стороны, намѣстники—державцы могли перевести боярина въ тяглое состояніе и при наличности соотвѣтствующихъ оправдательныхъ документовъ. Тогда такое распоряженіе несомнѣнно было злоупотребленіемъ своей властью, и боярамъ приходилось въ этомъ случаѣ возбуждать передъ господаремъ дѣло о возстановленіи своего боярскаго званія [91]). Бывали случаи, когда бояринъ былъ не въ состояніи вести свое собственное хозяйство, когда изъ за бѣдности «недостатку», долженъ былъ оставить свои земли и поселиться на землѣ другого боярина, которые, съ своей стороны, обнаруживали стремленія разсматривать ихъ, какъ своихъ отчичей и людей непохожихъ [92]).

Пострадавшіе бояре не желали мириться съ своимъ положеніемъ и стремились добиться признанія своего боярства со стороны правительственной власти. Подаваемыя боярами съ этой цѣлью челобитья можно раздѣлить на двѣ категоріи. Къ первой надо отнести тѣ челобитья, въ которыхъ идетъ рѣчь о возстановленіи боярства, на которое никто не посягалъ, такъ какъ они сами бояре «за великими упадками своими, не могучи послуги военной служити зъ домовъ своихъ почали великому князю податокъ давати». Ко второй категоріи слѣдуетъ отнести тѣ боярскія челобитья, въ которыхъ идетъ рѣчь о возстановленіи боярскаго званія, утеряннаго не по своей винѣ, а вслѣд-

---

[89]) Акты Лит.-Русск. Госуд. I, № 14.
[90]) Акты Лит.-Русск. Госуд. I, № 35.
[91]) Акты Лит.-Русск. Госуд. I, № 185.
[92]) Акты Лит.-Русск. Госуд. I, № 193.

ствіе недоразумѣній и злоупотребленій, какъ со стороны господарской администраціи, такъ и по винѣ частныхъ лицъ. Боярство такихъ лицъ возстанавливалось опросомъ «бояръ околичныхъ суседовъ»[93]), представленіемъ соотвѣтствующихъ документовъ на право владѣнія землей вмѣстѣ съ опросомъ свидѣтелей, что земля была «отчизной» и много лѣтъ находилась въ его владѣніи[94]). Такими документами могли быть: грамоты удѣльныхъ князей, королевы Боны, Витовта, литовскихъ господарей и высшей администраціи[95]). Бояре могли сослаться на состоявшіеся уже раньше «судебные выроки», рѣшившіе дѣло въ ихъ пользу, но почему-то оставленные администраціей безъ вниманія[96]). Наконецъ, бояре могли сослаться на вынесенный раньше приговоръ самого господаря, но который почему то не принимался во вниманіе администраціей[97]). Въ спорныхъ случаяхъ, когда документы были недоказательны, наводились справки въ старыхъ книгахъ, давали-ли предки челобитчиковъ дякло или нѣтъ, и отсутствіе таковыхъ записей вело къ удовлетворенію просьбы просителя. Послѣ 1528 г. возстанавливались въ своихъ правахъ бояръ записанные въ списки хоружихъ, которые становятся отнынѣ основнымъ документовъ для доказательства своего боярско—шляхетскаго званія. Основой боярской военной службы было владѣніе землей, причемъ боярское землевладѣніе могло быть населеннымъ и ненаселеннымъ. Населенныя земли состояли изъ нѣсколькихъ или одного дворища со всѣми прилегавшими къ нимъ угодьями, со всѣмъ тѣмъ, «што къ тому дворищъ здавна слухивало»[98]). Это боярское землевладѣніе въ первой половинѣ XVI в. основывалось на господарскомъ указѣ, первичномъ при осадѣ на боярскую службу, или подтвердительномъ, когда бояринъ владѣлъ землей, отданной ему на боярство провинціальной администраціей, удѣльными князьями и княгинями, королевой матерью, или были имъ куплены[99]). Господарскій листъ былъ необходимъ боярину для укрѣпленія прочности своего владѣнія, такъ какъ дѣлалъ невозможнымъ посягательство на него со стороны провинціальной администраціи ея, такъ какъ распоряженія ея не могли быть обязательны для господаря.

[93]) А. В. К. XXIV, № 19, 20, 21. Акты Лит.-Русск. Госуд. П. I, № 190.

[94]) А. В. К. XXIV, № 27.

[95]) А. В. К. XXIV, №№ 34, 40, 48, 62.

[96]) Акты Лит.-Русск. Госуд. I, № 35.

[97]) Акты Лит.-Русск. Госуд., № 185.

[98]) А. В. К. XXIV, № 62, 14, 16, 12.

[99]) А. В. К. XXIV, № 5, 6, 7, 8, 10, 12, 14, 43, 61, 69.

Въ противномъ случаѣ, заинтересованная сторона имѣла право и основаніе ходатайствовать передъ господаремъ о возвращеніи незаконно отнятой земли, какъ укрѣпленной соотвѣтствующимъ документомъ. Господарскіе листы на землю окажутся документомъ, совершенно необходимомъ для боярства при провѣркѣ правъ на землю, произведенной при осуществленіи аграрной реформы. Только тѣмъ боярамъ будутъ даны «отмѣны» за присоединенныя къ господарскимъ дворамъ земли, которые представятъ документы, удостовѣряющіе ихъ право на владѣніе землей, но только не на условномъ правѣ. Если юридически боярское право собственности основывалось на господарскомъ листѣ, то на практикѣ можно было доказывать свое право собственности на землю при—посредствѣ свидѣтелей, если у владѣльца земли подъ рукой не оказалось соотвѣтствующихъ документовъ [100]).

Боярское землевладѣніе постоянно увеличивалось. Бояре неоднократно обращались къ господарю съ просьбой о добавочномъ надѣленіи землей и оправдывали свою просьбу разными соображеніями, то своей многосемейностью «братіи много есть» и небольшими размѣрами своей отчины, вслѣдствіе чего они не могутъ исправно отправлять господареву службу [101]), то затратой труда на обработку свободнаго земельнаго участка [102]), такъ называемаго «просечепе», то ссылкой на свои обще—государственныя заслуги «кревъ свою за отчизну загардовали, лели» [103]), то ссылкой «на ласку господарскую» [104]). Эти просьбы обыкновенно удовлетворялись господаремъ.

---

[100]) А. В. К. XXIV, №№ 56, 63.
[101]) А. В. К. XXIV, № 4.
[102]) А. В. К. XXIV, № 18.
[103]) А. В. К. XXIV, № 35.
[104]) К. З, XI, Л. 23.

II.

Производство аграрной реформы.

I.

Устава о волоках.

Общій ея характеръ. Устава—экономическій трактатъ съ практическимъ оттѣнкомъ. Недостатки уставы. Централизація аграрной реформы. Дѣятели реформы: ревизоры и ихъ помощники—мѣрники. Обязанности тѣхъ и другихъ. Земли, подлежавшія измѣренію. Отмѣна и пріемы ея назначенія. Разрѣшеніе недоразумѣній съ отмѣной. Фольварочное хозяйство. Обязанности урядника по веденію господарскаго хозяйства. Вознагражденіе его. Крестьяне, приписанные къ фольварочной пашнѣ. Фольварочный скотъ. Господарское коннозаводство. Господарскіе огороды и дворовыя сѣножати. Разряды сельскаго населенія. Повинности ихъ и земельные надѣлы. Административное дѣленіе волостей. Войтъ, лавники и ихъ обязанности. Уплата денегъ съ державъ въ скарбъ и отчетность по пріему денегъ. Мѣста. Повинности съ мѣщанскихъ волокъ. Мѣры къ огражденію лѣсного хозяйства. Устава о подводной повинности. Поравненіе грунтовъ. Бобруйская устава 1637 года. Обязанности старостинскаго уряда. Обязанности сельской администраціи. Повинности сельскаго населенія. Порядокъ уплаты податковъ и наказанія за уклоненіе отъ нихъ. Наказанія за прогульные дни. Промысловыя занятія населенія. Мѣры полицейскаго характера. Право крестьянскаго выхода. Судъ копы.

Реформа Сигизмунда-Августа была начата въ то время, когда самая реформа была только намѣчена въ общихъ чертахъ, когда еще не было составлено общее хозяйственное руководство, обязательное для господарскихъ агентовъ. Послѣднее появилось 1-го апрѣля 1557 года, когда выяснилась настойчивая нужда въ послѣднемъ, когда правительственныя дѣйствія возбуждали не мало негодованія и раздраженія въ шляхетскихъ кругахъ. Несомнѣнно, устава о волокахъ появилась нѣсколько преждевременно. Она не была отдѣлана, и ея отдѣльныя статьи далеко не были приведены въ систему. Эти недостатки, конечно, скоро почувствовало и самое правительство. Недаромъ оно спѣшило ихъ исправить путемъ изданія дополнительныхъ и исправленныхъ статей. Таковыя дополненія и исправленія были изданы 20 октября 1557 года, 20 мая, 20 іюня и 20 октября 1558 года, но и при этихъ дополненіяхъ устава о волокахъ не

получила стройности и отчетливости, благодаря чему хозяйственная дѣятельность господарскихъ агентовъ постоянно нуждалась въ дополнительныхъ разъясненіяхъ изъ центра. Устава о волокахъ съ послѣдовавшими дополненіями принадлежитъ къ разряду хозяйственныхъ уставъ, опубликованныхъ раньше въ 1529, 1542 г. и наканунѣ самой земельной реформы. Но въ противоположность послѣднимъ устава о волокахъ имѣла общегосударственный характеръ. Она содержала въ себѣ принципы, на основаніи которыхъ должно было быть построено господарское дворовое хозяйство на протяженіи всей территоріи Литовско-Русскаго государства, хотя первоначально коснулась только западныхъ областей княжества.

Устава о волокахъ—съ одной стороны экономическій трактатъ, съ другой стороны—практическое хозяйственное руководство. Отвѣчая вполнѣ взглядамъ польской экономической мысли XVI—XVII в., устава о волокахъ въ тоже время указывала «неизмѣнныя» хозяйственныя правила, которыми должны были руководиться господарскіе врядники въ своей хозяйственной дѣятельности, и которыя въ то же время должны были сильно стѣснить проявленіе съ ихъ стороны какой бы то ни было хозяйственной инициативы. Устава о волокахъ проникнута недовѣріемъ къ хозяйственной дѣятельности державцевъ. Она стремится централизовать хозяйственную дѣятельность провинціальныхъ агентовъ и превратить послѣднихъ только въ механическихъ исполнителей воли центральнаго правительства. Это, конечно, большое достоинство уставы о волокахъ, но въ то же время это и огромный недостатокъ. Вѣдь устава о волокахъ, отражая въ себѣ экономическія идеи вѣка, является въ то же время попыткой приложенія этихъ идей на практикѣ, и въ то же время она не знаетъ того разнообразія мѣстныхъ условій, среди которыхъ развилось господарское хозяйство, и подъ вліяніемъ которыхъ приходилось вводить задуманную реформу. Поэтому, неудивительно, что устава о волокахъ въ теоріи и на практикѣ далеко не одно и то же. Уже мѣстнымъ должностнымъ лицамъ приходилось отступать отъ ея предписаній и сообразоваться съ мѣстными хозяйственными условіями. При такомъ положеніи дѣла за уставой о волокахъ остаются только общія руководящія начала, но примѣненіе этихъ началъ въ жизни зависѣло отъ усмотрѣнія агента, осуществлявшаго мѣропріятія правительства.

Въ основной уставѣ о волокахъ—всего 48 артикуловъ. Нельзя сказать, чтобы въ ихъ расположеніи была какая нибудь система. Статьи связаны другъ съ другомъ довольно слабо, и сплошь и ря-

домъ ближайшія другъ къ другу статьи, которыя, казалось, естественно должны были быть связаны единствомъ содержанія, на самомъ дѣлѣ трактуютъ о различныхъ вопросахъ. Устава составлена довольно странно: въ ней нѣтъ никакого введенія, не указаны цѣли, ради которыхъ вводится эта устава, словно намѣренія правительства были всѣмъ извѣстны и не требовали никакихъ дополнительныхъ поясненій. Изъ другихъ документовъ мы узнаемъ, что реформа была задумана Сигизмундомъ-Августомъ для «примноженія господарскихъ пожитковъ».

Осуществленіе земельныхъ мѣропріятій Сигизмунда II совершалось подъ его непосредственнымъ руководствомъ. Во главѣ всего дѣла былъ поставленъ Петръ Фальчевскій, державца Кнышинскій и Забѣльскій, съ титуломъ «спрацы дворов господарскихъ», какъ его называютъ оффиціальные документы эпохи[1]), и отчасти сама волочная устава[2]). Поручая Фальчевскому осуществленіе задуманной земельной реформы, устава обязываетъ господарскаго справцу: «где бы въ которомъ именьи нашомъ потъреба вказывала, абыонъ зъ нашого росказанья догледалъ и доежъдчалъ, яко около померы, такъ и въ иныхъ речахъ, господарству належачыхъ, становячы ку пожытку скарбному подле воли нашое господарское»[3]). Ему принадлежитъ общее наблюденіе за ходомъ реформы и за дѣятельностью правительственныхъ агентовъ. Въ случаѣ отсутствія господаря Фальчевскій является для «ревизоровъ и мерчихъ» единственнымъ лицомъ, съ которымъ правительственные агенты должны были совѣщаться по всѣмъ вопросамъ, связаннымъ съ реформой[4]). Онъ долженъ даватъ имъ указанія «раду и науку» «такъ вънорадку померы, яко тежъ и въ господарстве а пожыткохъ его королевское милости»[5]). Однако, дѣйствія Фальчевскаго несамостоятельны. О своихъ планахъ и намѣреніяхъ, если самъ онъ не рѣшался взять ихъ на свою отвѣтственность, онъ долженъ былъ доводить до свѣдѣнія пана воеводы Виленскаго, пана Миколая Радивила, отъ котораго всѣ господарскіе агенты, въ томъ числѣ и Фальчевскій, «въ тую службу ставъленные, способляли

---

[1]) М. В. Довнаръ-Запольскій считаетъ Фальчевскаго прекраснымъ хозяиномъ практикомъ, вслѣдствіе чего на него и было возложено столь отвѣтственное порученіе. (Очерки, стр. 188).

[2]) Устава (отд. оттискъ изъ XXX т. Р. И. Б.) арт. 49.

[3]) Ibid., арт. 49.

[4]) Устава, стр. 52.

[5]) Ibid., стр. 52.

ся наукою, помочъю и обороною и во въсихъ справахъ, што бы ся стечало коло пожытковъ и кгрунтовъ господарскихъ» [6]).

По уставѣ, хотя Миколай Радивилъ и имѣлъ ближайшее наблюденіе за общимъ ходомъ земельной реформы, однако, между нимъ и паномъ Фальчевскимъ происходили недоразумѣнія, такъ какъ послѣдній не всегда представлялъ ему требуемыя имъ свѣдѣнія [7]). По мнѣнію М. В. Донаръ-Запольскаго, весьма близкое отношеніе къ земельной реформѣ имѣлъ и подскарбій земскій, къ которому впослѣдствіи перешло все дѣло землеустройства, но въ періодъ дѣятельности Фальчевскаго эти отношенія, по мнѣнію того-же изслѣдователя, остаются неясными, невыясненными [8]).

Господарскіе агенты, проводившіе въ жизнь земельные планы Сигизмунда-Августа, назывались ревизорами и мѣрниками. Отъ ревизора устава о волокахъ требуетъ опредѣленныхъ нравственныхъ качествъ. Они должны быть люди «добрые, сумъненья побожъного и оселые» [9]). Конечно, отъ нихъ требовалось знаніе принциповъ самой реформы и умѣнье ихъ прилагать на практикѣ, (въ номере волочъной и въ господарстве добре уместные, абы вмелъ всего достаточъне и справедливе выведати и въказати пожытокъ нашъ врадови въ чомъ можетъ причынити). Обязанности ревизоровъ состояли въ слѣдующемъ: они слѣдятъ за тѣмъ, чтобы шляхта и подданные не наносили господарскому хозяйству какихъ бы то ни было убытковъ [10]), немедленно доводятъ до свѣдѣнія центральнаго правительства имя того «недбалого врядника», въ урядѣ котораго за его недосмотромъ, состоялось расхищеніе господарскаго имущества, они слѣдятъ за дѣятельностью и работой мѣрника и вносятъ въ нее соотвѣтствующіе коррективы, если послѣдній «не вчынилъ» того, что требовалось по уставѣ; они контролируютъ дѣйствія мѣстнаго «вряда», и о неправильныхъ дѣйствіяхъ послѣдняго, если онъ поступалъ «не водле уставы» и противъ господарскихъ распоряженій, немедленно доводятъ до свѣдѣнія господаря, который окончательно рѣшаетъ дѣла такъ, какъ ему это покажется наиболѣе удобнымъ (што ся слушъного намъ повидить); принимаютъ соотвѣтствующія мѣры къ производству волочной помѣры

---

[6]) Ibid., стр. 53.

[7]) *М. В. Довнаръ-Запольскій.* Очерки, стр. 192.

[8]) Ibid., стр. 192—193.

[9]) Ibid., арт. 29.

[10]) Ibid., арт. 29.

тамъ, «гдѣ помера еще не дошъла», и производятъ новое измѣреніе, если только оказывалось, что произведенная помѣра была «непорадной». Они слѣдятъ, чтобы мѣста для селитьбы были отведены непремѣнно въ среднемъ полѣ; контролируютъ дѣйствія мѣрниковъ, и отвѣчаютъ, если послѣдніе «не слушъне справовали и лениво для своего пожытку мерили», даютъ отмѣну за земянскіе грунты, когда выяснится, что безъ нихъ господарскому двору обойтись никакъ нельзя; слѣдятъ за тѣмъ, чтобы «ку прылегълымъ замъкомъ и дъворомъ села и въсякіе кгрунты наши прылучали, яко ку которому двору ближей а споручъ»; производятъ розыски о земляхъ [11]), какъ утаенныхъ, такъ и незаконно забранныхъ; совмѣстно съ врядниками раздаютъ крестьянамъ волоки и заботятся, чтобы не сидѣло много крестьянъ «въ одномъ селе и на маломъ кгрунъте» [12]), присматриваютъ чтобы «врадники» не брали для своихъ нуждъ лѣса тамъ, гдѣ послѣдній былъ присоединенъ къ раздробленнымъ волокамъ; пробуютъ помолъ «всякого збожъя» и въ случаѣ неудовлетворительнаго его качества они должны «научыти абы везде з выбоемъ и безъ опилку збожъя молочоны были» [13]). Ревизоры провѣряютъ показанія уряда относительно состоянія фольварочнаго хозяйства, и цѣлесообразность его хозяйственныхъ распоряженій [14]) отводятъ опредѣленное количество сельскихъ волокъ для работъ на фольваркѣ [15]), опредѣляютъ размѣръ платы, поступающей въ господарскій скарбъ съ каждой дойной овцы и козы, а также выясняютъ и количество необходимыхъ рыкуній для надзора за стадомъ [16]); провѣряютъ отчетность по состоянію фольварочнаго стада [17]); контролируютъ дѣятельность уряда [18]); слѣдятъ за тѣмъ, чтобы врядники разбирали дѣла по челобитьямъ и о неисправныхъ врядникахъ доводятъ до свѣдѣнія господаря, а, за отсутствіемъ послѣдняго, до подскарбія для полученія соотвѣтствующей науки [19]); провѣряютъ расходы уряда по устройству ставовъ и сажавокъ и сообщаютъ господарю о томъ случаѣ, когда на устройство ихъ требуется большія суммы въ срав-

---

11) Ibid., арт. 29.
12) Ibid., арт. 29.
13) Ibid., арт. 20.
14) Ibid., арт. 20.
15) Ibid., арт. 20.
16) Ibid., арт. 21.
17) Ibid., арт. 21.
18) Ibid., арт. 30.
19) Ibid., арт. 30.

ненія съ тѣми, какими могъ распоряжаться урядъ[20]); контролируютъ дѣятельность уряда по сбору платовъ, серебщинъ и всякихъ иныхъ доходовъ[21]); провѣряютъ распоряженія уряда по веденію сѣнного хозяйства[22]); опредѣляютъ количество служекъ для каждаго двора и замка[23]); выбираютъ осочниковъ совмѣстно съ лѣсничимъ[24]); опредѣляютъ общее количество ремесленниковъ[25]) при замкахъ и дворахъ, назначаютъ войтовъ[26]) и лишаютъ ихъ должности[27]); освобождаютъ подданныхъ отъ платежа податковъ; назначаютъ войтамъ въ мѣстахъ для пользованія волоки[28]); описываютъ господарскіе лѣса[29]); производятъ разграниченія и провѣрку частно-владѣльческихъ уступовъ въ господарскихъ пущахъ[30]); измѣряютъ лѣсъ на волоки и осаживаютъ населеніе[31]); распредѣляютъ сѣножати между дворомъ и подданными; провѣряютъ реестры уряда о бортяхъ[32]).

Помощниками ревизоровъ являются мѣрники. Они выбираются самимъ ревизоромъ[33]), по одному на каждое войтовство. За свои услуги мѣрникъ получаетъ въ свое распоряженіе «три волоки вольныхъ отъ всихъ повинностей»[34]). Объектами волочнаго измѣренія были всякаго рода земли «купленныя и заставныя», «кѣды жъ кметь и вся его маетъность наша есть»[35]). Вымѣренная земля дѣлится на три поля по 11 морговъ въ каждомъ, если только такое дѣленіе возможно по мѣстнымъ условіямъ. Въ противномъ случаѣ, земля измѣряется на волоки, но безъ дѣленія послѣдней на три поля[36]). Волочная помѣра сопровождается округленіемъ господарскихъ имѣ-

---

[20]) Ibid., арт. 23.
[21]) Ibid., арт. 27.
[22]) Ibid., арт. 24.
[23]) Ibid., арт. 1.
[24]) Ibid., арт. 6.
[25]) Ibid., арт. 39.
[26]) Ibid., арт. 7.
[27]) Ibid., арт. 7.
[28]) Ibid., арт. 9.
[29]) Ibid., арт. 32.
[30]) Ibid., арт. 32.
[31]) Ibid., арт. 32.
[32]) Ibid., арт. 32.
[33]) Ibid., арт. 29.
[34]) Ibid., арт. 29.
[35]) Ibid., арт. 29.
[36]) Ibid., арт. 29.

ній за счетъ частновладѣльческихъ, за которыя дается «слушная и ровная отмѣна» [37]). При производствѣ отмѣны ревизоры должны слѣдить за тѣмъ, чтобы отмѣна была «земяномъ споручъ ку ихъ именьямъ и ровъно, якимъ кгрунътомъ возметь» [38]). Для установленія равноцѣнности земли—устава о волокахъ вводитъ «одабриванье» земель. Дѣля земли по качеству почвы «на предпія, среднія и подлыя», устава устанавливаетъ между ними отношенія: 1: $1^1/_2$: 3, т. е. одна волока «предняго кгрунту равна $1^1/_2$ волоки средняго и 3 волокамъ подлаго». Тамъ же, гдѣ земля по качеству почвы не подходитъ къ этимъ тремъ категоріямъ, гдѣ «грунтъ наддаръ подълый, блотъливый або песъковатый», тамъ опредѣленіе размѣровъ волоки, при отводѣ отмѣны, предоставляется на «пильное уваженіе» правительственныхъ агентовъ, лишь бы только не было убытка и господарю и тому, «въ кого берутъ» [39]). Отмѣна дается въ присутствіи уряда. Для частнаго владѣльца она обязательна. Отъ нея отказаться никто не можетъ. Если же кто нибудь «за упоромъ» не хотѣлъ ея принимать, то всетаки, несмотря на его упорство, она записывается въ книги и считается уже данной. На мѣстный врядъ возлагается отвѣтственность напоминанія о необходимости взять отмѣну, а за частнымъ владѣльцемъ остается право обжалованія. Всякія самоуправныя дѣйствія частныхъ владѣльцевъ должны быть прекращены, а виновные, обвиненные «въ гвалтѣ» привлекаются къ законной отвѣтственности [40]).

Земельная реформа Сигизмунда-Августа должна была содѣйствовать развитію дворового хозяйства. Поэтому, правительственные агенты, согласно уставѣ о волокахъ, обязаны были въ мѣстностяхъ, гдѣ была осуществлена реформа, отвести опредѣленное количество земли подъ господарскій фольварокъ. Конечно, послѣдній устраивался только въ томъ случаѣ, если для этого была подходящая по качеству почва. Если же «кгрунты были злые и непожыточные», то въ такой мѣстности фольваркъ не заводился. Въ такомъ случаѣ, неудобная для пашни земля отдается на осаду сельскому населенію [41]). Господарское фольварочное хозяйство ведется подъ руководствомъ врядника. Онъ долженъ его держать «въ пильной опатрности» и

---

37) Ibid., арт. 29.
38) Ibid., арт. 29.
39) Ibid., арт. 29.
40) Ibid., арт. 29.
41) Ibid., арт. 20.

слѣдить за тѣмъ, «чтобы въ немъ ни въ чомъ шкоды не было» господарю[42]). Хозяйственная дѣятельность врядниковъ оплачивается опредѣленнымъ вознагражденіемъ. Въ мѣстностяхъ, гдѣ не было фольварочнаго хозяйства, тамъ на врядъ отводится «въ каждомъ поли по одъной волоце», тамъ же, гдѣ фольварочное хозяйство функціонировало, на врядъ поступалъ третій снопъ изъ собраннаго урожая за вычетомъ десятины и сѣмянъ для посѣва[43]). Обязанности уряда по веденію фольварочнаго хозяйства состояли въ слѣдующемъ: онъ отдавалъ прежде всего на церковь десятину[44]), изъ собраннаго урожая оставлялъ необходимое количество зерна для посѣва[45]), слѣдилъ за тѣмъ, чтобы всѣ удобныя пашни были засѣяны, а неудобныя «за ихъ недбалостью» отданы на правахъ аренды[46]), велъ учетъ зерну, поступавшему на рынокъ, какъ собранному съ господарскаго фольварка, такъ и доставленному подданными[47]). Въ интересахъ увеличенія господарскихъ доходовъ, урядъ не можетъ давать зерно «въ отсопъ»[48]). Исключеніе составляли только голодные года, но и тогда для такой раздачи требовалось или господарское разрѣшеніе или листъ подскарбія земскаго[49]). Затѣмъ дворовый врядникъ назначаетъ гуменника для гуменцой службы съ отводомъ ему одной волоки, свободной «отъ цыншовъ и въсякихъ иныхъ платовъ, роботъ повинъностей»[50]). Въ случаѣ неурожая онъ долженъ немедленно довести объ этомъ до свѣдѣнія подскарбія земскаго, а распаханное поле, по распоряженію подскарбія, засѣвать старымъ урожаемъ. Если послѣдняго не найдется на мѣстѣ, то онъ долженъ быть купленъ или привезенъ изъ другого господарскаго двора, «абыся тымъ николи пашъни наши не зменъшывали»[51]), распредѣляетъ работу между крестьянами, работающими на панщинѣ[52]), собираетъ крестьянское населеніе на толоку, если въ послѣдней окажется необходимость[53]), слѣдитъ за со-

42) Ibid., арт. 20.
43) Ibid., арт. 20
44) Ibid., арт. 20.
45) Ibid., арт. 20.
46) Ibid., арт. 20.
47) Ibid., арт. 20.
48) Ibid., арт. 20.
49) Ibid., арт. 20.
50) Ibid., арт. 20.
51) Ibid., арт. 20.
52) Ibid., арт. 20.
53) Ibid., арт. 15.

стояніемъ фольварочнаго скота[54]), эксплоатируетъ продукты скотоводства и содѣйствуетъ увеличенію производительности господарскаго скотоводства[55]); заботится о продажѣ стараго скота и объ отсылкѣ годнаго для потребленія на господарскую кухню, если только господарскій дворъ находится гдѣ нибудь вблизи[56]); слѣдитъ за состояніемъ господарскаго коннаго стада и отвѣчаетъ за плохое его состояніе[57]), во всемъ слушается ревизора и даетъ ему необходимую отчетность о состояніи хозяйства[58]), слѣдитъ за тѣмъ, чтобы не было никакихъ злоупотребленій съ отпущенными сѣномъ и овсомъ на содержаніе коней[59]); заводитъ огороды[60]), выкапываетъ сажавки и ставы[61]), заботится о сохранности сѣножатей и своевременности покоса[62]), ведетъ реестръ господарскимъ данинамъ и отвѣчаетъ, если реестръ, представленный подскарбію, не совпадаетъ съ данными господарской канцеляріи[63]), собираетъ поступленія, какъ денежныя, такъ и натуральныя съ населенія, приписаннаго къ господарскимъ дворамъ и замкамъ[64]), разбираетъ тяжбы между крестьянами[65]), судитъ войта по жалобамъ на него подданныхъ[66]), вноситъ платы въ господарскій скарбъ[67]), разрѣшаетъ выходъ подданнымъ[68]), раздаетъ волоки[69]), заботится о поправленіи мостовъ[70]) и смотритъ, чтобы «многіе зъ шляхты» и господарскихъ подданныхъ не причиняли шкоды подданнымъ и не топтали ихъ «збожъя и ярыны»[71]), разбираетъ дѣла подданныхъ «по позвамъ» на нихъ со стороны и защищаетъ интересы подданныхъ противъ третьихъ лицъ[72]).

[54]) Ibid., арт. 21.
[55]) Ibid., арт. 21.
[56]) Ibid., арт. 21.
[57]) Ibid., арт. 25.
[58]) Ibid., арт. 21, 30, 29.
[59]) Ibid., арт. 25.
[60]) Ibid., арт. 22.
[61]) Ibid., арт. 23.
[62]) Ibid., арт. 24.
[63]) Ibid., арт. 26.
[64]) Ibid., арт. 27.
[65]) Ibid., арт. 7.
[66]) Ibid., арт. 7.
[67]) Ibid., арт. 28.
[68]) Ibid., арт. 33.
[69]) Ibid., арт. 34.
[70]) Ibid., арт. 35.
[71]) Ibid., арт. 42.
[72]) Ibid., арт. 41.

За веденіе господарскаго хозяйства и управленіе дворами и замками урядъ получаетъ вознагражденіе, точно фиксированное въ уставѣ. Эти поступленія двоякаго рода: натуральныя и денежныя. Къ числу первыхъ на долю уряда, какъ руководителя двороваго хозяйства, слѣдуетъ отнести: 1) третій снопъ «з гумепъ всякого збожъя», 2) десятую рыбу при спускѣ ставовъ, 3) пятый возъ сѣна съ дворовыхъ сѣножатей, и кромѣ того, дается на врадъ пятая скирда сѣна[73]). На томъ же основанія въ его пользу поступаютъ и денежныя поступленія: 1) остатки суммъ, вырученныхъ отъ эксплуатаціи господарскихъ огородовъ и господарскаго стада[74]); 2) штрафы въ количествѣ одного гроша за первый день, если подданный не выйдетъ на работу, и барана за второй прогульный день[75]). Какъ представитель центральной администраціи, имѣющій верховное наблюденіе за состояніемъ и положеніемъ дѣлъ въ господарской волости, господарскій урядъ получаетъ: 1) денежный платъ съ каждой десятой волоки, за исключеніемъ только сѣна и овса; 2) такъ-называемое «списное» при раздачѣ волокъ отъ каждой волоки по 14 пенязей и отъ бочки овса по одному пенязю въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ существовали такого рода сборы; 3) выводную куницу—въ размѣрѣ 12 грошей, если дѣвка или вдова выходятъ замужъ въ другую волость; 4) торговое и помѣрное и за лопатки въ торговые дни третій грошъ. Наконецъ, какъ лицо, владѣющее юрисдикціей, урядъ получаетъ: 1) виновое въ количествѣ 1 гроша, 2) отъ присяги—2 гроша, 3) пересудъ въ размѣрѣ 3 грошей отъ одной копы, 4) куницу—за дѣцкованье и помилное слугамъ, 5) за порчу межи 12 грошей, 6) поколодное грошъ и 7) пріемное—по 2 гроша съ волоки[76]).

Для работъ на фольварочной землѣ на каждую волоку фольварка отводится 7 сельскихъ волокъ съ ихъ рабочимъ скотомъ. Эти сельскія волоки должны лежать вблизи господарскаго «двора и пашъни». Фольварочные крестьяне работаютъ въ господарскомъ дворѣ два раза въ недѣлю.[77]) Если же приписанная рабочая сила окажется недостаточной, то, въ случаѣ необходимости, для сбора хлѣба всѣ

---

[73]) Ibid., арт. 20, 23, 24, 31.

[74]) Ibid., арт. 21.

[75]) Ibid., арт. 31.

[76]) Ibid., арт. 31, 34.

[77]) Ibid., арт. 20.

крестьяне выходятъ на толоку. Обязанность же ихъ кормить падаетъ на урядъ [78]).

Согласно уставѣ, при каждомъ фольваркѣ должны находиться стада рогатаго крупнаго и мелкаго скота. Высшій надзоръ за состояніемъ двороваго стада принадлежитъ уряду, а ближайшій—рыкуньѣ, получающей за свой трудъ ежегодно по двѣ копы грошей и три бочки жита съ господарскаго гумна, а четвертая дается урядомъ изъ его доли. При фольваркѣ должно находиться не меньше 20 коровъ. Если же наличность окажется меньше, то на урядъ падаетъ обязанность позаботиться о покупкѣ его. Количество мелкаго скота устава не опредѣляетъ. Конечно, послѣднее зависѣло отъ состоянія и размѣровъ фольварка. Эксплуатація продуктовъ скотоводства предоставляется уряду.

Господарскій урядъ обязанъ былъ вносить въ господарскій скарбъ опредѣленное количество денегъ за каждую штуку рогатаго, крупнаго и мелкаго скота, находившагося въ его завѣдываніи. Такъ отъ каждой дойной коровы поступаетъ 20 грошей, за шерсть старой овцы—1 грошъ, а молодой $1/2$ гроша. Размѣръ платы отъ каждой дойной овцы или козы опредѣляется ревизоромъ. Кромѣ того, скарбъ получаетъ по пять грошей за каждую воловью шкуру и по три гроша за коровью. Очевидно, остатокъ вырученной суммы поступаетъ въ распоряженіе вряда. Если при господарскомъ дворѣ находятся и конскія стада, то ближайшее завѣдываніе ими находится въ рукахъ машталеровъ и конюховъ. Общій надзоръ составляетъ непремѣнную и отвѣтственную обязанность двороваго вряда. Послѣдній отвѣчаетъ, если при ревизіи обнаружится, что господарскіе кони «злe будутъ захованы». Кромѣ того, господарскіе врядники должны смотрѣть, чтобы не было никакихъ злоупотребленій съ кормами, отпускаемыми для лошадей. Устава требуетъ, чтобы урядъ смотрѣлъ, чтобы овесъ и сѣно не продавались на сторону, и чтобы за счетъ отпускаемыхъ припасовъ машталеры «своихъ коней не ховали бы» [79]).

При господарскомъ дворѣ должны быть заведены огороды — для господарскихъ потребностей. Впрочемъ, продукты натурой поступаютъ только въ случаѣ требованія «на огородныя речи» со стороны господарской кухни. Если послѣдняго не поступало, то уряду

[78]) Ibid., стр. 50.
[79]) Ibid., арт. 21, 25.

предоставляется право утилизировать эти продукты по своему, а въ господарскій скарбъ вмѣсто натуры платить «пенезми» по 12 грошей «отъ кажъдаго моргу» [80]).

Заботясь объ увеличеніи господарскихъ доходовъ — устава о волокахъ требуетъ, чтобы при господарскихъ дворахъ были устроены «ставы и сажавки». Работы по ихъ устройству должны производиться исключительно осенью и весной по окончаніи полевыхъ работъ. Устройство ихъ требуетъ экстраординарныхъ расходовъ. Поэтому, устава отводитъ для найма рабочихъ 20 копъ грошей изъ суммъ, вырученныхъ за продажу хлѣба, рыбы и стараго скота. Работы по устройству «ставовъ и сажавокъ» производятся наемнымъ трудомъ. Если же работы по устройству ставовъ и сажавокъ потребуютъ большей суммы, чѣмъ 20 грошей, то объ этомъ урядъ доводитъ до свѣдѣнія ревизора, который, съ своей стороны, сообщаетъ господарю, и уже отъ послѣдняго получаетъ соотвѣтствующую инструкцію. Рыбные ставки и сажавки предназначаются для потребностей господарскаго двора, и никто не имѣетъ права, «подъ каръностью срокгою» ловить въ нихъ рыбу. При господарскомъ дворѣ тамъ, гдѣ это возможно, строятся «млыны и ѳолюши». Завѣдываніе господарскими «млынами и ѳолюшами» составляетъ обязанность млынара [81]). Къ господарскому двору должны быть приписаны также и сѣножати. На обязанности уряда лежитъ наблюденіе, «абы сеножати дворные не залегали и заросълые выпъравованы и въ часъ покошоны были». Если же при ревизіи выяснится, что дѣятельность уряда принесла господарскому двору шкоду, то урядъ возмѣщаетъ убытки за счетъ того сѣна, которое должно, согласно уставѣ, поступить въ его распоряженіе [82]).

Таковы требованія уставы, предъявляемыя ею къ правительственному уряду въ цѣляхъ поднятія доходности двороваго хозяйства.

Согласно уставѣ, вся измѣренная на волоки земля раздавалась сельскому населенію и низшимъ дворовымъ слугамъ для несенія соотвѣтствующихъ повинностей.

Крестьянская масса дѣлится на двѣ группы: высшую и низшую. Къ первой принадлежали лица, отправлявшія военную повинность, либо какую нибудь иную спеціальную службу, либо эксплуатировавшія господарскія угодья.

---

[80]) Ibid., арт. 22.
[81]) Ibid., арт. 23.
[82]) Ibid., арт. 24.

Изъ высшихъ разрядовъ крестьянскаго населенія устава о волокахъ знаетъ «бояръ путныхъ» и разнаго рода служекъ. Путные бояре получаютъ въ свое распоряженіе 2 волоки. Они освобождаются отъ тяглой службы и даванья подводъ. Когда же они заняты выполненіемъ своей «путницкой» службы, то въ господарскій скарбъ не вносятъ никакихъ платовъ. Въ противномъ случаѣ, они вносятъ такъ называемый «голый чиншъ» [83]). При каждомъ дворѣ и замкѣ, по усмотрѣнію ревизора, должно быть осажено извѣстное количество «служекъ», съ освобожденіемъ отъ всякихъ платовъ и повинностей. Обязанность ихъ—выполненіе порученій мѣстнаго уряда, но исключительно для потребностей господарскихъ. Для службы — служки должны выставлять одного коня. Для этой цѣли въ ихъ распоряженіе отводится двѣ вольныхъ отъ всякихъ платовъ волоки [84]). Одинаковое положеніе съ путными людьми и служками — занимали стрѣльцы. Имъ отводилось двѣ вольныя волоки. И за это они были обязаны нести военную службу и выходить, по господарскому распоряженію, «въ ловы». Кромѣ того, волочная устава предоставляетъ стрѣльцамъ право брать для своихъ потребностей и третью волоку, но при условіи уплаты за нее соотвѣтствующаго чинша [85]). Однако, это распоряженіе уставы оказалось недолговѣчнымъ. Согласно господарской инструкціи отъ 20 мая 1558 г., выданной Сигизмундомъ-Августомъ ревизорамъ и мѣрникомъ, стрѣльцы осаживались также на двухъ волокахъ, но при этомъ свободной отъ всякихъ платовъ и повинностей была только одна волока. Съ другой же волоки стрѣльцы были обязаны платить чиншъ наравнѣ съ осадными людьми, но при этомъ они освобождались отъ доставленія натурой «сена и овса», а также отъ несенія подводной повинности, отъ «жадныхъ отъвозовъ альбо подводъ» [86]).

И господарскіе конюхи за «конюшскую службу» получали также 2 «вольныя» волоки, и кромѣ того имъ ежегодно давалось «на страву имъ и вѣси потъребы» по 4 копы грошей. Если же какой-нибудь изъ конюховъ будетъ свободенъ отъ несенія конюшской службы, то за каждую волоку онъ вноситъ въ господарскій скарбъ голый чиншъ» [87]).

---

[83]) Ibid., арт. 1.
[84]) Ibid., арт. 1.
[85]) Ibid., арт. 4.
[86]) Ibid., арт. 53—54.
[87]) Ibid., арт. 3.

Точно также «одверные и пвьшые слуги дворные» осажены на 2 волокахъ, также вольныхъ отъ платовъ и повинностей. Свободные отъ службы платятъ за всѣ повинности «голый чиншъ». Исключеніе только дѣлается для старыхъ дворовыхъ слугъ. Они могутъ пользоваться волоками, свободными отъ платовъ, но должны исходатайствовать для этого особый господарскій листъ [88]). Наконецъ—устава упоминаетъ о бортникахъ и осочникахъ. Первые платятъ въ скарбъ «голый чиншъ» подобно осаднымъ людямъ, но освобождаются отъ него въ случаѣ отправленія на войну. На обязанности ихъ въ мирное время лежитъ также исправленіе мостовъ. Количество ихъ опредѣлено, вѣроятно, обычаемъ. За сверхъ урочную работу «за мосты имъ неповинъные мостити» бортники освобождаются отъ части чинша, но для этого требуется всякій разъ господарское распоряженіе [89]). Что же касается осочниковъ, то они получаютъ въ пользованіи двѣ волоки свободныхъ отъ чинша и всякихъ повинностей [90]). Наконецъ, всякаго рода ремесленники, количество которыхъ вообще и въ частности «при гостинъцахъ и тыхъ дворехъ», гдѣ останавливается господарь, опредѣляется въ зависимости отъ мѣстныхъ потребностей и нуждъ. Для исправнаго отбыванія ремесленной службы имъ отводится одна волока. Устава перечисляетъ слѣдующихъ ремесленниковъ: теслей, ковалей, слесарей, колодеевъ, бондарей, рыболововъ и грабарей [91]). Конечно, данный списокъ слишкомъ краткъ. Впрочемъ, по задачамъ уставы такой полноты и не требуется. Вѣдь устава даетъ только общія руководящія нормы, примѣненіе которыхъ уже зависѣло отъ правительственнаго агента, осуществлявшаго мѣропріятія литовско-русскаго правительства.

Сельское населеніе, принадлежавшее ко второй группѣ, согласно волочной уставѣ, представляется въ слѣдующемъ видѣ. Оно дѣлится на три группы: огородниковъ, тяглыхъ и осадныхъ людей. Всѣ эти разряды обезпечены земельнымъ участкомъ, и въ зависимости отъ послѣдняго опредѣляются и размѣры ихъ повинностей. Наименѣе обезпеченными землей являются огородники. Каждому изъ нихъ дается по три морга. Повинность ихъ заключается въ барщинной пѣшой работѣ по одному дню въ недѣлю, и, кромѣ того, ихъ жены должны

---

88) арт. 5.
89) арт. 2.
90) арт. 6.
91) арт. 39.

съ своей стороны работать лѣтомъ—не болѣе шести дней—либо во время жатвы, либо во время полотья огородовъ[92]).

Крестьяне, осадные и тяглые сидятъ, на волокахъ. Устава признаетъ дѣленіе волокъ по качеству почвы на нѣсколько разрядовъ, и въ зависимости отъ него опредѣляется размѣръ повинностей. Съ каждой волоки, принятой на осаду, въ господарскій скарбъ поступало грошей:

Качество грунта.	Чиншъ	Куры, гуси яйца, стацін, неводы.	Толока.	Гвалтъ.	Осада.	Овесъ.	Сѣно.	Итого. гр.
Добрый. . .	21	8	12	10	30	20	5	106
Средній. . .	12	8	12	10	30	20	5	97
Подлый. . .	8	8	12	10	30	10	5	83
Вельми подлый, блотливый, песковатый. . .	6	8	12	10	30	—	—	66

Часть платовъ могла быть собираема и натурой, что зависѣло, по всей вѣроятности, отъ усмотрѣнія господарскаго уряда. Такъ, натурой могли поступать: овесъ, сѣно, гуси, куры яйца. Стація, обыкновенно, собиралась деньгами, но если послѣдовало господарское распоряженіе о доставкѣ стаціи натурой, то осадные крестьяне были обязаны доставить: съ тридцати волокъ—одну яловицу, двухъ барановъ и, кромѣ того, съ каждой волоки «по курати и по десяти яицъ» [93]).

Что же касается крестьянъ тяглыхъ, то ихъ платежи состояли также изъ чинша и натуральныхъ податковъ въ видѣ мелкаго дохода: куръ, гусей, яицъ, стацій, а также сѣна и овса. Всѣ эти натуральные платежи могли быть переведены на деньги. При такомъ расчетѣ съ каждой волоки добраго грунта поступало 54 гр.

средняго	»	»	45	»
подлаго	»	»	31	»
вельми подлаго	»	»	14	»

Но зато тяглыя люди обязаны нести барщину два раза въ недѣлю и выходить 4 раза на толоку «съ чимъ укажутъ» [94]). Наконецъ, и крестьяне-чиншевики, и крестьяне-тяглые, по принятіи волокъ, ос-

92) Ibid. арт. 16.
93) Ibid., арт. 15.
94) Ibid., арт. 15.

вобождаются отъ даванья стацiи и подыманья иностранныхъ и господарскихъ пословъ [95]).

Таковы были платы, поступавшiе въ господарскiй скарбъ съ принятыхъ волокъ, какъ тяглыхъ, такъ и осадныхъ. Но такiе платы взимались только съ волокъ «разробленныхъ». Если же брались пустыя волоки, то держатель получалъ льготу въ платежахъ втеченiе двухъ-трехъ лѣтъ, «поколься збудуеть и волоку напъравить», и за всѣ повинности платитъ только 42 гроша, снявши въ свою пользу «жыто и ярыну». При этомъ онъ освобождается отъ даванiя подводъ и другихъ работъ, «поколь ся побудетъ» [96]). Волоки могутъ быть отданы на условiяхъ, приведенныхъ въ уставѣ. Отдача же волокъ по соглашенiю уставой не допускается [97]).

Принятыя населенiемъ волоки передаются по наслѣдству женѣ и дѣтямъ. Даже совершенiе уголовнаго преступленiя держателемъ не лишаетъ его семью права на владѣнiе волокой и мастностью преступника. Если же волока становится «выморочной», то на ней осаживаются подданные съ передачей имъ мастности предшественника «абы тамъ не мъножилися пустъки» [98]).

Устава не проводитъ разграниченiя между крестьянскими волоками—тяглыми и осадными. И тѣ и другiя взаимно перемѣшаны, но съ другой стороны, она требуетъ, чтобы при осаживанiи на волоки стрѣльцовъ, послѣднiе были посажены «межи тягълыхъ людей» и никоимъ образомъ не должны сидѣть всѣ вмѣстѣ «посъполу» [99]). Впрочемъ, въ судебномъ отношенiи они не подчинены юрисдикцiи уряда. У нихъ особая юрисдикцiя. Только разборы дѣлъ съ посторонними происходятъ на судѣ урядѣ, но въ присутствiи представителя отъ лица, завѣдующаго стрѣльцами. Межевыя дѣла и споры разбираются войтомъ и стрѣлецкимъ служебникомъ [100]).

Но повинности сельскаго населенiя не исчерпываются только внесенiемъ въ господарскiй скарбъ платовъ, слѣдуемыхъ по уставѣ съ каждой волоки. Они, наравнѣ съ частновладѣльческими подданными, обязаны платить серебщину. Устава только категорически предписываетъ, чтобы она непремѣнно бралась съ волокъ, и чтобы каче-

---

[95]) Ibid., арт. 15.
[96]) Ibid., арт. 34.
[97]) Ibid., арт. 34.
[98]) Ibid., арт. 43.
[99]) Ibid., стр. 48.
[100]) Ibid., стр. 54.

ство грунтовъ[101]) при этомъ не принималось во вниманіе. Кромѣ того, подданные должны давать подводы и отправляться для «будованья замковъ и дворовъ». Впрочемъ, отправленье этихъ повинностей—не безплатное. Въ зависимости отъ продолжительности работы съ нихъ складывается господарскимъ распоряженіемъ нѣкоторое количество слѣдуемыхъ съ нихъ платовъ. Отправленіе подводной повинности организуется слѣдующимъ образомъ: съ каждыхъ трехъ или четырехъ волокъ выставляется одна подвода или одинъ работникъ. Эти повинности обязательны, и никто не можетъ отъ нихъ освободиться. Для этого требуется спеціальное господарское распоряженіе. Отправленіе подводной повинности на мѣстахъ и всякаго рода возведеніе мѣстныхъ построекъ производятся по указанію мѣстнаго вряда и ревизора. Но если требуется произвести какія нибудь сложныя работы, то послѣднія производятся исключительно съ господарскаго разрѣшенія, а, въ случаѣ отсутствія господаря, разрѣшеніе дается земскимъ подскарбіемъ. Отправленье подводной повинности и строительной повинности—это государственныя повинности; поэтому старостамъ и тивунамъ строжайше запрещается брать подводы для своихъ нуждъ или для потребностей «прыятелей». Въ противномъ случаѣ, сами они теряютъ свою должность, а врядники державцы подвергаются за это смертной казни. Помимо этого, каждое изъ войтовствъ должно предоставлять подводы для отвоза денегъ въ Вильну. Для этой цѣли подъ каждые пятьсотъ копъ грошей выставляется 2 подводы. Вознагражденіе возчикамъ даетъ населеніе всего войтовства—по грошу на милю за каждаго коня. Если же люди возили хлѣбъ осадный или лѣсные товары для заграничныхъ портовъ, то, въ зависимости отъ размѣровъ ихъ повинности, «имъ въ цынъшохъ такъ же ѳолкга маетъ быти уделана»[102]); точно такъ же, если бы подданные возили по господарскому распоряженію «каменье», то имъ дѣлается облегченіе въ уплатѣ чинша. Озабочиваясь правильной организаціей отправки дерева и дровъ въ Вильну, устава требуетъ, чтобы всѣ подданные Марковской волости и Волкиницкой были осажены на тяглую службу, и за рабочіе дни «спущали до Вильны дерева и дрова». Если же для данной цѣли не будетъ достаточно населенія одной волости, «где бы тая волость водле потъребы нашое тому досыть вчинити не могла», то для этой цѣли командируются люди

---

[101]) Ibid., арт. 18.
[102]) Ibid., арт. 35.

изъ другихъ господарскихъ дворовъ, несущіе тамъ тяглую службу. Въ этомъ случаѣ они освобождаются отъ отправленія тяглой службы [103]).

Кромѣ предоставленія подводъ подданные должны мосты «на местьцахъ звыклыхъ робити», подъ надзоромъ своего войта, безъ права взимать за переѣздъ «мостовничее». Если войтъ исполняетъ это небрежно, то врядъ напоминаетъ «недбалому» войту о повинности. Устава допускаетъ, что подданные не пожелаютъ подчиниться распоряженіямъ войта—тогда на работу непослушныхъ подданныхъ выгоняетъ самъ урядъ. Точно также уряду принадлежитъ высшій надзоръ по постройкѣ мостовъ «на гостинцахъ и дорогахъ», гдѣ проѣзжаетъ господарь со своимъ дворомъ. Осадные люди мостятъ только мосты «звыклые». Въ противномъ случаѣ, имъ за это дѣлается льгота въ платежахъ платовъ. Мостовая повинность не распространяется на тяглыхъ людей. Послѣдніе могутъ ее отправлять вмѣсто своей обыкновенной тяглой работы [104]). Наконецъ, на подданныхъ лежитъ также обязанность выставлять сторожей для охраны «замковъ и дворовъ». Количество ихъ устанавливается ревизоромъ «водле потъребы, великости и важъности дворовъ нашихъ». Кромѣ того, подданные должны выставлять необходимое количество сторожей для охраны господарскихъ коней и воловъ на мѣстѣ стоянки господаря [105]).

Господарскіе подданные сидятъ на волокахъ и ведутъ на нихъ свое хозяйство. Устава строжайше запрещаетъ распахиванье пустыхъ волокъ подъ угрозой отобранія на господаря всего хлѣба и штрафа въ размѣрѣ 1 рубля. За то, согласно той же уставѣ, подданнымъ разрѣшается пасти скотъ на пустыхъ волокахъ, и ни одинъ врадникъ не имѣетъ права «грабити быдла подданныхъ на пустомъ, хотя бы и сеножати» [106]). Кромѣ того, подданнымъ разрѣшаются входы въ господарскія пущи «по дрова, по хъворостъ, на гороженіе, по дерево на будованіе, по лыка» при условіи, если все это собирается для личныхъ потребностей, а не для продажи. Собирать все они могутъ только на одномъ мѣстѣ, отведенномъ ревизоромъ. Дѣтишкамъ подданныхъ разрѣшается также безпрепятственный входъ въ господарскіе лѣса для сбора лѣсныхъ ягодъ и хмѣля [107]). Запрещая давать кому

[103]) Ibid., арт. 36.
[104]) Ibid., арт. 37.
[105]) Ibid., арт. 38.
[106]) Ibid., арт. 19, стр. 51.
[107]) Ibid., арт. 33.

бы то ни «было дерева стоячего на будоване», устава, однако, разрѣшаетъ давать оныя господарскимъ подданнымъ, которые не имѣютъ въ достаточномъ количествѣ лѣса для своихъ потребностей [108]).

Запрещая подданнымъ охотиться въ господарскихъ лѣсахъ, устава разрѣшаетъ имъ охотиться на своихъ лѣсныхъ волокахъ на всякаго звѣря за исключенiемъ серны и «иншого большого зверя», а также и на птицу, съ правомъ продажи ихъ «кому хотячы», не доводя до свѣдѣнiя вряда. Нарушенiе этого устава объ охотѣ влечетъ за собою смертную казнь для виновнаго [109]). Подданные получаютъ также право рыбной ловли въ господарскихъ рѣкахъ и озерахъ. Рыбная ловля можетъ производиться «крыгою, удою, броднемъ, трыгубицей, оборомъ и иншыми малыми сетьками», но за то строго запрещается забивать езы. Рыбная ловля категорически запрещена въ апрѣлѣ, маѣ и iюнѣ. За исполненiемъ даннаго распоряженiя обязанъ слѣдить врядъ [110]).

Господарскiе подданные, принявшiе волоки, не лишаются права добровольнаго выхода. Послѣднiй можетъ совершаться только съ согласiя уряда, да и то въ строго опредѣленныхъ случаяхъ. Такъ, устава разрѣшаетъ «убогому и недостаточному человѣку» послѣ окончанiя полевыхъ работъ уходить на заработки, предварительно доказавъ свою бѣдность предъ урядомъ въ присутствiи войта. Если онъ не явится ко дню св. Яна, то онъ теряетъ право на сдѣланный имъ засѣвокъ, который отдается кому нибудь другому. Если подданный уйдетъ безъ заявленiя о своемъ уходѣ уряду, то онъ считается бѣглымъ. Въ этомъ случаѣ онъ подлежитъ разысканiю, а его имущество съ землей отбирается и отдается кому нибудь другому. Вернувшихся добровольно или возвращенныхъ силою осаживаютъ на пустыхъ волокахъ. Впрочемъ, возвращенiе старой волоки съ засѣвкомъ возможно только въ томъ случаѣ, если разслѣдованье черезъ ревизора докажетъ, что подданный сбѣжалъ «за крывдой отъ врядника и войта». Но подданный, «осадившiй волоку», продавшiй въ присутствiи войта и лавниковъ свое «будованье и домовъство», можетъ уйти и поселиться въ другомъ мѣстѣ, но обязательно на господарской землѣ [111]).

---

108) Ibid., арт. 43.
109) Ibid., арт. 33.
110) Ibid., арт. 33.
111) Ibid., арт. 33.

Тяглые крестьяне выходятъ на работу по указанію войта и выполняютъ на работѣ урокъ, назначенный послѣднимъ. Рабочій день очень продолжителенъ: начинается съ восхода солнца и заканчивается съ его заходомъ. Въ теченіе рабочаго дня рабочіе со скотомъ имѣютъ три часа отдыха, а пѣшіе только $1^1/_2$ часа, т. е. по полчаса въ теченіе каждаго перерыва. Войтъ обязанъ слѣдить за тѣмъ, чтобы всѣ своевременно и исправно выходили на работу. Всякая небрежность въ работѣ наказывается. Такъ, опоздавшіе выходомъ на работу изъ-за лѣности должны отработать пропущенное время на другой день. За всякій же пропущенный день полагается штрафъ и наказаніе, размѣры котораго увеличиваются въ зависимости отъ количества прогульныхъ дней. За первый прогульный день взимается штрафъ въ размѣрѣ одного гроша; за второй день виновный платитъ «барана». Пропускъ рабочаго дня въ третій разъ карается уже тѣлеснымъ наказаніемъ. Устава, конечно, должна была признать ненаказуемыми законные пропуски, вслѣдствіе «слушныхъ причинъ». Въ такомъ случаѣ, работникъ, лишенный возможности выйти на работу, долженъ довести объ этомъ черезъ сосѣда или лавника до свѣдѣнія уряда, на обязанности котораго лежало удостовѣриться, заслуживаетъ ли причина, выставленная работникомъ, уваженія или нѣтъ. Пропущенный рабочій день отрабатывается впослѣдствіи [112]).

Господарскія волости, населенныя чиншевымъ и тяглымъ крестьянствомъ, дѣлятся на войтовства. Во главѣ его стоитъ войтъ, выбираемый ревизоромъ и урядомъ. За исполненіе обязанностей, сопряженныхъ съ должностью войта, онъ получаетъ въ пользованье двѣ волоки, «вольныхъ отъ всякихъ потяглеи и податковъ» (первоначально давалась только одна волока, а другую войтъ могъ принять на себя съ платежомъ «голаго» чинша). На каждое войтовство приходится попреимуществу осадныхъ 300—400 волокъ. Первоначально по волочной уставѣ войтовства предполагались значительно меньшихъ размѣровъ, а именно: на одно войтовство должно было приходится около 100 волокъ, «мало большъ мало меньшъ» [113]).

Помимо двухъ волокъ въ пользу войта поступалъ также и штрафъ въ 4 гроша, уплачиваемый виноватой стороной за порчу межи [114]). Помощниками войта являются лавники. На каждое войтовство

---

[112]) Ibid., арт. 19.
[113]) Ibid., арт. 7 и стр. 49.
[114]) Ibid., арт. 7.

приходится ихъ по 2—3 человѣка и больше въ зависимости отъ размѣровъ войтовства. Встава требуетъ, чтобы лавниками были люди «не подозраные, веры годные»[115]).

Обязанности войта довольно разнообразны и сложны: онъ приводитъ въ исполненіе распоряженія уряда, выгоняетъ на работу и слѣдитъ за работой крестьянъ своего войтовства; присутствуетъ при отдачѣ чиншовъ и платовъ людьми его войтовства и приводитъ подданныхъ на судъ уряда; заботится о своевременномъ отвозѣ овса и сѣна въ Вильну; исправляетъ ежегодно границы волокъ между господарскими подданными; слѣдитъ за исправнымъ состояніемъ межъ, а, въ случаѣ ихъ порчи, доводитъ до свѣдѣнія уряда; присутствуетъ на судѣ уряда при разборѣ дѣлъ подданныхъ; ведетъ отчетность поступленіямъ господарскихъ винъ и представляетъ соотвѣтствующую вѣдомость ревизору; контролируетъ врядъ при опредѣленіи размѣровъ винъ и пересудовъ и слѣдитъ, чтобы въ данномъ случаѣ было полное соотвѣтствіе съ господарской уставой; въ случаѣ недобросовѣстности уряда онъ дѣлаетъ ему соотвѣтствующее представленіе и въ случаѣ недѣйствительности послѣдняго доводитъ до свѣдѣнія ревизора; слѣдитъ, чтобы урядъ не бралъ съ подданныхъ никакихъ откуповъ за работу. Въ противномъ случаѣ, устава обязываетъ доводить о неправильныхъ дѣйствіяхъ уряда до свѣдѣнія ревизора. Устава запрещаетъ войту пользоваться незаконными доходами, отдавать въ наемъ незанятыя волоки, производить судъ между крестьянами подъ угрозой штрафа въ одинъ рубль грошей, но вообще рекомендуетъ заботиться о благосостояніи господарскаго имѣнія. Поэтому войтъ, «обачывъши где кольве шкоду нашу господаръскую», обязанъ немедленно сообщить объ этомъ «урадови и ревизору». Неисполненіе этого требованія наказуется штрафомъ.

Если войтъ контролируетъ дѣйствія уряда, то, съ своей стороны, онъ подчиненъ уряду, но право лишенія войта его должности принадлежитъ ревизору совмѣстно съ урядомъ. «Дознавши вину и не слушъную справу» войта, они должны отставить его отъ должности и назначить на его мѣсто другого, «неподозраного, на которого поддани зволять». Помимо лишенія должности, войтъ за неправильныя дѣйствія подвергается денежнымъ штрафамъ[116]).

Помощниками войтовъ являются лавники. Обязанности ихъ довольно ограничены. Они слѣдятъ, чтобы вообще господарскій поддан-

---

[115]) Ibid., арт. 8.

[116]) Ibid., арт. 7, 27.

ный не терпѣлъ никакихъ «шкодъ» въ своемъ хозяйствѣ, «высъ пасяхъ и въ иншихъ речахъ», получая за это такъ называемое «оглядное» «отъ шкоды грошъ». Неправильныя дѣйствія лавника разсматриваются уставой, какъ дѣйствія клятвопреступника, и вслѣдствіе этого караются соотвѣтствующимъ наказаніемъ. Лавники не освобождаются «отъ потягълей и въсякихъ повинъностей» [117]).

Всѣ денежные платы и серебщины должны быть относимы населеніемъ въ урядовый дворъ или въ какое нибудь другое мѣсто, если въ данной мѣстности совсѣмъ нѣтъ господарскаго двора. Денежные взносы уплачиваются населеніемъ, начиная со дня святого Михаила и кончая днемъ св. Мартина. Всякій подданный уплачиваетъ слѣдуемыя съ него подати въ присутствіи своего войта. Неуплата своевременно податковъ влечетъ за собой разслѣдованіе со стороны уряда, который можетъ недоимщика посадить въ арестанскій домъ, если убѣдится, что онъ въ состояніи уплатить слѣдуемый съ него податокъ, и неплатежъ обясняется только «недъбалостью» подданнаго. Помимо тюремнаго наказанія виновный обязанъ уплатить такъ называемое «поколодное». Взысканіе недоимокъ не должно касаться его живого инвентаря. И это понятно: подданный безъ рабочаго скота —не нуженъ для двороваго хозяйства. Однако, устава признаетъ нѣкоторыя причины уважительными при неуплатѣ слѣдуемыхъ съ подданнаго податковъ. Отъ послѣднихъ подданный можетъ быть освобожденъ въ случаѣ пожара, голода, болѣзней семьи, градобитія и вообще убожества. Желающій освободится отъ платежа «платовъ» представляетъ уряду «вѣдомость», подписанную войтомъ, лавниками и его сосѣдями. Съ своей стороны, урядъ, по полученіи такого свидѣтельства, долженъ произвести соотвѣтствующее дополнительное разслѣдованіе. Однако, самъ урядъ не можетъ освободить подданнаго отъ плата. При представленіи отчета въ скарбъ, державца доводитъ о недоимкѣ до свѣдѣнія подскарбія, который поручаетъ ревизору окончательное разрѣшеніе даннаго дѣла. По пріѣздѣ на мѣсто, ревизоръ долженъ «выведаніе чынити отъ войтовъ и подданныхъ, суседовъ оного, хто не выдалъ» и только послѣ этого выноситъ свое окончательное рѣшеніе [118]).

Всѣ денежныя поступленія, собранныя урядомъ, немедленно отдавались въ господарскій скарбъ, начиная съ Рождества Христова.

117) Ibid., арт. 8.
118) Ibid., арт. 27.

Въ полученіи денегъ уряду выдается подскарбіемъ соотвѣтствующая квитанція. Счетъ ихъ опредѣляется «реестрами и уставой ревизорской», или одной только первой уставой, если еще въ волости ревизору не случалось быть. Наконецъ, въ уставѣ точно опредѣлены дни, когда съ какой волости урядникъ долженъ былъ представлять въ господарскій скарбъ денежные платы. Такъ какъ счетъ поступающихъ въ скарбъ денегъ—работа довольно тяжелая, то писаря скарбные, производившіе этотъ подсчетъ, получаютъ ежегодно вознагражденіе въ количествѣ 160 копъ грошей, и кромѣ того 15 локтей «одомашъки» и поставъ сукна «колтрышового» для ихъ слугъ и дьяковъ. Пріемъ денегъ производится подъ контролемъ земскаго подскарбія, который о всѣхъ неправильныхъ дѣйствіяхъ скарбныхъ писарей доводитъ до свѣдѣнія господаря, который выноситъ соотвѣтствующее рѣшеніе, сообщаемое къ свѣдѣнію скарбныхъ писарей подскарбіемъ земскимъ. Съ своей стороны, и скарбные писаря должны доводить до свѣдѣнія господаря о всякихъ упущеніяхъ со стороны подскарбія земскаго. Такимъ образомъ, путемъ взаимнаго контроля пріемщиковъ платовъ составители уставы надѣялись достигнуть правильной пріемки платовъ, поступавшихъ въ господарскій скарбъ съ мѣстностей, гдѣ была проведена и осуществлена аграрная реформа[119]).

Стремясь обезпечить своевременный притокъ денежныхъ поступленій, правительство возлагаетъ на урядъ отвѣтственность за несвоевременное поступленіе податковъ. Если деньги не будутъ отосланы въ господарскій скарбъ ко времени, опредѣленному уставой, то правительство, съ своей стороны, для обезпеченія реагируетъ на это посылкой дворянина въ имѣніе уряда «якого стану будь», которое равнялось бы по цѣнности недоставленной суммѣ. Дворянинъ имѣетъ право заставить это имѣніе или присоединить его къ какому либо двору. Съ этого времени оно находится временно въ рукахъ господаря, и это продолжается до тѣхъ поръ, пока не будетъ заплачена урядомъ вся сумма сполна. Если же имѣнье не будетъ равноцѣнно недоставленной суммѣ, то оно отбирается на господаря до тѣхъ поръ, пока урядъ не заплатитъ соотвѣтствующей суммы, или пока отъ господаря не будетъ какого нибудь особаго распоряженія. Когда будутъ приняты первоначальныя мѣры для обезпеченія долга, то окончательная резолюція относительно судьбы «недбалаго» вряд-

---

[119]) Ibid., арт. 28.

ника кладется уже господаремъ. Господарскому возмездію подвергаются не только урядники, совсѣмъ незаплатившіе денегъ, но и внесшіе ихъ, но только явившіеся несвоевременно къ счету ихъ. Это возмездіе за то, что «урядникъ на часъ назначоный не пильновалъ», такъ какъ несвоевременный счетъ денегъ доставляетъ господарскому скарбу нѣкоторое затрудненіе. Какъ только выяснится такая «недбалость» урядника, немедленно имѣнье урядника временно бралось на господаря въ суммѣ денегъ, поступавшей съ господарскаго имѣнья въ скарбъ, и находилось въ вѣдѣніи господарскаго дворянина, до тѣхъ поръ, пока не провѣрялась его отчетность. Для наказанія «недбалаго» урядника устава требовала, чтобы провѣрка отчетности такого урядника начиналась только тогда, когда «всихъ иныхъ личъбы таго року доконаються». Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ запозданіе съ провѣркой суммъ правительство признавало совершенно законнымъ: 1) если пропадутъ или сгорятъ реестровые списки, 2) если заболѣетъ или умретъ служебникъ, принимавшій «платы», 3) если самъ врядникъ умретъ, а жена и дѣти поэтому и «за иными кгвалтовными прыгодами» не могутъ присутствовать при провѣркѣ представленнаго денежнаго отчета. Во всѣхъ этихъ случаяхъ провѣрка отчетности производится въ дни, назначенные подскарбіемъ земскимъ [120]), если послѣдній признаетъ причину неявки заслуживающей уваженія.

Земельная реформа Сигизмунда-Августа коснулась не только однѣхъ волостей, но и городовъ. Измѣрялись на волоки городскія земли и городскія площади и назначалась за пользованіе ими опредѣленная плата. Такое волочное измѣреніе городской площади коснулось только городовъ, еще не имѣвшихъ магдебурскаго права.

Во главѣ города-мѣста стоитъ войтъ. Его обязанности въ уставѣ о волокахъ опредѣлены довольно кратко: войтъ долженъ «порадку въ местехъ и пожитковъ нашихъ прымъножати и догъледати, на подводы складатися и платити всимъ по тому, яко въ особъливой уставе описано».

Для исправнаго отбыванія войтомъ своей должности ему отводится въ пользованіе одна волока въ большихъ и $^1/_2$ волоки въ малыхъ мѣстахъ. Устава первоначально даже не освободила войта отъ платежа платовъ и повинностей. Впослѣдствіи въ дополненіяхъ къ уставѣ 20 окт. 1557 г. эта статья подверглась нѣкоторому измѣненію: такъ

[120]) Ibid., арт. 28.

въ большихъ мѣстахъ въ распоряженіе войта отводилось 2 волоки, а въ малыхъ—одна волока, совершенно свободныя отъ какихъ бы то ни было платовъ и повинностей.

Устава раздѣляетъ городскую площадь на земли, лежащія за городской чертой, огороды, усадебныя земли, земли въ городскомъ предмѣстьѣ. Первыя дѣлятся по качеству почвы на три группы. Плата за держаніе ихъ слагается изъ чинша и денежной суммы за толоку. Размѣры чинша зависятъ отъ качества почвы. Платы за толоку одинаковы для всѣхъ грунтовъ. Такимъ образомъ, съ волоки земли

	чиншъ	толока	
«преднего кгрунту» поступало	50	12	62 гроша
«среднего кгрунту» » . .	40	12	52 »
«подлого кгрунгу» » . .	30	12	42 »

Далѣе, за каждый прутъ усадебной земли на рынкѣ взималось. . $7^1/_2$ пен.
» » » » въ улицахъ . . 5 »
» » огорода . . . . $2^1/_2$ »
» » гуменныхъ пляцовъ . . . . 1 »

Такимъ образомъ, больше всего поступало платовъ съ усадебной земли на площади рынка. И, конечно, высота платовъ понятна: здѣсь находился центръ города, главное мѣсто всѣхъ его торговыхъ сдѣлокъ.

Послѣ введенія земельной реформы повинности мѣщанъ носили исключительно денежный характеръ. Мѣщане уже не должны были «иншихъ повинъностей полнити и стацеи давати и зъ листы нашими и върадниковъ нашихъ ездити» [121]). Однако, освобождая мѣщанъ отъ разнаго рода повинностей, устава требуетъ, чтобы мѣщане, живущіе въ предмѣстьи или сидящіе на волокахъ, имѣли по 2 лошади для найма ихъ для подводъ. Контроль надъ ними находится въ рукахъ войта. Онъ же даетъ распоряженіе о своевременномъ предоставленіи тому или другому лицу подводъ [122]).

Помимо поступленій съ мѣщанскихъ волокъ, въ господарскій скарбъ шли слѣдующіе денежные платы: капщизна съ корчемъ, устроенныхъ въ предѣлахъ городской черты и промысловое обложеніе рѣзниковъ. Заботясь о томъ, чтобы не было ущерба господарскимъ мѣстамъ, устава запрещаетъ устраивать новые торги на разстояніи ближе трехъ миль отъ города.

---

121) Ibid., арт. 9, стр. 50.
122) Ibid., арт. 9.

Устава запрещаетъ по селамъ устройство корчемъ, чтобы не было «злодейства и иншихъ збытковъ». Также подданные не могутъ варить пива. По ревизорскому распоряженію корчмы устраиваются въ одномъ изъ селъ войтовства преимущественно на большой дорогѣ[123]). Преслѣдуя увеличеніе господарскихъ доходовъ, устава требуетъ закрытія частновладѣльческихъ корчемъ, въ особенности, если послѣднія были устроены на большой дорогѣ, даже если владѣльцы ихъ могли представить господарскіе листы. Корчмы могли быть оставлены только тогда, если бы въ жалованномъ листѣ на послѣднія было написано, что такія корчмы будутъ безъ шкоды для господаря. Такое распоряженіе мотивируется тѣмъ, что отъ такихъ «иншыхъ корчемъ» получается не только «одъно шкода его милости господарю, але и речы посъполитой, дорогость въ жывности и зънищеніе убогихъ людей»[124]).

Что же касается господарскаго вряда, то его доходы, получаемые отъ города, были довольно незначительны: размѣръ ихъ зависѣлъ отъ внутреннихъ торговыхъ оборотовъ, такъ какъ врядъ получалъ небольшую торговую пошлину отъ каждой штуки убитаго рогатаго скота, какъ круппаго, такъ и мелкаго[125]).

Кромѣ волостей и непривилегированныхъ мѣстъ, устава занята также и приведеніемъ въ порядокъ лѣсного хозяйства. Озабочиваясь приведеніемъ его въ извѣстность и стремясь принять мѣры къ устраненію злоупотребленій при эксплуатаціи лѣса, устава требуетъ точнаго опредѣленія правъ частныхъ лицъ на входы въ господарскіе лѣса и на эксплуатацію разнаго рода господарскихъ угодій. Съ этой цѣлью, при описи господарскихъ пущъ, господарскіе врядники и ихъ намѣстники должны дать ревизору соотвѣтствующія свѣдѣнія о томъ, кто изъ шляхты и господарскихъ подданыхъ имѣетъ право по старинѣ входа въ пущи. Такая составленная опись посылается господарю, который, съ своей стороны, отправляетъ комиссаровъ для разграниченія частныхъ входовъ и уступовъ отъ господарскихъ. Впрочемъ, комиссары посылаются только въ исключительныхъ случаяхъ, когда споръ идетъ о земляхъ, значительно превышающихъ по размѣрамъ волоку. Если же размѣры спорной земли будутъ немногимъ больше волоки, то разграниченіе производится врядомъ совмѣстно съ ревизоромъ или помѣрчимъ «абы ся для такъ ровное

[123]) Ibid., арт. 13.
[124]) Ibid., стр. 49.
[125]) Ibid., арт. 11.

речы въ замъкненью померы волокъ омешканье не деяло». При производствѣ такого разграниченія врядъ «съ пильностью маетъ дойзрети, же быхмо шкоды въ справедливости кгриту нашого не мели». Затѣмъ лѣсъ, удобный для пашни, подвергается волочному измѣренію. Подданные, осѣвшіе на лѣсныхъ волокахъ, пользуются льготой въ теченіе пяти—шести и до десяти лѣтъ *).

Это составляетъ право вряда, а ревизору остается только провѣрить данное распоряженіе и установить размѣры чинша, который придется платить осѣвшему на волокахъ, уже «повыседенью воли». Лѣсъ, неподходящій для пашни, не подвергается волочному измѣренію. Такой лѣсъ надо только измѣрить, и вычисленное пространство должно быть записано въ реестровыя книги.

Если въ пущахъ находятся господарскія сѣножати, то ревизоръ, въ случаѣ нужды, присоединяетъ ихъ къ двору или раздаетъ подданнымъ «на платѣ». Косьба на господарскихъ сѣножатяхъ производится наемными рабочими, которые, идя на работу, не имѣютъ права брать съ собой какое либо оружіе, «чымъ бы зверя забилъ». Въ пущахъ запрещается охотиться постороннимъ лицамъ. Всѣ господарскіе ловы и уступы должны быть «порядкомъ слушънымъ росъправити и ростесати для вольнейшаго пребыванія и ведомости о зверу». Наконецъ, въ господарскихъ пущахъ врядники должны имѣть счетъ бортямъ, а ревизору остается только провѣрить правильность представленнаго реестра [126]). Заботясь объ улучшеніи господарскаго хозяйства и увеличеніи господарскихъ доходовъ, устава запрещаетъ отдавать для эксплуатаціи постороннимъ лицамъ, за исключеніемъ только господарскихъ подданныхъ мѣстъ и волостей: «уходы до пущъ и лесовъ, озеръ и рекъ, забиваніе езовъ и дерево борътное, сеножати и иньшые всякіе пожытки на кгрунтехъ властныхъ нашыхъ», конечно, «на цынъшохъ и пълатехъ» «для прымноженія пожытъковъ скарбу нашого». Кромѣ того, лѣсничимъ запрещается продажа «дерева стоячого на будованіе а ни на жадную речь» подъ угрозой суровой кары. Лежачее же дерево можно продавать, но только подданнымъ, «которые бы на волокахъ своихъ ку ихъ потребамъ лесу не мели» [127]).

Реформа Сигизмунда—Августа первоначально не коснулась русскихъ волостей. Здѣсь все оставалось по старому: всѣ податки, слѣ-

*) Осаживать можно на пространствѣ не меньше трехъ волокъ. Если послѣднихъ будетъ меньше, то такія волоки надо раздавать исключительно „на платѣ“.

[126]) Ibid, арт. 32.

[127]) Ibid. арт. 48—49.

дуемые съ населенія, «меды и иншые доходы» брали «по старому» и «потому, яко на сесь часъ[128]). Впрочемъ, такое сохраненіе старины устава считаетъ временной мѣрой. По отношенію къ русскимъ волостямъ будутъ приняты иныя мѣры, и господаремъ будутъ даны «иншая наука и постановеніе». Жизнь не позволяла долго ждать. Происходившія недоразумѣнія между подданными и господарскими намѣстниками требовали властнаго вмѣшательства правительства. Несомнѣнно, правительство въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сочувствовало нарушенію намѣстниками «извѣчныхъ обычаевъ», такъ какъ они находились въ полномъ и рѣзкомъ противорѣчіи съ новыми условіями хозяйственной жизни въ Литовско-Русскомъ государствѣ, и правительство устало отъ постоянныхъ набѣганій старцевъ литовско-русскихъ волостей съ докучливыми и однообразными жалобами на администрацію. Свою реформаторскую дѣятельность въ русскихъ областяхъ правительство проявляло не столь радикально, какъ въ западныхъ областяхъ, да это и понятно: въ первой половинѣ XVI в. русскія волости еще не были захвачены въ тиски новыхъ условій экономической жизни, и поэтому не было никакихъ данныхъ для радикальной перемѣны политики по отношенію къ русскимъ волостямъ. Быть можетъ, осторожность и умѣренность земельной политики диктовались тѣмъ возбужденнымъ настроеніемъ, въ которомъ находилось населеніе русскихъ волостей. Не измѣняя сначала радикальнымъ образомъ экономическаго положенія населенія, правительство было озабочено болѣе точнымъ регулированіемъ тѣхъ платовъ и повинностей, на которыя центральное правительство имѣло основанія заявлять свои притязанія. Болѣе точное ихъ опредѣленіе должно было повести къ успокоенію населенія. При этомъ центральное правительство не только освобождалось отъ докучливыхъ просителей, но и болѣе точно опредѣляло финансовыя поступленія съ волостей въ господарскій скарбъ, а это было, конечно, очень важно. Начало опредѣленія повинностей и платовъ въ русскихъ волостяхъ было положено опубликованіемъ уставы о подводной повинности и объ организаціи послѣдней. Населеніе русскихъ волостей было освобождено отъ отправленія личной подводной повинности и вмѣсто нея вносило въ господарскій скарбъ только «платы». Единицей обложенія является «дымъ» и «бортное дерево», но дымъ разумѣется только такой, при которомъ имѣется пашня. Отъ каждаго дыма поступаетъ по 2 гроша,

---

[128]) Ibid. арт. 46.

а съ каждаго бортнаго дерева три гроша. Если же кто нибудь изъ волостныхъ людей не имѣетъ пахатной земли и сидитъ только на огородѣ, то платъ его въ казну равняется одному грошу. Не имѣющіе въ держаніи дыма ограничиваются взносомъ въ казну только половины гроша [129]). Собственно земельныя распоряженія правительства начались съ 1560 года, когда правительство приступило къ «поравненію кгрунтовъ и установленію платовъ» [130]). Это поравненіе кгрунтовъ сопровождалось отпиской на господаря тѣхъ земель, на которыя держатели не могли представить соотвѣтствующихъ документовъ. Это было примѣненіемъ одного изъ началъ уставы о волокахъ. Когда происходило поравненіе «кгрунтовъ» въ Кричевскомъ повѣтѣ, то господарскій ревизоръ державца Слонимскій панъ Григорій Воловичъ и господарскій секретарь, державца Марковскій и Мядельскій—панъ Михайло Нарушевичъ отобрали у боярина Мстиславскаго Викгуры землю, которой онъ владѣлъ на основаніи «лепшаго права», такъ какъ на его господарскомъ листѣ не было написано «вѣчности» [131]). Параллельно этому, заботы о «постановленіи платовъ» заставляли правительственныхъ агентовъ уменьшать количество лицъ, сидѣвшихъ на боярскомъ правѣ, съ переводомъ ихъ съ службы конной на чиншъ.—Это, конечно, постигало тѣхъ, кто, какъ оказывалось, не имѣлъ соотвѣтствующихъ господарскихъ листовъ [132]). Такъ, у господарскихъ подданныхъ Чичерской волости ревизорами были отобраны земли только потому, что они ими владѣли «до воли господарской». Поэтому эти земли были взяты, привернуты къ замку и положены на платы [133]). Въ общемъ, при «поравненіи кгрунтовъ» держались правилъ волочной уставы.

Поравненіемъ грунтовъ и опредѣленіямъ платовъ и повинностей и ограничивались дѣйствія ревизоровъ въ русскихъ волостяхъ. Съ конца XVI вѣка правительство приступило къ осуществленію земельныхъ реформъ и въ русскихъ волостяхъ. Тогда же, по всей вѣроятности, была опубликована волочная устава для русскихъ волостей. Образцомъ такой уставы въ нѣкоторомъ отношеніи можетъ считаться сохранившаяся болѣе поздняя устава 1637 года, составленная для Бобруйскаго староства.

---

[129]) Ibid., стр. 55.
[130]) К. З. XXXVII, л. 418.
[131]) К. З. XXXVIII, л. 418.
[132]) К. З. XXXVII, л. 428.
[133]) К. З. XXXVII, л. 429.

Устава о волокахъ для Бобруйскаго староства была опубликована лишь въ 1637 году, когда въ староствѣ была произведена волочная помѣра. По всей вѣроятности, при измѣреніи на волоки другихъ русскихъ волостей, правительство держалось тѣхъ же принциповъ, что и въ волочной уставѣ для Бобруйскаго староства. Эта устава построена на принципахъ уставы о волокахъ 1557 года, но въ деталяхъ между ними есть и нѣкоторая существенная разница. Это вполнѣ понятно, если принять во вниманіе экономическое различіе восточныхъ и западныхъ волостей литовско-русскаго государства, различіе, котораго не могла уничтожить и общая уравнительная земельная политика. Особенности въ положеніи волостей и организаціи литовско-русскаго крестьянства восточныхъ областей весьма замѣтно отразились въ уставѣ 1637 года. Задача ея—указать тѣ основанія, на которыхъ должна быть построена жизнь сельскаго населенія восточныхъ областей, при условіи сохраненія нѣкоторыхъ особенностей его быта.

Устава 1637 года прежде всего опредѣляетъ обязанности господарской и сельской администраціи. Обязанности господарскаго уряда напоминаютъ его же обязанности по уставѣ 1557 года. Онъ стоитъ во главѣ староства и слѣдитъ за тѣмъ, чтобы господарское хозяйство не потерпѣло никакого убытка. Въ опредѣленіи обязанностей уряда устава 1637 года довольно лаконична въ сравненіи съ уставой 1557 года, въ которой обязанности уряда перечислены съ большими подробностями. Къ обязанностямъ уряда относятся: надзоръ за тѣмъ, чтобы пустыя волоки были разобраны или мѣстными подданными или посторонними людьми, чтобы увеличился „пожитокъ“ господарскаго скарба, распредѣленіе бортныхъ деревьевъ между тѣми селами, которыя уплачиваютъ медовую дань, охрана господарскаго права пропинаціи; выдача разрѣшеній на постройку корчемъ на большихъ дорогахъ; судъ по уголовнымъ дѣламъ, присутствіе въ копномъ судѣ и окончательное рѣшеніе по дѣламъ подлежащимъ вѣдѣнію копнаго суда [134]).

Русскія волости, въ отличіе отъ западныхъ волостей, не дѣлились на войтовства, а сохраняли свое старое волостное дѣленіе. Во главѣ волости стояли старцы и заказники. Въ Бобруйскомъ староствѣ ихъ было двое, такъ какъ съ давнихъ временъ оно дѣлилось

---

134) А. В. К. XXV, стр. 327—328.

на двѣ половины: Виленскую и Троцкую. Заказники стояли во главѣ селъ. Въ противоположность волостнымъ старцамъ дореформенной эпохи послѣдніе назначались правительствомъ. Это были довѣренныя лица правительства, а не общества. Обязанности старца довольно разнообразны и приближаются въ общемъ къ обязанностямъ войта: по требованію господарскаго уряда онъ отдаетъ распоряженія заказникамъ о своевременномъ взносѣ повинностей, поступающихъ въ господарскій скарбъ; онъ присутствуетъ при взносѣ повинностей населеніемъ въ урядъ; приводитъ въ урядъ подданаго, если послѣдній не могъ уплатить податей, для дачи объясненія о неплатежѣ податковъ; заботится о цѣлости границъ всѣхъ селъ волости, онъ долженъ быть освѣдомленнымъ о всѣхъ правонарушеніяхъ въ этой области и слѣдить, чтобы посторонніе люди не вступали на территорію королевскихъ имѣній, и чтобы подданные не захватывали постороннихъ земель; ежегодно провѣряетъ помѣченныя границы, и, въ случаѣ ихъ нарушенія, немедленно ихъ исправляетъ совмѣстно съ мѣрникомъ; разъ въ три года производитъ полное возобновленіе старыхъ границъ, какъ съ прилежащими сосѣдями, частными землевладѣльцами, такъ и по отношенію волокъ другъ къ другу или близь лежащему господарскому лѣсу; въ случаѣ сопротивленія со стороны сосѣдей, старецъ доводитъ объ этомъ до свѣдѣнія уряда, который, съ своей стороны, долженъ смотрѣть, чтобы господарскіе «кгрунты» не терпѣли отъ сосѣдей никакихъ кривдъ; слѣдитъ, чтобы не портили построекъ и бортныхъ деревьевъ, и чтобы межи при пустыхъ волокахъ не были испорчены; въ случаѣ необходимости постройки новыхъ укрѣпленій, или поправки стѣнъ, или выполненія какой либо работы въ замкѣ, старецъ заботится о томъ, чтобы вся волость немеленно являлась на помощь; и при этомъ самъ при ней находится, не имѣя права поручить это заказникамъ. Если старцу будетъ предъявлено требованіе о предоставленіи стацеи „жолнерамъ“, то онъ является въ урядъ и здѣсь рѣшаетъ вопросъ, какъ удовлетворить это требованіе, натурой или деньгами; въ послѣднемъ случаѣ, собранная сумма распредѣляется между волостями. По требованію волости старецъ долженъ давать отчетъ въ истраченныхъ деньгахъ либо передъ урядомъ, либо передъ господарскимъ ревизоромъ; въ случаѣ тяжбы между подданными изъ за земли или изъ за бортей, старецъ долженъ все провѣрить на мѣстѣ и разобрать дѣло; наконецъ, старецъ заботится о томъ, чтобы пустыя господарскія волоки были осажены добрыми людьми, а если онъ кому нибудь отдавалъ пустовавшую землю

въ аренду, то вырученную за нее сумму долженъ былъ внести въ урядъ при отдаваніи господарскаго чинша [135]).

Надѣляя старцевъ большими полномочіями, устава 1637 года ограничиваетъ предѣлы власти «старца» исключительно хозяйственно-судебными функціями; онъ лишенъ права бить подданныхъ, но послѣднее позволяется по отношенію къ мошенникамъ и плохимъ людямъ. Если послѣдніе не исправятся, то ихъ разрѣшается посадить въ тюрьму. Возлагая на старцевъ столько отвѣтственныхъ повинностей, устава 1637 года разрѣшаетъ дать старцу двѣ волоки земли съ освобожденіемъ ихъ отъ всякихъ повинностей. Кромѣ того онъ получаетъ: при отдачѣ чинша съ каждаго дыма волости по 2 гроша, по рѣшету овса и по одной курицѣ; за исправленіе границъ 24 гроша, а за межи 6 грошей; при разборѣ дѣлъ изъ за бортныхъ деревьевъ съ пчелами виновная сторона платила 10 грошей, а при разборѣ спора о деревѣ безъ пчелъ—только 6 грошей [136]).

Помощниками старцевъ—представителями селъ—были «заказники». Они выбирались населеніемъ изъ числа благонадежныхъ людей, «вѣры годныхъ». Обязанности ихъ заключались въ слѣдующемъ: по указанію старца они выгоняли подданныхъ на работу; рѣшали споры между подданными по дѣламъ, касающимся потравъ и по другимъ жалобамъ, причемъ справедливость своего рѣшенія должны были подтвердить клятвой; слѣдили за порядкомъ во ввѣренныхъ имъ селахъ и въ особенности за тѣмъ, что бы въ нихъ были изгороди для избѣжанія потравъ; съ этой цѣлью боковыя волоки дѣлились на части и на каждомъ участкѣ должна была быть сдѣлана изгородь тѣмъ, кому этотъ участокъ былъ порученъ. Если же, вслѣдствіе небрежности, изгородь своевременно не была бы сдѣлана, и отдѣльныя лица отъ этой небрежности потерпѣли бы убытки, то виноватый уплачиваетъ стоимость всѣхъ убытковъ и платитъ при томъ еще 6 грошей на урядъ. За свои обязанности заказникъ получаетъ въ свое распоряженіе одну волоку, свободную отъ всякихъ работъ и, кромѣ того, за разборъ дѣлъ по потравамъ—одинъ грошъ [137]).

Измѣреніе староствъ на волоки и необходимость сохранять намѣченныя границы владѣній заставляли правительство имѣть всегда

---

[135]) А. В. К. XXV, стр. 325—326.
[136]) А. В. К. XXV, стр. 326.
[137]) А. В. К. XXV, стр. 326—327.

въ имѣніи «мѣрника», на обязанности котораго лежало производство всякаго рода межевыхъ работъ. По указанію уряда мѣрникъ обязанъ выѣзжать на указанное мѣсто и производить требуемое урядомъ измѣреніе; ежегодно совмѣстно со старцами онъ долженъ былъ объѣзжать поля съ цѣлью провѣрки границъ и разнаго рода межевыхъ знаковъ, находятся ли они въ сохранности, и если гдѣ нибудь будетъ замѣчена порча ихъ, то все должно быть немедленно возстановлено, и за это мѣрнику не полагается никакой платы; разъ въ три года совмѣстно со старцемъ онъ осматривалъ границы селъ цѣлой волости, и, въ случаѣ необходимости ихъ возстановленія или расчистки, это дѣлали подданные того или другого села; если между господарскими подданными шелъ споръ о волокахъ, моргахъ застѣнкахъ или сѣножатяхъ, то мѣрникъ въ присутствіи старца долженъ былъ немедленно ихъ успокоить, проведя границы на основаніи составленныхъ ревизоромъ реестровъ. Работа мѣрника вознаграждается предоставленіемъ ему одной волоки, свободной какъ отъ замковыхъ, такъ и фольварочныхъ работъ. Таковы обязанности органовъ сельскаго населенія согласно уставѣ 1637 года[138]).

Обратимся теперь къ повинностному положенію сельскаго населенія. При опредѣленіи повинностей, устава считается съ качествомъ почвы. Послѣдняя дѣлится на три разряда: хорошую, среднюю и плохую. Внѣ очереди находятся земли, отличающіяся своимъ качествомъ и мѣстоположеніемъ. Для нихъ назначается особый, нѣсколько повышенный, чиншъ.

На основаніи уставы 1637 года повинностное положеніе сельскаго населенія представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Качество почвы.	Чиншъ	Овесъ б.	Рожь б.	Куры	Гуси	Яйца	Связки льна	Сѣно в.	Дрова в.
Хорошая . .	2 коп. гр.	1	1	2	1	12	10	1	10
Средняя . .	1 $^1/_2$ коп.	1	1	2	1	12	10	1	10
Плохая . . .	1 коп. гр.	1	1	2	1	12	10	1	10

при чемъ сѣно и дрова должны привозиться къ опредѣленному сроку: ближніе должны доставить ихъ къ 6 декабря, а дальніе къ 25 декабря, наиболѣе же отдаленные—ко дню Крещенія. Сѣно и дрова доставлялись во дворъ господаря, въ Бобруйскъ. Кромѣ того, подданные платили

[138]) *А. В. К. XXV, стр. 327.*

нѣкоторую денежную сумму при отбиранiи чипша съ каждой волоки и отъ каждой бочки овса и ржи. Затѣмъ сельское населенiе вносило еще дань медовую, разложенную по волокамъ. При этомъ соблюдалось слѣдующее правило: если со службы до волочной помѣры собирали больше, чѣмъ предполагалось брать съ каждой волоки, то и съ волоки собирали медовой дани больше «камени»; если же съ службы собирали дань въ меньшей пропорцiи, чѣмъ это предполагалось брать съ волоки, то съ волоки брали меньше «каменя» меда. Въ тѣхъ же мѣстностяхъ, гдѣ благодаря плохому качеству грунта волочное измѣренiе не было произведено, тамъ медовая дань собиралась на основанiи старыхъ ревизiй[139]). Затѣмъ держатель каждой волоки былъ обязанъ 2 раза въ недѣлю работать на господарскомъ дворѣ на своемъ собственномъ иждивенiи. Затѣмъ вся волость должна работать на толокѣ 12 дней въ году по усмотрѣнiю администрацiи и, наконецъ, выполнять въ теченiе 4 недѣль въ году разного рода замковыя работы:—2 недѣли весной и 2 недѣли осенью, какъ этого требовали старинные уставы и обычаи[140]).

Кромѣ этихъ повинностей, на сельское населенье падали еще повинности: подводная и сторожевая. Первая исключительно отправлялась натурой, отъ второй можно было откупиться деньгами. Сущность первой заключалась въ слѣдующемъ: съ каждой волоки разъ въ годъ давалась зимой одна подвода, которая должна была сдѣлать въ одинъ конецъ 60 миль. Если же въ какой нибудь годъ дворъ не будетъ требовать себѣ подводъ, то все таки подданные обязаны заплатить уряду по копѣ грошей. Что же касается сторожевой повинности, то желавшие отъ нея освободиться могли уплатить при отдаванiи чиншовъ по шести грошей съ каждой волоки и по осьминѣ жита—спецiально для найма сторожей[141]). Въ такомъ видѣ представляются повинности населенiя. Устава 1637 года въ повинностномъ отношенiи отличается отъ уставы 1557 года. Ей неизвѣстны осадные крестьяне, она знаетъ исключительно тяглое населенiе; она требуетъ уплаты части податей натурой, и ей незнакома замѣна ихъ деньгами; повинности населенiя сложнѣе и разнообразнѣе. Впрочемъ, это увеличенiе повинностей можно объяснить еще тѣмъ, что вѣдь и составленiе самой уставы

[139]) А. В. К. XXV, стр. 323—324.
[140]) А. В. К. XXV, стр. 324.
[141]) А. В. К. XXV, стр. 324.

относится ко времени, когда вообще замѣчалось повышеніе податей, поступавшихъ съ населенія, жившаго и въ западныхъ волостяхъ. Всѣ платы, вносимые въ господарскій скарбъ, должны быть отдаваемы исключительно въ замкѣ или господарскомъ дворѣ. Всѣ платы вносятся сразу селомъ, безъ всякаго напоминанія со стороны уряда или короля, исключительно по напоминанію заказника, въ промежутокъ времени между днями св. Михаила и св. Мартина, т. е. въ теченіе всего октября. Исключеніе изъ этого правила дѣлалось только по отношенію къ доставкѣ сѣна и дровъ. Доставка этихъ податковъ производилась въ три срока: къ 6 декабря, къ Рождеству и къ Крещенію —въ зависимости отъ мѣстоположенія селъ по отношенію къ Бобруйскому замку. Ранѣе всего были обязаны привезти дрова и сѣно болѣе близкія села [142]).

Принимая мѣры къ правильному и своевременному поступленію податковъ въ господарскій скарбъ, устава 1637 года въ то же время опредѣляетъ и нормы наказанія въ случаѣ сознательной небрежности или злоупотребленій при платежѣ податей. Такъ, если крестьяне въ назначенное уставой время не отнесли бы во дворъ уряда слѣдуемыхъ съ нихъ денегъ, то объ этомъ заказникъ долженъ немедленно довести до свѣдѣнія уряда, которой долженъ разобраться въ причинахъ, по какимъ членъ волости не могъ заплатить слѣдуемаго податка. Если разборъ дѣла покажетъ, что крестьянинъ не могъ заплатить въ силу существенныхъ обстоятельствъ, то это проходитъ для крестьянина совершенаго безнаказанно; въ противномъ случаѣ, если выяснится, что имущественное состояніе крестьянина позволяло ему заплатить, а онъ не заплатилъ «за недбальствомъ», то устава предписываетъ уряду взыскать эти деньги «грабежомъ» [143]). Точно такъ же, если кто нибудь изъ подданныхъ не выйдетъ на работу вслѣдствіе «недбалства и пьянства», то за каждый прогульный день онъ платитъ 2 гроша «дѣцкованія» и, кромѣ того, обязанъ отработать прогульные дни. Если же онъ не можетъ выйти на работу и не желаетъ подвергнуться штрафу за прогульный день, то долженъ объ этомъ увѣдомить или своего сосѣда, или заказника. Впрочемъ, эти заявленія освобождаютъ только отъ штрафа, но не отъ обязанности отработать пропущенный день. Наконецъ, устава запрещаетъ откупаться отъ работы, совпадая въ этомъ съ уставой о волокахъ 1557 года.

---

142) А. В. К. XXV, стр. 325.
143) А. В. К. XXV, стр. 325.

Отъ работъ освобождаются только подданные далекихъ селъ, за что платятъ державцѣ копу грошей[144]).

Разрѣшая эксплуатировать подданнымъ лѣсныя и рѣчныя богатства, устава однако ставитъ имъ нѣкоторыя серьезныя препятствія въ вопросѣ о пользованіи результатами своихъ промысловыхъ занятій. Такъ, подданные могутъ ловить бобровъ, но не имѣютъ права продавать ихъ на сторону до увѣдомленія объ этомъ господарскаго уряда. Послѣдній, если пожелаетъ, можетъ ихъ купить по цѣнѣ, назначеной имъ. Устава требуетъ только, чтобы въ данномъ случаѣ не было никакой «кривды» подданному. И только въ случаѣ отказа отъ права покупки подданному разрѣшается продавать на сторону. Охота не разрѣшается подданнымъ въ пущахъ; но если подданному удается случайно убить лося и дикую козу, то убитыя туши отдаются державцѣ. Мелкій звѣрь поступаетъ въ распоряженіе подданнаго, причемъ, въ случаѣ его желанія продать на сторону, должно поступить такимъ же образомъ, какъ поступаютъ при продажѣ бобровъ. Чтобы не было «кривды» подданнымъ, устава опредѣляетъ точно цѣну за убитаго волка или лисицу[145]).

Помимо этого въ уставѣ 1637 года есть еще нѣсколько предписаній полицейскаго характера въ интересахъ сохраненія тишины и спокойствія. Для предупрежденія разныхъ «шкодъ» въ хозяйствѣ подданныхъ, а слѣдовательно, и въ господарскомъ хозяйствѣ, устава запрещаетъ подданнымъ принимать къ себѣ «неосѣдлыхъ» людей, не заявивши объ этомъ заказнику и сосѣдямъ. Но и послѣ такого заявленія, пріютъ «неосѣдлаго» подданнаго возможенъ только въ теченіе трехъ дней. Кромѣ того, всякій путникъ обязанъ сообщить свое имя. Если же имя послѣдняго останется неизвѣстнымъ, и къ тому же онъ останется у пріютившаго его домохозяина больше трехъ дней, то объ этомъ немедленно доводится до свѣдѣнія уряда, который поступаетъ съ нимъ на основаніи свѣдѣній, сообщенныхъ прохожимъ. Устава допускаетъ возможность нарушенія этихъ полицейскихъ распоряженій со стороны подданнаго. Если отъ этого не случится никакой бѣды, и никто не потерпитъ никакого убытка, тогда подданный ничему не подвергается; въ противномъ случаѣ, онъ долженъ уплатить всѣ убытки, понесенные селомъ или отдѣльнымъ подданнымъ[146]).

---

[144]) А. В. К. XXV, стр. 325.
[145]) А. В. К. XXV, стр. 325.
[146]) А. В. К. XXV, стр. 329.

Устава 1637 года, какъ и устава 1557 года, не прикрѣпила подданныхъ къ землѣ. Она сохраняетъ право выхода при условіи нахожденія замѣстителя. При выходѣ изъ волости, подданному разрѣшается продать свое движимое имущество. Точно также онъ свободно распоряжается имъ при жизни. Не уничтожила устава 1637 года и суда копы. Сохраненіе послѣдней является отчасти сохраненіемъ остатковъ прежней волостной организаціи. Впрочемъ, компетенція «копы» незначительна. На судѣ копы разбираются незначительныя имущественныя правонарушенія. На немъ присутствуютъ всѣ держатели господарскихъ земель. Самое отправленіе копнаго суда происходитъ въ присутствіи урядоваго «вижа». Затѣмъ, за судомъ копы устанавливается только право разслѣдованія. Объявленіе вины и наказанія—дѣло уже уряда [147]).

---

[147]) А. В. К. XXV, стр. 328.

II.

Что такое „волока“.

Литовская волока соотвѣтствуетъ польскому лану. Мнѣнія изслѣдователей о размѣрахъ волоки. Устава на волоки. Величина волоки при осуществленіи аграрной реформы. Итоги наблюденій.

Новая земельная единица, волока, на которую были измѣрены господарскія волости, была заимствована изъ Польши, гдѣ она называлась ланомъ. Согласно изслѣдованію [1]) г. Пѣкосинскаго ланы были различной величины. И литовская волока давно привлекла къ себѣ вниманіе со стороны изслѣдователей литовско-русскаго прошлаго. Кажется, Т. Чацкій былъ первымъ ученымъ, подвергнувшимъ волоку детальному изслѣдованію. Вычисленія Чацкаго отличаются большою скрупулезностью и точностью, хотя и не со всѣми его выводами можно согласиться. Авторъ дѣлитъ волоку на морги, которые, въ свою очередь, дѣлятся на шнуры, пруты и локти. По наблюденіямъ Чацкаго, при волочномъ измѣреніи въ Литвѣ употреблялись волоки двухъ видовъ: въ 30 и 33 морговъ. Послѣднюю волоку Чацкій причисляетъ къ осаднымъ волокамъ. Тридцати трехъ морговая волока, по его мнѣнію, это—особенность земельнаго строя Литвы. Ни въ Польшѣ, ни въ Германіи не было земельной единицы подобныхъ размѣровъ. Литовскій же моргъ имѣетъ въ длину три шнура или 30 прутовъ, считая въ каждомъ по 10 прутовъ, или 225 локтей, если считать, что въ каждомъ прутѣ находится $7^1/_2$ локтей. Ширина же литовскаго морга должна равнятся одному шнуру или 10 прутамъ или 75 локтямъ.

Такимъ образомъ въ каждомъ моргѣ заключается 16875 кв. локтей, а въ 30 морговой волокѣ—506250 кв. локтей, въ 33 морговой волокѣ 556875 кв. локтей [2]).

Всѣ эти вычисленія Чацкаго, какъ доказалъ Пѣкосинскій были основаны на наблюденіяхъ и данныхъ писателей 17—18 вѣковъ. Но имъ совершенно не былъ затронутъ тотъ актовый матеріалъ,

[1]) Piekosinskiego. — Olnach w Polsce wieków średnich. (Rozp Ak. Umiet, XXXI).

[2]) Czackiego. Dziela, I, стр. 240 и таблица.

который могъ бы служить для провѣрки сдѣланныхъ вычисленій. Другой изслѣдователь—Iaroschewicz, хотя и касался въ своей работѣ «Obraz Litwy» волочной помѣры, однако не стремился заняться болѣе детально вопросомъ, что такое волока, очевидно совершенно раздѣляя тѣ наблюденія, къ которымъ раньше пришелъ Czacky [3]).

Третій изъ изслѣдователей г. Горбачевскій принималъ волоку равную 30 моргамъ. Въ одномъ моргѣ заключались три шнура или 30 прутовъ или 225 локтей [4]). Опредѣленія размѣровъ волоки, сдѣланныя г. Горбачевскимъ, ничѣмъ не отличаются отъ наблюденій Чацкаго, за исключеніемъ развѣ того, что Горбачевскій совсѣмъ не упоминаетъ о волокѣ въ 33 морга, которую Чацкій считаетъ специфической особенностью Литвы. Переводя литовскія мѣры длины на русскія, Горбачевскій считаетъ моргъ равнымъ 1564,3381 кв. саженей. При такомъ вычисленіи волока будетъ равна 46930,143 кв. с.

Изучая Берестейское староство послѣ введенія въ немъ волочной помѣры, М. В. Довнаръ-Запольскій, пришелъ къ выводу, что въ Литвѣ употреблялись волоки двухъ размѣровъ: въ 30 и 33 морга. Первая волока примѣнялась при измѣреніи городовъ, вторая—употреблялась только въ селахъ. Впрочемъ, самъ авторъ допускаетъ, что на практикѣ не было никакой разницы между городской и сельской волокой, такъ какъ «ревизоры, измѣрявшіе Берестейское староство, считали сельскую волоку въ 33 морга только при самомъ процессѣ измѣренія, хотя при счетѣ волоку полагали въ 30 морговъ» [5]). Однако, это объясненіе отличается весьма существенной неясностью, такъ какъ все же авторъ не объяснилъ, зачѣмъ понадобилось считать при измѣреніи волоку равной 33 моргамъ, а при общемъ подсчетѣ принимать ее равной только 30 моргамъ. Затѣмъ, по мнѣнію того же изслѣдователя, «10 шнуровъ составляютъ 1 прутъ, а изъ 30 прутовъ одинъ моргъ». Впрочемъ, съ этими выводами едва ли можно согласиться. Всѣ изслѣдователи, не исключая и Горбачевскаго, на котораго сослался М. В. Довнаръ-Запольскій, считаютъ, наоборотъ, 1 шнуръ равнымъ 10 прутамъ. Очевидно, здѣсь какое то недоразумѣніе, такъ какъ при расчетѣ, что 10 шнуровъ составляютъ 1 прутъ никоимъ образомъ 30 прутовъ не могутъ равнятся одному моргу [6]).

---

[3]) Iaroschewicz. Obraz Litwy. II. § 67.

[4]) Словарь древняго актоваго языка Сѣверо-Западнаго края и Царства Польскаго. Вильна, 1874.

[5]) Кіевскія Унив. Изв., 1898. II, стр. 3.

[6]) Ibid., стр. 6.

Послѣдній будетъ равенъ имъ только въ томъ случаѣ, если принять 1 шнуръ равнымъ 10 прутамъ, кромѣ того, считать въ моргѣ три шнура.

Указывая, что при измѣреніи Берестейскаго староства ревизорами употреблялись волоки въ тридцать и тридцать три морга въ зависимости отъ качества почвы, М. В. Довнаръ-Запольскій противорѣчитъ своему утвержденію, что при счетѣ сельская волока всегда равнялась 30 моргамъ. Переводя размѣры волоки на русскія линейныя мѣры, М. В. Довнаръ-Запольскій вслѣдъ за Горбачевскимъ склоненъ считать тридцати морговую волоку равна 19,56423 десятинамъ. При такомъ разчетѣ волока въ 33 морга будетъ равна 20,96 десятинамъ.

Наконецъ, издатель Писцовой Книги Пинскаго и Клецкаго княжествъ, составленной Хвальчевскимъ въ теченіе 1552—53 годовъ, принимаетъ волоку равной 30 моргамъ, при этомъ послѣдній содержитъ 300 кв. прутовъ или 30 земельныхъ прутовъ. Въ 10 кв. прутахъ или одномъ земельномъ прутѣ содержится 75 кв. локтей. При такомъ исчисленіи въ каждой тридцати морговой волокѣ будетъ содержаться 506250 кв. локтей, т. е. размѣръ тридцати морговой волоки, принятой въ Пинскомъ и Клецкомъ княжествахъ совершенно соотвѣтствуютъ вычисленіямъ Чацкаго. Полагая одинъ локоть равнымъ 25 дюймамъ, издатель Писцовой книги считаетъ, что каждая волока равнялась 19 десятинамъ 1354 кв. саж. 7 кв. ф. и $64^1/_2$ кв. д., т. е. немного болѣе $19^1/_2$ десятинъ[7]). Такимъ образомъ, расчеты издателя вышеназванной Писцовой книги весьма близки къ вычисленіямъ Горбачевскаго. Итакъ, въ современной исторической литературѣ существуютъ разногласія во 1) по вопросу о дѣленіи волоки на болѣе мелкія мѣры измѣренія и 2) по вопросу о размѣрахъ отдѣльныхъ видовъ волокъ. Эти вопросы и подлежатъ нашему разсмотрѣнію. Когда Хвальчевскій составлялъ Писцовую книгу Пинскаго и Клецкаго княжествъ, то въ своемъ предисловіи къ ней онъ указалъ на тѣ общія основанія, которыми онъ руководился при производствѣ реформы въ имѣніи королевы Боны. Эти начала въ общемъ весьма близки къ тѣмъ положеніямъ, которыя были впослѣдствіи положены въ уставу о волокахъ, такъ что въ предисловіи Хвальчевскаго можно видѣть отчасти прообразъ королевской «уставы на волоки».

Устава о волокахъ рекомендуетъ, при измѣреніи земли на волоки, класть въ волоку непремѣнно 33 морга, но только тамъ, гдѣ дѣйствительно можно разбить поле на три равныя части, по 11 мор-

---

[7]) Писц. книга Пинск. и Клец. княжествъ стр. 3.

говъ въ каждомъ полѣ. Если же по техническимъ причинамъ послѣднее являлось невыполнимымъ, то ревизору предоставлялось право поступить по собственному усмотрѣнію. Слѣдовательно, этимъ самымъ открывалась возможность проявленія инпціативы и широкого усмотрѣнія со стороны ревизора.

При такой постановкѣ, волока въ 33 морга не болѣе какъ идеальная норма, къ которой надо было стремиться, но отъ которой были возможны отклоненія то въ сторону уменьшенія, то въ сторону ея увеличенія. Эти положенія уставы очень важны, такъ какъ опровергаютъ мнѣніе Чацкаго о тридцати трехъ морговой осадной волокѣ, ибо по мысли самой уставы тридцати трехъ морговой волокой могла быть и волока тяглая [8]).

Устава о волокахъ въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ отличается чрезмѣрной краткостью. Она не даетъ никакихъ указаній относительно пріемовъ вычисленія волоки и измѣренія земель. Можно думать, что на практикѣ возникало не мало разнаго рода недоразумѣній, и потому ревизоры и мѣрники нуждались въ различныхъ дополненіяхъ и разъясненіяхъ. По всей вѣроятности, эти разъясненія были даны, и къ 60 годамъ всѣ детали измѣренія были окончательно выяснены. Поэтому, когда составлялся разграничительный актъ Коршевской волости, то его составители коснулись, и при томъ весьма детально, тѣхъ правилъ, которыми они руководились при измѣреніи Коршевской волости, дабы познакомить со всей техникой измѣренія и отвести отъ себя возможныя при этомъ обвиненія [9]).

При измѣреніи на волоки составители разграничительнаго акта Коршевской волости употребляли различныя линейныя и квадратныя мѣры.

Самой маленькой линейной мѣрой считался литовскій локоть, который въ то же время назывался купеческимъ, такъ какъ имъ купцы измѣряли товары, предназначенные для продажи. Купеческимъ локтемъ называлась единица измѣренія, содержавшая въ себѣ не болѣе $7\frac{1}{2}$ локтей. Семь съ половиной локтей уже составляютъ одинъ локоть прутовый, но 75 линейныхъ локтей получаютъ названіе земельнаго локтя. Такимъ образомъ, одинъ земельный локоть равнялся 10 прутовымъ локтямъ [10]). Слѣдующей ли-

---

[8]) Устава, стр. 32.
[9]) А. В. К. XXV, стр. 10.
[10]) Ibid., стр. 11.

пейной мѣрой были лыко или шнуръ, равный 75 купеческимъ локтямъ или 10 прутамъ.

Квадратными мѣрами были протяженные и земельные пруты, морги. Одинъ квадратный прутъ равняется $56\frac{1}{4}$ кв. локтей. Земельный прутъ равняется 10 протяженнымъ прутамъ. Слѣдовательно, земельный прутъ равенъ $562\frac{1}{2}$ кв. локтямъ. Наконецъ, 30 земельныхъ прутовъ или 300 квадратныхъ прутовъ составляютъ одинъ моргъ [11]). И тридцать морговъ составляютъ одну волоку. Итакъ, составители разграничительнаго акта Коршевской волости принимали волоку равной тридцати моргамъ. На основаніи тѣхъ же данныхъ—несомнѣнно шнуръ является единицей измѣренія нѣсколько бо́льшей, чѣмъ прутъ. Слѣдовательно, мнѣніе М. В. Довнаръ-Запольскаго о подраздѣленія морга на пруты, шнуры и локти надо признать ошибочнымъ.

Чтобы выяснить, какой дѣятели реформы считали волоку, для этого слѣдуетъ обратиться къ сохранившимся писцовымъ книгамъ. Начнемъ съ Гродненскаго староства, писцовая книга котораго была составлена въ 1563 году, когда всѣ пріемы и техника измѣренія были точно выяснены и опредѣлены.

Ревизоръ, производившій измѣреніе на волоки Гродненской экономіи, пользовался обычными линейными и квадратными мѣрами. Измѣряя экономію на волоки, ревизоръ считалъ всюду волоку равной 33 моргамъ, какъ это—рекомендовалось «уставой на волоки», но въ то же время для того же староства совсѣмъ перѣдкость—волока въ 30 морговъ. Обыкновенно, большая волока примѣнялась при измѣреніи на волоки пахатной земли въ томъ случаѣ, когда дѣйствительно пахатное поле можно было раздѣлить на три куска, по 11 морговъ въ каждомъ [12]). Иногда попадаются въ экономіи и неполныя тридцати трехъ морговыя волоки: для полноты недоставало всего нѣсколькихъ прутовъ [13]). При общемъ подсчетѣ неполныя волоки однако принимались за полныя. Кромѣ того, въ Гродненской экономіи было не мало волокъ, превышавшихъ тридцати-трехъ морговую волоку. Эти надбавки давались ревизоромъ въ зависимости отъ ряда условій, благодаря которымъ крестьянское хозяйство, въ сравненіи съ другими хозяйствами, находилось въ весьма неблагопріятныхъ условіяхъ. Такъ, надбавки

---

[11]) Ibid., стр. 11.

[12]) Писцовая книга Гродненской экономіи, т. I и II. passim, напр. села: Жомойть, Жиповичь, Зубовичи, Обухоло, Плавско, Пузычи, Завадзичи, Мигово, Курнево, Струпино, Некрашевичи.

[13]) Ibid., стр. 302.

давались «для песковъ, для горъ и багенъ, для багна, для рововъ, для групту злого, для кустовья пикчемного, для блота, для лясовъ пикчемныхъ, для рововъ одъ скаженья водъ, для групту песчанаго и каменистаго...» [14])...

Впрочемъ, даваемыя надбавки не всегда были мотивированы ревизоромъ. Нѣкоторыя изъ нихъ они не считали нужнымъ объяснить и оправдать. Это, обыкновенно, примѣнялось въ тѣхъ случаяхъ, когда надбавки были весьма незначительны, и когда по характеру участка при измѣреніи нельзя было обойтись безъ дополнительныхъ прутовъ.

Однако, при общемъ подсчетѣ эти дополнительные пруты во вниманіе не принимались ревизоромъ, и морги вычислялись въ круглыхъ цифрахъ.

Отведенныя надбавки были большею частью весьма невелики и рѣдко выходили за предѣлы одного морга. Только въ рѣдкихъ случаяхъ надбавки равнялись нѣсколькимъ моргамъ. Благодаря этому на отдѣльныхъ участкахъ волоки доходили до 37 м. 28 прут. $35^1/_4$ м. въ одномъ мѣстѣ [15]).

Итакъ, въ Гродненской экономіи нормальной надѣльной волокой является волока въ 33 морга. Но встрѣчались волоки большія и меньшія по своимъ размѣрамъ. Первыя составлялись благодаря надбавкамъ, которыя давались тяглецамъ въ зависимости отъ разныхъ обстоятельствъ. Неполныя волоки, при общемъ счетѣ, разсматривались, какъ полныя.

При измѣреніи «сѣножатей» въ Гродненской экономіи употреблялась волока въ 30 морговъ. Если за каждую волоку сѣножатей, отданную въ аренду или селу, или отдѣльнымъ лицамъ, приходилось уплачивать скарбу 15 грошей, а съ каждаго арендованнаго морга 5 пѣнязей, то, очевидно, ревизоръ всегда считалъ сѣножатную волоку въ 30 морговъ [16]). Что же касается мѣстскихъ волокъ то, по признанію самого составителя описанія волочного измѣренія городовъ Брянска и Саража, всегда онѣ принимались равными 30 моргамъ [17]). И при измѣреніи города Гродно волока принималась равной 30 моргамъ, но въ мѣстскихъ селахъ, «для проложенія въ селахъ улицъ, для

---

[14]) Писц. кн. Грод. Экон. I и II, passim.
[15]) Писц. кн. Грод. Экон. II, стр. 112.
[16]) Ibid., I, стр. 73, 76, 194, 291, 489.
[17]) Ibid., II, стр. 318.

выгоновъ, для разведенія лѣса и обжиганія дровъ—было прибавлено въ видѣ исключенія по три морга къ волокѣ[18]).

Такимъ образомъ, въ Гродненской экономіи только надѣльныя волоки считались равными 33 моргамъ. Но волоки сѣножатныя, городскія, выгоны, лѣса, при нормальныхъ условіяхъ, считались равными 30 моргамъ.

И въ Кобринской экономіи для измѣренія надѣльной земли употреблялась волока въ 33 морга[19]). Кромѣ того, и въ Кобринской экономіи ревизорами давались надбавки по тѣмъ же соображеніямъ, что и въ Гродненской экономіи. Поэтому, рядомъ съ тридцати трехъ морговой волокой, которую и для данной экономіи можно считать нормальной, встрѣчались волоки, значительно выходившія за предѣлы нормы. Такъ крестьяне села Станки сидѣли на волокахъ въ 36 м.[20]). Въ селѣ Туличи волока равнялась 35 моргамъ[21]), въ с. Столпы волока была равна 38 мор. 6 прут.[22]), въ с. Данковичи 35 м. 6 пр.[23]), въ с. Ластовки—34 м. 8 пр.[24]), въ с. Римки—44 м. 3 пр.[25]), въ с. Дашковичи—44 м. 6 пр.[26]), въ с. Слопимцы—37 м. 1 шн. 8 пр.[27]), въ с. Чахчи—34 м.[28]), въ с. Осовая—34 м.[29]), въ с. Лежайско—34 м. 6 пр.[30]), въ с. Павловичи—34 м. 1 шн. 2 пр.[31]), въ с. Постолово—33 м. 9 пр.[32]). въ селѣ Подольшанецъ—39 м. 1 шн. 2 пр.[33]), въ с. Стрыевичи—36 м.[34]), въ с. Уколка—32 м. 1 шн. 2 пр.[35]). При измѣреніи мѣстъ Кобринской экономіи, ревизоръ не былъ такъ

---

18) Ibid., II, стр. 26.
19) Писц. кн. Коб. эк., стр. 77; 79, 80, 83, 88, 92, 116, 165 etc.
20) стр. 96.
21) стр. 102.
22) стр. 118.
23) стр. 124.
24) стр. 127.
25) стр. 130.
26) стр. 131.
27) стр. 173.
28) стр. 185.
29) стр. 187.
30) стр. 201.
31) стр. 209
32) стр. 221.
33) стр. 223.
34) стр. 225.
35) стр. 239.

опредѣленъ, какъ въ Гродненской экономіи. Городскія волоки въ Кобринѣ колебались между 33 и 38 мор. [36]), а въ городахъ—Городецъ и Добучинъ онѣ равнялись 33 мор. [37]). Наконецъ, въ мѣстскихъ селахъ нормальной волокой для надѣльной земли была волока въ 33 морга [38]). Итакъ, принимая для измѣренія надѣльныхъ земель въ Кобринской экономіи волоку равную 33 моргамъ, ревизоръ на практикѣ значительно отступалъ отъ этого основнаго принципа. Благодаря этому въ нѣкоторыхъ случаяхъ волоки достигали большихъ размѣровъ, доходя иногда до 44 м. 6 пр. И такія отклоненія для Кобринской экономіи нельзя считать случайностью, такъ какъ около половины надѣльныхъ волокъ были значительно большихъ размѣровъ, не говоря уже о надбавкахъ, которыя въ общій счетъ не входили. И при измѣреніи городскихъ волокъ на практикѣ были возможны отступленія въ сторону увеличенія общаго количества морговъ въ волокѣ.

Обращаясь къ даннымъ Писцовой книги Пинскаго староства, можно отмѣтить въ ней тѣ же явленія, которыя были уже отмѣчены при анализѣ данныхъ Гродненской и Кобринской экономій. Ревизоры Пинскаго староства считаютъ нормальной волокой—волоку въ 33 морга. Но благодаря неблагопріятнымъ почвеннымъ условіямъ на практикѣ были возможны отступленія въ сторону отъ обыкновенной нормы, благодаря чему величина волокъ отличалась поразительной пестротой [39]).

Иногда эти надбавки были настолько незначительны, что они существенно не увеличивали волоки (2,5 локтя; 7,5 локтя въ одномъ полѣ [40]), но съ другой стороны, тамъ, гдѣ земля по своему качеству, дѣйствительно, была плохая, надбавки доходили до 3 морговъ въ одномъ полѣ, такъ что волока равнялась 42 моргамъ вмѣсто нормальныхъ 33 морговъ [41]). Земля въ Пинскомъ староствѣ вообще была весьма невысокаго качества, а потому нормальныя волоки въ 33 морга—явленіе сравнительно рѣдкое. И при измѣреніи городскихъ земель ревизоръ обыкновенно принималъ волоку въ 33 морга [42]).

---

[36]) стр. 281.
[37]) стр. 161, 275.
[38]) стр. 38, 48.
[39]) Писц. книга Пинскаго староства I, стр. 285.
[40]) Ibid., стр. 121, 135.
[41]) Ibid., стр. 199.
[42]) Ibid., стр. 99.

Данныя описанія Берестейскаго староства уже были предметомъ ученаго вниманія М. В. Довнаръ-Запольскаго [43]), но его наблюденія вѣрны только отчасти. Конечно, ревизоры, слѣдуя уставѣ о волокахъ, должны были при измѣреніи считать волоку равной 33 моргамъ, но въ силу качества почвы, къ нормальной волокѣ приходилось давать значительныя надбавки, благодаря которымъ обыкновенная волока въ Берестейскомъ староствѣ—явленіе рѣдкое. Пестрота среди надбавокъ—удивительная. Самая большая надбавка была равна 18 моргамъ[44]). Надбавка въ 4—6 морговъ была болѣе распространена. Наконецъ, при измѣреніи Жмудскаго староства волока считалась равной 30 моргамъ[45]). Итакъ, сохранившіяся описанія отдѣльныхъ старостъ, волостей и экономій позволяютъ придти къ выводу, что, при измѣреніи полевой земли, ревизоры считали волоку въ 33 морга, какъ того требовала устава о волокахъ. Точное выполненіе этого требованія на практикѣ оказывалось совершенно невозможнымъ, и ревизорамъ приходилось отступать отъ обще-принятыхъ нормъ и, вслѣдствіе разнаго рода почвенныхъ дефектовъ, увеличивать размѣры волоки. Однако, кое гдѣ попадались волоки и неполныя, которыя при общемъ счетѣ принимались за полныя. Что же касается городскихъ земель, то при измѣреніи ихъ употреблялась волока въ 30 и 33 морга. Выборъ размѣровъ волоки зависѣлъ отъ мѣстнаго ревизора, которому, разумѣется, приходилось считаться съ чисто мѣстными индивидуальными условіями. При измѣреніи на волоки употреблялись линейныя и квадратныя мѣры: локти, пруты, шнуры, морги. Наконецъ, изученіе Писцовыхъ книгъ не позволяетъ принять мнѣнія Чацкаго, будто 33 морговая волока была по преимуществу осадная.

---

[43]) Кіев. Унив. Изв. 1898, II.
[44]) Д. А. М. Ю., I, стр. 393.
[45]) А. В. К., XXV, стр. 13.

III.

Ходъ реформы.

Роль провинціальной администраціи при производствѣ аграрной реформы. Обязанности волостного населенія. Описаніе городовъ, дворовъ и волостей. Производство реформы въ Троцкомъ воеводствѣ. Аграрная реформа въ Виленскомъ воеводствѣ и Жмудскомъ старостве. Аграрныя мѣропріятія въ русскихъ волостяхъ.

Когда правительство Сигизмунда-Августа рѣшало приступить къ осуществленію задуманной реформы въ той или другой волости, то объ этихъ правительственныхъ намѣреніяхъ Сигизмундъ-Августъ увѣдомлялъ торжественнымъ посланіемъ провинціальную администрацію, одновременно выясняя ближайшія задачи и цѣли реформы и ту роль, какую должна была играть провинціальная администрація при осуществленіи реформы. Реформа, по словамъ правительственнаго документа, была задумана «для лѣпшого покою межи подданныхъ нашихъ и для постановенія платовъ и пожитковъ господарскихъ». Реформа въ каждой державѣ должна была быть проведена по одному плану, какъ и «въ иншихъ дворахъ нашихъ»[1]). Для этой цѣли земли господарскихъ подданныхъ должны были быть помѣрены и раздѣлены на три поля. По пріѣздѣ на мѣсто лица, назначеннаго правительствомъ для осуществленія задуманной реформы, староста былъ обязанъ оповѣстить о его пріѣздѣ всѣхъ второстепенныхъ врядниковъ, которые должны дать ему необходимую «справу» и оказывать ему всякую поддержку при осуществленіи аграрной реформы.

Одновременно издавалось распоряженіе, чтобы волостные люди «въ помере послушнымъ быти и никоторое переказы въ томъ не чинити». Провинціальной урядъ присутствуетъ при измѣреніи на волоки. Онъ является свидѣтелемъ того, что волоки помѣрены «достаточне звыклое померы обычаемъ» и «выпростаны безъ обтяжливости» господарскихъ подданныхъ. Когда производится въ волости волочное измѣреніе, то населеніе волостей не обязано давать правительствен-

---

[1]) Писц. Кн. Пин. Ст. т. I, стр. I. Кн. Зап. XXXVII, л. 53, 54.

ному агенту никакихъ «стацій» и «жадныхъ доходовъ», за исключеніемъ небольшой платы за каждую принятую волоку.[2]) За волоки не принятыя вознагражденіе выдается изъ господарскихъ доходовъ. Это вознагражденіе «на страву и за працу». Если же впослѣдствіи волоки будутъ приняты, то съ каждой волоки отбирается въ господарскій скарбъ по 10 грошей. Хотя подданные волостей не давали правительственнымъ агентамъ никакихъ «стацій», однако, они все таки были обязаны давать агенту и его мѣрникамъ подводы и сохи «съ волами для розгоняня волокъ»[3]). Провинціальная администрація при производствѣ земельной реформы должна стоять на стражѣ правительственныхъ интересовъ: она совмѣстно съ ревизоромъ раздаетъ подданнымъ волоки, «яко наипристойней и нанепей быти можетъ», слѣдитъ за составленіемъ реестра произведенной аграрной реформы и смотритъ, чтобы задуманная реформа была осуществлена «безъ обтяжливости подданныхъ». Въ противномъ случаѣ, провинціальной урядъ долженъ дать немедленно «господарю» вѣдомость, лишь только онъ замѣтитъ, что господарскій агентъ «на подданныхъ вымыслы чинилъ и пожитки которые себе не побожне привлащалъ». Кромѣ того, старосты или воеводы наблюдали, чтобы земли, забранныя безъ данины, подвергались волочному измѣренію[4]). Наконецъ, старосты и воеводы должны были также стоять на стражѣ интересовъ и мѣстнаго шляхтества. Они обязаны слѣдить за тѣмъ, чтобы частные землевладѣльцы, какъ духовные, такъ и свѣтскіе, получали «отмену слушную», если земли послѣднихъ «для поравненья господарскихъ кгрунтовъ» приписывались къ господарскимъ дворамъ и замкамъ[5]).

Посылая увѣдомительный листъ провинціальной администраціи, центральное правительство, съ своей стороны, обращалось съ такимъ же листомъ и къ населенію волостей съ извѣщеніемъ о предстоящемъ волочномъ измѣреніи и съ требованіемъ быть «послушны» ревизору и «справедливе» сообщить ему все, что касается ихъ земельной собственности, чтобы реформа была призведена безъ всякой «обтяжливости» для населенія. Затѣмъ, населенію предъявлялось требованіе, чтобы поданные откровенно показали тѣ земли, которыя были забраны безъ

---

[2]) К. З. XXXVII, л. 53—54.
[3]) Ibid., К. З. XXXVII, л. 53—54.
[4]) К. З. XXXVII, л. 53—54.
[5]) К. З. XXXVII, л. 53—54.

даннны, а также, чтобы они принимали отъ ревизора вымѣренныя волоки, садились бы «на местахъ, отъ него назначоныхъ ку селидьбамъ», «всякое послушенство въ помере чинечи къ нему» [6]). По всей вѣроятности, такое же увѣдомленіе о предстоящемъ измѣреніи на волоки получали и мѣстные землевладѣльцы; по крайней мѣрѣ такъ поступило правительство Сигизмунда III, когда въ 1637 году приступило къ волочному измѣренію Бобруйскаго староства [7]). По пріѣздѣ ревизора и мѣрчихъ на мѣсто, начиналось довольно трудное дѣло измѣренія на волоки, принимая во вниманіе тогдашніе примитивные способы измѣренія. При волочномъ измѣреніи примѣнялись линейныя и квадратныя мѣры. Площадь той или другой территоріи вычислялась обыкновенно по даннымъ длины и ширины, и соотношеніе между ними принимало иногда до прихотливости разнообразный характеръ [8]). Такъ какъ не всегда измѣряемая территорія укладывалась въ то или иное количество волокъ, то иногда оставался нѣкоторый излишекъ земли, называвшійся «застѣнкомъ» и не входившій въ общій счетъ «протягненныхъ» волокъ. Такіе застѣнки лежали большею частью на краю территоріи и по своей разбросанности и количественной величинѣ представляли изъ себя довольно живописную картину. Въ сохранившихся Писцовыхъ книгахъ—волоки и застѣнки рѣзко отдѣлены другъ отъ друга, и имъ ведется особый счетъ, какъ въ количественномъ, такъ и въ повинностномъ отношеніяхъ.

Описывались и измѣрялись города, замки и дворы волостей. Не измѣряя на волоки всей городской территоріи, правительственные агенты прежде всего измѣряли территорію, занятую правительственными и частными лицами. Обыкновенно сначала измѣрялась территорія рынка, главная часть любого города, вокругъ которой по четыремъ сторонамъ были расположены городскія селидьбы. Затѣмъ шло измѣреніе улицъ, ближайшихъ къ рынку, постепенно переходя къ болѣе отдаленнымъ, и мало по малу охватывая всю городскую территорію. Если при городскихъ селидьбахъ были земли подъ огородами, то, конечно, измѣрялись и послѣдніе. Когда территорія города была измѣрена, приступали къ измѣренію внѣгородской территоріи. Тутъ находились городскія земли, пахатныя, огород-

---

[6]) Писц. Кн. Пинск. Стар. стр. 3.
[7]) А. В. К. т. XXV, стр. 115.
[8]) А. В. К. XXV, стр. 10.

ныя, сѣнокосныя, выгонныя, находившіяся въ пользованіи городского населенія или составлявшія частную собственность, преимущественно, духовенства и духовныхъ учрежденій—монастырей, церквей. Записывая итоги произведеннаго измѣренія въ особый реестръ, составители его всегда отличались большой точностью въ опредѣленіи границъ измѣренной и описанной территоріи. При составленіи такого реестра, обыкновенно, подробно перечислялись владѣльцы городскихъ пляцовъ и огородовъ съ обозначеніемъ ихъ повинностей; въ общее число городскихъ держателей пляцовъ входили и тѣ лица, которыя, въ силу своего административнаго положенія или спеціальной службы, были свободны отъ платежа повинностей. Въ концѣ описанной части города—въ реестрѣ, обыкновенно, дается итогъ количества городскихъ пляцовъ и общее количество прутовъ, занятыхъ подъ усадьбы. Затѣмъ указывалось, какіе пляцы были свободны отъ платежа чинша и какіе были на платѣ. Отдѣльно подводился итогъ огородной землѣ съ указаніемъ, какіе огородные пруты были на платѣ, какіе свободны. Подсчеты, произведенные правительственными агентами, обыкновенно отличаются большой точностью и только въ весьма немногихъ случаяхъ нуждаются въ нѣкоторыхъ, весьма впрочемъ несущественныхъ, поправкахъ. Затѣмъ въ реестрѣ подводился итогъ мѣстскихъ волокъ съ обозначеніемъ слѣдуемыхъ съ каждой волоки повинностей, какъ натуральныхъ, такъ и денежныхъ, и перечислялись тѣ налоги, которые поступали въ господарскій скарбъ: это—поступленія съ мыта, капщизны и отъ рѣзниковъ.

При описаніи господарскихъ волостей сначала измѣрялись и описывались фольварки, если послѣдніе уже существовали, или устраивались новые, если это соотвѣтствовало господарскимъ интересамъ. Потомъ ревизоры переходили къ измѣренію волостной территоріи и дѣлили ее на то или другое количество войтовствъ, руководясь правилами, указанными въ уставѣ о волокахъ. При измѣреніи двора, прежде всего приступали къ отводу пашни подъ господарскій фольварокъ. Если при этомъ ревизоры заставали уже развитое хозяйство, то переписывалась его наличность, а также и бывшій урожай, и одновременно давались указанія относительно его дальнѣйшей эксплоатаціи, а равно и эксплоатаціи разныхъ хозяйственныхъ угодій. Кромѣ пашни измѣрялись огороды и размѣщались на нихъ огородники. Описаніе и измѣреніе волостей производилось по селамъ. Сначала описывались и опредѣлялись границы каждаго села, затѣмъ шло описаніе границъ надѣловъ, подѣленныхъ

на волоки, указывалось повинностное положеніе волокъ, перечислялись лица, взявшія волоки, а иногда перечислялся и ихъ рабочій инвентарь, столь важный для характеристики экономическаго положенія крестьянина. Далѣе опредѣлялись границы выгоновъ, если послѣдніе находились при селѣ, и количество такихъ волокъ. Тутъ же писались отдѣльно и застѣнки. Наконецъ, подводился общій итогъ поступленій, слѣдовавшихъ въ господарскій скарбъ съ волостныхъ волокъ. Кромѣ того, въ тотъ же реестръ вписывались и тѣ «отмѣны слушныя», которыя были отданы частнымъ землевладѣльцамъ взамѣнъ отобранной земли, и перечислялись тѣ земли, которыя были разобраны безъ данины, или на которыя заявляли притязанія нѣсколько лицъ.

Составъ господарскихъ державъ и дворовъ, расположенныхъ въ Троцкомъ воеводствѣ, въ его западной части, съ достаточной полнотой выясненъ М. К. Любавскимъ въ его извѣстномъ трудѣ «Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства ко времени изданія Статута 1529 года». Воспользуемся данными М. К. Любавскаго, чтобы сравнить ихъ съ данными о земельной реформѣ. Тогда можно будетъ выяснить, по всей ли территоріи воеводства прошла реформа, или ею были затронуты только главные державы и дворы, или нѣкоторые изъ нихъ, вѣроятно вслѣдствіе ихъ бездоходности, оставались не размѣренными на волоки.

Территорія Троцкаго воеводства была довольно обширна. Въ ея составъ входило нѣсколько повѣтовъ. Троцкій повѣтъ былъ разбросанъ въ бассейнѣ рѣки Нѣмана. Села и дворы, расположенные въ этомъ направленіи, конечно, имѣли огромное значеніе для господарскаго хозяйства. Въ предѣлахъ Троцкаго повѣта лежали слѣдующіе дворы, не перешедшіе въ частныя руки: на рѣкѣ Нѣманѣ Дорсунишки съ волостью, Бирштаны съ волостью, Пуня съ волостью, Олита и Немонойти съ волостями, затѣмъ Перевалка съ волостью, дворы Ожа и Переломъ съ волостями и, наконецъ, дворъ Избляны; по правому притоку Нѣмана, рѣкѣ Стравѣ, волости Стравиницкая, Жижморская и Сомилишская съ дворами; по правому притоку рѣки Верхшнѣ, рѣкѣ Ольшѣ,—Стоклишки съ волостью; при впаденіи рѣки Меречанки—Меречь съ волостью, а по ея верховьямъ Перелая и Волькиники, и по рѣкѣ Версокѣ, лѣвомъ притокѣ р. Мечанки, Ейшишки съ волостью. Затѣмъ, на рѣкѣ Радункѣ, впадающей въ Дитву, правомъ притокѣ Нѣмана,—Радунь съ волостью. На рѣкѣ Остринѣ, впадающей въ Котру, правый притокъ Нѣмана,—

Острынь съ волостью, а по рѣкѣ Жолудчанкѣ, притокѣ Нѣмана,— Жолудокъ съ волостью. Внутри Троцкаго повѣта лежали слѣдующіе господарскіе дворы: въ западной части повѣта—Довкги съ волостью, Лепунь съ волостью, дворы Дубичи и Конева; въ сѣверо-восточной части—Старыя Троки и на юго-востокѣ Василишки съ волостью.

Другой частью Троцкаго воеводства былъ Слонимскій повѣтъ, разбросавшійся по лѣвымъ притокамъ Нѣмана и по верховьямъ Припети. Тутъ, конечно, центральное мѣсто занималъ Слонимъ съ волостью и дворъ Здитовъ съ волостью на рѣкѣ Доробужкѣ, притокѣ Ясельды. Затѣмъ, по лѣвымъ притокамъ Нѣмана лежалъ Волковыйскій повѣтъ съ дворами—Волковыйскомъ и Мстибоговомъ съ волостьями а также Новодворская и Порозовская волости па рѣкѣ Росси.

Въ составъ Троцкаго воеводства входилъ и замокъ Каменецъ съ повѣтомъ, расположенный по рѣкѣ Лѣсной, притоку Западнаго Буга. Къ Троцкому же воеводству принадлежалъ и замокъ Ковенъ съ повѣтомъ, имѣвшій огромное значеніе, какъ крѣпость и какъ важный торгово-экономическій центръ, главное ядро всей внѣшней литовской торговли. Ковенскій повѣтъ дѣлился на собственно Ковенскую волость съ замкомъ Ковенъ, волость Кормяловскую съ дворомъ Кормялово, Румшишскую волость съ дворомъ Румшишки и дворъ Кіекгужинъ съ волостью. Къ Троцкому воеводству было также приписано и Городенское староство, занявшее оба берега средняго Нѣмана. Въ предѣлахъ староства лежали—дворъ Скидель съ волостью, дворъ Дубно съ волостью и дворъ Мосты—всѣ на правомъ берегу Нѣмана. Къ Троцкому воеводству была приписана и старинная Берестейская земля и такъ называемое Подляшье, состоявшее изъ повѣтовъ—Бѣльскаго, Дорогицкаго и Мельницкаго. На этой территоріи лежали слѣдующіе дворы и замки: Тыкотинъ и Саражъ на рѣкѣ Нарвѣ и Бранскъ на р. Нурцѣ, притокѣ Западнаго Буга. Наконецъ, въ его составъ вошли удѣльныя княжества Кобринское и Пинское. Послѣднее по своему географическому положенію между рр. Ясельдой и Пиной составляло какъ бы переходъ отъ западной части воеводства къ восточной. Таково расположеніе господарскихъ дворовъ въ Троцкомъ воеводствѣ.

Дать точную картину хода въ немъ земельной реформы— не представляется возможнымъ по состоянію источниковъ. Но если не стремиться къ полнотѣ, то такая картина можетъ быть отчасти возстановлена. Для производства земельной реформы были посланы ревизоры. По всей вѣроятности, въ каждый повѣтъ посылался

отдѣльный ревизоръ, который и приводилъ господарское хозяйство въ должное состояніе. Аграрная реформа въ Троцкомъ воеводствѣ началась не раньше 1555 года[9]). По крайней мѣрѣ, до этого времени нѣтъ никакихъ указаній о систематическихъ земельныхъ мѣропріятіяхъ правительства. Ревизорами дворовъ господарскихъ въ Троцкомъ повѣтѣ были господарскій державца Станиславъ Райскій и дворянинъ Семенъ Война[10]). По всей вѣроятности, реформа здѣсь производилась въ теченіе 1555 и 1556 гг. Затѣмъ на мѣсто Райскаго былъ посланъ Григорій Дельницкій, оффиціально называвшійся ревизоромъ дворовъ Понѣманскихъ. Упоминается также и Авраамъ Кунцевичъ. Вѣроятно, въ 1559 г. онъ занялъ мѣсто Семена Войны[11]).

Совмѣстно съ намѣстниками и державцами они измѣрили бóльшую часть Троцкаго повѣта. На обязанности Станислава Райскаго, кажется, лежало измѣреніе дворовъ, расположенныхъ въ бассейнѣ Нѣмана и въ глубинѣ Троцкаго повѣта[12]). Въ юго-восточной части повѣта дѣйствовалъ дворянинъ Павелъ Котовичъ: такъ измѣреніе двора Василишекъ съ волостью произведено имъ[13]). По всей вѣроятности, Павелъ Котовичъ ограничился только измѣреніемъ Василишекъ. Въ слѣдующемъ, 1559 г. онъ былъ занятъ производствомъ волочной помѣры около Тыкотинскаго замка[14]). Каменецкій повѣтъ былъ размѣренъ на волоки Иваномъ Сопѣгой совмѣстно съ мѣстнымъ державцей паномъ Туромъ[15]). Началось производство реформы въ 1558 г. По всей вѣроятности, производство земельной реформы въ Каменецкомъ повѣтѣ не отняло много времени. Уже въ слѣдующемъ году ревизоръ Иванъ Сопѣга былъ занятъ на Подляшьи[16]).

Тотъ же Сопѣга началъ измѣреніе земли въ Берестейскомъ Староствѣ[17]). Справцами дворовъ Городенскихъ были: Новодворскій намѣстникъ панъ Себестіанъ Дыбовскій и господарскій дворянинъ Лавринъ Война[18]). Здѣсь, кажется, реформа была начата не раньше

---

[9]) К. З. XXXVII, л. 104.
[10]) К. З. XXXVII, л. 347 XXXVIII, л. 301, 311.
[11]) К. З. XXXVIII, л. 254.
[12]) К. З. XXXVII, л. 123. 146, 345.
[13]) К. З. XXXVII, л. 126.
[14]) К. З. XXXVII, л. 263.
[15]) К. З. XXXVII, л. 217.
[16]) К. З. XXXVII, л. 221.
[17]) Д. А. М. Ю. I. стр. 205.
[18]) К. З. XXXVII. л. 150.

начала весны 1558 г.[19]). По крайней мѣрѣ, различныя господарскія указанія, находящіяся въ связи съ реформой, вышеуказанныя лица начинають получать только съ начала марта 1558 г.[20]). Лавринъ Война дѣйствовалъ здѣсь недолго. Въ 1561 г. онъ уже занятъ производствомъ земельной реформы въ Пинскомъ княжествѣ. Его замѣнилъ дворянинъ Иванъ Макаровичъ[21]). Можно думать, что окончаніе работъ по производству земельной реформы въ Гродненскомъ повѣтѣ было произведено не раньше 1563 г.[22]). Когда была начата земельная реформа въ Слонимскомъ повѣтѣ—въ точности установить нельзя. Во всякомъ случаѣ, не позднѣе 1558 г. Однако, реформа сначала была проведена «не слушне». Вновь посланный ревизоръ—дворянинъ Андрей Ильковскій долженъ былъ исправить всѣ дефекты произведеннаго измѣренія. Производство этого исправленія началось не раньше конца зимы 1559 г.[23]). Кажется, въ слѣдующемъ году Ильковскій былъ замѣненъ Нарбутомъ Фальчевскимъ[24]).

Измѣреніе на волоки Подляшья было произведено еще при Сигизмундѣ I. При его преемникѣ были посланы ревизоры для провѣрки уже произведеннаго волочного измѣренія. Таковыми ревизорами были—дворянинъ Станиславъ Девялтовскій и Павелъ Котовичъ[25]). Мѣстомъ ихъ дѣйствія была, кажется, сѣверо-западная часть Подляшья. Юго восточная часть Подляшья была измѣрена ревизорами Дмитріемъ Сопѣгой[26]). Реформа здѣсь была начата не раньше 1558 г., а закончена только въ 1563 г.. Въ это время же Димитрій Сопѣга составилъ волочное описаніе экономіи,—Кобринской экономіи. Наконецъ, входившее въ составъ Подляшья, Пинское княжество было измѣрено на волоки втеченіе 1561—1566 гг. старостой Пинскимъ и Кобринскимъ Лавриномъ Войной[27]).

Такимъ образомъ, измѣреніе на волоки Троцкаго воеводства отняло около 7 лѣтъ, начиная съ 1556 по 1563 гг. Наиболѣе скоро были измѣрены дворы Троцкаго повѣта.

---

[19]) К. З. XXXVII, л. 150.
[20]) К. З. XXXVII, л. 136.
[21]) К. З. XXXVIII, л. 413.
[22]) К. З. XXXVIII, л. 413.
[23]) К. З. XXXVII, л. 191.
[24]) К. З. XXXVII, л. 364.
[25]) К. З. XXXVII, л. 173, 263.
[26]) К. З. XXXVIII, л. 513.
[27]) Писцовая книга Пинскаго староства стр. I, XXXVII, л. 371.

Но всѣ ли дворы съ волостями были захвачены земельной реформой? Къ сожалѣнію, полностью нельзя отвѣтить на этотъ чрезвычайно важный вопросъ.

Волочныя описанія дворовъ большею частью не сохранились, за исключеніемъ Пинскаго староства, Кобринской и Гродненской экономій. Тутъ, конечно, ясно, что земельная реформа захватила всю территорію, лежащую въ предѣлахъ вышеупомянутыхъ староства и экономій. Относительно другихъ частей Троцкаго воеводства—существуютъ кое-какія отрывочныя свѣдѣнія.

Эти свѣдѣнія довольно случайнаго характера, и отсутствіе въ нихъ извѣстій о производствѣ реформы въ томъ или другомъ дворѣ еще не является показателемъ, что здѣсь не было производства реформы. Извѣстія о дворахъ, въ которыхъ было произведено волочное измѣреніе, можно черпать изъ господарскихъ листовъ, посылавшихся по разнымъ поводамъ тому или другому ревизору или державцѣ. Такъ Ковенская держава была измѣрена до 1556 года. Господарскій листъ, опубликованный 12 іюля 1556 г., прощалъ Кіевскому воеводѣ и Ковенскому державцѣ пану Григорію Ходкевичу всѣ недоимки за 1552—1554 гг., которые «на пане воеводе и на слугъ его што оставлено и на квитехъ скарбныхъ описано». Кромѣ того, получивъ въ 1555 г. въ держаніе дворъ Кормялово съ волостью, Ходкевичъ былъ освобожденъ отъ обязанности чинить «личбу» передъ господарскимъ скарбомъ во всѣхъ доходахъ, которые «съ двора и места и волости Кормяловскихъ» шли на господаря.

Поэтому «все яко цинша голые, такъ и веси поплатки што зъ волокъ подданныхъ даютъ», предоставляются въ распоряженіе пана [28]). Слѣдовательно, въ Ковенскомъ повѣтѣ земельная реформа уже производилась въ 1555 г. Къ марту 1558 г. также была измѣрена на волоки и вся волость Румшишская въ томъ же повѣтѣ. Господарскимъ листомъ отъ 8 марта 1558 г. дворянинъ Иванъ Васильевичъ Булгакъ получилъ подтвержденіе на 16 волокъ «войтовства Занеманскаго села Войнивирдова» со всѣми скарбами и податками, которые до сихъ поръ поступали въ господарскій скарбъ [29]). Что же касается данныхъ о земельной реформѣ въ Троцкомъ повѣтѣ, то можно привести слѣдующія: къ 1558 году уже кое-гдѣ были окончены измѣреніе земель на волоки и составленіе скарбныхъ реестровъ. Весной

---

[28]) К. З. XXXVII, л. 113.
[29]) К. З. XXXVII, л. 135.

1558 г. бояринъ Троцкаго повѣта Петръ Пацевичъ хлопоталъ передъ державцей Олитскимъ и Немонойтскимъ Станиславомъ Райскимъ объ освобожденіи его отъ чинша по случаю его бѣдности [30]). То же слѣдуетъ сказать и о волости двора Сомилишскаго. Господарскій листъ разрѣшилъ воеводѣ Троцкому не вносить никакихъ доходовъ съ подданныхъ и гумна Сомилишскаго втеченіе 1558—1560 гг. [31]).

Слѣдовательно, къ этому времени всѣ повинности уже были опредѣлены. О производствѣ волочного измѣренія въ дворѣ Бирштаны можно судить на основаніи господарскаго пожалованія отъ 8 ноября 1558 г. на имя лѣсничаго Дорсунишскаго и Бирштанскаго объ отводѣ ему на лѣсничество въ Бирштанской волости въ селѣ Ошменитишкахъ 6 волокъ «зъ людьми, на нихъ о селыми», и тамъ же на пашню ему «три волоки земли пустыхъ» [32]). Доказательствомъ производства земельной реформы въ дворѣ Радунь съ волостью можетъ служить пожалованье Троцкому воеводѣ въ Радуньской волости 8 волокъ села Ковковъ «и зъ людьми тяглыми, на тыхъ волокахъ оселыми, съ платы, съ податками и зъ ихъ службами» [33]). Господарскій листъ на имя старосты Мстибоговскаго Григорія Воловича объ отводѣ отмѣны за отобранные огороды у дворянина Андрея Жеховскаго—служитъ показателемъ производства аграрной реформы въ Ейшишкахъ съ волостью [34]). Господарскій листъ отъ 22 декабря 1557 г. на имя воеводы Троцкаго и Василишскаго державцы пана Миколая Юрьевича Радивила объ отводѣ въ селѣ Бакштахъ въ волости Василишской одверному Матею Богдановичу двухъ волокъ «на службе одверницкой, вольныхъ отъ всѣхъ повинностей»,—указываетъ на производство аграрной реформы въ волости Василишской [35]). На производство волочного измѣренія во дворѣ Пуня съ волостью указываетъ господарское пожалованіе скарбному писарю Крониму Квилецкому пустовщины, въ которой было всего около 20 морговъ, и застѣнка въ размѣрѣ 5 морговъ [36]). Доказательствомъ тѣхъ же земельныхъ мѣропріятій правительства во дворѣ Лепунь съ волостью можетъ служить жалоба лепуньскихъ бояръ отъ 17 іюня 1560 г. о томъ, что

---

[30]) К. З. XXXVII, л. 146

[31]) К. З. XXXII, л. 160.

[32]) К. З. XXXVII, л. 189.

[33]) К. З. XXXIX, л. 178.

[34]) К. З. XXXVII, л. 123.

[35]) К. З. XXXVII, л. 126.

[36]) К. З. XXXVII. л. 339.

державца Олитскій Станиславъ Райскій, «будучи на померѣ волочной у волости Лепуньской, на земляхъ ихъ властныхъ жита и збожья имъ жати заповѣдалъ, а ихъ властныя земли хотѣлъ роздать подданнымъ» [37]). Господарскій привилей отъ 21 августа 1560 г. на имя пана Войтеха Ясенинскаго на право держанія двора Переломъ «доживотнымъ правомъ» указываетъ, что ко времени пожалованія здѣсь уже было осуществлено волочное измѣреніе [38]).

О состоявшемся волочномъ измѣреніи двора Стоклишекъ говоритъ господарскій листъ отъ 1560 г. на имя мѣстнаго державцы и ревизора Авраама Кунцевича о предоставленіи боярину Андрею Степановичу Ольшевскому въ держаніе «одного человѣка и 5 земель пустовскихъ», данныхъ ему «до воли и ласки господарской», и впослѣдствіи при производствѣ волочного измѣренія у него отобранныхъ, такъ какъ господарь не пожелалъ, чтобы тотъ бояринъ «отъ хлѣбокормленія отдаленъ быти мѣлъ» [39]). Къ 1561 году состоялось также измѣреніе двора Меречь съ волостью. Господарскій листъ на имя старосты Пинскаго, Кобринскаго и Бобруйскаго пана Станислава Довойны оставилъ въ 1561 году за Григоріемъ Дельницкимъ три волоки, которыя раньше имѣлъ въ своемъ распоряженіи подданный Мартынъ Пропевицкій, такъ какъ онъ былъ мѣрчимъ при «постановеніи помѣры волочное волости Мерецкое» [40]).

Къ осени 1558 года состоялось волочное измѣреніе двора Жосли. Господарь въ это время нашелъ возможнымъ отдать мѣстному державцѣ пану Лукашу Лекскію «на его выхованіе фольварокъ Жосленскій всякого ужатія и иные вси пожитки, што кольвекъ съ того фольварку до скарбу нашего приходитъ, вышши сена дворные [41]). Измѣреніе на волоки Олиты съ прилегавшими дворами, по всей вѣроятности, было произведено съ момента приступа къ реформѣ, такъ какъ державцей былъ самъ ревизоръ дворовъ Троцкихъ панъ Станиславъ Райскій [42]). Уже въ 1557 году правительство заботилось о достаточномъ обезпеченіи Олиты стрѣльцами [43]). По всей вѣроятности,

37) К. З. XXXVII, л. 376.
38) К. З. XXXVII, л. 337.
39) К. З. XXXVIII, л. 254.
40) К. З. XXXVIII, л. 311.
41) К. З. XXXVII, л. 189.
42) К. З. XXXVII, л. 146 LII. л. 60.
43) К. З. XLII, л. 3.

одновременно состоялось волочное измѣреніе и двора Немонойти [44]). Заботы правительствъ объ осадѣ подданныхъ на стрѣлецкія волоки въ дворахъ: Новый Дворъ и Ворапа указываютъ на то, что и въ нихъ въ это время уже состоялось волочное измѣреніе [45]). Тогда же состоялось распоряженіе объ осадѣ стрѣльцовъ при дворѣ Довги [46]). Очевидно, и здѣсь уже волочное измѣреніе было окончено. Къ началу осуществленія земельныхъ мѣропріятій господарскіе дворы Ейшишки, Конева Ворана, Дубичи были въ держаніи пана Григорія Воловича. По всей вѣроятности, одновременно съ помѣрой Вораны и Ейшишекъ были измѣрены на волоки и дворы Конева и Дубичи, какъ лежавшіе на одной территоріи и въ административно-хозяйственномъ отношеніи составлявшіе одно цѣлое [47]). Одновременно къ августу 1560 г. съ дворомъ Переломъ былъ вымѣренъ на волоки и дворъ Ожа, составлявшій съ Переломомъ единую хозяйственно административную державцу [48]). Кажется, къ 1557 году было окончено измѣреніе Кормяловской волости. Благодаря постигшимъ ее несчастіямъ, крестьяне этой волости не могли уплатить за 1557 г. наложенныхъ на нихъ податей, и потому просили господаря объ освобожденіи ихъ отъ платовъ [49]). Въ 1560 г. былъ измѣренъ на волоки дворъ Острынь, а также были составлены ревизорскіе реестры. Господарскій листъ отъ 31 мая 1560 г. на имя ротмистра Станислава Скиндера жалуетъ ему въ Остринской волости семь оселыхъ волокъ съ перечисленіемъ дымовъ и владѣльцевъ оныхъ [50]).

Земельная реформа въ Слонимскомъ повѣтѣ была осуществлена до 1558 года. Господарскій листъ отъ 8 ноября 1558 г. признаетъ что волочная помѣра въ Слонимскомъ замкѣ произведена «неслушне» и даетъ соотвѣтствующія указанія дворянину Андрею Ильковскому относительно новой помѣры [51]).

О производствѣ повторнаго измѣренія на Подляшьи существуетъ не мало данныхъ. Наиболѣе раннее извѣстіе относится къ 26 августа 1556 г. Дѣло касается города Дорогичина. Господарскимъ

---

[44]) К. З. XLII, л. 16.
[45]) К. З. XLII, л. 6, 9.
[46]) К. З. XLII, л. 18.
[47]) К. З. XXXVII, л. 123.
[48]) К. З. XXXVII, л. 383.
[49]) К. З. XXXVII, л. 159.
[50]) К. З. XLII, л. 105.
[51]) К. З. XXXVII, л. 161.

приказомъ дорогицкій мѣщанинъ Михаилъ Чехъ освобождается на 4 года «для лепшого будованія», отъ платежа «чиншовъ и всякихъ поплатковъ», поступавшихъ въ господарскій скарбъ со всѣхъ мѣсткихъ волокъ, какъ полевыхъ, такъ и огородныхъ [52]). Указаніемъ на существованіе волочного измѣренія въ Бранскомъ староствѣ служитъ господарскій листъ на имя Бранского старосты о предоставленіи Подляшскому воеводѣ Михайлѣ Ивановичу Сопѣгѣ двора Миклашевскаго, въ которомъ было «людъми оселыхъ волокъ двадцать, а пашни дворной пять волокъ [53])». О производствѣ волочного измѣренія въ Саражской волости можно судить по пожалованію подскарбію земскому пану Станиславу Захаровичу Влошкѣ двухъ селъ: Текуны, въ которомъ «кгрунту 9 волокъ», и Моники, въ которомъ «кгрунту 5 волокъ». И то, и другое дается «съ людьми, на тыхъ волокахъ оселыми [54])». По пожалованію боярскому сыну Василію Чаплинкѣ пяти волокъ въ пущѣ при границѣ «прусской и мазовецкой», объявленному на имя старосты Тыкотинскаго, можно считать производство земельной реформы въ Тыкотинской волости фактомъ совершившимся. Пожалованіе дано въ августѣ 1556 г. [55]).

Наконецъ, сохранилось описаніе городовъ Бранска и Саража съ ихъ волостями, составленное Девялтовскимъ въ теченіе 1560-1563 года [56]). Господарскіе дворы, находившіеся въ Гродненскомъ повѣтѣ, какъ то: Гродно, Кринки, Котра, Мосты, Мильковчина, Новый-дворъ, Лабно, Красники и Квасовъ и другіе съ волостями были вымѣрены на волоки въ 1558 году [57]). Сохранившіяся писцовыя книги Кобринской экономіи и Пинскаго Староства свидѣтельствуютъ о произведенныхъ въ нихъ, во всей широтѣ, земельныхъ мѣропріятій.

Земельное измѣреніе производилось въ Кобринскомъ повѣтѣ уже въ 1558 г. Уже въ февралѣ по господарскому распоряженію земянину Василію Ивановичу была дана отмѣна тремя волоками [58]). Наконецъ, Берестейское староство было окончательно описано въ 1566 г. Описаніе было начато ревизоромъ Иваномъ Сопѣгой, а окончено за его смертью Димитріемъ Сопѣгой [59]).

---

52) К. З. XXXVII, л. 114.
53) К. З. XXXVII, л. 172.
54) К. З. XXXVII, л. 167.
55) К. З. XXXVII, л. 173.
56) Писцовая кн. Гродн. Экон. II, стр. 317.
57) Ibid., I, стр. 3.
58) К. З. XXXVII, л. 220.
59) Д. А. М. Ю. I, стр. 205.

Въ это же время было произведено волочное измѣреніе и въ Волковыйскомъ повѣтѣ. По господарскому листу, выданному лѣтомъ 1558 г. Волковыйскій державца—панъ Юрій Василій Тышковичъ—отвелъ служебнику Яско Олтуховичу 2 волоки незаселенныхъ[60]). Господарское распоряженіе на имя Мстибоговскаго старосты отъ 10 ноября 1559 г. о передачѣ пану Еронпму Александровичу Ходкевичу села Продники, приписаннаго Мстибоговскимъ мѣрчимъ къ Мстибоговской волости, указываетъ также на производство реформы[61]). Наконецъ, господарскій листъ отъ 24 февраля—1559 г. на имя Каменецкаго державцы пана Тура и ревизора Ивана Сопѣги объ отводѣ земянину Василію Ивановичу трехъ волокъ—указываетъ на совершившіяся здѣсь однородныя правительственныя дѣйствія[62]).

Приведенныя выше данныя относительно состоявшагося волочнаго измѣренія вполнѣ совпадаютъ съ господарскимъ спискомъ тѣхъ дворовъ, куда въ 1569 году были отправлены ревизоры. Этотъ списокъ дополняетъ въ нѣкоторомъ отношеніи архивную неполноту[63]).

Западная часть Виленскаго воеводства была покрыта сѣтью большихъ и малыхъ господарскихъ дворовъ, лежавшихъ въ бассейнѣ р. Нѣмана, а потому, конечно, имѣвшихъ первостепенное хозяйственное значеніе. Въ сѣверо—восточной части воеводства въ Бряславскомъ повѣтѣ при озерѣ Дрисвятахъ лежалъ дворъ—староство Бряславское[64]). Бряславль былъ центромъ прилегавшихъ сюда волостей (Укольская, Друская, Олеская). Затѣмъ, въ его составъ входили и дворы—Опса съ волостью, Дрисвяты, Смолви съ волостями[65]). Въ сѣверо—западной части воеводства по рѣкѣ Свентѣ, притокѣ Виліи, и по ея притокамъ, и кромѣ того, по верховьямъ рѣкъ, впадающихъ въ Аа лежали господарскіе дворы: Ракишки съ волостью. Тутъ же были расположены волости Сувецкая, Обельская и Гапусицкая, Чадекская, Пеняны съ волостью; затѣмъ Ушполье съ волостью, Утены и Оникшты на р. Свентѣ, ниже Вилькомиръ[66]). Кромѣ этихъ дворовъ, въ составъ Виленскаго повѣта входила группа Завилейскихъ

---

[60]) К. З. XXXVII, л. 147.
[61]) К. З. XXXVII, л. 294.
[62]) К. З. XXXVII, л. 217.
[63]) Вил. Ар. Сбор. Т. III, Вильна 1889 г., стр. IX.
[64]) *М. К. Любавскій.* Обл. дѣл. и мѣст. упр., стр. 82—84.
[65]) Ibid., стр. 83, 84.
[66]) Ibid., стр. 85, 86.

дворовъ: Керновъ, Мойшакгола и Дубинки [67]). Далѣе, на среднемъ теченіи р. Виліи, по ея правому притоку Жеймяны, лежала большая група господарскихъ дворовъ. Главнымъ былъ дворъ Вильна съ волостью. Затѣмъ шли Неменчинъ съ волостью, Швинтяны тоже съ волостью. Сюда же надо отнести волости Лынкмены по верховьямъ Жеймяны; Ожвинскую и Дисенскую по рѣкѣ Дисенкѣ [68]). Не мало лежало господарскихъ волостей и дворовъ въ бассейнѣ лѣвыхъ притоковъ Виліи и правыхъ притоковъ Нѣмана. Къ нимъ можно причислить Мѣдники, Ошмену, Крево, Марково, Красное село и Лида—все съ волостями. Сюда же можно присоединить волости Судеревскую, Мемижскую, Роконтишскую, Рудоминскую, Быстрицкую [69]). Въ составъ Виленскаго воеводства входилъ и Новгородскій повѣтъ. Ко времени земельной реформы большая часть разбросанныхъ по его территоріи дворовъ и волостей перешла въ руки частныхъ владѣльцевъ [70]). Такимъ образомъ, главнымъ ядромъ великокняжескихъ имѣній является Виленскій повѣтъ. Волочная помѣра въ Виленскомъ воеводствѣ, кажется, началась съ сѣверо-восточной его части и коснулась прежде всего Бряславля и его волостей. Въ Бряславлѣ реформа была уже осуществлена въ 1554 году. Согласно господарскому листу, «пенязи и овесъ цыншовый» Бряславскому старостѣ пану Станиславу Петровичу Кишкѣ разрѣшается «брать съ платовъ нашихъ пенежныхъ 200 копъ грошей и овса чиншового двѣсти бочекъ». Объ этомъ сообщается до свѣдѣнія подскарбія земскаго пана Ивана Горностая, «абы съ кождого года то на либче пріймовалъ, квитуючи съ того сконечно» [71]). Въ 1554 г. были измѣрены на волоки дворяниномъ Иваномъ Олексеевичемъ—Ушполье и Пеняны. Это можно заключить изъ указанія, что державца Ушпольскій и Пенянскій не заплатилъ за 1555 г. пятидесяти копъ грошей «водлѣ реестру и выведанія» дворянина Ивана Олексеевича. Въ этомъ же году была помѣрена на волоки тѣмъ же дворяниномъ и Обельская волость [72]). Но къ октябрю 1560 г. волочное измѣреніе въ волостяхъ Ушпольской, Пенянской и Обельской не было окончено. Въ этомъ году господарскимъ листомъ три названные двора были даны въ заставу Бобруйскому ста-

---

[67]) Ibid., стр. 90—91.
[68]) Ibid., стр. 92—94.
[69]) Ibid., стр. 95, 108—111.
[70]) Ibid., стр. 128—131.
[71]) К. З. XXXVII, л. 58.
[72]) К. З. XXXVII, л. 116.

ростѣ Станиславу Довойнѣ. Поэтому случаю запрещается выѣзжать въ эти мѣстности ревизору и дѣлать «иншое постановенье». Отчетность же должна производиться согласно старымъ реестрамъ. Если бы оказалось, что кое-гдѣ «постановеніе ревизорское не дошло», то, послѣ совершившагося ввода во владѣніе, ревизоры должны немедленно докончить измѣреніе на волоки и составить два волочныхъ реестра: одинъ для Станислава Довойны, другой для господарскаго скарба [73]).

Господарскій листъ отъ 26 авг. 1556 г. на имя Новгородскаго воеводы и Кревскаго державцы пана Ивана Горностая объ отводѣ на кревскій костелъ $1^1/_2$ волоки земли или больше вмѣсто прежней десятины—можетъ служить указаніемъ на волочную помѣру въ Кревской волости [74]). О производствѣ волочной помѣры въ Марковской волости можно судить на основаніи господарскаго пожалованія державцѣ Марковскому пану Миколаю Нарушевичу брать на себя «до иншой науки» сѣно и дякольный овесъ «съ десятое волоки» [75]). Это распоряженіе было дано въ февралѣ 1559 года. Однако реформа здѣсь уже была окончена къ 1558 г. Въ этомъ году Марковскому державцѣ было господарскимъ листомъ приказано отвести машталеру Павлу Быдливскому двѣ волоки и корчму въ мѣстѣ Марковскомъ [76]). О производствѣ волочного измѣренія въ сосѣдней Ошменѣ можно судить по пожалованію въ августѣ 1557 г. державцѣ Стоклишскому доктору Августину «люди ленным правомъ нѣсколькихъ людей съ ихъ потужниками въ селе Козорезахъ и Конюляхъ» и, кромѣ того, при тѣхъ же селахъ 11 пустыхъ волокъ, а также свободныхъ 18 морговъ [77]). Господарскій листъ отъ 19 іюня 1560 года, по которому за подданнымъ Петромъ Войтеховичемъ оставляется три волоки пустыхъ, лежащихъ въ волости Мойшакголской, также указываетъ на состоявшуюся здѣсь волочную помѣру [78]). Жалоба, поданная сыномъ господарскаго дворянина Степана Новицкаго, Олексѣемъ на ревизора Лидскаго двора Яна Стецковича объ измѣреніи послѣднимъ на волоки трехъ пустовщинъ, которыя получилъ отъ в. к. Сигизмунда ихъ отецъ, указываетъ на состоявшееся волочное измѣреніе въ Лидскомъ

---

[73]) К. З. XXXVII, л. 402.
[74]) К. З. XXXVII, л. 114.
[75]) К. З. XXXVII, л. 221.
[76]) К. З. XXXVII, л. 147.
[77]) К. З. XXXVII, л. 177.
[78]) К. З. XXXVII, л. 368.

дворѣ [79]). Господарское распоряженіе на имя Виленскаго тивуна и господарскаго ревизора Авраама Купцевича о возвращеніи путныхъ бояръ Немончицкой волости села Трошкуны, записанныхъ въ тягло, обратно къ путной службѣ, какъ лицъ, имѣющихъ господарскіе листы,—указываетъ на производство аграрной реформы въ этой волости. Господарскій листъ датированъ 30 іюля 1560 г. Можно думать, что реформа была здѣсь проведена не раньше 1559 г. [80]).

Кажется, къ 1558 году уже было начато измѣреніе на волоки Герановинъ. Въ 1558 г. мѣстный державца получилъ въ свое распоряженіе съ двора Ремизовскаго, входившаго въ составъ дворъ замка Герановины «гумно всякаго ужатия и вси цинши, и иные пожитки што кольвекъ отъ толи съ фольварку, и зъ волости до скарбу приходятъ» [81]). Замокъ съ волостью раньше принадлежалъ панамъ Гаштольдамъ, и тутъ, при производствѣ волочной помѣры, возникало не мало недоразумѣній, какъ быть со всякаго рода пожалованіями, сдѣланными Гаштольдами. Измѣреніе Героноинъ еще не было окончено къ 1560 году. Давая отвѣтъ въ 1560 году на просьбы мѣстнаго боярства, господарь повелѣваетъ подвергнуть измѣренію ихъ земли только въ томъ случаѣ, «если случится помѣра волочная», и если «она придется на ихъ земли». Значитъ, волочное измѣреніе еще было осуществлено не во всѣхъ волостяхъ, спавшихъ на господаря [82]). По всей вѣроятности, въ это же время было произведено волочное измѣреніе и въ Трабахъ, также перешедшихъ къ господарю. Бояре трабскіе, благодаря волочной помѣрѣ, очутились въ аналогичномъ положеніи съ боярами героноинскими. Изъ господарскаго отвѣта на имя бояръ трабскихъ, отправленнаго въ 1561 году, явствуетъ, что къ этому времени волочное измѣреніе въ Трабахъ еще далеко не было закончено [83]). Волочное измѣреніе въ Трабахъ началось еще въ 1554 году. Къ этому времени слѣдуетъ отнести первыя столкновенія трабскихъ бояръ съ господарскими мѣрчими вслѣдствіе нарушенія послѣдними ихъ земельныхъ правъ [84]).

Мядельскій дворъ съ волостью былъ уже измѣренъ на волоки къ 1559 году. Господарь въ этомъ году нашелъ возможнымъ дать

---

79) К. З. XXXVIII, л. 172.
80) К. З. XXXVII, л. 376.
81) К. З. XXXVII, л. 189. К. З. XLIII, л. 45.
82) К. З. XXXVII, л. 326.
83) К. З. XLIII, л. 50.
84) К. З. XXXVIII, л. 8—9.

пану Нарушевичу все дякольное сѣно и дякольный овесъ съ каждой десятой волоки. Очевидно, реестры были уже составлены, разъ явилась возможность такъ конкретизировать пожалованіе [85]). Вмѣстѣ съ Трабами и Геронами спали на господаря Радошковичи. Это случилось не раньше 1549 года—времени составленія хозяйственнаго инвентаря замка «Радошковичъ» [86]). Но волочное измѣреніе въ немъ было произведено, видимо, позже, чѣмъ въ другихъ дворахъ Виленскаго повѣта, такъ какъ въ 1557 году замокъ былъ отданъ въ доживотное владѣніе Ивану Горностаю, Новгородскому воеводѣ [87]). Однако, къ 1569 году волочное измѣреніе тамъ все таки состоялось [88]). Къ ревизіи 1569 г. измѣреніе на волоки Виленскаго повѣта было окончено.

Земельныя мѣропріятія въ Жмудской землѣ начались съ начала XVI столѣтія. Только они не носили систематическаго характера. Правительство, подъ вліяніемъ мѣстныхъ хозяйственныхъ условій, приходило къ мысли о необходимости округленія господарскихъ имѣній. При этомъ господарская волость измѣрялась на волоки. Кажется, наиболѣе раннимъ волочнымъ измѣреніемъ на Жмуди можно считать измѣреніе Дирвянскаго тивунства, произведеннаго въ 1509 году господарскимъ мѣрчимъ Ѳедоромъ Ивановичемъ Кунцевичемъ [89]).

Въ 1522 году, по распоряженію Жмудскаго старосты пана Еронима Ходкевича, Иваномъ Ильковскимъ, тивуномъ Тондякгольскимъ и Жмудскимъ подстаростою, и Рафаиломъ Калиновскимъ были измѣрены на волоки села въ волости Корклянской, Потумшенской и Повенденской [90]). Въ 1523 году Андрей Мацковичъ измѣрялъ на волоки волость Биржанскую [91]). Въ 1550 году подвергалась волочному измѣренію Россейнская волость. Ея ревизоромъ былъ Войтехъ Девялтовскій [92]). Въ 1552 году державца Иванъ Кунцевичъ, и мѣрникъ Валентъ Залескій измѣрили на волоки Ясвоинскую волость [93]). Тотъ же мѣрчій въ

---

[85]) К. З. XXXVII, л. 221.

[86]) Д. А. М. Ю. I, стр. 90.

[87]) К. З. XXXVII, л. 57.

[88]) Археографическій сборникъ документовъ, относящ. къ исторіи Сѣверо-западнаго края. Вильна 1867 г. т. III, стр. X.

[89]) А. В. К. XXIV, № 15.

[90]) Ibid., № 22.

[91]) Ibid., № 25.

[92]) Ibid., № 76.

[93]) Ibid., № 82.

слѣдующемъ году при участіи пана Станислава Янушевича, Поюрского тивуна, измѣрили на волоки Поюрье и Коршево[94]). Въ 1553 году состоялось измѣреніе на волоки двора Скерстомонъ. Измѣреніе производилъ Войцехъ Надаринскій[95]). Въ это же время Жораны и Мединкгоны были измѣрены Иваномъ Андреевичемъ Ильковскимъ, при участіи Тондякгольскаго тивуна[96]). Тивунъ Ойракгольскій Миколай Шимкевичъ и мѣрчій Янъ Яновичъ Градовскій совмѣстно съ мѣрчимъ М. Поласкимъ произвели въ 1553 г. волочное измѣреніе Ойракгольской волости[97]).

Волочное измѣреніе производилось всякій разъ по спеціальному распоряженію Сигизмунда Августа и при его производствѣ непремѣнно присутствовалъ мѣстный тивунъ. Трудно сказать, насколько сохранившіяся данныя даютъ полныя свѣдѣнія о волочномъ измѣреніи въ Жмудской землѣ. Во всякомъ случаѣ, правительство стремилось измѣрять на волоки группу близъ-лежащихъ волостей, хотя порядокъ ихъ измѣренія диктовался какими-то неизвѣстнымидля насъ мотивами. Однако, въ неуклонномъ стремленіи къ измѣненію существовавшаго землепользованія можно усмотрѣть рѣшительное желаніе правительства стать на путь земельныхъ реформъ.

Къ систематическимъ и планомѣрнымъ мѣропріятіямъ земельнаго характера правительство Сигизмунда-Августа приступаетъ не раньше 1554 года. Такъ 23 декабря этого года господарь послалъ листъ «до его милости старосты Жомойтскаго Еронима Ходкевича» съ извѣщеніемъ, что имъ были посланы въ Жомойть мѣрники-державца Олитскій и Немонойтскій панъ Станиславъ Райскій и господарскій дворянинъ панъ Толвинскій[98]). Систематическое измѣреніе на волоки началось въ Жмудскомъ старост вѣ ранѣе другихъ воеводствъ, еще до изданія волочной уставы. Такой пріоритетъ можно объяснить только тѣмъ, что волочное измѣреніе достаточно привилось уже въ Жмудской землѣ. Оставалось только начатое довести до конца, хотя еще общехозяйственная устава не была издана. Общеземельныя мѣропріятія коснулись и тѣхъ волостей, гдѣ уже земли всѣ или частью были измѣрены на волоки.

---

[94]) Ibid., № 83.
[95]) Ibid., № 89.
[96]) Ibid., № 95.
[97]) Ibid., № 94.
[98]) К. З. XXXVII, л. 53—54.

Пріемы волочного измѣренія на Жмуди были тѣ же, что и въ западныхъ областяхъ. Только здѣсь аграрная реформа съ точки зрѣнія ея осуществленія, должна была встрѣтить большія затрудненія со стороны Жмудской шляхты, ссылавшейся на свои «мѣстныя права и вольности». Волочная помѣра здѣсь осуществлялась не уроженцами Жмуди, а иностранцами съ точки зрѣнія Уставной Жмудской грамоты, что, по мнѣнію шляхты, было нарушеніемъ областной самостоятельности. Желая отстоять свои мѣстныя вольности, она на сеймахъ подавала челобитія господарю и тѣмъ тормозила ходъ реформы. По всей вѣроятности, и на мѣстахъ шляхта немало задерживала осуществленіе реформы, не желая предъявлять «листы» на землю и тѣмъ самымъ дѣлая невозможнымъ округленіе господарскихъ грунтовъ. Можетъ быть, и само населеніе, относясь отрицательно къ реформѣ, задерживало ея осуществленіе. Желая ускорить волочное измѣреніе, правительство рѣшило заинтересовать въ ней болѣе радикальнымъ образомъ мѣстныхъ державцевъ и тивуновъ. Съ этой цѣлью 1 апрѣля 1560 г. Сигизмундомъ II была издана дополнительная устава. Желая «опатреніе тивунамъ нашихъ уделати» и сдѣлать ихъ болѣе активными «ку выполненію уставы волочное и размноженію государства и пожитковъ нашихъ», Сигизмундъ II уступилъ тивунамъ весь денежный платъ съ каждой десятой волоки, предполагая тѣмъ самымъ заставить тивуновъ всячески содѣйствовать скорѣйшему осуществленію земельной реформы [99]). О ходѣ волочного измѣренія въ Жмудской землѣ сохранились слѣдующія данныя. Въ 1555 г. была измѣрена на волоки Упитская волость. Раньше она входила въ составъ Троцкаго повѣта [100]). Въ слѣдующемъ году было произведено измѣреніе и Вилькейской волости. Господарскій листъ отъ 27 апрѣля 1556 г. на имя старосты Жмудскаго о представленіи писарю скарбному Мановскому Өедоровичу 10 волокъ въ Вилькейской волости можетъ служить указаніемъ на время производства реформы [101]).

Къ 1554 г. Войтехъ Толвинскій измѣрилъ на волоки Грустевскую волость [102]). Въ это же время мѣрникомъ тивунства Жмудскаго Андреемъ Андреевичемъ Ильговскимъ и мѣрникомъ Федоромъ Яцковичемъ были

---

[99]) Кн. Зап. XXXVII, л. 330.
[100]) Ар. Вил. и Сб. т. VIII стр. 3. *М. К. Любавскій*, Обл. Дѣл., стр. 167.
[101]) К. З. XXXVII, л. 105; А. В. К. XXIV, № 96.
[102]) А. В. К. XXIV, № 108.

измѣрены Вешвяны [103]). Тогда же Станиславомъ Райскимъ было произведено измѣреніе земель на волоки въ Плотелехъ и Тельшахъ «и въ иншихъ волостяхъ ку замку Плотельскому прислухаючихъ» [104]). Одновременно А. А. Ильговскимъ было произведено волочное измѣреніе въ Шовдахъ [105]). Къ измѣренію Ретовской волости приступилъ Петръ Ивановичъ Градовскій, «super intendent pomiai wlosci Retowskejy» [106]). По всей вѣроятности, до начала производства общей волочной помѣры въ Жмудской землѣ, уже произведенное волочное измѣреніе носило частичной характеръ. Вѣроятно съ началомъ общаго земельнаго измѣреніе производилась провѣрка уже измѣреннаго. По крайней мѣрѣ И. А. Илькговскій былъ въ 1554 году вторично въ Медингянской волости и округлялъ господарскіе земли [107]). Съ той же цѣлью онъ былъ въ этомъ году и въ сосѣднихъ Жоранахъ [108]). Въ 1555 году было произведено вторичное измѣреніе Ойракголъ. Исполнителями королевской воли были тѣ же лица, что и въ 1553 году. Только мѣрника М. Поласкаго замѣнилъ Себестіанъ Любинскій [109]). Къ 1555 г. было вторично измѣрена Коршевская волость. Мѣрчій былъ тотъ же, но тивуномъ въ это время былъ князь Юрій Боровскій [110]). Въ 1558—1559 г. вторично измѣрялась Биржанская волость. Мѣрчимъ былъ Федоръ Ивановичъ Концевичъ [111]). Господарскій листъ былъ опубликованъ въ мар. 1559 г. Къ этому же времени была проведена реформа въ Ужвянской волости, по образцу которой слѣдовало измѣрить и другія волости [112]).

Къ 1559 г. также состоялось измѣреніе Тондягольской волости. Измѣреніе производилъ, согласно господарскому «росказанію» Дмитрій Федоровичъ Сопѣга и тивунъ Крожской волости Иванъ Андреевичъ Илькговскій [113]). Они же производили волочное измѣреніе въ Видуклевской волости. Въ 1560—1561 г. волочное измѣреніе здѣсь

---

[103]) Ibid., № 96.
[104]) Ibid., № 162.
[105]) Ibid., № 105.
[106]) Ibid., № 109.
[107]) Ibid., № 111, 121, 122.
[108]) Ibid., № 112, 113. 129.
[109]) Ibid., № 114
[110]) Ibid., № 120.
[111]) Ibid., № 128. К. З. XXXVII, л. 226
[112]) К. З. XXXVII, л. 330.
[113]) А. В. К. XXIV, № 132.

уже состоялось [114]). Къ этому времени прежніе ревизоры были замѣнены новыми: дворянами Якубомъ Лашковскимъ и Войтехомъ Девялтовскимъ. Послѣдній былъ, на «справѣ помѣры волочное въ волости Веленской», уже измѣренной къ 1560 году [115]). Тотъ же Девялтовскій въ теченіе 1560 года производилъ измѣреніе въ Юрборкской и Ботоцкой волостяхъ, въ которыхъ устраивалъ новыя мѣстечка «для волочного порядку» [116]). Въ это же время Ив. Анд. Ильковскій и Рафаилъ Калиновскій измѣряли на волоки Потумши, Коркляны и Повендене съ волостями [117]). Тогда же Ив. Андр. Ильковскій измѣрилъ «волоки подданныхъ волости Крожской [118]). Въ 1562 г. было произведено вторичное волочное измѣреніе Коршевской волости при участіи ревизора Якуба Лашковскаго и тивуна Дырвянскаго Яна Градовскаго [119]). Тогда же производилось и вторичное измѣреніе въ Россейняхъ [120]). Кажется, тогда же была произведена вторичная помѣра и въ сосѣдней Ойракгольской волости [121]).

Въ 1563 г. тивунъ Ретовскій панъ Маркъ Лавриновичъ Внучка и Якубъ Лашковскій приступили къ составленію инвентаря Ретовской волости [122]). Тогда же было произведено Яномъ Градовскимъ волочное измѣреніе Дырвянской волости [123]). Къ этому же времени (не позже августа 1566 г.), была измѣрена на волоки волость Кгондинкская [124]). Тогда же Яномъ Градовскимъ была измѣрена волость Биржанянская [125]). На производство волочной помѣры въ Тверской волости служитъ указаніе на подтверженіе боярамъ Якубу Воронѣ и др. 6 волокъ, которыя тверской тивунъ Андрей Ильковскій, по порученію старосты Жмудскаго, отрѣзалъ имъ за земли, взятыя у нихъ подъ господарскія волоки [126]). Точно также въ бытность старостой пана Еронима Ход-

---

114) А. В. К. XXIV, № 142, 146, 147, 148 149, 150.
115) К. З. XXXVII, л. 339.
116) К. З. XXXVII, л. 428.
117) А. В. К. XXIV, № 151, 152.
118) А. В. К. XXV, стр. 8.
119) А. В. К. XXIV, № 153.
120) А. В. К. XXIV, № 161. К. З. XXVIII, л. 402.
121) А. В. К. XXIV, № 164 К. З. XLVIII, л. 229.
122) А. В. К. XVX, стр. 381.
123) К. З. XLVII, л. 64.
124) Кн. Зап. XLVIII, л. 36.
125) К. З. XLVIII, л. 77.
126) Кн. Зап. XLVIII, л. 268.

кевича была измѣрена на волоки волость Вешвяна[127]). Указаніемъ на измѣреніе на волоки волости Кинтилишской можетъ служить отдача ея заставнымъ листомъ Жмудскому старостѣ Яну Еронимовичу Ходкевичу съ детальнымъ перечисленіемъ количества волокъ, находившихся въ томъ или другомъ селѣ волости[128]). Сравнительно поздно, только въ 1566 г. была измѣрена на волоки Полангoвская держава. Господарскій листъ отъ 23 іюня 1566 г. поручаетъ дворянину Якубу Лашковскому «засадити» мѣстечко въ вышеназванной державѣ и «плацы ку будованію и волоки тому месту розмерити»[129]).

Кажется, въ это-же время производилось волочное измѣреніе Шавлянъ. По крайней мѣрѣ, раньше 1568 г. въ источникахъ не встрѣчается указанія на состоявшееся уже измѣреніе[130]). Тоже можно сказать о времени осуществленія земельной реформы въ Бержанахъ[131]). Въ общемъ, волочное измѣреніе въ Жмудскомъ староствѣ осуществлялось очень медленно. Но можно думать, что къ 1569 году вся Жмудская земля была вымѣрена. Предпринятая правительствомъ ревизія 1569 года должна была коснуться всей Жмудской земли[133]).

Волочное измѣреніе въ русскихъ волостяхъ было осуществлено только въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка. Но необходимость уравненія въ платахъ и повинностяхъ чувствовалась уже давно. Слишкомъ часто старцы волостей «забѣгали» къ великому князю и безпокоили его своими жалобами на державцевъ, злоупотреблявшихъ своею властью и нарушавшихъ «извѣчные обычаи», находившіеся, однако, въ полномъ противорѣчіи съ новыми условіями экономической жизни Литовско-Русскаго государства. Задумывая постепенное измѣненіе экономическаго положенія населенія русскихъ волостей, правительство, параллельно волочной реформѣ въ западныхъ областяхъ, рѣшило приступить къ переоброчкѣ населенія и болѣе правильной постановкѣ господарскаго хозяйства въ русскихъ волостяхъ. Кажется, къ такого рода мѣропріятіямъ правительство приступило не раньше 1560 г.

Въ этомъ году были посланы въ русскія волости староста Слонимскій, панъ Григорій Воловичъ, извѣстный своей дѣятельностью по

---

[127]) Кн. Зап. L, л. 140.

[128]) Ibid., л. 199.

[129]) К. З. XLIII, л. 80.

[130]) А. В. К. XXIV, № 197.

[131]) А. В. К. XIXLIX, № 128.

[132]) Кн. З. LII., л. 91.

ревизіи господарскихъ пущъ, и господарскій секретарь, державца Марковскій и Мядельскій панъ Миколай Нарушевичъ — «для поравненія кгрунтовъ» и «для постановенія платовъ» [133]). Подъ ихъ руководствомъ должна была быть произведена задуманная реформа. Насколько удачно шла она, сказать трудно. Въ октябрѣ 1560 г. было осуществлено измѣреніе грунтовъ и опредѣленіе платовъ въ Бобруйскомъ староствѣ, бывшемъ въ данное время въ заставѣ у пана Станислава Довойны. Господарскій листъ отъ 3 окт. 1560г. требуетъ, чтобы со времени полученія паномъ Довойной ревизорскаго листа всѣ повинности имъ собирались «водле постановенія ревизорскаго» и, конечно, ему запрещается налагать на господарскихъ подданныхъ «иншіе повинности» [134]). Въ это же время, къ декабрю 1560 г. были окончены всѣ аграрныя мѣропріятія въ Кричевскомъ повѣтѣ. Объ этомъ можно судить на основаніи господарскаго листа отъ 12 дек. 1560 г. на имя мстиславскаго боярина Михаила Константиновича Вигуры объ оставленіи за нимъ земли, «наймя Котовичи со всими пожитками» подъ условіемъ военной службы, хотя господарскими ревизорами она была у него отнята и привернута къ Кричевскому замку «для того, ижъ онъ на тую землю вечности на листе нашомъ не мелъ» [135]). Въ 1560 г. были положены новые платы въ Чичерской волости, что можно установить по жалобѣ господарскихъ бояръ, получившихъ пустовщины при условіи несенія обязательной военной службы, а теперь обязанныхъ согласно ревизорскому постановленію, платить платъ ибо земли были даны «до воли господарской» [136]). Въ томъ же году былъ составленъ инвентарь Оршанскаго замка съ волостью [137]), а также были положены платы на землю въ Пропойской волости. Такъ пропойскіе подданные, получившіе раньше земли отъ пропойскихъ врядниковъ, теперь, благодаря мѣропріятіямъ ревизоровъ, ихъ лишались, и должны были платить «платъ» вмѣсто несенія конной службы, ибо эти земли были даны «до воли и ласки господарской» [138]). Тогда же было составлено описаніе Могилевской волости, и были положены новые платы, а Могилевскій замокъ съ

---

[133]) Кн. Зап. XXXVII, л. 418; XL, л. 254.
[134]) Кн. Зап. XXXVII, л. 402.
[135]) Кн. Зап. XXXVII, л. 418.
[136]) Ibid., л. 428
[137]) Д. М. А. М. Юст., стр. 123—134.
[138]) Кн. Зап. XXXVII, л. 429.

мѣстомъ подвергнутъ былъ волочному измѣренію[139]). Въ томъ же году были постановлены платы въ Мстиславской волости. Уже въ 1561 г. бояринъ мстиславскій Ходко Андреевичъ вмѣстѣ со своими сыновьями— Михаиломъ, Андреемъ, Богданомъ и Прокопомъ—жаловался господарю, что у него были отобраны господарскими ревизорами двѣ пустовщины, Тетеринисково и Чистково, которыми онъ владѣлъ «до воли и ласки господарской»[140]). Такимъ образомъ, установленіе платовъ въ русскихъ волостяхъ происходило втеченіе 1560—1561 гг. Къ сожалѣнію, отсутствіе данныхъ лишаетъ возможности выяснить тѣ принципіальныя основанія, которыми руководились въ своей дѣятельности посланные господаремъ ревизоры. Быть можетъ, Бобруйская устава, отъ которой сохранился только одинъ отрывокъ, трактующій о повинностномъ положеніи бобруйскихъ мѣщанъ, и была образцомъ для всѣхъ русскихъ волостей[141]).

При производствѣ задуманной реформы, какъ и въ западныхъ областяхъ, совершалась провѣрка правъ на землю. Господарскіе подданные должны были предъ ревизорами документально доказать свои права на землю; въ противномъ случаѣ, всѣ земли отбирались на господаря и приписывались къ господарскому двору или замку. Такъ у группы господарскихъ подданныхъ, жившихъ въ Пропойской волости, были отобраны земли, которыя имъ раньше роздали господарскіе врядники «до воли и ласки господарское». Основаніемъ для отобранія было то, что подданные владѣли землей «безъ воли господарское»[142]). Отбирались на господаря земли и въ тѣхъ случаяхъ, если земля, данная хотя бы самимъ господаремъ, была дана во временное пользованіе. Такъ, у мстиславскаго боярина Михаила Константиновича Вигуры, владѣвшаго небольшимъ участкомъ земли въ Кричевскомъ повѣтѣ, была отобрана земля, которой онъ владѣлъ «зъ листомъ и даниною господаря», и только потому, что «на тую землю вечности на листе нашомъ не мелъ», какъ сказано въ господарской резолюціи на просьбу вышеупомянутаго боярина о возвращеніи ему отнятой у него земли[143]).

Такимъ образомъ, при постановкѣ «платовъ и повинностей и уравненія кгрунтовъ», уничтожалась чрезполосица, округлялись гос-

---

139) К. З. XXXVII, л. 420—421.

140) К. З. XXXVII, л. 445.

141) А. В. К. XXV, стр. 329—330.

142) Кн. Зап. XXXVII, л. 429.

143) К. З. XXXVII, л. 418.

подарскія земли, и, конечно, въ связи съ правомъ на землю, опредѣлялось и выяснялось соціальное положеніе того или другого землевладѣльца.

Произведенная реформа пока не измѣняла слагавшихся исторически земельныхъ отношеній. Она пока преслѣдовала только одну цѣль—измѣнить повинностное отношеніе населенія, замѣнить натуральныя повинности чиншемъ. Этимъ самымъ уничтожалось та неопредѣленность отношеній, которая существовала въ русскихъ волостяхъ, и которая вызывала постоянныя пререканія между намѣстниками—державцами и населеніемъ.

Опредѣляя платы и повинности, ревизоры въ то же время описывали пограничные замки, составляли опись господарскаго хозяйства, состояніе мѣста и волостей, приписанныхъ къ господарскому двору[144]). Города при этомъ получали самоуправленіе, если они его не имѣли раньше. Затѣмъ перечислялись повинности населенія, какъ натуральныя, такъ и денежныя. Такого рода аграрная реформа должна была поставить населеніе въ болѣе опредѣленныя отношенія къ администраціи и правительству, но, конечно, таковыя мѣропріятія могли носить только временный характеръ. Правительство, по многимъ соображеніямъ, не могло на этомъ остановиться, Прежде всего не были опредѣлены размѣры службъ и дымовъ. Земельные участки попрежнему были неравномѣрны, да и самыя повинности только отчасти были приведены въ соотвѣтствіе съ земельными участками. Отсюда ясно вытекала серьезная необходимость дальнѣйшихъ земельныхъ мѣропріятій правительства. Но политическія обстоятельства складывались неблагопріятно. Начавшаяся ливонская война лишала правительство возможности довести задуманную реформу до конца и произвести волочное измѣреніе. Къ послѣднему оно могло приступить не ранѣе окончанія военныхъ дѣйствій. Это случилось только въ концѣ XVI в. Собственно, это было только начало систематическихъ земельныхъ мѣропріятій, такъ какъ въ нѣкоторыхъ староствахъ, напр. въ Бобруйскомъ, реформа была произведена только въ 30-хъ годахъ XVII в.. Несомнѣнно, реформа здѣсь, въ русскихъ волостяхъ, прошла съ бо́льшими затрудненіями, чѣмъ въ западныхъ. Чѣмъ это объясняется, сказать трудно. Можетъ быть, виной этого были и затруднительныя внѣшнія отношенія, можетъ быть и про-

---

[144]) Д. А. М. Ю., стр. 126.

тестъ со стороны крестьянскаго населенія, очевидно не желавшаго разставаться со старинными формами землепользованія.

Къ сожалѣнію, памятники довольно глухо и кратко упоминають о «wlasnych buntow tamecznych poddanych», что дѣлало невозможнымъ выполненіе миссіи, возложенной правительствомъ на комиссаровъ и ревизоровъ [145]). Необходимость же реформы была настоятельной. Между населеніемъ и правительственной администраціей возникали постоянныя недоразумѣнія. Администрація, преслѣдуя интересы скарба, предъявляла къ населенію повышенныя тягловыя требованія, населеніе же отстаивало старину и заваливало правительство жалобами на дѣйствія администраціи, одновременно прося правительство «не рухать» старины. Правительство Сигизмунда III, объявляя Бобруйскому державцѣ Петру Тризнѣ о посылкѣ ревизоровъ для производства земельной реформы, оправдывало предпринятый имъ шагъ необходимостью прекратить недоразумѣнія между администраціей и сельскимъ населеніемъ, такъ какъ крестьяне, «сидя не на волокахъ», не знають, въ какомъ размѣрѣ они должны платить чиншъ съ своихъ земельныхъ участковъ [146]). Для производства волочной помѣры, въ качествѣ ревизоровъ были посланы секретарь господарскаго скарба панъ Янъ Корсакъ и инстигаторъ вел. кн. Литовскаго панъ Миколай Пузелевскій [147]).

Волочное измѣреніе, какъ и въ другихъ волостяхъ, должно было приводиться совмѣстно съ мѣстной администраціей, которая была обязана посланнымъ ревизорамъ оказывать во всемъ содѣйствіе [148]). Пріѣхавшіе ревизоры должны были измѣрить Бобруйское староство на волоки и привести его въ порядокъ подобно тому, какъ было устроено въ другихъ державахъ. Вводя тѣ же поземельныя отношенія, которыя уже привились въ другихъ волостяхъ, ревизоры должны были устанавливать новые платы и повинности, однако безъ «обтяженія» подданныхъ [149]). Для уничтоженія черезполосицъ могутъ быть прибраны къ господарскому замку частно-владѣльческія земли, за которыя владѣльцы должны получить немедленно отмѣну [150]). На ревизоровъ возлагалась также обязанность разбирать всѣ недоразумѣнія

145) А. В. К. XXV, ст. 115.
146) Ibid., стр. 115.
147) Ibid., стр. 115.
148) Ibid., стр. 115.
149) Ibid., стр. 111, 117.
150) А. В. К. XXV, стр. 115.

съ частно-владѣльцами, возникшія на почвѣ осуществленія земельной реформы. Всѣ ревизорскія постановленія впослѣдствіи будутъ скрѣплены господарской подписью и тѣмъ самымъ юридически оформлены. Посылая Бобруйскому старостѣ оффиціальное увѣдомленіе объ отправкѣ двухъ ревизоровъ, правительство разослало особые листы съ увѣдомленіемъ о томъ же пановъ, земянъ, мѣщанъ и всего населенія Бобруйской волости. Указывая панамъ, что раньше, вслѣдствіе нѣкоторыхъ трудностей, реформа не могла быть осуществлена, правительство рѣшило, наконецъ, ее осуществить, «дабы помножить пожитки и успокоить кгрунты». Желая успокоить пановъ, правительство заявляетъ о немедленной дачѣ отмѣны, если для этого будутъ извѣстныя законныя основанія, но въ то же время предупреждаетъ, чтобы они не чинили никакихъ препятствій ревизорамъ [151]). Увѣдомительный листъ на имя земянъ и мѣщанъ и всей волости, говоря о приступѣ къ новой и окончательной реформѣ, также требуетъ, чтобы они ни въ чемъ не противились ревизорамъ во всемъ ихъ слушались [152]). Мы не знаемъ, какъ отнеслись къ дѣйствіямъ ревизоровъ заинтересованныя группы населенія. Можно предполагать, что населеніемъ было оказано нѣкоторое противодѣйствіе и непослушаніе. По крайней мѣрѣ, спустя два года послѣ приступа къ реформѣ, правительство Сигизмунда III сочло цѣлесообразнымъ отправить къ ревизорамъ особый листъ, въ которомъ, глухо сообщая о возникшихъ недоразумѣніяхъ съ населеніемъ, предписывало наказывать тѣхъ лицъ изъ волости, кто не пожелалъ бы принимать размѣренные земельные участки [153]). Волочное измѣреніе производилось долго. Окончательное описаніе было составлено только въ 1639 г. Начато оно было одними лицами, а окончено другими. Въ 1619 г. умеръ Корсакъ, на его мѣсто былъ назначенъ скарбовый слуга панъ Адамъ Шабловскій «на скончѣніе померы и постановеніе чиншовъ». Въ 1626 г. умеръ ревизоръ Пузелевскій, и на его мѣсто былъ назначенъ панъ Стефанъ Рагоза, писарь Рѣчицкаго повѣта [154]). Производя волочную помѣру и составляя необходимое описаніе, ревизоры, по всей вѣроятности, пользовались данными описи 1560 г., составленной Григоріемъ Воловичемъ и Михаиломъ Нарушевичемъ [155]). Со-

---

[151]) Ibid., стр. 116.
[152]) Ibid., стр. 117.
[153]) Ibid., стр. 119.
[154]) А. В. К. XXV, стр. 120.
[155]) Ibid., стр. 140.

ставляя инвентарь Бобруйскаго староства, ревизоры дали сначала подробное описаніе замка, потомъ Бобруйскаго мѣста и лежащихъ около него, по обоимъ берегамъ Березины, огородовъ. Далѣе шло описаніе мѣстскихъ волокъ, и, наконецъ, описывались села, входившія въ составъ волостей Бобруйскаго староства.

Подведемъ итоги. О началѣ земельныхъ мѣропріятій правительства объявлялось правительственнымъ посланіемъ на имя провинціальной администраціи, въ которомъ также опредѣлялись обязанности послѣдней и выяснялись повинности населенія при осуществленіи задуманной реформы. Земельному измѣренію подлежали города, замки и волости. Земельная реформа осуществлялась довольно медленно. Нѣкоторыя изъ волостей были измѣрены не раньше 1560 года. Реформа въ русскихъ волостяхъ ограничилась лишь установленіемъ «платовъ». Волочное измѣреніе стало осуществляться только съ конца XVI вѣка и затянулось до второй половины послѣдующаго столѣтія.

IV.

Аграрная реформа и лѣсное хозяйство.

Состоянiе лѣсного хозяйства до начала XVI вѣка. Веденiе лѣсного хозяйства въ первой половинѣ XVI вѣка. Описанiе пущъ и звѣриныхъ переходовъ. Новая организацiя управленiя господарскими пущами. Система лѣсного хозяйства послѣ производства земельной реформы.

Территорiя Литовско-Русскаго государства въ изобилiи была покрыта лѣсами. Благодаря этому, въ Литвѣ были широко развиты охотничьи промыслы. Послѣднiе составляли общее достоянiе, и совершенно правъ М. В. Довнаръ-Запольскiй, утверждавшiй, что о раннемъ развитiи велико-княжскихъ регальныхъ правъ не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ уставными грамотами охраняются права земскихъ общинъ относительно входовъ въ пущи[1]). И частныя лица тоже имѣли право входа въ лѣса. Для многихъ шляхтичей-это было стариной, и право владѣнiя лѣсными входами, опиравшееся на единственное доказательство «старину», казалось для шляхтичей вполнѣ обоснованнымъ[2]). Да и со стороны самого правительства такой взглядъ на право владѣнiя не встрѣчалъ никакого препятствiя. Съ теченiемъ времени многiе изъ шляхтичей могли оказаться имѣющими право входа въ пущи и пользованiя различными лѣсными угодьями на основанiя господарскаго пожалованiя, закрѣпленнаго выдачей особаго листа. Когда выдавалось кому нибудь помѣстье, то оно давалось со всѣмъ тѣмъ, что къ нему прилегало «со всякими лѣсными и рыбными угодьями». Благодаря широко практиковавшейся раздачѣ земель не малое количество лѣса находилось въ держанiи землевладѣльческаго класса. Наконецъ, входы въ господарскiя пущи сохраняли господарскiе крестьяне, и это право не вызывало никакого сомнѣнiя. Кромѣ того, многiе изъ городовъ, при полученiи Магдебургскаго права, пользовались входами въ господарскiя пущи[3]).

---

1) *М. В. Довнаръ-Запольскiй.* Госуд. Хоз., стр. 319.

2) К. З. LII. л. 2-3.

3) *М. В. Довнаръ-Запольскiй.* Госуд. Хоз. стр. 320.

Такимъ образомъ—право входа въ господарскія пущи и эксплоатаціи лѣсныхъ угодьевъ, какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ обществъ основывалось или на обычаѣ, или на господарскомъ пожалованіи. Разрѣшая свободно право входа въ свои пущи, господарь только подчеркивалъ хозяйственную безцѣнность разнаго рода лѣсныхъ богатствъ. Однако, такая политика безразличія должна была съ теченіемъ времени прекратиться, какъ только выяснилась возможность весьма выгоднаго сбыта лѣсныхъ продуктовъ и богатствъ, главнымъ образомъ на европейскомъ рынкѣ. Эта возможность была своевременно замѣчена и учтена правительствомъ, поэтому и послѣднее должно было приступить къ болѣе разумной и осторожной лѣсной хозяйственной политикѣ. Переломъ въ лѣсной хозяйственной политикѣ совпадаетъ съ попытками литовско-русскаго правительства перейти къ болѣе раціональнымъ формамъ веденія сельскаго хозяйства. Параллелизмъ этихъ явленій очевиденъ и находится въ тѣсной связи съ тогдашней общеевропейской хозяйственной конъюнктурой. Однако, новая лѣсная политика была иного рода, чѣмъ сельско-хозяйственныя мѣропріятія. Если въ веденіи послѣдняго можно было замѣтить руководящую идею, единый планъ, то ничего подобнаго нельзя отмѣтить въ лѣсной хозяйственной политикѣ. Очевидно, въ первомъ отношеніи литовско-русское правительство оказывалось болѣе подготовленнымъ, чѣмъ во второмъ. Прежде всего правительство позаботилось о болѣе дѣятельной охранѣ лѣсовъ. Это было обязанностью стрѣльцовъ, осочниковъ, о которыхъ впервые упоминается въ книгѣ данинъ Казамира[4]). Осочники[5]) охраняли границы господарскихъ пущъ, не допускали охоты на звѣря, слѣдили за тѣмъ, чтобы никто безъ права не входилъ въ пущу. Такъ охранялась неприкосновенность господарской пущи. Съ другой стороны, правительство стало болѣе осторожно обращаться съ раздачей пущъ. Уже при Сигизмундѣ I дворы отдавались въ держанія, а пущи оставались въ рукахъ господаря[6]). Это, конечно, служило прекраснымъ доказательствомъ того, что литовско-русское правительство стало обращать вниманіе на лѣса, какъ на весьма доходную финансовую статью. Начавшійся вывозъ за границу лѣсныхъ продуктовъ поставилъ на очередь вопросъ о планомѣрной эксплоатаціи господарскихъ пущъ. Не чувствуя въ себѣ силы взять эксплоатацію лѣсного хозяйства въ свои руки, правительство было при-

---

[4]) Д. А. М. Ю. стр. 17.

[5]) *М. В. Довнаръ-Запольскій.* Госуд. Хоз., стр. 321.

[6]) *М. В. Довнаръ-Запольскій.* Opus cit., стр. 321.

нуждено обратиться къ посредничеству частныхъ лицъ, получившихъ право эксплоатаціи лѣсовъ на опредѣленныхъ условіяхъ. Такая уступка господарскихъ пущъ во временное пользованіе частнымъ лицамъ достигала двухъ цѣлей: въ господарскій скарбъ поступала эксплоатаціонная денежная плата, и, кромѣ того, предприниматель при спускѣ лѣсного товара водой долженъ былъ заплатить соотвѣтствующія таможенныя пошлины. Такъ въ 1522 году литовскій купецъ Ганусъ Судорманъ получилъ разрѣшеніе устроить «буды и станы» въ господарскихъ пущахъ: дорсунишской и бирштанишской съ уплатой въ годъ по 50 копъ грошей и обычнаго мыта «какъ на воду тую работу свою опуститъ». Время, въ теченіе котораго[7]) Судорманъ получилъ право эксплоатировать господарскіе лѣса, не было обозначено въ господарскомъ листѣ и, очевидно, зависѣло отъ «воли и ласки господарской». Но правительство отдавало въ аренду господарскія пущи и на опредѣленное время. Такъ Сигизмундъ I разрѣшилъ секретарю Павлу Миличу въ теченіе 5 или 6 лѣтъ «попелъ, ванъчосъ и клепки робити» съ уплатой вознагражденія равнаго платѣ «иншихъ купцовъ». Очевидно, размѣры платы[8]), слѣдуемой господарю, зависѣли отъ количества выработанныхъ товаровъ. Янъ Градовскій, получившій въ 1527 г. право «лесные товары робити» въ дорсуишской и бирштанишской пущахъ, уплачивалъ господарю по слѣдующему расчету: «отъ ста ванъчасу и корсты клепъковъ по 50 грошей, и отъ лашта пепла по 20 грошей»[9]). Это были обычныя цѣны, установившіяся «водле старого давного обычаю». Впрочемъ, эту расцѣнку нельзя считать общепринятой. Купецъ Коспаръ Ліондеръ, имѣвшій право разрабатывать бирштанишскую пущу, уплатилъ въ господарскій скарбъ «отъ ста ванъчасу, отъ ста клепковъ, а отъ лашту попялу по 20 грошей»[10]). Лѣсными эксплоататорами были купцы, не только мѣстные, но и иностранные. Очевидно, лѣсная эксплоатація была небезвыгодна, разъ она притягивала къ себѣ иностранный капиталъ. Однако, на почвѣ лѣсной эксплоатаціи стали возможны разнаго рода злоупотребленія. Многіе изъ купцовъ входили въ пущи «безъ господарскаго дозволенія», «безъ листовъ»; кромѣ того, при разработкѣ часто владѣльческихъ пущъ, сосѣднихъ съ господарской, предприниматели переходили границу господар-

---

[7]) К. З. XII, л. 8.

[8]) К. З. XIV, л. 15.

[9]) *М. В. Довнаръ-Запольскій.* Госуд. хоз. стр. 325.

[10]) *М. В. Довнаръ-Запольскій.* Госуд. хоз. стр. 325.

ской пущи и жгли господарскія лѣса. Такого рода злоупотребленія даже заставили правительство произвести спеціальное разслѣдованіе, въ результатѣ котораго было издано слѣдующее постановленіе, защищавшее интересы господарскаго скарба. Иностранные купцы, неимѣвшіе осѣдлости, должны были представить за себя поручителей, а живущіе постоянно должны были выдать на себя «записи». Эта являлось гарантіей того, что убытки, нанесенные господарю предпринимателями, могутъ быть покрыты. Съ другой стороны, правительство прекрасно понимало выгодность лѣсной эксплоатаціи для купцовъ и боялось продешевить. Не зная точно цѣнъ въ Гданскѣ и не умѣя въ нихъ оріентироваться, правительство требовало, чтобы купцы, по возвращеніи изъ Гданска, показывали, какое количество товара они выработали, и уплатили бы его стоимость по Гданскимъ цѣнамъ. Для провѣрки показаній купцовъ скарбные писари съ осочниками должны были осмотрѣть тѣ мѣста, «гдѣ будучи купцы робили дерево», чтобы на мѣстѣ выяснить «какъ много где эта дерева попелу и смолы будучи выробили». Эта перепись дастъ осочникамъ матеріалъ для контроля, когда вернутся изъ Гданска купцы и будутъ платить господарскому скарбу «за вси оные роботы»[11]). Трудно сказать, какъ эта мѣра отразилась на лѣсномъ хозяйствѣ, хотя, несомнѣнно, она была выгодна предпринимателямъ, какъ это утверждаетъ М. В. Довнаръ-Запольскій[12]). Организуя контроль надъ разработкой лѣсныхъ богатствъ, правительство, однако, едва-ли было въ силахъ бороться со всякого рода злоупотребленіями. Вѣдь предприниматели могли попутно съ разработкой лѣса для вывоза взять нѣкоторое его количество и для собственныхъ нуждъ. Бороться съ такого рода злоупотребленіями, при слабости тогдашняго надзора, фактически было невозможно. А между тѣмъ такіе случаи бывали довольно часто, и на нихъ осочники указывали Григорію Воловичу при производствѣ имъ «ревизіи пущъ и переходовъ звѣрныхъ»[13]).

Постепенное развитіе лѣсной торговли ставило на очередь вопросъ о радикальной перемѣнѣ всей хозяйственной лѣсной политики правительства. При тогдашней постановкѣ дѣла, фактически всю выгоду изъ торговли извлекали только предприниматели, и отъ этого была «великая шкода земская и скарбу господарскому»[14]). Въ такой

[11]) К. З. XIV л. 39.

[12]) Госуд. хоз. стр. 325.

[13]) Ревизія пущъ переходовъ. Вильна 1867 г., стр. 44.

[14]) *М. В. Довнаръ-Запольскій.* Госуд. хоз., стр. 489.

же зависимости отъ отдѣльныхъ предпринимателей находились и частныя лица, которыя терпѣли при этомъ немалые убытки. Взять дѣло лѣсной торговли въ свои руки шляхта не могла, для этого у нея не было навыка, не было знакомства съ условіями иностраннаго рынка. Чтобы выйти изъ создавшагося положенія и въ корнѣ убить конкуренцію со стороны иностранныхъ и своихъ предпринимателей, шляхетство обратилось съ просьбой къ Сигизмунду-Августу взять лѣсную торговлю въ руки государства, такъ какъ, при введеніи лѣсной монополіи, конкуренція со стороны предпринимателей не имѣла бы мѣста. На радикальную перемѣну въ веденіи лѣсного хозяйства было уже указано М. В. Довнаръ-Запольскимъ, но какъ эта система финансовой политики отразилась на господарскихъ и частно-владѣльческихъ финансахъ сказать трудно, такъ какъ изслѣдователь не располагаетъ для этого никакими данными [15]).

Принимая мѣры къ охранѣ лѣсныхъ богатствъ и вводя лѣсную монополію, правительство не могло не задѣть интересовъ шляхты и не вызвать ея недовольства, въ особенности въ томъ случаѣ, когда оно отбирало въ свои руки входы и выходы, на которые шляхта не имѣла рѣшительно никакого права. Свое неудовольствіе лѣсной политикой правительства шляхта могла только выражать на сеймахъ, и надо прибавить дѣйствовала въ этомъ направленіи весьма и весьма настойчиво. Застрѣльщикомъ въ такихъ случаяхъ выступала Жмудская шляхта, и выступленіе ея не случайно. На Жмуди, вблизи нижняго Нѣмана, шла все время усиленная разработка «неплу и ванъчосу», и, конечно, организованный правительственный надзоръ долженъ былъ столкнуться съ интересами и правами шляхты, которые она, опираясь на Жмудскую уставную грамоту, толковала нѣсколько широко. Такъ на сеймѣ 1551 г. Жмудская шляхта, не протестуя противъ какихъ либо неправильныхъ дѣйствій господаря, хотѣла, очевидно, добиться ихъ обезвреживанія путемъ полученія отъ правительства удовлетворительнаго отвѣта на заявленіе довольно общаго характера. Выступая защитницей правъ всей Жмуди, шляхта просила господаря «абы бояромъ, шляхтѣ и посполитому чоловѣку, водлѣ давного обычаю вольно было въ пущахъ звѣрь бити, и дерево на будованіе брати, и въ озерѣхъ рыбы ловити» [16]). Господарь понялъ задній смыслъ челобитья Жмудской шляхты и поступилъ

---

[15]) *М. В. Довнаръ-Запольскій.* Госуд. хоз., стр. 489—491.

[16]) А. З. Р. III, № 11, арт. 11.

очень осторожно и умно. Онъ не далъ ни положительнаго, ни отрицательнаго отвѣта, отсылая ихъ къ Жмудскому старостѣ, который на мѣстѣ «достаточнѣ ся довѣдати естли то передъ тымъ бывало, альбо нѣтъ». Жмудская шляхта не могла помириться съ такого рода отказомъ господаря[17]). На третьемъ Виленскомъ сеймѣ 1554 г. она снова выступаетъ съ такимъ же челобитьемъ, ссылаясь на давній обычай. Но и на этотъ разъ отвѣтъ господаря былъ такой же. Господарь соглашался дать въ будущемъ отвѣтъ на просьбу шляхты «вземши вѣдомость таковыхъ пущъ и лововъ и водъ, подлѣ воли своее господарьской и по давному». Слѣдовательно, шляхта[18]) могла быть спокойной относително неприкосновенности своей «старины». Что же будетъ «стариной», давнимъ обычаемъ, то свѣдѣнія объ этомъ господарь долженъ былъ получить отъ старосты Жмудскаго, къ которому отсылалъ отвѣтъ господаря на сеймъ 1554 г. Однако, и этотъ отвѣтъ не успокоилъ шляхту. На четвертомъ Виленскомъ сеймѣ 1559 г. она снова подаетъ господарю просьбу. Содержаніе ея старое—только ссылка на давній обычай подкрѣплена ссылкой на «привилеи». Господарь и на эту просьбу далъ такой-же отвѣтъ. Онъ былъ готовъ признать право шляхты на входы въ лѣса, только при этомъ поставилъ для жмудской шляхты весьма непріятное условіе. Если шляхта желала «по давному имѣть уступъ въ пущи и въ озера его милости господарскія», то челобитчики должны были «ознаймити и вывести таковые лѣсы», и тогда ими шляхта будетъ пользоваться «водлѣ давного звычаю подлугъ привилья земского»[19]). Единственную уступку дѣлалъ господарь шляхтѣ: онъ разрѣшилъ оставить въ лѣсныхъ мѣстахъ поселенное население, «если бы даже кто и люди свои поселилъ безъ листовъ и данинъ господарское»[20]). Остальная шляхта не подымала на сеймахъ всѣхъ этихъ острыхъ вопросовъ—отчасти потому, что была менѣе въ нихъ заинтересована—отчасти, быть можетъ, сознавая безполезность такихъ просьбъ, разъ она не могла подкрѣпить ихъ соотвѣтствующими аргументами. Какъ ни были осторожно и спокойно изложены просьбы жмудской шляхты, но постоянное ихъ возобновленіе указывало, что съ «давнимъ обычаемъ» далеко не все обстояло благополучно, что внутри земли шла какая то усиленная административная дѣятельность, разъ шляхта три раза на протяже-

[17]) Ibid., № 11 арт. 11.
[18]) А. З. Р. III, стр. 62.
[19]) Ibid., № 24 арт. 5.
[20]) А. З. Р. стр. 101—102.

нія 8 лѣтъ подымала одинъ и тотъ же вопросъ. Спокойные и однообразные отвѣты господаря наглядно указывали на несокрушимость той позиціи, которую заняло литовское правительство въ этомъ столкновеніи съ жмудской шляхтой. Литовско-русская шляхта, равнодушная къ спору короля съ жмудской шляхтой, далеко не была равнодушна въ вопросѣ о веденіи лѣсного монопольнаго хозяйства. Повидимому, введеніе послѣдняго не дало землевладѣльцамъ ожидаемыхъ выгодъ. По всей вѣроятности, правительство не особенно торопилось съ вывозомъ частно-владѣльческихъ лѣсныхъ продуктовъ, естественно больше заботясь о вывозѣ своихъ собственныхъ лѣсныхъ товаровъ. Такая позиція вполнѣ понятна: господарь—крупный оптовикъ убивалъ своихъ конкурентовъ и стремился извлечь для себя наибольшую выгоду изъ введенной монополіи, но шляхта не могла помириться съ такимъ положеніемъ дѣла и стала постепенно добиваться его измѣненія. На второмъ Виленскомъ сеймѣ 1551 г. шляхта просила «товары лѣсные зъ имѣней шляхетскихъ вольно были пропусканы за границу» [21]). Другими словами рѣчь шла объ отмѣнѣ сеймового постановленія 1547 года. Господарь не могъ оставить просьбу шляхты безъ вниманія, но съ другой стороны, и не желалъ отказаться отъ выгодъ лѣсной монополіи. Поэтому, его отказъ носитъ компромисный характеръ. Господарь призналъ право свободнаго вывоза за границу лѣсныхъ товаровъ, полученныхъ отъ разработки «своихъ властныхъ лѣсовъ». Это первое условіе. Далѣе, отправку такихъ товаровъ за границу долженъ былъ дѣлать самъ собственникъ «своимъ накладомъ» безъ вспомогательнаго посторонняго капитала. Конечно, собственникъ лѣсныхъ товаровъ въ таможенныхъ коморахъ былъ обязанъ уплатить соотвѣтствующія пошлины. Что же касается товаровъ, полученныхъ отъ эксплоатаціи купленнаго или наемнаго лѣса совмѣстно съ купцами, а также и перекупленныхъ товаровъ, то по отношенію къ нимъ монополія сохраняла свое дѣйствіе—такіе лѣсные товары должны были складываться на «коморахъ складовыхъ», и тамъ за эти товары уплачивалась сумма «по тому яко ся стала устава и ухвала посполтная на прошломъ вальномъ тутошнемъ соймѣ Виленьскомъ» [22]). Однако, подобный отвѣтъ не удовлетворилъ шляхту. Стремясь къ уничтоженію недавно введенной монополіи, шляхта на слѣдующемъ сеймѣ 1554 г. опять подымаетъ тотъ же вопросъ о

---

[21]) А. З. Р. III, стр. 29.
[22]) А. З. Р. III, стр. 29.

«вольной» торговлѣ, усиливая его требованіемъ о «безмытной торговли». Послѣднее выставлялось въ видѣ крайней необходимости «для споможенья шляхты къ службѣ военной и оборонѣ земской». Аргументъ, конечно, весьма серьезный. Однако, шляхта ничего не добилась. Господарь обѣщалъ собирать мыта «подлѣ давного обычаю». Что же касается свободной торговли лѣсомъ, то осталось все такъ, какъ господарь отвѣтилъ на сеймѣ 1551 г. Однако, господарь допускалъ возможность нарушенія сеймовой ухвалы 1551 г. Поэтому, чтобы бороться съ такого рода злоупотребленіями, господарь потребовалъ, чтобы служебники частновладѣльческіе приносили присягу «ижъ не въ наемной, але въ своей пущи, и самъ своимъ накладомъ панъ тыи товары робилъ»[23]). Однако, шляхта на этомъ не успокоилась. Не подымая вопроса объ отмѣнѣ лѣсной монополіи, шляхта на четвертомъ Виленскомъ сеймѣ 1559 г. поставила вопросъ о безмытной торговлѣ вообще. На этотъ разъ она добилась своего. Господарь разрѣшилъ безпошлинный вывозъ лѣса за границу подъ условіемъ присяги служебника «ижъ зъ властнаго имѣнья пана того и его властнымъ накладомъ тотъ лѣсной товаръ робленъ»[24]). Это, конечно, частичная, но серьезная уступка шляхтѣ. Господарь, вѣроятно, рѣшилъ уступить, чтобы вообще не раздражать шляхту, взволнованную земельной реформой. Къ тому же описаніе господарскихъ пущъ, къ которому правительство приступило въ этомъ же году, тоже должно было внести въ шляхетскую среду немало раздраженія. Дарованіе шляхтѣ права безмытной торговли—это клапанъ для выхода скопившагося недовольства шляхты противъ разнаго рода хозяйственныхъ мѣропріятій правительства. Настойчивая политика жмудской шляхты о подтвержденіи входовъ и уступовъ «подлѣ давного обычаю», случаи незаконнаго владѣнія лѣсомъ и лѣсными угодьями, наконецъ, земельная реформа, уже вводимая мѣстами, ставили на очередь вопросъ о переписи всѣхъ господарскихъ пущъ. Было необходимо выяснить наличность нетронутаго лѣсного капитала, лишить права пользованія имъ тѣхъ, кто не имѣлъ никакихъ основаній для пользованія имъ, организовать по иному лѣсное хозяйство и лѣсное управленіе. Все это могло быть достигнуто путемъ ряда хозяйственныхъ распоряженій, начиная съ 1559 г. Въ первую очередь приходилось заняться описаніемъ господарскихъ пущъ. Это было рѣшено на ко-

---

[23]) А. З. Р. III, № 13 арт. 9.

[24]) А. З. Р. III, № 24 арт. 5.

ронномъ Петроковскомъ сеймѣ еще въ декабрѣ 1558 г. Тогда же было постановлено Григорія Богдановича Воловича, Мстибоговскаго старосту, отправить до великаго княжества Литовскаго «для вывѣданья и описанья всѣхъ пущъ у великомъ князствѣ Литовскомъ и переходовъ звѣрпныхъ». Описаніе должно было охватить всю территорію литовскаго княжества, начиная отъ «Днѣпровскихъ полей и до пущъ великаго княжества Литовскаго». Задача ревизіи не только описать границы пущъ, но выбрать удобныя мѣста «для осаженья мѣстъ и селъ», а также «для будованья дворовъ пріѣханья короля его милости въ ловы въ тыхъ пущахъ» [25]). Такимъ образомъ, предпринятое грандіозное описаніе господарскихъ пущъ должно было выяснить, какія мѣста годились для поселенья и для разработки лѣса подъ пашню. Стремленіе правительства увеличить площадь, занятую производительной сельско-хозяйственной культурой—очевидно тѣсно примыкаетъ къ основнымъ мыслямъ земельнаго устава Сигизмунда-Августа. Какъ шло описаніе пущъ и переходовъ, и когда оно окончилось—на эти вопросы отвѣта, за отсутствіемъ соотвѣтствующихъ источниковъ, нельзя дать. Точно также сохранилось не все описаніе, а только его часть, содержащая въ себѣ данныя для той части пущъ, которая лежала въ западныхъ областяхъ и для всей Жмуди, что очень важно въ связи съ извѣстнымъ уже настроеніемъ жмудской шляхты.

Господарскія пущи были разбросаны по всей территоріи Литовско-Русскаго государства. Отъ Кіева шли непроходимыя королевскія пущи на сѣверо-западъ по обоимъ берегамъ Припети и ея притоку—Ясолдѣ и далѣе на сѣверо-западъ до Бѣловѣжской пущи. Съ другой стороны—на юго-западъ отъ Кіева тянулись лѣса въ сторону дикихъ полей Браславскихъ и Винницкихъ—черезъ Бѣлую Церковь и Волынскія пущи, сближавшіяся на западѣ по рѣкѣ Припети съ другой частью господарскихъ лѣсовъ, а отъ Припети лѣса упирались на Кобринъ, оттуда нѣсколько извилистой дорогой дотянулись до Бѣловѣжской пущи. Сохранившійся документъ не даетъ возможности опредѣлить размѣры площади, занятой господарскими пущами. Измѣрить пущи было невозможно. Только можно было очертить приблизительныя границы той или другой пущи. Только въ томъ случаѣ, если пуща по своимъ размѣрамъ была невелика, она измѣрялась, по всей вѣроятности, въ миляхъ [26]).

---

[25]) Ревиз. пущъ и перех., предисловіе.

[26]) Ibid., passim.

Дѣятели ревизіи 1559 г. и составители ея описанія, очевидно, преслѣдовали слѣдующія основныя задачи: 1) описать границы господарскихъ пущъ и тѣмъ самымъ провести разъ навсегда рѣзкую демаркаціонную линію между господарскими и частновладѣльческими пущами, дабы не повторялась возможность входа въ господарскій лѣсъ изъ частновладѣльческаго для разработки господарскаго лѣса въ интересахъ частнаго владѣльца; 2) выяснить характеръ и наличность той охраны, которыя существовала до сихъ поръ въ пущахъ для «береганья» лѣсовъ отъ въѣзда въ нихъ постороннихъ лицъ; 3) опредѣлить количество господарскихъ уступовъ, на которыхъ уже шла въ томъ или другомъ видѣ разработка лѣсныхъ товаровъ; 4) разслѣдовать, какая часть лѣса, какіе уступы и на какомъ основаніи находятся въ пользованіи и владѣніи частныхъ лицъ, 5) уяснить, какія учрежденія и какія лица имѣютъ дѣйствительно вполнѣ законное основаніе для входа въ господарскія пущи для удовлетворенія тѣхъ или другихъ своихъ неотложныхъ нуждъ. Задачи и цѣли ревизіи пущъ и звѣриныхъ переходовъ вполнѣ соотвѣтствуютъ основнымъ принципамъ уставы о волокахъ, и, конечно, ее слѣдуетъ считать прямымъ дополненіемъ къ предпринятой и начатой уже земельной реформѣ. При производствѣ ревизіи, Воловичъ, видимо, широко пользовался помощью осочниковъ, которые должны были знать всѣхъ лицъ, входившихъ въ господарскія пущи, и которые могли сообщить ревизору о неправомѣрности поступковъ тѣхъ или другихъ лицъ, входившихъ въ господарскіе уступы. Безъ ихъ помощи едва ли Воловичъ могъ бы выполнить задачу—описать лѣса и провѣрить права тѣхъ юридическихъ и физическихъ лицъ, какія имѣли право входа для пользованія и эксплоатаціи разнаго рода «лѣсныхъ ухожаевъ». Въ этомъ отношеніи далеко не все обстояло вполнѣ благополучно, и нарушенія имущественныхъ правъ господаря можно было замѣтить въ каждой пущѣ. Черногородскіе осочники на Волыни показали, что Луцкіе мѣщане берутъ въ пущахъ дерево на будованіе, тогда какъ господарскій листъ разрѣшилъ входить имъ въ пущу по дрова. Кромѣ того, паны Борзобогатые въ той же пущѣ палятъ совершенно незаконно «попелы» [27]). Въ Ковельской пущѣ [28]), оказались нарушенными права Нохинскихъ королевскихъ крестьянъ, часть уступовъ которыхъ была незаконно захвачена паномъ Гулевичемъ. Въ пущѣ Пинской панъ

---

[27]) Ibid., стр. 5.
[28]) Ib., стр. 7.

Семенъ[29]) Өедюшко захватилъ нѣкоторое количество господарской земли и осадилъ на нихъ пять человѣкъ своихъ людей. Въ пущѣ Переволотьской[30]) оказались пострадавшими господарскіе бортники, имѣвшіе раньше право входа «до дерева бортного», а теперь встрѣтившіе препятствія со стороны пановъ Юндило и Тишкевича. Точно также и господарскіе данники той же пущи жаловались на «утѣсненія и кривды» со стороны бояръ Мизкгирей, которые не имѣли права входа въ пущи[31]). Въ той же пущѣ незаконно имѣли входы люди пана Остика, а подданные пана Тишкевича нарушили межу и вошли въ господарскую пущу[32]). Въ той же пущѣ люди того же Тишкевича[33]) стали въ ней распахивать пашни, а панъ Хрибтовичъ позабиралъ у бортниковъ Яруцкихъ ихъ стародавнія сѣножати, забралъ также на мало пущи, «которую сталъ на поля розробливати». Въ Лысковской пущѣ[34]) панъ Богушъ Василевскій незаконно забралъ нѣкоторое количество земли[35]). Въ Кнышинской пущѣ панъ Рольчевскій занялъ «ставъ» на рѣчкахъ Каракулинѣ и Рыбникѣ[36]). Также въ Ковенской пущѣ панъ Иванъ Кунцевичъ[37]) «не вѣдати которымъ обычаемъ» забралъ «властивого кгрунту господарскаго въ пусчи Ковенской на чотырохъ мѣстцахъ». Тамъ же Ганусъ Скопъ, занимаясь разработкой лѣса, дѣлалъ это не только «на короля его милость але и на потребу свою, на потребу домовую»[38]). Въ Мерецкой пущѣ Гришко, врадникъ Стабинскій «пусчи его королевское милости Мерецкое разробилъ на 40 бочекъ»[39]). Въ пущѣ Переломской князь Андрей Вишневецкій нарушилъ стародавнюю границу и забралъ «въ должъ на милю, а впоперекъ на полмили пущи его королевское милости Переломское»[40])... Такимъ образомъ, по показанію господарскихъ осочниковъ, данниковъ, бортниковъ и крестьянъ съ господарскими пущами далеко не все обстояло благополучно и, слѣдо-

[29]) Ib., стр. 15.
[30]) Ib., стр. 18.
[31]) Ib., стр. 19.
[32]) Ib., стр. 19.
[33]) Ib., 19.
[34]) Ib., стр. 19.
[35]) Ib., стр. 19.
[36]) Ib., стр. 32.
[37]) Ib., стр. 43.
[38]) Ib., стр. 44.
[39]) Ib., стр. 49.
[40]) Ib., стр. 54.

вательно, на это должны были обратить вниманіе посланныя господаремъ лица. Показанія всѣхъ этихъ лицъ должны были побудить ревизоровъ провѣрить соотвѣтствующія права на входы тѣхъ или другихъ лицъ, и по всей вѣроятности, во многихъ случаяхъ показанія господарскихъ людей подтверждались. Сообщенія господарскихъ людей, несомнѣнно заинтересованныхъ въ удаленіи изъ господарскихъ пущъ частныхъ лицъ, оказали Григорію Воловичу большую услугу. Они дали возможность послѣднему потребовать отъ частныхъ лицъ удостовѣренія правъ на владѣніе пущами и на входы туда же. Быть можетъ, не будь этихъ убійственныхъ показаній, частныя лица сумѣли бы удержать въ своихъ рукахъ «земли и входы».

Господарскіе интересы нарушались и господарскими людьми. По показанію Веленскихъ осочниковъ, расположенныхъ подъ Юрборской пущей у господарскихъ подданныхъ «ручницы есть и звѣръ стрѣляютъ у пущахъ королевской милости и шкоду великую пущамъ чинятъ съ людьми Прускими». По всей вѣроятности, такія злоупотребленія были отчасти слѣдствіемъ недостаточной охраны лѣсовъ[41]). Это и побудило Воловича немедленно намѣтить достаточное количество осочниковъ, «которые маютъ, съ пильностью стерегучи и станье звѣря въ тыхъ пусчахъ, гдѣ на которомъ мѣстцю звѣръ становити ся будеть[42]). Правда, господарскіе осочники въ другихъ случаяхъ не упоминаютъ о подобнаго рода злоупотребленіяхъ, но возможность ихъ не была исключена, разъ огранизація надзора за пущами была поставлена сравнительно слабо.

Ревизія господарскихъ пущъ и переходовъ должна была выяснить также количество господарскихъ сѣножатей, разбросанныхъ то въ той, то иной пущѣ. И съ господарскими сѣножатями, конечно, были возможны разнаго рода злоупотребленія, уничтоженіе которыхъ диктовалось интересами господарскаго хозяйства. Эксплоатація такихъ сѣножатей производилась различно: часть ихъ «на свою потребу» косили мѣстные осочники и стрѣльцы, «которые отъ его королевское милости для стрѣлянья звѣру высыланы бываютъ» [43]); затѣмъ, отводились сѣножати для надобностей лѣсничаго[44]). Нѣкоторыя изъ сѣножатей сдавались людямъ «съ поклону» [45]), а другія силами господарскаго

---

41) Ibid., стр. 61.
42) Ibid., стр. 60.
43) Ibid., стр. 37, 40.
44) Ibid., стр. 46.
45) Ibid., стр. 37, 40, 41, 49.

двора косились «на дворную потребу». Среди этихъ господарскихъ сѣножатей, разбросанныхъ въ пущахъ, встрѣчались и частно-владѣльческія [46]). Однако, захватъ господарскихъ сѣножатей со стороны шляхтичей, кажется, не былъ великъ, такъ какъ сѣножати не представляли собою для землевладѣльческаго сословія особыхъ цѣнностей.

Ревизія пущъ и переходовъ должна была выяснить наличность ихъ заселенія. Въ господарскихъ пущахъ сидѣли по преимуществу-бортники, данники, а кое-гдѣ начиналось заселеніе пущъ и тяглыми людьми. Въ разныхъ мѣстахъ господарскихъ пущъ были разбросаны села, но размѣры ихъ большей частью были ничтожны: около Здитовской пущи было сельцо, въ которомъ было только 4 службы людей [47]). Въ другихъ случаяхъ составитель не указываетъ количества тяглыхъ службъ, приписанныхъ къ тому или другому селу, но разбосанныя среди лѣсовъ такія поселенія только начинали жить новой жизнью и большихъ размѣровъ, конечно, быть не могли. Даже тамъ, гдѣ крестьяне сидѣли на волокахъ, измѣренныхъ до производства ревизіи, размѣры такихъ лѣсныхъ поселеній были невелики [48]).

Всѣ эти данныя съ несомнѣнной ясностью показываютъ, что разработка лѣса подъ пашню почти не начиналась до половины XVI вѣка, если не считать тѣхъ мѣстъ, гдѣ была произведена земельная реформа, и гдѣ небольшіе лѣски были разбиты на волоки, какъ это было на Жмуди. Встрѣчались во многихъ господарскихъ пущахъ и частновладѣльческія села. Ревизія о нихъ упоминаетъ, не всегда опредѣляя ихъ размѣры [49]). Сравнительно малое количество такихъ селъ уже apriori говоритъ объ ихъ небольшихъ размѣрахъ. Господарскіе лѣса не могли къ себѣ привлекать частныхъ землевладѣльцевъ, такъ какъ послѣдніе стремились въ пущи не для сельско-хозяйственной культуры, а исключительно для эксплоатаціи лѣсныхъ богатствъ [50]).

Описывая господарскія пущи, Григорій Воловичъ долженъ былъ принять всѣ мѣры къ обезпеченію правильнаго развитія лѣсного хозяйства. Для этой цѣли слѣдовало удалить всѣ тѣ препятствія, которыя могли бы тормозить его развитіе. Съ этой стороны, оказывались иногда вредными частно-владѣльческія или господарскія села,

---

46) Ibid., стр. 37. 40, 49 и слѣд.

47) Ibid., стр. 21.

48) Ibid., стр. 61.

49) Ibid., стр. 37.

50) Ibid., 31, 37, 38.

расположенныя около пущъ. Такія села, которыя «около ку шкодѣ пущи сидятъ», всегда перечисляются поименно составителемъ ревизіи, дабы впослѣдствіи соотвѣтствующая господарская администрація могла принять тѣ или другія мѣропріятія[51]). Господарскому ревизору, при производствѣ ревизіи, приходилось убѣждаться въ существованіи недоразумѣній между господарскими крестьянами, главнымъ образомъ, благодаря нѣкоторой неопредѣленности и неясности границъ пущъ. Такъ Переломскіе осочники жаловались на Городенскихъ осочниковъ, что они часть Переломской пущи присоединяютъ къ Перстунской. Послѣдніе отняли у нихъ лазни, доказывая, что въ данномъ мѣстѣ такихъ лазенъ не бывало, тогда какъ, по утвержденіи Переломскихъ осочниковъ, «становисча свои для сторожи озеровъ мѣвали»[52]). Такія недоразумѣнія, конечно, никакого вреда не приносили господарскому лѣсному хозяйству, но непрерывность ихъ мѣшали осочникамъ своевременно и правильно выполнять возложенныя на нихъ обязанности. Съ этой стороны, такого рода пререканія необходимо было немедленно устранить.

Производство ревизіи пущъ и переходовъ сопровождалось со стороны Григорія Воловича цѣлымъ рядомъ хозяйственно—административныхъ распоряженій. Прежде всего приходилось провѣрить права частныхъ лицъ на входы въ господарскія пущи и озера. Уже заявленія осочниковъ и господарскихъ подданныхъ указывали на произвольный захватъ господарскаго добра со стороны частныхъ землевладѣльцевъ. Провѣрка правъ показала въ широкомъ масштабѣ, какъ широко былъ распространенъ среди землевладѣльцевъ захватъ входовъ въ господарскія пущи и озера.

Созванные Григоріемъ Воловичемъ землевладѣльцы были обязаны представить документы для доказательства того «хто на его королевской милости и напредъ ся его королевское милости што выслужилъ... и подлѣ которое выслуги хто сколько дворищь маючи, входовъ и вольностей своихъ, яко ловы, дерево бортное, сѣножати, озера, рѣки здавна супокойне держалъ и на тотъ часъ держитъ и вживаетъ»[53]). Землевладѣльцы, конечно, должны были выполнить требованіе Воловича и явиться къ нему съ доказательствомъ своихъ правъ на входы и выходы. Документы, представленные при этомъ, были

---

[51]) Ibid., стр. 31.
[52]) Ibid., стр. 53.
[53]) Ibid., стр. 63.

самые разнообразные. Одни изъ шляхтичей ссылались на грамоты удѣльныхъ князей, дававшія имъ право входа въ лѣса. Такъ Война Гричина ссылался на жалованную грамоту, выданную его предку Пинской княгиней Марьей Семеновной и ея сыномъ Василіемъ Семеновичемъ [54]). Впрочемъ, это пожалованье было подтверждено грамотой Сигизмунда I отъ 2 апрѣля 1524 г. Слѣдовательно, право Войны Гричины владѣть тремя дворищами съ людьми было совершенно неоспоримо. Кобринскій войскій, панъ Макаръ представилъ дарственную запись князя Ѳедора Ивановича Ярославича и супруги его Елены [55]), выданную 15 мая 1515 г., служебнику Венедикту Фурсовичу. Это пожалованіе, спустя годъ 9 августа въ 1518 г. было подтверждено Сигизмундомъ I. Василій Федоровичъ Ѳедюшко показалъ грамоту кн. Маріи Семеновны и кромѣ того подтвердительный привилей Сигизмунда I отъ 18 іюля 1522 г. [56]). Аналогичные документы были представлены Матиясомъ Зенковичемъ [57]). И братья Протасовичи представили жалованныя грамоты княгини Марьи Семеновны и князя Ѳедора Ивановича Ярославича, подтвержденныя 5 іюня 1522 Сигизмундомъ I [58]). Вообще въ Пинскомъ повѣтѣ значительная часть грамотъ на владѣнія была выдана вышеупомянутыми княгиней и княземъ. Конечно, эти грамоты имѣли юридическое значеніе тѣмъ болѣе, что держатели ихъ поспѣшили обзавестись подтвердительными привилеями отъ господаря. Во вторыхъ, земяне и бояре представили господарскіе листы, дававшіе имъ право на владѣніе той или другой частью пущи, земли или входами въ нихъ [59]). Наиболѣе древняя изъ такихъ грамотъ относится ко времени Казимира, который утвердилъ за Миколаемъ Сыропятомъ село, которымъ онъ фактически владѣлъ еще при Сигизмундѣ Кейстутовичѣ [60]) Большая же часть представленныхъ грамотъ, выданныхъ литовско-русскими господарями, относится къ эпохѣ Сигизмунда I и его сына. Такъ Миколай Ляхъ получилъ отъ Сигизмунда I право сбора половины дани съ Полковскихъ данниковъ Панъ Григорій Сузинъ также представилъ грамоту Сигизмунда I, дававшую ему право владѣть двумя пустовскими землями въ Каме-

[54]) Ibid., стр. 63; 64.
[55]) Ibid., стр. 71—72.
[56]) Ibid., стр. 75—76.
[57]) Ibid., стр. 79—80.
[58]) Ibid., стр. 85.
[59]) Ibid., стр. 104—107, 111—114, 122, 128, 129—131.
[60]) Ibid., стр. 123.

пецкомъ повѣтѣ[61]) Аналогичная грамота была представлена дворяномъ Гавриломъ Олифировичемъ[62]). Вообще, ссылка на листы, выданные господаремъ, дѣлались весьма часто и по своему значенію они не могли вызвать со стороны Воловича какихъ либо возраженій[63]).

Въ третьихъ, представители провинціальнаго землевладѣнія положили передъ Воловичемъ грамоты, выданныя матерью Сигизмунда II—Боной. Послѣдняя выдавала эти грамоты въ предѣлахъ своихъ владѣній, потомъ спавшихъ на господаря. Часть этихъ грамотъ относится къ категоріи «подтвердительныхъ». Королева Бона ими скрѣпляла владѣнія, уже находившіяся въ частныхъ рукахъ раньше, чѣмъ она стала собственницей ряда земель. Такъ бояринъ Пинскій Олпзаръ Дмитріевичъ получилъ отъ нея подтвержденіе на свою отчизну. Сама же Бона до выдачи подтвердительнаго привилея произвела разслѣдованіе и допросила околичныхъ бояръ, свидѣтельство которыхъ имѣло огромное значеніе для выдачи такого привилея[64]). Такихъ документовъ было представлено не мало. Съ другой стороны, земяне и бояре представили жалованныя грамоты самой королевы Боны. Семенъ Юхновичъ Орда 10 марта 1532 г. получилъ отъ королевы два дворища, лежавшія близко къ его имѣнію. Конечно, дворища жаловались «зъ землями тыхъ дворищъ, пашнями и бортными, за гаи и лѣсы и дубровами, зарослями, хворостными и пропашными, проробками и зъ сѣножатеми, зъ ловы звѣриными». Все это давало право входа въ близлежащую господарскую пущу[65]). Аналогичныя грамоты были получены тѣмъ же Ордой и на три другія дворища[66]), а также и другими земянами и боярами[67]).

Грамоты Боны были, разумѣется, документами, имѣющими полную силу и значеніе. Бона распоряжалась землями и дворищами, какъ собственница. Послѣ перехода этихъ земель къ господарю всѣ грамоты Боны сохраняли свою силу и значеніе. Господарю приходилось лишь разбирать, на какихъ условіяхъ выдано тому или другому земянину или боярину: дворище, пустошь, земля, сельцо.

Въ четвертыхъ, земяне и бояре не представили никакихъ доку-

---

[61]) Ibid., стр. 123, 161.
[62]) Ibid., стр. 169.
[63]) Ibid. стр. 171—173, 175—177, 181—185, 195, 197, 201, 209, 211.
[64]) Ibid., стр. 65, 118, 147, 146.
[65]) Ibid., стр. 81—82.
[66]) Ibid., стр. 82, 118.
[67]) Ibid., стр. 126, 127, 149, 156, 157.

ментовъ, и свое право владѣнія подкрѣпили ссылкой на давность. Такихъ лицъ было немало. Такъ панъ Михайло Тенюкъ «не покладалъ листовъ, а ни жадныхъ привильевъ», удостовѣрявшихъ его право владѣнія землями, которыя онъ считалъ своей отчиной. Онъ могъ только сослаться на «держаніе давности». Впрочемъ, упомянутый Тенюкъ имѣлъ листъ Боны къ ея секретарю, въ которомъ она утверждала за дядей Тенюка, бояриномъ Олизаромъ Дмитріевичемъ, право на два имѣнія, если Олизаръ докажетъ передъ нимъ свое право на владѣніе двумя имѣніями. Конечно, такой листъ не былъ документомъ юридическаго характера, на который можно было сослаться съ полнымъ правомъ [68]). Однако, другіе бояре и земяне не имѣли возможности сослаться и на такіе документы. Вмѣсто «привилья», по удостовѣренію Воловича, бояре и земяне «только оповѣдали давность держанія». Особенно много было такихъ держателей въ Кобринскомъ повѣтѣ [69]). Конечно, ссылка на давность не имѣла никакого значенія, и такого рода земли, входы и выходы должны были быть отобраны на господаря.

Въ пятыхъ, мѣстные землевладѣльцы могли сослаться на ревизорскіе листы, полученные ими при производствѣ волочного измѣренія. Такъ панъ Мартинъ Подсудковскій получилъ отъ мѣрчаго Девялтовскаго «пусчи его королевское милости Румшиское на полъ мили поперекъ также и вдолжъ, ку имѣнью его Понѣманскому, которое подъ пусчею лежитъ на самомъ переходѣ звѣрипомъ» [70]). Другіе могли сослаться на полученіе отмѣны господарскими пущами за отобраныя у нихъ земли [71]). Для Воловича представленіе ревизорскихъ листовъ имѣло безусловное значеніе. Если по условіямъ устройства той или другой пущи пришлось бы села, дворища, входы и выходы «привлачить» къ пущѣ, держатели ихъ имѣли полное основаніе требовать себѣ новой отмѣны, которая, по всей вѣроятности, и давалась.

Въ шестыхъ, собственники для удостовѣренія права владѣнія ссылались на купчія крѣпости. Войскій панъ Макаръ Мартиновичъ Кобринскій купилъ у Стефана Тарновскаго имѣніе Оснѣжинское «зъ будованіемъ дворнымъ, съ челядью невольною съ пашнею дворною, зъ сѣножатьми, съ деревомъ бортнымъ, и слугами путными

68) Ibid., стр. 65.
69) Ibid., стр. 111, 136—146.
70) Ibid., стр. 42.
71) Ibid., стр. 77, 103.

и со всими людьми тяглыми того двора» [72]). Другихъ документовъ войскій не представилъ. Продажная сдѣлка была совершена въ присутствіи мѣстныхъ земянъ, удостовѣрявшихъ право Тарновскаго на продаваемое имѣніе. Но для Воловича данный документъ едва ли имѣлъ принудительное значеніе. Формально эта сдѣлка не была окончена, ибо не прошла передъ соотвѣтствующими должностными лицами. Поэтому Кобринскій войскій долженъ былъ представить документы, которые удостовѣрили бы право Тарновскаго на вышеназванное дворище. Совсѣмъ въ другомъ положеніи находились лица, которымъ удалось раздобыть подтвердительный привилей на купленное имѣніе. Тутъ, конечно, спора быть не могло. Купившій имѣніе имѣлъ полное основаніе считать его своей собственностью [73]). Точно также могли быть спокойными относительно своихъ владѣній земяне, представившіе продажную крѣпость въ видѣ выписи «съ книгъ господарскихъ канцелярскихъ». Такъ поступилъ Иванъ Протасовичъ, купившій у Ивана Булгака третью часть его имѣнія Кривчицкаго. Предварительная продажная запись была заключена на мѣстѣ въ присутствіи нѣсколькихъ видныхъ пановъ [74]).

Въ седьмыхъ, нѣкоторые изъ держателей земли представляли Воловичу «заставныя крѣпости», удостовѣрявшія право владѣнія держателя. Конечно, заставная крѣпость имѣла только въ томъ случаѣ юридическое значеніе, если она была оформлена, т. е. записана въ соотвѣтствующія канцелярскія книги, выпись изъ которыхъ была достаточной гарантіей того, что имѣніе отдано въ заставу по совершенно законнымъ основаніямъ [75]). При производствѣ ревизіи пущъ и переходовъ господарскіе посланцы также округляли господарскіе лѣса и, по возможности, стремились дать въ такомъ случаѣ соотвѣтствующую отмѣну. Нѣкоторые изъ землевладѣльцевъ оказывались владѣльцами озеръ—находившихся внутри лѣсовъ. Для господарскаго лѣсного хозяйства это представляло серьезныя неудобства, и, по всей вѣроятности, въ такихъ случаяхъ приходилось озера писать на господаря, а собственнику выдавать соотвѣтствующую отмѣну. Такъ староста Галицкій, панъ Ярошъ Сипявскій совмѣстно съ своей женой оказался владѣльцемъ шести озеръ, находившихся въ Коневской пущѣ.

---

[72]) Ibid., стр. 74.
[73]) Ibid., стр. 93.
[74]) Ibid., стр. 97—99.
[75]) Ibid., стр. 100.

Господарскимъ ревизоромъ озера были отписаны на господаря, а Синявскому была дана отмѣна [76]).

Отмѣна состояла изъ трехъ селъ, въ которыхъ всего оказалось 24 в. 9 м. 4 пр. Такая отмѣна была дана по усмотрѣнію ревизора. Видимо, панъ Синявскій не считалъ ее убыточной замѣной, такъ какъ сталъ хлопотать о выдачѣ ему листа «на вѣчность», что и было ему дано въ скоромъ времени [77]). Намъ неизвѣстно, какъ учитывалась доходность озеръ и опредѣлялась равноцѣнность отмѣны. По всей вѣроятности, это дѣлалось по взаимному соглашенію собственниковъ озеръ съ ревизорами. Такого рода «замѣны» нельзя считать мѣрой, примѣнявшейся всегда и вездѣ. У владѣльца могли быть отняты одни входы и выходы, а даны другіе въ иномъ мѣстѣ. Замѣна же одного вида владѣнія другимъ могла быть приведена въ исполненіе исключительно по взаимному соглашенію между ревизоромъ и собственникомъ.

Иногда около господарской пущи оказывались расположенными частновладѣльческіе дворы, близость которыхъ всегда допускала возможность злоупотребленій со стороны сосѣда. Въ такомъ случаѣ округленіе пущи было болѣе чѣмъ необходимо. Частновладѣльческій дворецъ приписывался къ пущѣ «зъ будованьемъ и со въсимъ кгрунтомъ,» а земянину давалась отмѣна. Присоединеніе цѣликомъ частновладѣльческаго имѣнья къ господарской пущѣ, конечно, было разореніемъ для земянина. Въ такомъ случаѣ—для его успокоенія—ему давалось «награжденіе». У земянина Щепана Тарновскаго отобрали дворецъ съ 15 в. 20 м. земли. Дворецъ былъ приписанъ къ Воранской пущѣ, а Тарновскому была дана отмѣна въ Ойракгольской волости. Такъ какъ у того же Тарновскаго и въ другомъ мѣстѣ, около Трокъ, отписали на господаря «село оселое» размѣромъ въ 2 волоки, то ему за все было дано 26 волокъ «зъ людьми, на нихъ оселыми». Несомнѣнно, столь щедрой отмѣной правительство стремилось компенсировать всѣ полученные землевладѣльцемъ убытки [78]). Господарскія пущи въ общемъ охранялись недостаточно. Недостатки такой охраны были отчетливо сознаваемы правительствомъ, которое поспѣшило до производства ревизіи пущъ и переходовъ увеличить кое-гдѣ количество различныхъ слугъ, охра-

[76]) К. З. XLI, л. 218.
[77]) К. З. XLI, л. 218—219.
[78]) К. З. XLI., л. 277.

нявшихъ лѣса. Съ этой цѣлью правительство въ рядѣ дворовъ нѣкоторое количество своихъ подданныхъ перевело на положеніе стрѣльцовъ. Такіе стрѣльцы сажались на волоки при тѣхъ или другихъ господарскихъ дворахъ. Сначала правительство отдѣльныхъ лицъ сажало на стрѣлецкую службу, о чемъ доводило до свѣдѣнія мѣстнаго державцы. Такъ были въ 1557 г. посажены стрѣльцы при дворѣ Олитѣ, при чемъ каждому стрѣльцу отводилось по 2 волоки, «отъ плату всякихъ повинностей тягълыхъ вольныхъ». Если же стрѣльцами становились подданные, не имѣвшіе въ держаніи никакихъ волокъ, то державца былъ обязанъ таковыя имъ отвести изъ числа неоселыхъ. Волоки должны находиться «поодаль пущи и лововъ господарскихъ» [79]). Тогда же были посажены на стрѣлецкія волоки подданные при Городенскомъ староствѣ. Здѣсь для стрѣлецкой службы отводили тѣ волоки, которыя раньше находились въ рукахъ держателя подъ условіемъ платежа чинша; затѣмъ давались имъ пустыя, неоселыя волоки, и, наконецъ, приходилось иногда сгонять старыхъ держателей и отдавать ихъ волоки въ руки вновь назначенныхъ стрѣльцовъ [80]). Такимъ же способомъ были испомѣщены и поводворскіе стрѣльцы. Только здѣсь для стрѣлецкой службы отбирались и боярскія земли, которыя находились въ рукахъ бояръ подъ условіемъ платежа чинша [81]). Стрѣльцами назначались не только тяглые подданные. По различнымъ соображеніямъ иногда и осочницкія волоки переводились на стрѣлецкія [82]). Одновременно съ организаціей стрѣлецкой службы въ Городенскомъ староствѣ были устроены таковыя службы и въ другихъ волостяхъ: Малавицкой, Кринской, Воранской, Жосленской, Озерской, Бѣльской, Лепуньской, Котринской, Переломской, Виленской, Лабенской Бирштанской, Берзницкой, Олитской, Скидельской, Немонойтской, Вилкейской, Юрборской, Ковенской, Довкговской, Красницкой. е. с. [83]).

Срѣльцы набирались по усмотрѣнію «справцы господарскихъ дворовъ», но иногда приходилось ходатайствовать самимъ подданнымъ объ испомѣщеніи ихъ на стрѣлецкой службѣ. Такое челобитіе обыкновенно вызывалось какими либо неотложными обстоятельствами. Такъ, группа городенскихъ пушкарей давно владѣла

---

[79]) К. З. XLII, л. 3.

[80]) К. З. XLII, л. 4.

[81]) К. З. XLII, л. 6.

[82]) К. З. XVII, л. 7.

[83]) К. З. XLII, лл. 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 16, 17, 18, 64.

двумя волоками земли, съ которыхъ несла пушкарскую службу. Кромѣ того, они же являлись владѣльцами двухъ волокъ подъ Кринской пущей, которыя были даны ихъ отцу Скидельскимъ намѣстникомъ, паномъ Б. Греньковичемъ и намѣстникомъ Жославскимъ паномъ Юріемъ Зелепугой, производившими волочную помѣру «за росказаніемъ королевое ее милости» и давшими эти двѣ волоки въ видѣ отмѣны за земли, которыя были приданы къ ихъ отчизнымъ землямъ паномъ Юріемъ Радивиломъ для несенія пушкарской службы. Земли же были даны Боной «до ласки и воли». Поэтому, при производствѣ вторичной помѣры, эти земли были отписаны па господаря, а со старыхъ земель они по старому несли пушкарскую службу. И вотъ, чтобы оставить въ своемъ распоряженіи всѣ 4 волоки, пушкари ходатайствовали, чтобы ихъ при тѣхъ 4-хъ волокахъ «вжо на стрѣлецкой службе заставили» [84]). Просьба пушкарей была удовлетворена. Такое коллективное испомѣщеніе стрѣльцовъ несомнѣнно можетъ быть принято, какъ показатель желанія литовскаго правительства перейти къ болѣе интенсивной эксплоатаціи пушного звѣря, на шкуры котораго былъ большой спросъ на заграничномъ рынкѣ. До половины XVI в. этотъ спросъ былъ, видимо, не такъ великъ и не вызывалъ никакой нужды въ коллективной организаціи стрѣлецкой службы. Все это дѣлалось «справцами господарскихъ дворовъ» на основаніи господарскихъ инструкцій и волочного устава. Однако испомѣщеніе стрѣльцовъ нисколько не улучшало состоянія лѣсного хозяйства, не избавляло правительство отъ возможныхъ злоупотребленій со стороны частныхъ владѣльцевъ. Этого и достигала предпринятая ревизія, а изданный лѣсной уставъ далъ лѣсному хозяйству ту устойчивость и планомѣрность, которыхъ у него раньше не было.

Первоначальное устройство лѣсного хозяйства носило довольно примитивный характеръ, и задачи его сводились лишь къ охранѣ господарскихъ пущъ и лововъ. Эта охрана была поставлена весьма неудовлетворительно. Ревизія показала, что количество осочниковъ было весьма невелико, а иногда ихъ совсѣмъ не было, и при такихъ условіяхъ о правильномъ надзорѣ и строгомъ контролѣ не могло быть и рѣчи. Неудивительно, что осочники не могли воспрепятствовать, частнымъ лицамъ захватывать «лѣсные входы и разные ухожаи», не могли слѣдить за эксплоатаціей частными лицами

[84]) К. 3. XLII, л. 29.

господарскихъ лѣсовъ для того, чтобы послѣдніе не выходили за предѣлы господарскихъ инструкцій и не вредили бы интересамъ господарскаго скарба. Производство ревизіи поставило на очередь два вопроса: о болѣе стройномъ и цѣлесообразномъ управленіи господарскими пущами, а также о болѣе правильномъ веденіи господарскаго хозяйства и объ иной постановкѣ вопроса объ охранѣ господарскихъ пущъ. Всѣмъ этимъ выдвинутымъ жизнью вопросамъ отвѣчала лѣсная устава, опубликованная въ Кнышинѣ 27 февраля 1567 г.[85]). Господарскія пущи разбиваются на лѣсничества, во главѣ которыхъ находится назначаемый господаремъ лѣсничій, на отвѣтственности котораго находится охрана всей пущи. Лѣсничій управляетъ пущей не одинъ, а его помощниками являются осочники, стрѣльцы, бобровники, подлазники. У каждаго изъ нихъ специальныя функціи, которыя они выполняютъ подъ контролемъ лѣсничаго. За свой трудъ по управленію пущами и надзору за ними лѣсничій получаетъ опредѣленное вознагражденіе. Оно заключается въ пользованіи девятью волоками земли (три на фольваркъ, а шесть населенныхъ волокъ для обработки фольварка). Кромѣ того, лѣсничій получаетъ по 1 грошу съ каждой осѣдлой волоки и по бочкѣ овса съ каждыхъ десяти волокъ, если держатели ихъ входятъ въ лѣсъ за сухимъ деревомъ. Затѣмъ, въ пользу лѣсничихъ поступаютъ поклоны отъ осочниковъ, стрѣльцовъ, бобровниковъ, подлазниковъ и тѣхъ крестьянъ, которые сидятъ пока на льготѣ. Въ пользу лѣсничихъ поступаютъ „пересуды". Обязанности лѣсничихъ заключаются въ слѣдующемъ: лѣсничіе должны были при вступленіи въ должность объѣхать совмѣстно съ осочниками всю пущу и имѣть подъ руками достаточныя свѣдѣнія о всякихъ уступахъ. Кромѣ того они должны были слѣдить за тѣмъ, чтобы не было никакой шкоды какъ «звѣрю, такъ и деревому бортному и другимъ видамъ деревьевъ». Съ этой цѣлью лѣсничій долженъ слѣдить, чтобы на дрова для господарскихъ дворовъ брали только сухое дерево. Такое же дерево имѣютъ брать и господарскіе подданные. Частновладѣльческіе крестьяне не имѣютъ права входа въ пущи по дрова. Рубка деревьевъ, годныхъ для построекъ, допустима, но всякой разъ по особенному распоряженію великаго князя. Если же кому либо будетъ дано разрѣшеніе взять изъ пущъ нѣкоторое количество деревьевъ для тѣхъ или другихъ потребностей, то лѣсничіе должны смотрѣть, чтобы

---

[85]) *М. В. Довнаръ-Запольскій.* Очерки. Прил. стр. 101—105.

количество вырубленныхъ деревьевъ находилось въ полномъ соотвѣтствіи съ господарскимъ листомъ. Нарушеніе условій послѣдняго считается злоупотребленіемъ, за которое является отвѣтственнымъ лѣсничій. Только въ одномъ случаѣ лѣсничему предоставляется право выдать нѣкоторое количество лѣса, но при томъ подъ своей полной отвѣтственностью, именно, если необходима экстренная помощь какому нибудь держателю волокъ. Но и въ этомъ случаѣ онъ долженъ довести объ этомъ до свѣдѣнія державцы, отъ котораго обязанъ взять соотвѣтствующій квитъ, который для лѣсничаго является оправдательнымъ документомъ. Въ завѣдываніи лѣсничаго находятся всѣ лѣсныя сѣножати. Лѣсничему запрещается продавать ихъ кому бы то ни было или брать отъ кого быть нибыло постожное. Онъ лишь слѣдитъ за тѣмъ, чтобы эксплоатація лѣсныхъ сѣножатей вполнѣ бы соотвѣтствовала королевскимъ распоряженіямъ. Согласно послѣднимъ, сѣножати могли оказаться во владѣніи частныхъ лицъ по постановленію господарскихъ ревизоровъ и мѣрниковъ, а также ими могли свободно воспользоваться для своихъ нуждъ крестьяне. Послѣдніе при условіи взноса опредѣленнаго плата, могли ихъ эксплоатировать. Если господарскія сѣножати будутъ отданы подданнымъ для покоса за третій грошъ, то лѣсничіе при этомъ должны слѣдить, чтобы третья часть убраннаго сѣна поступала на господарскій дворъ. Затѣмъ, лѣсничіе слѣдятъ, чтобы въ пущахъ не было никакихъ дорогъ. Если послѣдніе гдѣ либо окажутся, то онѣ должны быть засыпаны. Далѣе, они не могутъ ставить никакихъ препятствій лицамъ, получившимъ право разработки лѣсныхъ товаровъ ,,ку пожитку скарбу". При этомъ роль лѣсничаго должна лишь ограничиться контролемъ, чтобы будники не занимались разработкой лѣсныхъ товаровъ въ произвольно выбранныхъ мѣстахъ, дабы не разогнать звѣря. Организуя контроль надъ предпринимателями, уставъ запрещаетъ лѣсничимъ разработку лѣсныхъ товаровъ для своихъ нуждъ и потребностей. Помимо охраны лѣсовъ, уставъ возлагаетъ на лѣсничаго охрану ,,звѣря". Никто изъ постороннихъ не имѣетъ права охотиться въ пущахъ, если ни располагаетъ особымъ, спеціально написаннымъ, господарскимъ листомъ. Съ этой стороны, въ особенной охранѣ нуждаются пущи со стороны Мазовіи и Пруссіи. Активная дѣятельность лѣсничаго по веденію лѣсного хозяйства сводится лишь къ тому, чтобы бортныя деревья были своевременно ,,осажены" пчелами. Это дѣлаютъ спеціалисты-подлазники. Что же касается употребленія собраннаго меда, то для

этого всякій разъ лѣсничій получаетъ особую господарскую науку. Лѣсной уставъ тщательно слѣдитъ за тѣмъ, чтобы никакая доходная статья господарскихъ пущъ не пропадала даромъ. Съ этой цѣлью лѣсничій отдаетъ отчетъ въ ловлѣ бобровъ, запрещаетъ въ озерахъ и рѣкахъ ставить езы. Гдѣ же послѣдніе были, тамъ пойманная рыба поступаетъ въ распоряженіе господарскаго скарба. Онъ также завѣдуетъ корчмами, находящимися въ предѣлахъ своего лѣсничества и уничтожаетъ лишнія, и собираетъ въ господарскій скарбъ слѣдуемую съ нихъ „капщизну" или «платъ». Наконецъ, на лѣсничемъ лежитъ надзоръ за крестьянами, еще не высѣдѣвшими воли. Онъ смотритъ, чтобы они своевременно строились, а затѣмъ, по истеченіи льготнаго срока, онъ собираетъ слѣдуемые съ нихъ чинши. Точно также лѣсничій собираетъ чиншъ и съ подвѣдомственныхъ ему стрѣльцовъ... Лѣсной уставъ требуетъ отъ лѣсничихъ согласованія своихъ дѣйствій и распряженій съ требованіями „господарской науки". Въ противномъ случаѣ, на такого лѣсничаго падетъ „гнѣвъ, а не ласка господарская". Этотъ „гнѣвъ", по всей вѣроятности, выражался въ преждевременномъ лишеніи должности лѣсничаго. Таково содержаніе господарскаго лѣсного устава, являющагося существеннымъ дополненіемъ уставы о волокахъ. Какъ послѣдняя, такъ и лѣсной уставъ ставили своей задачей сосредоточеніе веденія всего господарскаго хозяйства въ рукахъ правительства. Онъ возлагаетъ на правительственныхъ агентовъ только функціи надзора и обязанность приведенія въ исполненіе господарскихъ распоряженій. Централизація хозяйства и управленія—это главный пріемъ всей хозяйственной политики Сигизмунда-Августа. Онъ же красной нитью проходитъ черезъ весь лѣсной уставъ 1567 года.

Лѣсничіе назначались господаремъ, и служба ихъ была обыкновенно пожизненной[86]). Послѣ смерти лѣсничаго лѣсничество „спадывало" на господаря, который и назначалъ новаго лѣсничаго. Назначеніе на должность лѣсничаго было довольно почетнымъ. Его получали лица, занимавшія не особенно видныя должности по провинціальному и центральному управленію, какъ то: хоружіе, ловчіе, земскіе судьи, писари etc[87]). Лѣсничества давались господаремъ «маючи ласковое баченіе на службы хоружого»[88]) «ради учтивой службы»

---

[86]) К. З. LVIII, л. 1; К. З. LXXVI, л. 192.

[87]) К. З. LXXIII, л. 403; К. З. LXXVI, л. 192, 198.

[88]) К. З. LXXVI, л. 192, 198.

слуги нашего, который противъ непріятеля оказывалъ» etc. Словомъ, какъ всякое держаніе, дарованіе лѣсничества разсматривалось правительствомъ, какъ особая награда. Обыкновенно, отдѣльное лѣсничество находилось въ завѣдываніи одного лѣсничаго, но было возможно соединеніе въ однѣхъ рукахъ нѣсколькихъ лѣсничествъ [89]), но послѣ смерти такого лѣсничаго составное лѣсничество разбивалось на части и по частямъ отдавалось лѣсничимъ [90]). Иногда лѣсничій находилъ для себя неудобнымъ выполненіе обязанностей лѣсничаго по уставу, и считалъ для себя стѣснительной постоянную отчетность передъ скарбомъ. Въ такомъ случаѣ лѣсничіе хлопотали о сдачѣ имъ «лѣсничества» въ аренду «за певную сумму». Такъ лѣсничій Немонойскій, земскій судья въ Городенскомъ повѣтѣ Григорій Мосальскій, имѣвшій право, согласно привилею Сигизмунда II, собирать «чинши, дякла и иные доходы», какъ державца и отдавать ихъ господарю, считалъ для себя затруднительнымъ, отправленіе обязанностей лѣсничаго. Поэтому, онъ просилъ Стефана Баторія «абыхмо ему не зычали въ томъ приймованя трудности чиненемъ личбы въ скарбе», и дали бы «оное лесництво на певной аренде безъ шкоды», для господарскаго скарба [91]). Конечно, трудно сказать, были такія челобитія случайными, или сдача въ аренду лѣсничествъ являлась однимъ изъ новыхъ способовъ его эксплоатаціи.

На содержаніе лѣсничаго лѣсной уставъ отводитъ девять волокъ. Эта норма была принята правительствомъ еще значительно раньше опубликованія лѣсного устава и введенія его въ дѣйствіе. Еще въ 1562 г., при назначеніи лѣсничимъ пущъ Лысковскихъ и Межирецкихъ пана Романа Совы, ему было дано 9 волокъ земли. Однако, вопреки уставу о лѣсахъ, волоки были пустыя и эксплоатировать ихъ онъ былъ обязанъ за свой собственный счетъ [92]).

Теоретически лѣсничіе полагались на каждую господарскую пущу. На дѣлѣ же оказывалась такая организація не всегда возможной. Дѣло въ томъ, что въ нѣкоторыхъ пущахъ не оказывалось возможнымъ отвести „на выхованіе“ лѣсничаго девять волокъ, такъ какъ пуща оказывалась не «такъ широка». Въ такомъ случаѣ, господарь ставилъ надсмотрщикомъ своего подданнаго, давая ему

---

89) К. З. LXXIII, л. 403.
90) К. З. LXIII, л. 403.
91) К. З. LXXIII, л. 403.
92) К. З. LII, л. 59; LIII, л. 16.

при этомъ три добавочныхъ волоки земли къ прежнимъ двумъ стрѣлецкимъ и, освободивъ его отъ всякихъ платовъ и повинностей, возлагалъ на него только одну обязанность—стеречь пущу [93]).

Лѣсное хозяйство и послѣ ревизіи велось прежними пріемами. Государство было лишено возможности приняться за самостоятельную эксплоатацію лѣсныхъ богатствъ. Приходилось опять обратиться къ частной предпріимчивости. Однако, теперь при посредствѣ частной предпріимчивости правительство нѣсколько по другому организовало эксплоатацію лѣса. Во главѣ всего дѣла былъ поставленъ Г. Скопъ, получившій титулъ «справцы товаровъ лесныхъ». Онъ нанималъ работниковъ и устраивалъ въ лѣсахъ буды. Для удешевленія и ускоренія производства, правительство въ 1560 г. разрѣшило Гансу Скопу и его слугамъ на протяженіи всей Жмуди свободную безмытную покупку «быдъла, збожъю и иные всякие живности», необходимыхъ для вновь устроенныхъ будъ [94]). Дѣятельность справцы имѣла мѣсто не только въ предѣлахъ господарскихъ пущъ, но и выходила далеко за границы ихъ. Справцѣ было разрѣшено эксплоатировать волоки и проробки поданныхъ, если только была какая нибудь возможность извлечь изъ нихъ какую либо пользу для господарскаго скарба [95]). Конечно, такое распоряженіе должно было задѣть и интересы частныхъ владѣльцевъ, имѣвшихъ право входа въ пущи, и, въ особенности, крестьянскую массу. Словно чувствуя возможность какихъ либо протестующихъ дѣйствій, господарь доводитъ объ этомъ до свѣдѣнія мѣстнаго тивуна, указывая ему слѣдить за тѣмъ, чтобы справца лѣсныхъ товаровъ могъ заняться порученнымъ ему дѣломъ «безъ всякое переказы» [96]). Поручая веденіе лѣсного хозяйства Гансу Скопу, Сигизмундъ II попрежнему крѣпко держался лѣсной торговой монополіи. Никто не могъ самостоятельно вывезти лѣсные товары заграницу черезъ Кролевецъ и Инфлянты, даже еслибы такіе товары были выработаны самими подданными, не говоря уже о постороннихъ лицахъ. Согласно господарскому распоряженію отъ 1566 г. на имя мытниковъ Ковенской коморы, всѣ такіе товары должны быть представлены либо самому Гансу Скопу, либо его справцамъ, которые уплачиваютъ стоимость товара пред-

---

[93]) К. З. XLIV, л. 3.
[94]) К. З. XLV, л. 53.
[95]) К. З. XLV, л. 54.
[96]) К. З. XLV, л. 54.

принимателямъ, а затѣмъ товаръ становится уже собственностью господарскаго скарба [97]). Съ порученіемъ веденія лѣсного хозяйства Гансу Скопѣ должна была прекратиться всякая частная предпріимчивость. Въ томъ же году Жмудскій староста панъ Іеронимъ Ходкевичъ получилъ увѣдомленіе о полномочіяхъ Ганса Скопы, а также былъ поставленъ въ извѣстность о необходимости немедленнаго извѣщенія господарскихъ вредниковъ о томъ, чтобы они не позволяли никому заниматься въ пущахъ выработкой лѣсныхъ товаровъ, а также, чтобы они указали годныя деревья для эксплоатаціи на волокахъ и проробкахъ господарскихъ поддапныхъ [98]). Работники и справцы Ганса Скопы находятся подъ особымъ покровительствомъ— „обороной" вряда. Тивунъ долженъ „постерегать, яко бы въ томъ жадьного затрудненья и перекозы не мели" отъ господарскихъ земянъ, подданныхъ какъ господарскихъ, такъ и княжескихъ и панскихъ, при разработкѣ господарскихъ грунтовъ [99]). Отдавая Скопу Жмудскія пущи въ монопольную эксплоатацію, правительство, однако, не придерживалось такой же системы въ другихъ пущахъ, гдѣ лѣсныя работы производились или по порученію правительства его агентами, или купцами—частными предпринимателями. Такъ втеченіе 1570—1571 г. дворянину Григорію Дельницкому была поручена разработка пущъ—Переломской, Лидской, Немонойтской и Пунской. Мотивомъ для этого было то, что при осаживаніи на волоки немало пущъ пустуетъ и „жадного пожитку не приносятъ" [100]). Весь выдѣланный лѣсной товаръ поступалъ въ распоряженіе скарба, сплавлявшаго его водой заграницу [101]). При отдачѣ пущъ для эксплоатаціи частнымъ предпринимателямъ съ ними заключался контрактъ, невыполненіи котораго каралось „горломъ" и „маетностью" [102]). Трудно объяснить, почему литовско-русское правительство бросалось отъ одного хозяйственнаго пріема къ другому. Быть можетъ, тутъ имѣло значеніе и отсутствіе богатыхъ купцовъ, которые согласились бы взять на себя разработку лѣсныхъ товаровъ, что заставляло правительство обратиться къ системѣ порученій и предпринимательской арендѣ. Можно предположить, что примѣненіе различныхъ пріе-

[97]) К. З. XLV, л. 54 обр.
[98]) К. З. XLV, л. 55.
[99]) К. З. XLV, л. 55.
[100]) К. З. LIII, л. 17.
[101]) *М. В. Довнаръ-Запольскій.* Госуд. хоз., стр. 326.
[102]) Ibid., стр. 326.

мовъ эксплоатаціи пущъ объяснялось желаніемъ правительства выяснить, при какихъ условіяхъ веденіе лѣсного хозяйства является наиболѣе прибыльнымъ для скарба. Кажется, отдача пущъ для эксплоатаціи одному лицу предпочиталась правительствомъ. По крайней мѣрѣ, въ районѣ пущъ, прилегавшемъ къ Гданскому и Кролевецкому порту, правительство прибѣгло къ этой системѣ [103]). Такъ же было поступлено и по отношенію къ пущамъ въ районѣ рѣки Двины. Имѣя въ виду выгоду и пользы Речи Посполитой, а въ особенности необходимость уплаты жалованія людямъ служебнымъ, а также постройки и укрѣпленія новыхъ украинскихъ замковъ, господарь съ цѣлью увеличить доходы скарба, по соглашенію съ панами—радой, отдалъ разработку лѣса, пепла и выполненіе другихъ работъ секретарю Валенту Иберфельту. Онъ могъ заняться разработкой пущъ въ тивунствахъ и замкахъ Витебскомъ, Браславлѣ-Литовскомъ, Дрисѣ, Дзиснѣ, Упнчи, Воронѣ, Леплѣ, Улѣ, Суражѣ, Оршѣ, Мстиславѣ, Могилевѣ, Борисовѣ, Свислочи, Любошанахъ, Бобруйскѣ, Кричевѣ, Чичерскѣ, Пропойскѣ. Для выясненія границъ отведенныхъ Иберфельту пущъ былъ посланъ господарскій писарь. Разработанные лѣсные товары должны спускаться къ Двинскому порту „безъ мыта“ [104]). Возвращеніе къ подобнаго рода эксплоатаціи лѣсныхъ богатствъ было предпринято только въ 1571 г., спустя 10 лѣтъ послѣ первоначальнаго опыта сдачи Г. Скопѣ разработки лѣсныхъ товаровъ во всей Жмудской пущѣ. Вѣроятно, къ этому времени окончательно выяснилось, какая система предпочтительнѣе. Это обстоятельство и было главной причиной, побудившей правительство отдавать пущи для эксплоатаціи въ руки какого нибудь одного капиталиста. Разъ правительство съ такимъ вниманіемъ относилось къ разработкѣ пущъ, теоретически можно было предположить намѣреніе правительства не выпускать изъ своихъ рукъ ни одной лѣсной волоки. На дѣлѣ приходилось отступать отъ этого и жаловать отдѣльнымъ лицамъ „застѣнки“ до воли и ласки господарской. Такой застѣнокъ въ Одельскомъ лѣсничествѣ получилъ панъ Григорій Воловичъ. Впослѣдствіи временное пожалованіе, по челобитью Воловича, превратилось въ „доживотное“ держаніе, когда выяснилось, что для разработки даннаго ему застѣнка, „не малого часу держанного“ онъ „не мало маетности своее на

---

[103]) Ibid., стр. 327.

[104]) К. З. LIV, л. 55—56.

то вложилъ" [105]). Иногда господарю приходилось отдавать въ заставу староства и дворы. Если при этомъ къ двору прилегала пуща, то она иногда въ заставу не давалась. Когда панъ Матвѣй Жилинскій получилъ въ заставу староство Мстиславское, то вся мстиславская пуща осталась „ку пожитку господарскому". Держатель староства долженъ былъ доставлять въ скарбъ всѣ платы, которые поступали съ господарскихъ подданныхъ „водле постановенія ревизорскаго" [106]).

Несмотря на принятую систему эксплоатаціи лѣсныхъ богатствъ и новую организацію управленія лѣсами, все таки злоупотребленія оказывались вполнѣ возможными. Такъ въ 1570 г. справца товаровъ лѣсныхъ секретарь Валентъ Иберфельтъ жаловался господарю, что «немало господарскихъ подданныхъ», въ особенности сидѣвшіе на воляхъ разрабатываютъ пущи, и разработанный лѣсной товаръ вывозятъ заграницу. Благодаря этому, происходитъ сильное опустошеніе пущъ, и причиняется немалый убытокъ господарскому скарбу. Получивъ такое заявленіе, господарь немедленно обратился ко всѣмъ лѣсничимъ съ грознымъ посланіемъ, чтобы они не допускали такого „зволенства" среди господарскихъ подданныхъ и запретили бы имъ переходить границы. Если же гдѣ нибудь обнаружится тайная разработка пепла, то разработанное отбирается на господаря. Виновные записываются въ особый реестръ и сажаются въ тюрьму „везенье" [107]). Помимо этого возникали и другія недоразумѣнія между справцами и подданными. Послѣдніе иногда получали впередъ плату за разработку товаровъ, а потомъ отказывались работать. Отъ этого страдало лѣсное хозяйство, и лѣсничимъ поручался самый строгій разборъ всѣхъ этихъ недоразумѣній и злоупотребленій со стороны подданныхъ [108]).

Введеніе лѣсного устава и усиленная эксплоатація пущъ заставляли правительство съ особеннымъ вниманіемъ относиться къ тѣмъ шляхтичамъ, которые имѣли многіе входы въ господарскія пущи, что само по себѣ не могло не служить серьезнымъ препятствіемъ при разработкѣ пущъ. Поэтому, приходилось иногда вторично провѣрять права шляхтичей на пущу, чтобы убѣдиться въ основатель-

---

105) К. З. LVIII, л, 103.
106) К. З. XLVIII, л. 73.
107) К. З. XLII, л. 75.
108) К. З. LII, л. 75.

ности ихъ притязаній на входы. По всей вѣроятности, и предприниматели, и господарскіе „врадники“ въ своемъ служебномъ усердіи не особенно считались съ правами шляхтичей, а это обстоятельство побуждало самихъ шляхтичей возбуждать дѣла о провѣркѣ правъ ихъ на входы въ пущи. Такъ поступилъ панъ Остафій Воловичъ отъ себя самого и отъ имени своего дяди, имѣвшаго притязанія на входы въ господарскія пущи—Перстуньскую, Новодворскую и Переломскую. Сначала ихъ права не вызывали никакихъ сомнѣній, но „съ нѣкоторыхъ часовъ“, по заявленію челобитчиковъ, они стали терпѣть „обремененье“, очевидно, со стороны усердныхъ господарскихъ агентовъ. Остафій Воловичъ—крупная фигура среди дѣльцовъ XVI в., и правительство никоимъ образомъ не могло замолчать его просьбу. Пришлось снарядить специальную комиссію, состоявшую изъ архидіакона Варшавскаго, скарбнаго писаря ксендза Адама Пильховскаго и дворянъ Лаврина Войны, Квасовскаго державцы, и Якуба Лашковскаго,—людей весьма опытныхъ въ провѣркѣ правъ на землю. По пріѣздѣ на мѣсто, комиссія объѣхала господарскія пущи и опрашивала осочниковъ и другихъ господарскихъ подданныхъ относительно «уходовъ Воловичей и правъ ихъ на бортныя деревья и озера». Опросъ свидѣтелей показалъ, что Воловичи «стародавна» имѣютъ право на входы въ пущи [109]). О результатахъ своего разслѣдованія комиссія довела до свѣдѣнія господаря, а собственникъ получилъ отъ комиссаровъ особый листъ, удостовѣрявшій право его на входы въ пущи. Вышеназванная комиссія не только провѣряла права однихъ Воловичей. Ревизія правъ коснулась и другихъ землевладѣльцевъ. Однако, недоразумѣнія съ лѣсничими не прекратились и послѣ этой «ревизіи». Тогда дворянину оставалось снова «набѣгать» къ господарю съ представленіемъ комиссарскихъ листовъ, просить его о листѣ на имя мѣстнаго державцы о невчиненіи послѣднимъ препятствій. Такъ Гродненскій лѣсничій Янъ Витковскій не считался съ ревизіей ксендза Пильховскаго и его товарищей и отнялъ у дворянина Богдана Влека «входы стародавные, древо бортное и сенокошеніе». Тотъ обратился съ комиссарскими листами къ господарю, который немедленно отправилъ на имя лѣсничаго соотвѣтствующій листъ [110]). Незаконныя дѣйствія лѣсничихъ, по всей вѣроятности, причиняли не мало убытковъ частнымъ лицамъ, обра-

[109]) К. З. LII. л. 2; XLVIII, л. 244.
[110]) К. З. LII, л. 29.

щавшимся къ господарю съ просьбой объ ихъ удовлетвореніи. Надо думать, что если соотвѣтствующее разбирательство подтверждало правильность иска, то мѣстный лѣсничій былъ обязанъ удовлетворить всѣ убытки. По крайней мѣрѣ, Димитрій Сонѣга, справца лѣсничества Слонимскаго. Лысковскаго и Межирецкаго, долженъ былъ уплатить всѣ убытки, понесенные служебникомъ Станиславомъ Комановскимъ [111]). Разслѣдованіе о правахъ на входы въ пущи производилось также на мѣстѣ самими лѣсничими. Такъ Бѣловѣжскому и Каменецкому лѣсничему Станиславу Трояновскому было поручено провѣрить права каштеляна Браславскаго кн. Андрея Капусты на входы. Если разслѣдованіе показало бы справедливость требованій Капусты, то лѣсничій долженъ былъ «не заборонять» пользоваться входами «до кошенья сена и лаженья древа бортного» [112]). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже не требовалось предварительнаго разслѣдованія о правѣ земянина на входы въ пущи, если послѣдній представлялъ соотвѣтствующіе господарскіе листы, на основаніи которыхъ господарь могъ издать распоряженіе о нечиненіи препятствій въ пущѣ, не беря предварительно никакихъ справокъ у лѣсничаго [113]).

Частные собственники недостаточно страдали и отъ недоразумѣній съ господарскими подданными, захватывавшими землю сосѣдей и причинявшими имъ немало убытковъ [114]). Помимо просьбы о господарскомъ распоряженіи о прекращеніи набѣговъ, пострадавшій могъ ходатайствовать о возвращеніи ему, понесенныхъ имъ, убытковъ.

Приводя въ извѣстность свои пущи, господарь стремился также разбить на волоки нѣкоторыя пущи и такимъ образомъ перейти къ сельско-хозяйственной культурѣ. По всей вѣроятности, это прежде всего дѣлалось тамъ, гдѣ оказывались свободныя отъ лѣса пространства, благодаря усиленной эксплоатаціи пущъ. Забота объ осаженіи селъ лежала на лѣсничемъ. Осѣвшіе крестьяне въ такихъ случаяхъ получали обыкновенную льготу въ платежахъ и несеніи повинностей [115]). Однако и по истеченіи льготнаго срока, новоселы иногда платили меньше, чѣмъ слѣдовало. Для этой цѣли было необходимо возбудить особое челобитіе и имѣть для этого законное

[111]) К. З. LII, л. 30.
[112]) К. З. LII, л. 49.
[113]) К. З. XLIII, л. 6.
[114]) К. З. LII, л. 125.
[115]) К. З. LII, л. 39, 49.

основаніе. Воляне лѣсничества Бѣльскаго хлопотали о полномъ освобожденіи ихъ отъ платежа чинша, благодаря постигшему ихъ градобитію. Правительство сначала отпустило имъ только треть чинша и затѣмъ довольно скоро по другому распоряженію отпупустило имъ половину чинша, очевидно собравъ достаточныя свѣдѣнія отъ лѣсничаго [116]). Иногда воляне, высидѣвъ льготу, хлопотали о продолженіи ея въ виду неустроенности ихъ хозяйства. Воляне лѣсничества Каменецкаго, указывая, что волоки еще недостаточно ими разобраны, и къ тому же случившимся градобитіемъ уничтоженъ весь урожай, просили, «абы ласку вчинили, а въ чинше и въ иныхъ поданняхъ яку фольгу вчинили». Правительство пошло навстрѣчу желаніямъ населенія и освободило его отъ платежа половины чинша [117]). О различныхъ льготахъ обращались къ господарю и отдѣльные подданные. Господарскій подданный Кандидка взялъ въ Перступьской пущѣ застѣнокъ въ количествѣ двухъ волокъ съ льготой въ плажахъ въ теченіе трехъ лѣтъ. Подданный выяснилъ, что втеченіе указаннаго времени онъ не можетъ его «разробить» и потому не въ состояніи «по высѣданіи воли» нести положенныя повинности. Поэтому онъ обратился къ господарю съ просьбой дать ему застѣнокъ на голомъ чиншѣ. Господарь, справившись у лѣсничаго о томъ, что застѣнокъ, окруженный со всѣхъ сторонъ частными волоками, не можетъ быть использованъ для нуждъ скарба, удовлетворилъ просьбу челобитчика, заставивъ его платить голый чиншъ въ количествѣ одной копы съ грошемъ [118]). Станиславъ Гуменскій взялъ въ лѣсничествѣ Перступьскомъ застѣнокъ, который оказалось невозможнымъ разбить на три поля. Подданный обратился къ господарю съ просьбой объ оставленіи его за нимъ «по высѣданіи воли» подъ условіемъ платежа «голаго чинша» [119]). Иногда случалось какому нибудь шляхтичу, благодаря, «убожеству», сѣсть на волоки и нести стрѣлецкую службу. Конечно, такое положеніе не улыбалось шляхтичу, и, естественно, онъ обращался къ господарю съ челобитіемъ, чтобы такія волоки оставили при немъ на службѣ земской [120]).

Принятая господаремъ лѣсная хозяйственная политика особенно безпокоила Жмудскую шляхту, которая на Виленскомъ сеймѣ

[116]) К. З. LII, л. 42—43.
[117]) К. З. LII, л. 56.
[118]) К. З. LII, л. 57.
[119]) К. З. LIII, л. 21.
[120]) К. З. LVIII, л. 99—100.

19 іюня 1563 г. выступила со своими жалобами. Новаго въ нихъ нѣтъ ничего въ сравненіи съ жалобами, подаваемыми на сеймахъ до 1559 г. Шляхта просила господаря, чтобы «въ пущахъ, где здавна была вольность брати дерево на будованье и на иные потребы домовые, абы и теперь не заборонено было». При этомъ челобитчики ссылались на листы и привилеи Сигизмунда I. Благодаря производству земельной реформы, пущи оказались разбитыми на волоки и отданы тивунамъ, которые мѣшали шляхтичамъ брать дерево для своихъ «потребъ». Помимо этого, жалобщики указывали, что господарскіе лѣсничіе, объѣзжая пущи, грабятъ ихъ самихъ и ихъ подданныхъ и «зубоженіе великое имъ чинятъ», вопреки ихъ вольностямъ и господарскимъ привилеямъ. На этомъ основаніи жмудскіе шляхтичи просили господаря послать лѣсничимъ соотвѣтствующіе листы, чтобы они уѣхали изъ Жмуди за Нѣманъ, гдѣ бы и «пилновали», такъ какъ въ данномъ мѣстѣ находятся господарскіе ловы. Наконецъ, шляхта, ссылаясь на привилеи просила подтвержденія правъ свободной ловли рыбы въ озерахъ и рѣкахъ, такъ какъ «господару его милости пожитку съ того никотораго нетъ».

Жмудская шляхта выступила въ тяжелый моментъ жизни Литовско-Русскаго государства. И Сигизмунду пришлось уступить, категорически заявивъ, что «водле привильевъ вашихъ и его королевское милости славное памети листовъ папа отца своего», обыватели Жмудской земли сохраняютъ свободный въѣздъ въ пущи по дрова и дерево «на будованье на власную потребу вашу вамъ самимъ и поданнымъ вашимъ». Удовлетворена была просьба шляхты и «о вольномъ уступѣ до озеръ и береговъ речныхъ для ловенья рыбы», если дѣйствительно раньше всѣмъ этимъ они пользовались «подле привильевъ и старыхъ вольностей». И въ то же время шляхтѣ было категорически заявлено, что никакая разработка лѣсныхъ товаровъ нигдѣ не будетъ допущена. Правда, шляхта въ своихъ челобитіяхъ такъ опредѣленно не ставила вопроса, но господарь понялъ ея затаенную цѣль и въ своемъ отвѣтѣ положилъ конецъ хозяйственнымъ мечтаніямъ жмудской шляхты[121]).

Подведемъ итоги. Въ ранній періодъ исторіи Литовско-Русскаго государства лѣса не составляли княжеской регаліи.

Въ господарскія пущи имѣли по старинѣ право входа многіе

---

[121]) Д. А. М. Ю. I, стр. 153.

землевладѣльцы, мѣщане, господарскіе крестьяне, и это сначала со стороны правительства не вызывало никакихъ возраженій.

Право входа въ господарскія пущи съ теченіемъ времени давалось посредствомъ пожалованія.

Съ начала XVI в. начинается интенсивная эксплоатація правительствомъ лѣсныхъ богатствъ.

Техника хозяйства примитивна: правительство или за свой счетъ эксплоатируетъ, или отдаетъ разработку лѣсныхъ богатствъ частнымъ предпринимателямъ.

Отдача господарскихъ пущъ для эксплоатаціи частнымъ лицамъ привела къ разнаго рода злоупотребленіямъ, и правительству пришлось принять рядъ мѣръ къ охранѣ интересовъ господарскаго скарба.

Невозможность систематическаго контроля и убыточность для интересовъ скарба и частныхъ владѣльцевъ частной иниціативы по сплаву заграницу лѣсныхъ товаровъ привели къ установленію монополіи на лѣсную торговлю.

Однако введеніе монополіи вызвало большое неудовольствіе въ шляхетскомъ сословіи. Жмудская шляхта находила, что правительство произвольно стѣсняетъ право ея входа въ господарскія пущи, а обще-литовская шляхта требовала отмѣны монополіи и безмытной для шляхты торговли.

Просьбы шляхты были удовлетворены только отчасти: шляхта могла свободно отправлять заграницу свои лѣсные товары, разработанные на свой собственный счетъ, и, кромѣ того, съ 1559 г. за вывезенный собственный лѣсной товаръ шляхта не платила никакихъ пошлинъ.

Ненормальности въ постановкѣ лѣсного хозяйства, возможныя при этомъ злоупотребленія, захватъ пущъ частными землевладѣльцами — заставили правительство приступить къ систематическому описанію всѣхъ великокняжескихъ пущъ и звѣриныхъ переходовъ.

Предпринятая ревизія преслѣдовала: 1) опредѣленіе границъ господарскихъ пущъ и звѣриныхъ лововъ; 2) выясненіе объема правъ частныхъ лицъ на входы и уступы въ лѣсахъ; 3) оцѣнку той охраны, которая до сихъ поръ примѣнялась по отношенію къ лѣсамъ; 4) выясненіе условій, при которыхъ господарскія пущи могли бы эксплоатироваться безъ шкоды для господарскаго скарба.

При производствѣ ревизіи Воловичу оказали существенную помощь осочники, бортники, данники и другіе разряды господарскихъ крестьянъ.

Производство ревизіи обнаружило довольно свободное обращеніе съ господарскими пущами со стороны лицъ, не имѣвшихъ на это никакого права.

При производствѣ ревизіи приходилось провѣрять права частныхъ лицъ на земли и входы въ пущи.

Представляемые при этомъ документы были разнообразнаго характера, но не малое количество лицъ не представило никакихъ документовъ, и ссылка на давность являлась только единственнымъ основаніемъ для владѣнія господарскимъ имуществомъ.

При производствѣ ревизіи пущъ и переходовъ въ интересахъ господарскаго скарба отписывались на господаря частновладѣльческія озера, находившіяся въ господарскихъ лѣсахъ, а также приписывались къ господарской пущѣ близъ лежащіе частновладѣльческіе дворы, при чемъ владѣльцы соотвѣтствующихъ угодьевъ и земель получали соотвѣтствующія отмѣны и замѣны.

Первоначальная организація управленія лѣсами носила довольно примитивный характеръ. Задачи управленія сводились только къ внѣшнему надзору и охранѣ господарскихъ пущъ.

Лѣсной уставъ имѣлъ цѣлью болѣе удовлетворительно организовать контроль надъ господарскими пущами и лѣснымъ хозяйствомъ.

Господарскіе лѣсничіе назначались пожизненно самимъ господаремъ. Иногда сами шляхтичи хлопотали о полученіи должности лѣсничаго.

Лѣсничіе были только въ тѣхъ пущахъ, гдѣ можно было «на выхованье» отвести девять волокъ.

Послѣ ревизіи лѣсное хозяйство велось по разному: правительство держалось системы порученій, сдачи нѣкоторыхъ пущъ частнымъ предпринимателямъ, или поручало разработку пущъ въ какойнибудь мѣстности одному лицу.

Принятая система лѣсного хозяйства теоретически не допускала отчужденія пущъ въ частныя руки. На дѣлѣ же это нарушалось. Иногда, при отдачѣ въ заставу государскихъ дворовъ, господарскія «прилеглыя» пущи не входили въ составъ заставнаго владѣнія.

Послѣ введенія уставы, правительство продолжало провѣрять права шляхты на входы и уступы. Иногда сами шляхтичи хлопотали о подтвержденіи своихъ правъ, чтобы освободиться отъ малозаконныхъ дѣйствій администраціи.

Хозяйственныя мѣропріятія литовско-русскаго правительства побудили жмудскую шляхту подать челобитье на Виленскомъ сеймѣ 1563 г., о сохраненіи въ неприкосновенности ея правъ на входы въ лѣса. Шляхта добилась подтвердительно согласія господаря, но въ основномъ вопросѣ ее постигла неудача: право эксплоатаціи господарскихъ пущъ осталось исключительно привилегіей скарба. Частнымъ лицамъ такая эксплоатація строжайше запрещалась.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Первая половина XVI вѣка была тяжелымъ моментомъ въ жизни Литовско-Русскаго государства. Съ двухъ сторонъ границы государства подвергались непрерывному натиску. Москва всею своею тяжестью насѣдала на Литву и, временами оказывая серьезное давленіе, заставляла литовско-русское правительство переживать весьма непріятные мѣсяцы и годы. Иногда натискъ ослабѣвалъ. Москва по внѣшности дѣлала кое-какія весьма незначительныя уступки, чтобы впослѣдствіи съ новой силой и прежней настойчивостью двинуться противъ своего сосѣда.

И татары своими постоянными наѣздами тревожили «украинныя» мѣста. Борьба съ неуловимымъ степнымъ хищникомъ была не подъ силу литовско-русскому правительству. Границы государства оставались почти безъ всякой систематической обороны. И правительству приходилось задобривать Перекопскаго хана и посылать ему почти ежегодно дорого стоющіе упоминки.

Борьба съ Москвой и отношенія къ татарамъ потребовали весьма сильнаго напряженія господарскаго скарба. Между тѣмъ состояніе послѣдняго было далеко не блестящимъ. Текущія поступленія оказывались совершенно недостаточными для удовлетворенія стоявшихъ на очереди потребностей. Правительство было вынуждено прибѣгать къ экстреннымъ сборамъ, но послѣдніе оказывались уже недостаточными. Убѣдившись въ невозможности пополнить скарбъ текущими поступленіями и экстренными податками, литовско-русское правительство обратило особенное вниманіе на господарскіе дворы и волости, какъ главные источники скарбовыхъ доходныхъ статей.

Литовско-Русское государство уже въ XV вѣкѣ вело весьма оживленную торговлю съ своими сосѣдями. Но къ концу XV вѣка два торговыхъ направленія: сѣверо-восточное и крымско-днѣпровское потеряли свою силу и значеніе. Одновременно усиливался товаро-

обмѣнъ съ Западной Европой, и въ первой половинѣ XVI вѣка послѣдній пріобрѣлъ доминирующее значеніе. Хозяйственная жизнь Литовско-Русскаго государства была крѣпкими нитями связана съ Западной Европой.

Направленіе внѣшнихъ торговыхъ путей и развитіе заграничнаго товаро-обмѣна оказали извѣстное воздѣйствіе на экономическую политику литовско-русскаго правительства. Насажденіе въ Литвѣ магдебурскаго права и его распространеніе на главные торговые центры, предоставленіе отдѣльнымъ городамъ права на безмытную торговлю по всей территоріи Литовско-Русскаго государства имѣли въ виду оживленіе какъ внутренняго, такъ и внѣшняго товаро-обмѣна. Но такая пассивная экономическая политика была цѣлесообразна только первое время пока неустановились и не окрѣпли торговыя связи. Съ развитіемъ товаро-обмѣна таможенныя льготы и преимущества становились для государства убыточными, и интересы послѣдняго требовали ихъ отмѣны. И правительству приходилось радикально измѣнить направленіе своей таможенной политики. Лишенное возможности отмѣнить привилегіи иммунистовъ, правительство опубликовало новый таможенный тарифъ, дѣйствіе котораго распространялось и на старыхъ иммунистовъ.

Экономическая политика литовско-русскаго правительства вызывала со стороны литовско-русской шляхты вполнѣ отрицательное отношеніе. Желая ея измѣненія, шляхта на сеймахъ пятидесятыхъ—шестидесятыхъ годовъ добилась существенныхъ льготъ, которыя въ значительной степени должны были уменьшить таможенныя поступленія въ господарскій скарбъ.

Стѣсненное положеніе господарскаго скарба заставило литовско-русское правительство позаботиться объ увеличеніи производительности господарскаго двороваго хозяйства въ цѣляхъ поднятія его доходности. Прежняя хозяйственная политика, когда хозяйство велось, а подати собирались по старинѣ, въ началѣ XVI вѣка не могла удовлетворить литовско-русское правительство. Она нуждалась въ радикальной перемѣнѣ, но правительство не сразу рѣшилось на разрывъ со стариной. Хозяйственныя уставы первой половины XVI вѣка не столько были руководствомъ для веденія болѣе интенсивнаго сельскаго хозяйства, сколько наказами для провинціальныхъ администраторовъ, регулировавшими ихъ дѣятельность по завѣдыванію господарскими дворами и опредѣлявшими повинностныя отношенія населенія, какъ къ господарскому скарбу, такъ и къ самимъ врадникамъ.

формы крестьянскаго землевладѣнія оставались въ неприкосновенности. Эта характеристика хозяйственныхъ уставъ одинаково примѣнима, какъ по отношенію къ западнымъ, такъ и восточнымъ волостямъ.

Итоги такой хозяйственной политики были довольно печальны, но за то ея неудача отчетливо указывала на необходимость постановки всего двороваго хозяйства на совершенно иныхъ основаніяхъ. Аграрная реформа второй половины XVI вѣка и должна была удовлетворить этому требованію, подсказанному самой жизнью. Благопріятная экономическая конъюнктура, усиленіе товаро-обмѣна съ Западной Европой, покупавшей литовско-русское сырье, заставляло правительство не медлить съ реформой.

Аграрныя мѣропріятія Сигизмунда-Августа нанесли рѣшительный ударъ старинѣ. Они уничтожили старыя формы крестьянскаго землевладѣнія и землепользованія. Они фиксировали повинности населенія по отношенію къ господарскому скарбу. Они пытались подъ вліяніемъ создавшейся для княжества весьма благопріятной экономической конъюнктуры увеличить производительность двороваго хозяйства.

Попытки создать новыя аграрныя отношенія въ отдѣльныхъ дворахъ предпринимались правительствомъ еще при Сигизмундѣ I. Но систематическія аграрныя мѣропріятія стали предметомъ исключительнаго вниманія правительства не раньше начала второй половины XVI вѣка. Первоначально аграрная реформа только коснулась западныхъ волостей, и къ 1569 г. главные дворы были измѣрены на волоки. Въ восточныхъ волостяхъ пока ограничились только установленіемъ платовъ, а волочное измѣреніе началось не раньше конца XVI вѣка.

Аграрная реформа Сигизмунда-Августа выдвинула на очередь и вопросъ объ измѣненіи постановки лѣсного хозяйства, продукты котораго сплавлялись за границу, къ Гданску. Описаніе лѣсныхъ пущъ и звѣриныхъ переходовъ, предпринятое литовско-русскимъ правительствомъ, и изданіе лѣсного устава являлись естественнымъ слѣдствіемъ плановъ правительства по упорядоченію лѣсного дѣла.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Предисловіе . . . . V—VI

Введеніе . . . .

Аграрная реформа въ исторической литературѣ. Изслѣдованія Чацкаго, Ярошевича, Новицкаго, Владимирскаго—Буданова, М. В. Довнаръ—Запольскаго, М. К. Любавскаго, Н. Г. Бережкова и М. С. Грушевскаго. 1—16

I. Литовское—Русское государство наканунѣ аграрной реформы . . . . 16—211

I. Внѣшняя политика и господарскіе финансы.

Внѣшнее положеніе Литвы къ началу XVI вѣка. Перемиріе съ Москвой въ 1503 году. Москва и Литва при Сигизмундѣ I. Москва и Литва въ началѣ правленія Сигизмунда II. Татаро-литовскія отношенія въ первой половинѣ XVI вѣка. Состояніе господарскаго скарба въ первой четверти XVI столѣтія. Мѣры къ его наполненію. Сборъ серебщины 1522 г. Экстренный налогъ 1529 г. Серебщины во второй четверти XVI вѣка. Отношеніе шляхты къ сбору серебщины. Серебщина 1552 года. Разореніе шляхты и необходимость новыхъ источниковъ доходовъ. Увеличеніе производительности господарскихъ имѣній—единственное раціональное средство для увеличенія скарбовыхъ поступленій . . . . 17—46

II. Внѣшніе торговые пути и торговля въ Литовско-Русскомъ государствѣ въ первой половинѣ XVI вѣка.

Торговыя дороги въ XVI вѣкѣ. Торговля съ Крымомъ. Торговля съ Новгородомъ и сѣверо-восточной Русью. Западная и сѣверо-западная торговля. Предметы вывоза и ввоза. Преобладающее значеніе западной и сѣверо-западной торговли. Вліяніе торговли на народное хозяйство. 46—49

III. Экономическая политика литовско-русскаго правительства въ первой половинѣ XVI вѣка и отношеніе къ ней литовско-русской шляхты.

Общій характеръ литовско-русской торговой политики въ первой половинѣ XVI вѣка. Появленіе въ Литвѣ магдебурскаго права. Привилеи Вильны на магдебурское право. Экономической ростъ Вильны. Экономическое состояніе Берестья, Ковны и Гродны. Магдебурское право въ По-

Стран.

лоцкѣ и Минскѣ. Дарованіе привилегій Кіеву. Отказъ правительства отъ пассивной торговой политики. Таможенная политика. Шляхетскіе привилеи и экономическое положеніе шляхты. Накопленіе капиталовъ въ средѣ литовско-русской знати. Литовско-русская шляхта и новая экономическая конъюнктура. Сеймовыя выступленія шляхты и борьба за измѣненіе принциповъ экономической политики литовско-русскаго правительства. 70—99

IV. Хозяйственная политика до введенія аграрной реформы.

Западныя волости. Устава 1514 года. Городенская устава 1514 года. Сельское населеніе и господарская устава. Устава 1529 года, Сравненіе ея съ уставой 1514 года. Хозяйственныя цѣли уставы. Рабочая сила господарскаго хозяйства и повинностное ея положеніе. Дѣятельность державцы и его доходныя статьи. Отступленія самого правительства отъ началъ уставы 1529 года. Устава замковъ, державъ и дворцовъ. Общій характеръ дворцоваго хозяйства. Рабочая сила хозяйства. Организація контроля. Дѣятельность державцы. Повинности волостного населенія. Отвѣтственность державцы. Жмудь. Финансовая эксплоатація населенія до введенія уставы 1527 г. Задачи и цѣли уставы 1527 года. Уставы 1529 и 1530 годовъ. Отношеніе къ нимъ населенія. Недоразумѣнія волостного населенія съ администраціей. Значеніе уставы 1529 года. Восточныя волости. Волостная старина и отношеніе къ ней правительства. Хозяйственное положеніе Поднѣпрскихъ и Подвинскихъ волостей. Злоупотребленія мозырскихъ намѣстниковъ. Устава мозырскимъ намѣстникамъ 1510 г. Недоразумѣнія волостного населенія съ администраціею и отношеніе къ нимъ правительства. Общій характеръ опубликованныхъ уставъ до 1534 года и послѣ этого года. Повинностное положеніе населенія согласно уставамъ . . . . 100—168

V. Господарскіе дворы въ западныхъ и восточныхъ волостяхъ въ дореформенную эпоху.

Составъ господарскихъ дворовъ. Дворовыя строенія. Дворовыя пашни. Дворовые огороды. Дворовыя сѣножати. Дворовый лѣсъ. Доходныя и бездоходныя земли. Техника хозяйства. Дворовое скотоводство. Дополнительныя доходныя статьи. Челядь невольная и ея значеніе для дворового хозяйства. Содержаніе челяди невольной. Количественный составъ челяди невольной при господарскихъ дворахъ. Освобожденіе отъ невольничества. Огородники. Тяглые люди и ихъ значеніе для дворового хозяйства. Повинности и платежи тяглаго населенія. Крестьянское тяглое хозяйство. Крестьянская служба и размѣръ крестьянскихъ земельныхъ участковъ. Осадные люди. Вопросъ о правахъ крестьянъ на землю въ первой половинѣ XVI вѣка. Крестьяне-промышленники и ремесленники. Надѣлы и повинности ихъ. Крестьяне—данники. Замковые слуги. Бояре—ихъ составъ и происхожденіе. Юридическое ихъ положеніе. Боярскія права на землю. Боярскія челобитія . . . . 169—211

Стран.

II. Производство аграрной реформы. . . . . 211—322

I. Устава о волокахъ.

Общій ея характеръ. Устава—экономическій трактатъ съ практическимъ оттѣнкомъ. Недостатки уставы. Централизація аграрной реформы. Дѣятели реформы: ревизоры и ихъ помощники—мѣрники. Обязанности тѣхъ и другихъ. Земли, подлежавшія измѣренію. Отмѣна и пріемы ея назначенія. Разрѣшеніе недоразумѣній съ отмѣной. Фольварочное хозяйство. Обязанности урядника по веденію господарскаго хозяйства. Вознагражденіе его. Крестьяне, приписанные къ фольварочной пашнѣ. Фольварочный скотъ. Господарское коннозаводство. Господарскіе огороды и дворовыя сѣножати. Разряды сельскаго населенія. Повинности ихъ и земельныя надѣлы. Административное дѣленіе волостей. Войтъ, лавники и ихъ обязанности. Уплата денегъ съ державъ въ скарбъ и отчетность по пріему денегъ. Мѣста. Повинности съ мѣщанскихъ волокъ. Мѣры къ огражденію лѣсного хозяйства. Устава о подводной повинности. Поравненіе грунтовъ. Бобруйская устава 1637 года. Обязанности старостинскаго уряда. Обязанности сельской администраціи. Повинности сельскаго населенія. Порядокъ уплаты податковъ и наказанія за уклоненіе отъ нихъ. Наказаніе за прогульные дни. Промысловыя занятія населенія. Мѣры полицейскаго характера. Право крестьянскаго выхода. Судъ копы. 211—248

II. Что такое „волока".

Литовская волока соотвѣтствуетъ польскому лану. Мнѣнія изслѣдователей о размѣрахъ волоки. Устава на волоки. Величина волоки при осуществленіи аграрной реформы. Итоги наблюденій . . . . 249—257

III. Ходъ реформы.

Роль провинціальной администраціи при производствѣ аграрной реформы. Обязанности волостного населенія. Описаніе городовъ, дворовъ и волостей. Производство реформы въ Троцкомъ воеводствѣ. Аграрная реформа въ Виленскомъ воеводствѣ и Жмудскомъ староствѣ. Аграрныя мѣропріятія въ русскихъ волостяхъ . . . . 258—286

IV. Аграрная реформа и лѣсное хозяйство.

Состояніе лѣсного хозяйства до начала XVI вѣка. Веденіе лѣсного хозяйства въ первой половинѣ XVI вѣка. Описаніе пущъ и звѣриныхъ переходовъ. Новая организація управленія господарскими пущами. Система лѣсного хозяйства послѣ производства земельной реформы . . . . 286—322

Заключеніе . . . . 322—325

Замѣченныя ошибки и опечатки.

Стр.	*Строка*	*Напечатано*	*Слѣдуетъ*
2	15 снизу	положеніе	положенія
5	4 „	Государственное хозяйство при Ягеллонахъ	Государственное хозяйство Великаго Княжества Литовскаго при Ягеллонахъ
6	примѣчаніе 13	Государственное хозяйство при Ягеллонахъ	Государственное хозяйство Великаго Княжества Литовскаго при Ягеллонахъ
23	9 сверху	Ислама Саипъ-Гирей	Ислама, Саипъ-Гирей,
29	примѣчаніе 33	литовскія упоминки	литовскіе упоминки
30	14 сверху	ежегодныя упоминки	ежегодные упоминки
32	7 „	воіна	война
36	15 „	всегда	только
49	4 „	съ Вышгородскимъ	съ вышгородскимъ
49	5 „	Мыто Брянское	Мыто брянское
49	19 „	Михалономъ Л.	Михалономъ Литвиномъ
50	4 „	Коневъ	Каневъ
51	примѣчаніе 18	Nrbut	Narbut
55	11 снизу	товары	товаровъ
63	примѣчаніе 68	Мемуары, отн. къ ист. юж. россіи	Мемуары, отн. къ ист. южной Россіи
69	6 снизу	Доминирующее положеніе	Доминирующее значеніе
80	17 „	лѣснаго	лѣсного
81	8 „	таможенныя	таможенные
103	14 сверху	„стацій,	„стацій“
107	3 „	Александра I	Александра
109	примѣчаніе 13	Ак. Л. Г.	Акты Лит. Русск. Госуд.
121	11 снизу	pilnicysne	pilnicysze
122	2 сверху	дѣятельность	дѣятельностью
135	7 снизу	на Жмуди	на Жмудь
136	3 „	падавшія	падавшіе
163	примѣчаніе 38	Акты Л. Р. Г.	Акты Лит. Русск. Госуд.
176	заглавіе	Составъ населенія господарскихъ дворовъ и волостей	
188	примѣчаніе 61	Авраамъ Езофовочъ	Авраамъ Езофовичъ
203	9 снизу	Мадельскаго	Мядельскаго
205	примѣчаніе 64	Пол. Ревизія	Полоцкая Ревизія
206	примѣчаніе 81	А. Лит.-Русск. Госуд.	Акты Лит.-Русск. Госуд.
207	примѣчаніе 82	А. Лит.-Русск. Госуд.	Акты Лит.-Русск. Госуд.
207	примѣчаніе 83	Монографія	Монографіи
208	4 сверху	хорунжіе	хоружіе

215	3 сверху	По уставѣ, хотя	Хотя по уставѣ
216	12 снизу	и цѣлесообразность	а также и цѣлесообразность
234	16 сверху	скарбные писаря	скарбные писари
V —	6 снизу	Очеркахъ по исторіи	Очеркахъ по
240	2 снизу	1637	1639
241	2 сверху	1633	1639
241	11 —	1637	1639
241	16	1677	1639
241	21	1637	1639
243	9	1637	1639
249	примѣчаніе 1	Olnach w Polsce	O łonach w Polsce
274	16 сверху	Геронони̂ъ	Гераноніъ
275	4 „	Геронами	Гераноннами

9 р